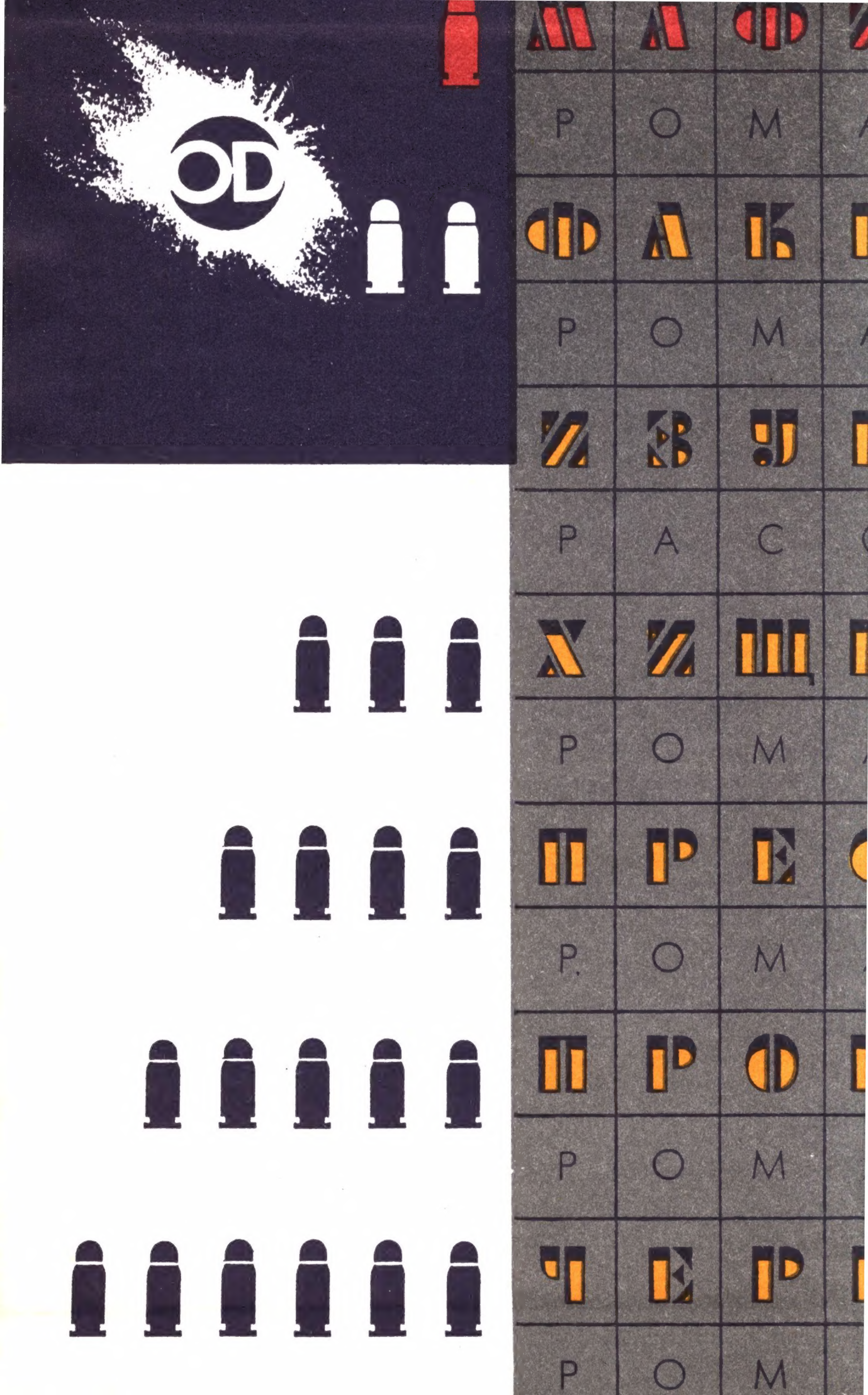
А. БЕЗУГЛОВ

Мафия

OD
Р О М
Р О М
Р А С
Р О М
Р О М
Р О М
Р О М

Я							
Н							
А		С	А	Т	А	Н	Ы
Н							
Е	Р						
К	А	З					
И	Ь	И					
Н							
Т	У	П	Н	И	Ь	И	
Н							
У	Р	Ф	Р				
Н							
А	Я		В	Д	Ф	В	А
Н							

ОБОЙМА
ДЕТЕКТИВОВ

ОБОЙМА
ДЕТЕКТИВОВ

Анатолий Безуглов

Мафия

(исповедь прокурора)

Москва
1993

ББК 84.Р7
Б 40

Безуглов А.А.

Мафия. — М.: «Эрго-Пресс», 1993. — 320 с.

ISBN 5-87081-001-9

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Южноморск изнывал от жары. Все — коренные жители и курортники — стремились к спасительной воде, на пляжи, напоминающие вавилонское столпотворение.

К морю направлялась и неприметная с виду «Волга», в которой помимо водителя находилось еще трое мужчин. Однако купание их не интересовало. Вырвавшись на окраину города, машина помчалась вдоль крутого, обрывистого берега, заросшего буйной субтропической растительностью. Места тут были дивные и безлюдные. И уж вовсе сказочным видением открывался вдруг взору небольшой замок с башенками, неведомо как прилепившийся к скале, омываемой теплыми волнами.

Уменьшенная копия дворца была кооперативным рестораном и называлась «Воздушный замок»...

— Все запомнили, мужики?— спросил у пассажиров водитель.

— Об чем речь, Сэр,— усмехнулся тот, что сидел рядом.— Чай, не впервые замужем.

Сэр — а это была кличка шофера — и впрямь выглядел как английский джентльмен: стройный, спортивный, с интеллигентной внешностью.

— Повторенье — мать ученья,— оборвал он сурово и, повернувшись к сидящим сзади, продолжил: — Ты, Муха, сразу в зал. Борода управится с телефоном — и туда же...

Названный Мухой никак не походил на крошеч-

ное летающее насекомое — косая сажень в плечах. Под стать ему был и Борода. Оба молча кивнули.

— Ну а ты, Боцман,— закончил водитель, обращаясь к сидящему рядом,— появишься у Сурена ровно через десять минут.

— Доставим сюрприз минута в минуту,— осклабился Боцман

Он был самым здоровенным из всех.

«Волга» свернула к «Воздушному замку». Водитель надел темные очки, закрывавшие пол-лица. Его примеру последовали остальные.

Как только Сэр заглушил двигатель, к машине устремился сторож платной стоянки. Старик, но еще довольно крепкий. Он заметно припадал на одну ногу. Лацкан его пиджака украшал орден Отечественной войны. Для придания, видимо, солидности и надежности охраняемому им объекту.

— Пожалуйте свой лимузин к нам,— вежливо показал сторож на огороженную площадку.— Как говорится, береженого бог бережет...

— Спасибо, папаша, сами обережемся,— так же вежливо ответил Сэр.— Да и ненадолго мы.

— Ненадолго, сынок, не получится,— усмехнулся бывший вояка.— От нас не хотят уходить, пока не закроемся...

В обязанности сторожа, наверное, входила и реклама ресторана.

Приехавшие больше не обращали на старика никакого внимания, и он заковылял на свой пост — в будочку у ворот стоянки.

На ней находилось десятка полтора машин, что говорило о немалом наплыве посетителей. Хотя, глядя на игрушечный дворец, трудно было предположить, что ресторан работал,— наглухо закрытые окна и двери, ни единого звука не доносилось изнутри. Вокруг стояла тишина, нарушаемая лишь стрекотанием цикад и шепотом прибоя.

Боцман остался в «Волге», а Сэр, Муха и Борода направились в «Воздушный замок».

Всякого, кто заходил туда, поражал контраст — снаружи яркий душный день, а здесь прохлада, уютный полумрак и негромкая музыка, которая не могла пробиться на волю сквозь толстые стены зала, декорированного под волшебное подземелье Тут словно царила вечная ночь.

На небольшой эстраде «а-ля грот» в голубом сиянии несколько девушек кружились в восточном танце. Стройные молодые тела, почти ничем не прикрытые, изгибались в такт томной мелодии, зачаровывая своей грацией и чувственностью.

Муха, занявший пустой столик, так и раскрыл рот от этакого зрелища. Но очень скоро к нему присоединился Борода и ткнул приятеля в бок...

Завораживающий ритм, созерцание юных красавиц, пряные блюда, выпитое вино и полумрак создавали обстановку интима, порождая вполне определенные желания.

Весь зал отдался кайфу, который, казалось, ничем нельзя было прервать.

И вдруг нега и наслаждение разлетелись в клочья — то упала официантка, с грохотом уронив поднос. Во все стороны разлетелись тарелки с купатами, долмой, шашлыком, салатами. В довершение всего разорвалась, как бомба, бутылка шампанского, обдав ближайшие столики пенной влагой и осколками стекла. Сидевшие за ними мужчины вскочили с мест, раздался женский визг.

К месту происшествия бросился метрдотель.

— Он специально!— завопила поднявшаяся с пола официантка, тыча пальцем в Муху.— Он ногу подставил!..

Разъяренный метрдотель бросился на виновника, но от могучего удара Бороды отлетел на несколько шагов, сбивая по пути столики и посетителей. На помощь подбежал один из официантов, однако был встречен пудовым кулаком Мухи и, падая, увлек за собой еще один столик. Двое мужчин, возмущенные тем, что остались без своей шикарной еды и питья, решили наказать дебошира, но вмиг очутились на полу

В драку ввязывались все новые и новые люди, так что через минуту зал напоминал сцену из американского кинобоевика: звенела разбитая посуда, с треском разлетались стулья, хукали глухие удары, слышались стоны, вопли и визг. Кто кого бил, понять уже было невозможно.

Не хватало только револьверных выстрелов.

Тем временем Сэр находился в кабинете директора «Воздушного замка» Сурена Ованесовича Карапетяна.

— Я ведь при первой нашей встрече предупреж-

дал, дорогой Сурен,— с укоризной качал головой «джентльмен».— Не согласишься — повторим представление...

Карапетян, бледный, с каплями пота на лбу, прижимал к груди трясущиеся руки:

— Где я возьму десять тысяч?

— Уже не десять, а двадцать,— поправил Сэр.

— Тогда ты говорил — десять...

— Плюс штраф,— развел руками «гость».— А в следующий раз будет сорок... Не считая, разумеется, пяти тысяч, которые ты будешь отстегивать нам ежемесячно... И заживешь как у Христа за пазухой.

— Ну поймите, нету!— оправдывался Карапетян, вздрагивая от грохота баталии, доносившегося из-за двери.— Все свои сбережения сюда всадил. У родственников, знакомых занял!... Да еще ссуда!... В долгу как в шелку, честное слово...

Тут в кабинет ворвался взлохмаченный мужчина.

— Кто директор?— закричал он.

Сурен Ованесович ответить не успел — Сэр вскочил с кресла и резко ударил ногой в низ живота тому, кто помешал беседе.

Мужчина сдавленно охнул и, согнувшись пополам, вывалился из комнаты.

Воспользовавшись тем, что Сэр отвлекся, Карапетян схватил трубку телефона. Но сколько не дул в микрофон и не стучал по рычажку, аппарат безмолвствовал.

Сэр хотел уже возвратиться на место, но дверь снова отворилась. В проеме стоял все тот же гражданин, пошатываясь и обхватив рукой живот.

Сэр спокойно вынул из кармана пистолет и выстрелил в настойчивого посетителя.

Карапетян в ужасе закрыл глаза, а когда открыл, мужчина не то рыдал, не то хохотал. В таком состоянии он и исчез в беснующемся зале.

Сэр, спрятав оружие, закрыл дверь и опять устроился в кресле.

— Мы теряем время,— посмотрел он на часы.

— Дай хоть стать на ноги,— умоляюще произнес директор.

В его глазах метался ужас от только что увиденного.

Но его ждало еще более сильное потрясение. В кабинет ввалился Боцман с огромным мешком на спине.

По знаку Сэра он свалил ношу на диван. И когда высвободил содержимое из мешка, Карапетян покачнулся. Казалось, вот-вот упадет в обморок.

Перед ним лежала дочь, со связанными руками и ногами, с кляпом во рту. Его любимая пятнадцатилетняя Карина. Глаза ее были закрыты, волосы разметались по дивану.

— Карина! Джаникс!..— прошептал потрясенный отец, рванувшись к дивану.

Но его перехватил Сэр.

Девушка открыла огромные черные глаза, и слеза скатилась со щеки.

— Что с тобой сделали, джаникс?

— Еще не сделали,— холодно ответил Сэр.— Но если сейчас же не выложишь деньги на стол — сделаем!.. Созрела уже для хорошего урока секса. Можно и группового... Ну? Выбирай. Считаю до пяти. Раз... два... три...

Боцман одним рывком сверху донизу разодрал на девушке платье.

Карапетян мешком свалился на пол.

Я разговаривал по междугородному телефону, когда на столе вспыхнула лампочка — то моя секретарша Оля давала знать, что звонят по другому, из города. Разговор у меня был важный и несколько затянулся. Я закончил его, и тут же на пороге кабинета появилась страж моей приемной.

— Какой-то корреспондент рвется,— пояснила она.

— Слушаю!— снял я трубку.

— Что у вас творится в городе?!— прорвался сквозь треск возмущенный мужской голос.

— Кто говорит?

— Ляпунов!

Ответить я не успел — послышались короткие гудки.

Ляпунов больше не позвонил. Я забыл бы о его звонке, если бы не сводка происшествий за сутки, которую мне доставили, по обыкновению, на следующий день из областного управления внутренних дел. Сутки как сутки, оперативная обстановка была не хуже и не лучше, чем предыдущие. Опять много квартирных краж. Прямо какая-то эпидемия. И не только у нас — по всей стране. Хулиганство растет...

Из тяжких преступлений: изнасилование, два раз-

бойных нападения с применением огнестрельного оружия, одно убийство.

Последнее меня насторожило. Произошло в Южноморске средь бела дня. Труп был найден в телефонной будке. Убили мужчину, выстрелом в голову.

Вспомнился вчерашний звонок, почему-то прерванный. А что, если?..

Я позвонил прокурору города Гарбузову, который, в мою бытность на этом посту, работал моим заместителем. Подробностей убийства он пока не знал, а следователя, выезжавшего на место происшествия, в прокуратуре не было — отбыл по делам. Я рассказал Гарбузову о Ляпунове, его странном поведении.

— Хорошо, Захар Петрович,— сказал прокурор города,— примем к сведению...

Не успел я закончить разговор с Гарбузовым, как мне позвонил начальник областного УВД Рунов. Голос у генерала был одышливый, словно он только что преодолел тяжелый подъем. Он был грузноват и все мечтал сбросить десяток-другой килограммов веса. Жаловался, что никакие диеты не помогают...

— Захар Петрович, ЧП в «Снежке» помнишь?— спросил Анатолий Филиппович.

— Конечно.

Недавно сгорел павильон прохладительных напитков и мороженого под названием «Снежок», принадлежавший кооператорам. Он находился на бойком месте — на пляже. Насколько мне было известно, это был несчастный случай — пожар возник из-за неисправной электропроводки...

— Так вот,— продолжал начальник областного УВД,— установлено, что павильон подожгли.

— Конкуренты?

— Да нет, сами кооператоры руку приложили. Взяли, понимаешь ли, приличную ссуду, расхапали все доходы и решили спрятать концы в воду. А вернее — в огонь.

— Смотри-ка! Раньше такими аферами занимались дельцы из госсектора, а теперь, выходит, и кооператоры туда же.

— Переняли, так сказать, опыт.

— Послушай, Анатолий Филиппович,— вдруг осенило меня,— тут в сегодняшней сводке упоминается о происшествии в «Воздушном замке», кооперативном

ресторане. Может, они тоже просто хотят списать свои грехи на хулиганов?

Рунов некоторое время помолчал, обдумывая мои слова.

— Будем разбираться,— наконец сказал он.— Подключим к расследованию и ОБХСС... Прослежу лично.

— Если подтвердится, дай знать.

На этом наша беседа была закончена.

Донат Максимович Киреев, майор, начальник городского ОБХСС, прибыл в морской порт, когда красавец-теплоход «Абхазия» уже пришвартовался и пассажиры готовились сойти по трапу. В руках у майора алел пышный букет роз.

Прибывшие на теплоходе смешивались с толпой встречающих. Поцелуи, счастливые возгласы, дружеские похлопывания...

Наконец на пирсе показались те, ради которых и приехал Киреев,— долговязый молодой человек в белой кепочке с длинным пластмассовым козырьком, шортах и рубашке, похожей на распашонку, сандалиях и миловидная девушка в платье-балахоне и шляпе с большими полями. Молодая пара протиснулась сквозь толпу и направилась к выходу.

— Сева!— окликнул молодого человека майор.

Тот оглянулся и, узнав Киреева, бросился ему навстречу. Мужчины обнялись, как старые добрые друзья.

— Таня,— представил Сева майору подошедшую спутницу.— Моя жена.

— «Ужель та самая Татьяна»?— процитировал с улыбкой Киреев и торжественно вручил ей цветы.

— Та самая,— засмеялась молодая женщина, растроганная вниманием.

— А это Донат Максимович,— сказал Сева.— Тоже тот самый...

— Наконец-то могу поздравить вас лично,— с чувством произнес майор.— Желаю всяческих радостей...

Они вышли на площадь перед портом, где ждала служебная «Волга» Киреева с антенной на крыше. Шофер почтительно поздоровался с приезжими, определил их чемоданы в багажник, церемонно усадил на заднее сиденье, захлопнул дверцу за шефом и тронул.

— Ну, как свадебное путешествие?— поинтересовался Донат Максимович, оборачиваясь к гостям.

— Отлично!— отозвался Сева.— Татьяну, правда, немного укачало.

— Когда мы в шторм попали,— пояснила его молодая супруга.— Но зато впервые я увидела смерч. Самый настоящий!— Она округлила глаза.— Такой огромный столб воды! Прямо до неба!..

Ехали быстро. Гаишники знали машину ОБХСС города и делали вид, что не замечают, когда она нарушала правила движения.

— Вы уж простите, ребята,— сказал Киреев,— что не был на вашей свадьбе. А планировал. Ей-богу! Уже билет лежал в кармане, но...

— О чем речь, Донат Максимович!— прервал его извинения Сева.— Понимаю, служба...

— А за телеграмму спасибо,— добавила Таня.— Когда тамада зачитал ее, все бешено аплодировали. Честное слово!..

По дороге чуть ли не на каждом углу встречались афиши, извещающие о начале гастролей популярного эстрадного певца Александра Белова.

— Смотри, Татьяна,— заметил Сева,— твой кумир здесь. Как по заказу...

— Нравится?— встрепенулся Донат Максимович.

— Еще бы!— закатила глаза молодая женщина.— Но в Москве никак не удается попасть на его концерт.

— Вас понял,— улыбнулся майор.— Будет сделано.

«Волга» припарковалась у гостиницы «Жемчужина России», среди иномарок, и швейцар, увидев Киреева, бросился к машине и с готовностью подхватил чемоданы молодоженов.

И вообще, по всему было видно, что майора в этой гостинице, самой престижной в городе, знают отлично. Встречали с подчеркнутым почтением. А кое-кто — с настороженным и даже испуганным лицом.

Дежурная по этажу поздоровалась с Севой, как со старым знакомым.

Номер был люкс, трехкомнатный. Мебель — под старину. Пол устилали ковры с толстым ворсом, заглушающим шаги.

Татьяна прежде всего бросилась к окну: какой из него вид?

— Потрясающе!— не удержалась она от восторга.

Панорама, открывающаяся взору, буквально завораживала: синее, с перламутровым отливом море,

живописная бухта, от которой тянулся вверх поросший курчавой зеленью склон горы:

— Сева, ты только взгляни, какой цвет у воды! — позвала Таня.

Тот подошел, обнял жену за плечи.

— А кто еще час назад говорил, что не подойдет к морю на километр? — поддел он ее.

— Хотите, перевезу на дачу,— немедленно откликнулся Киреев.— В горы.

— Нет-нет, спасибо! — возразила Татьяна.— Здесь чудесно!.. И вообще, что вы стоите, Донат Максимович? Присаживайтесь,— повела она себя гостеприимной хозяйкой.

Майор ничего не успел ответить — под пиджаком негромко прозвучал мультитон. Это означало, что Киреева разыскивают по срочному делу.

— Простите, Танечка,— извинился он и набрал по телефону нужный номер.— Это я — Киреев. Кто мной интересуется?

— Товарищ майор,— ответила трубка,— вас ждет генерал Рунов.

— Хорошо.— Донат Максимович положил трубку и развел руками: — Увы, ребята, удаляюсь. Располагайтесь, отдыхайте. Освобожусь — позвоню. Прикинем план развлекательных мероприятий...

Когда он вышел, Татьяна осмотрела все комнаты и осталась очень довольна.

— Севка, прямо не верится, что мы будем тут жить! Как в сказке! А твой Донат Максимович — просто волшебник!

Она остановилась у стола, на котором стояла ваза с фруктами. Все было как с выставки: огромные персики, словно светящиеся изнутри желтые груши, неправдоподобной величины инжир, тугие гроздья крупного черного винограда.

Таня не знала, что выбрать.

— Может, сначала что-нибудь существенное?— предложил супруг.— Ты несколько дней почти не ела

— С удовольствием!— загорелась молодая женщина.— В ресторан?

— Зачем?— усмехнулся Сева.— Здесь все есть.— И он показал на холодильник и бар.

Татьяна открыла вместительный «Розенлев» и аж присела: он был набит до отказа рыбными и мясными деликатесами. А в нижнем отделении ласкали

взор ярко-алые помидоры, один к одному небольшие огурчики и всевозможная пряная зелень.

В не меньший восторг привел ее бар: батарея импортных и родных (но для экспорта) напитков украсила бы самый шикарный ресторан.

— Откуда ты тут все знаешь?— удивилась Татьяна.

— В этом самом номере мы останавливались в прошлом году с отцом,— ответил Сева.

— Что хочешь?— спросила Татьяна, указывая на заманчивые этикетки.

— А ты не догадываешься?

Сева приблизился к жене, на его лице заиграла просительная улыбка. Татьяна отлично знала эту улыбку.

— Миленький мой,— ласково прошептала она.— Постился, бедняжечка, на этом треклятом теплоходе.

Муж радостно не то всхлипнул, не то засмеялся и нетерпеливыми, плохо слушающимися от волнения пальцами развязал шнурок на платье жены, где-то у самого горла. Легкая материя стекла с ее тела, словно вода. В сторону полетели колготки, лифчик...

Они рухнули на бархат дивана...

Когда Киреев прибыл к генералу Рунову, там уже находился начальник городского управления внутренних дел полковник Хохлов. Хозяин кабинета ждал за большим столом, полковник расположился за другим, приставленным Т-образно. Поздоровавшись с начальством, Донат Максимович сел напротив Хохлова.

Несмотря на то что помещение было просторное, стояла жара. Генерал не соглашался на установку кондиционера: почему-то боялся простудиться от него.

— Ну вот что, друзья ситные,— начал Рунов с присказки, которая ничего хорошего не предвещала,— надоело мне отдуваться за вас. Слышали бы, как честили нас сегодня на заседании облисполкома! Больше всего нареканий по Южноморску!

Анатолий Филиппович замолчал, огромным носовым платком вытер шею.

— А конкретно?— вставил не очень смело Хохлов.

— Все то же! Хулиганье распоясалось. Проститутки вешаются на иностранцев средь бела дня! Срам! В интуристовскую гостиницу без пропуска не войдешь, а девицам легкого поведения — зеленая улица... И во-

обще — всякие там фарцовщики, сутенеры так и кружат... Что скажете, товарищ Хохлов?

— Мы наметили план мероприятий, я уже докладывал,— начал было полковник, но генерал перебил:

— Господи, опять старая пластинка! Поймите, нужны не планы и доклады, а действия! Самые решительные!.. Два месяца назад вот здесь, в этой комнате, на коллегии вы давали слово, что наведете порядок... Где он, обещанный порядок?

Полковник молчал — крыть действительно было нечем. Конечно, за столь короткий срок накопившиеся вороха проблем не разгребешь, но оправдываться резону не было: генерал еще сильнее намылит холку под горячую руку.

— А наша доблестная служба БХСС?— взялся за майора начальник УВД области.— Вы хоть знаете, какие безобразия творятся в городе?

Киреев гадал, как ответить: скажешь «знаю»— генерал разбушуется, «не знаю»— устроит разгон еще пуще. Донат Максимович посчитал, что разумнее будет промолчать.

— В магазинах — обвес, в ресторанах — обсчет,— стал перечислять Рунов.— В столовых и закусочных кормят, извините, помоями .. Загляните в овощные магазины, хотя бы в наш фирменный —«Дары юга». Берут с покупателей деньги за то, что хороший хозяин скотине не будет скармливать! И это в фир-менном!— с расстановкой произнес генерал.— О других и говорить не приходится...

— Мы проводим рейды,— сделал попытку оправдаться Киреев.

— Грош цена таким рейдам!— грозно бухнул начальник УВД.— Как в той басне: а Васька слушает да ест... И еще. Я уже обращал ваше, Донат Максимович, внимание на кооператоров и индивидуалов. Цены заламывают бешеные! Сам прошелся по их рядам возле Приморского рынка. Платье — посмотреть не на что — двести—триста рублей! Штаны из хлопчатки — сто—сто пятьдесят! Обдираловка!

— Перекупщики, Анатолий Филиппович Спекулянты... Их там больше, чем самих кооператоров. .

— А вы на что?

— Задерживаем А они нам — кто патент, кто доверенность,— развел руками Киреев.— Большинство приходится отпускать, как говорится, с миром ..

— А они снова на рынок?— усмехнулся Рунов.

— А куда же,— вздохнул майор.

— Здрасьте!— ехидно поклонился генерал.— И это говорит начальник ОБХСС!

— Штаты, товарищ генерал! Катастрофически не хватает людей!

— На сей счет есть мудрое изречение: «Кто хочет делать, тот ищет способ, кто не хочет делать, тот ищет причины»... Поняли меня?— мрачно посмотрел генерал на Киреева

— Понял,— кисло улыбнулся тот.— Но...

— Нет, товарищи, теперь никаких «но»,— жестко прервал начальник УВД.— Через месяц проверим, заслушаем на коллегии. Оценивать будем не по галочкам-палочкам и отчетам, это вы научились делать прекрасно, а по конкретным результатам. Ясно?

— Так точно, товарищ генерал! — в один голос ответили Хохлов и Киреев.

Рунов встал, достал из холодильника две бутылки нарзана. Полковник и майор поняли: «ковёрная» часть беседы окончена.

Генерал разлил минеральную воду по стаканам, которые враз запотели, и угостил подчиненных.

— Теперь об операции «Прибой»,— продолжил Анатолий Филиппович, залпом осушив свой стакан и наполняя снова.— Проведем в масштабе области. Общее руководство беру на себя... Товарищ майор, прошу подготовиться к операции самым тщательным образом. Без скидок и оговорок на что бы то ни было.

— Будем искать самые лучшие способы,— чуть улыбнувшись, напомнил генералу его же изречение Киреев.

— Да уж, постарайтесь,— немного смягчился Рунов.— А насчет времени проведения операции сообщу дополнительно... Вопросы будут?

Вопросы имелись как у Хохлова, так и у Киреева. Обсуждали отдельные детали минут двадцать.

В заключение Рунов спросил о происшествии в «Воздушном замке». Оказалось, что ни майор, ни полковник ничего нового о нем не знают.

Генерал снова помрачнел и сделал выговор обоим.

— Прокурор области и то осведомлен больше вашего! — в сердцах произнес он.— Чтобы сегодня же к концу рабочего дня доложили, как идет расследование по ресторану!..

— Слушаюсь, товарищ генерал! — ответил Киреев.

— Вы свободны,— сказал Рунов.

Приглашенные поднялись, двинулись к выходу. Начальник ОБХСС города пропустил вперед Хохлова, а сам задержался у двери.

— Анатолий Филиппович, разрешите напомнить,— сказал он, держась за ручку двери.— Сегодня в девятнадцать тридцать концерт Белова. В Зеленом театре. Не забудьте.

— Разве мне дадут забыть...— Генерал допил минеральную воду и с улыбкой закончил: — Дочка уже два раза звонила.

Откозыряв, Киреев вышел.

Когда была разрешена деятельность кооперативов, они, как и в других городах, стали расти в Южноморске, словно грибы после дождя. С броскими названиями, они стали кормить, стричь, фотографировать, находить жилье для курортников, устраивать экскурсии, соединять отчаявшихся найти спутника жизни — короче, делать массу полезного и нужного, до чего порой не доходили руки у тяжеловесных государственных организаций и учреждений. Правда, многие поругивали предприимчивых людей, открывших собственное дело, за цены, которые, прямо скажем, кусались. Поругивали, однако желающих воспользоваться услугами кооперативов было немало.

Не могла пожаловаться на отсутствие клиентов и Капитолина Савельева, держательница мужского салона красоты под названием «Аполлон». Ее заведение находилось почти в самом центре города, на зеленой тенистой улице. Савельева, тридцатипятилетняя женщина с весьма привлекательной наружностью, предлагала набор средств, помогающих стать элегантным и моложавым: самые модные мужские прически, маникюр, педикюр, массаж лица, окраску и завивку волос. Обаятельная, словоохотливая, имеющая несколько дипломов различного рода конкурсов парикмахеров, Капитолина (многие клиенты называли ее ласково Капа и даже Капочка) попутно могла порекомендовать новинки литературы о всевозможных диетах и прочем, что помогает держать тело в хорошей форме. Хотя брала она за свои услуги весьма дорого, попасть к ней было довольно непросто — в основном, по рекомендации. Посещения у Савельевой были строго

расписаны, заказы принимались исключительно по телефону. Лишь несколько особо приближенных людей могли зайти в «Аполлон» в любое время — их принимала обаятельная хозяйка салона вне очереди.

Капочка пользовалась только импортной косметикой, набор инструментов был тоже из-за рубежа. В ожидании своего часа (если клиент приходил раньше) можно было посидеть в уютной приемной с видеомагнитофоном, коротая время за просмотром веселых мультиков или концерта поп-музыки — на выбор.

Работала Савельева одна. Ее «подручным» являлся лишь попугай по кличке Чико. Птицу Капочке подарил в незапамятные времена штурман дальнего плавания, когда-то страстно влюбленный в молоденькую Савельеву. Чико знал несколько фраз, однако умел пользоваться ими так здорово, что создавалось впечатление: попугай отлично владеет человеческой речью...

В середине дня, когда на двери салона мужской красоты висела табличка «Извините, у нас обеденный перерыв», к нему подъехал невиданный для Южноморска, избалованного иностранными автомобилями, лимузин — роскошный «роллс-ройс» модели «Сильвер шедоу».

Сверкая голубым лаком и хромированными деталями, машина эта всегда вызывала завистливые взгляды владельцев частного извоза. Принадлежала она тоже индивидуалу, некоему Ступаку, которому приносила бешеный доход. В Южноморское почиталось особым шиком проехаться в лимузине для королей и президентов в загс. Но подряжался для этого Ступак в редких случаях — когда бракосочетались отпрыски местной знати. Большую часть времени счастливый владелец «роллс-ройса» занимался тем, что дежурил у гостиниц и пансионатов для иностранцев, обслуживая гостей из-за рубежа...

Голубой «Сильвер шедоу» замер у «Аполлона». Пассажир вышел из машины и, не глядя на табличку, решительно прошел в заведение Савельевой.

Это был мужчина лет сорока — сорока пяти, в легком светлом элегантном костюме и летней шляпе из итальянской соломки.

Савельева кормила Чико его любимым фундуком. Сама она соблюдала диету, предпочитая пропускать обед. Услышав чьи-то шаги, она несколько раздраженно крикнула:

— Читать не умеете? У меня перерыв!

— И прекрасно! — сказал приехавший, заходя в помещение, где его владелица священнодействовала над клиентами.— Нас не будут побеспокоить... Я правильно выразился?

— Господи! — всплеснула руками Капочка.— Пьетро! Бон джорно, как говорят у вас в Италии.

Она бросилась к гостю, и они обнялись.

— Когда прилетел, дорогой? Где остановился? — забросала вопросами Савельева мужчину, не спуская с него восторженных глаз.

— Моя милая Капочка имеет слишком много вопросов! — засмеялся Пьетро. У него был довольно заметный акцент.— Как говорится, много узнаешь, скоро будешь старухой...

— Я и так уже старуха,— вздохнула Савельева.

— Но, но! — запротестовал Пьетро.— Ты еще самый...— он поцеловал кончики ее пальцев,— самый цвет!

Чико, распушив перья, вдруг разразился скрипучей фразой:

— Я люблю Капочку.

— Не только ты,— погрозил ему пальцем иностранец.— Я тоже.

— Если бы любил, сразу дал бы знать, как только приехал в Союз,— с укоризной произнесла Савельева.— Кстати, когда?

— Уже восемь дней.

— Вот видишь! Даже не позвонил из Москвы...

— Зачем тебе неприятности? — поморщился Пьетро.— Ваши чекисты всегда начеку.— Он засмеялся своему каламбуру.— Подслушивают все мои переговоры...— Иностранец бдительно огляделся и приложил обе руки к горлу, словно душил себя.

Капочка фыркнула. И спохватилась:

— Прости, дорогой, кофе, бутерброды?

— Спасибо, я только что сделал обед,— отказался гость.— Что-нибудь прохладное — с удовольствием

Савельева кинулась к холодильнику и достала пепси-колу и минеральную воду.

— Когда ты был в России последний раз? — спросила она, ставя поднос с напитками и фужерами перед иностранцем.

— Если не ошибаюсь, три года назад.

— Вот видишь! Газеты надо читать! Ведь у нас

перестройка, гласность... Все меняется буквально на глазах! Многое исчезает! Подозрительность, страх...

— КГБ тоже исчезло? — усмехнулся Пьетро, наливая себе пепси-колы.

— Нет, конечно, еще не исчезло,— несколько смутилась Капитолина.— Но они теперь другие! Понимаешь, новые... Как и все вокруг.

— Новые, говоришь? — все с той же скептической интонацией произнес гость.— Что-то не заметил... Вращался эти дни среди ваших чиновников — по-моему, порядки старые. Договориться очень трудно. Никто ничего не может решить... Но Ленина любят по-прежнему очень сильно...

— В каком смысле? — не поняла Савельева.— Его учение? Книги?

— Портреты,— рассмеялся Пьетро, доставая из бумажника сторублевую купюру.— Дашь много портретов — дело кое-как продвигается...

— Ладно,— вздохнула Капитолина.— Бог с ними, с бюрократами... Слава богу, ты приехал... Долго будешь в Южноморске?

— Абонировал номер в гостинице на шесть дней.

— Маловато,— покачала головой Капитолина и провела рукой по волосам гостя.— Нужно привести твою голову в порядок.— Савельева засмеялась: — С заморского компаньона возьму со скидкой.

— Не надо себе в убыток. Бизнес есть бизнес,— засмеялся гость.— Расплачиваюсь натурально... Вот аванс.

Он протянул хозяйке салона принесенный с собой сверток. Савельева развернула его: в изящной коробке был роскошный набор французской косметики.

— Не для клиентов,— предупредил Пьетро.— Для тебя лично.

Савельева в знак благодарности поцеловала его.

— Чтобы тебе было легче приехать еще, сделаю гостевой вызов,— предложила Капитолина.— Сейчас разрешено.

— Зачем? — улыбнулся Пьетро.— Теперь бизнесменам посещать вашу страну можно запросто.

— Вот видишь! — торжествовала Савельева.— А ты говоришь, старые порядки... Перестройка, она, дорогой...

— Голосую за нее всеми руками! — перебил ее

гость.— Жду тебя в гостинице. С нетерпением. Аривидерчи.

Капитолина проводила его до двери. Пьетро сел в поджидавший его лимузин, облепленный любопытными мальчишками.

Летний театр, вмещающий полторы тысячи человек, был заполнен до отказа. Зрители стояли даже в проходе, у стен, заполняя все свободное от скамеек пространство. Толпы тех, кто мечтал до последней минуты стрельнуть лишний билетик, но так и не достал, обступили театр снаружи. На ближайших деревьях гроздьями повисла пацанва.

В первых рядах разместилось городское начальство с женами и детьми. Генерал Рунов так и не успел заехать домой, чтобы переодеться в гражданское,— отдувался в милицейском мундире, застегнутом на все пуговицы. Зато его супруга и дочка были в легких нарядных платьях. Рядом с Руновым сидел заместитель прокурора области Гурков с женой. Неподалеку от них устроилась хозяйка мужского салона красоты «Аполлон» Капитолина Савельева. На ней было умопомрачительное вечернее платье фиолетового цвета, на которое бросали завистливые взгляды начальственные дамы. В какой-то мере с Савельевой могла соперничать нарядом лишь главный администратор городского Дома моделей Марина Юрьевна Кирсанова — крашеная блондинка неопределенного возраста.

Известный в Южноморске адвокат Чураев не принадлежал к начальственным верхам, однако же на всех гастрольных премьерах восседал не далее третьего ряда. Надушенный, в модном костюме, он везде появлялся без супруги, но со своим приятелем, судебным медиком Хинчуком. Последний был не женат, слыл охотником до слабого пола и не расставался с заграничной диковинкой — фотоаппаратом-поляроидом, выдававшим цветной снимок тут же. Это приводило в восторг девиц, которых любил запечатлевать Хинчук.

Одними из последних в театр приехали майор Киреев с женой Зосей и гости Доната Максимовича — Сева и Татьяна. Они устроились рядом с начальником горуправления внутренних дел Хохловым.

Зрители уже волновались — по времени концерт уже должен был начаться. По рядам прокатывался

гул нетерпения, раздавались отдельные всплески аплодисментов, свистки.

И только когда два места в центре первого ряда заняло семейство секретаря горкома партии Голованова — он сам и его жена Виктория Леонидовна,— под бешеные овации появился на сцене Александр Белов в костюме, переливающемся люрексом. Одновременно с ним вышли музыканты.

Белов, что называется, умел взять с места в карьер. Сцена взорвалась оглушительным ревом мощных динамиков, световыми эффектами, с первых же секунд вовлекая зрителей в какую-то фантасмагорию ритма, звуков и красок. И над всем этим властвовал чародей голоса с микрофоном в руках...

Когда певец закончил песню, раздался шквал аплодисментов. Белова забросали цветами. Несколько девушек прорвались на сцену, почитая за счастье хотя бы дотронуться до одежды своего кумира.

Так было и после второго номера, и после третьего. Даже супруга Голованова не выдержала, вручила певцу букет георгинов. Тот запечатлел на щеке Виктории Леонидовны благодарственный поцелуй, что привело секретаря горкома чуть ли не в шоковое состояние.

— Ты с ума сошла! — шепнул он жене, вернувшейся на место возбужденной и радостной.— У всех на виду!.. Что подумают?

— Надо освобождаться от стереотипов застойного времени,— ответила со смешком мужу Виктория Леонидовна.

После следующей песни на сцену гурьбой двинулись супруги и дочери других руководителей города.

Тем временем старший оперуполномоченный ОБХСС старший лейтенант Ларионов заканчивал допрос работников ресторана «Воздушный замок». Без милицейской формы Станислава Архиповича можно было принять за инженера или молодого ученого. Хлопчатобумажные брюки, рубашка в полоску и неизменный кейс, с которым Ларионов почти никогда не расставался. Эта несолидность была обманчива — в органах милиции он проработал более десяти лет. Стаж вполне приличный.

Ресторан был закрыт для посетителей — на двери висела табличка «Санитарный день». К великому

огорчению гуляк, которых к вечеру прибывало все больше и больше,— они вынуждены были уезжать не солоно хлебавши.

Зал «Воздушного замка» срочно приводили в порядок после погрома — вставляли стекла, заменяли разбитые плафоны светильников, закрашивали следы от вина на стенах, ремонтировали мебель.

Последним, с кем беседовал старший лейтенант, был метрдотель Леониди. На скуле его переливался всеми цветами радуги огромный кровоподтек.

— Кто был зачинщиком дебоша? — спрашивал Ларионов.

— Вроде — двое,— не очень уверенно ответил метрдотель.

— Их приметы?

— Затрудняюсь сказать... Лет по двадцать пять, здоровые такие...

— Лица запомнили?

— Нет,— отрицательно покачал головой Леониди.— Они были в темных очках. К тому же меня сразу свалили на пол. А потом погас свет и уже ничего нельзя было разглядеть...

Выйдя из ресторана, оперуполномоченный ОБХСС направился к сторожу платной автостоянки. Хотя работы для него нынче не было, старик считал, что не имеет права покидать свой пост.

— Пронин,— представился старик Ларионову и продолжил: — Тут вчера четверо подозрительных молодых людей подъехали на «Волге». Вот я и размышляю, не они ли эту бучу заварили?

— Почему думаете, что они? — насторожился Станислав Архипович.

— Аккурат перед самой дракой заявились, да еще черные очки нацепили, это раз,— солидно стал перечислять Пронин.— Вели себя как-то настороженно: когда заходили в ресторан, все оглядывались по сторонам. Это два... Ну и смылись сразу после заварухи — три!

— Точно? — подозрительно посмотрел на старика лейтенант: уж слишком безапелляционным было его заявление.

— Факт! — горячо проговорил сторож.— Эти молодчики мне сразу не понравились.

— Вы запомнили их? — спросил Ларионов.— Может, какие-то детали, отдельные приметы?

Старик раздумчиво покашлял.

— Голос одного из них запомнил,— наконец сказал он.— Того, что сидел за рулем... Я предлагал ему оставить машину на нашей стоянке... Так вот, думаю, с чьим его голос схож? Потом хлопнул себя по лбу — батюшки, точь-в-точь как у того певца, что на каждом углу крутят. Хриплый такой...

— Высоцкий, что ли? — подсказал Ларионов.

— Во-во, он самый! — обрадованно закивал сторож.

Он попросил оперуполномоченного немного подождать, а сам исчез на пару минут в своей будочке и, вернувшись, протянул лейтенанту спичечный коробок.

— Возьмите, может пригодиться.

— Зачем он мне? — удивился Ларионов.

В коробке вместо спичек лежал окурок.

— Один из тех парней бросил,— пояснил сторож.— Когда они садились в машину уезжать. Когда я узнал, что произошло в ресторане, то подобрал на всякий случай. Авось, думаю, понадобится. Ведь не зря пишут, что по окурку можно найти...

— А если кто другой бросил? — засомневался Ларионов.— Путаница выйдет.

— Они, голову на отрез даю, они!

— Ой, введете нас в заблуждение...

— Нечто я не понимаю в этом деле! — обиделся старик.— Во время войны в СМЕРШе служил, конвоиром. Один раз по окурку даже шпиона разоблачили...

Ларионов, немного поколебавшись, решил уважить сторожа и взял коробок. Потом задал свидетелю еще несколько вопросов, на которые тот ответил охотно и обстоятельно.

— Спасибо, товарищ Пронин,— сказал напоследок Ларионов.— Возможно, вы нам еще понадобитесь.

— Ради бога! Звоните в ресторан, меня позовут.

Уже садясь в поджидавший его «москвичок», оперуполномоченный с улыбкой спросил у сторожа:

— За что награда?

— За боевые заслуги,— не без гордости сказал старик, косясь на новенький орден Отечественной войны.

И он по привычке почтительно захлопнул за Ларионовым дверцу.

Когда концерт был в самом зените, полковник Хохлов посмотрел на часы и шепнул сидевшему рядом майору Кирееву:

— На выход.

Они начали выбираться со своих мест, благо зрителям было не до них — Белова вызывали на бис после очередной песни.

Лишь только удивленная Татьяна спросила у оставшейся в одиночестве жены Хохлова:

— Куда это они?

— Видно, по делу,— успокоила ее полковница, как ни в чем не бывало аплодируя вместе со всеми.

К таким внезапным отлучкам мужа она привыкла.

Киреев и Хохлов зашли в кабинет директора театра и соединились по телефону с горуправлением. Ларионов был уже там.

— Ну, что? — набросился на него Хохлов.

— Какая-то чертовщина, товарищ полковник,— ответил оперуполномоченный ОБХСС.— Хулиганы покуролесили в «Воздушном замке» от души! Разгромили по первому разряду. Стереоустановка вдребезги, видеосистема — тоже! Между прочим, и то и другое — японское, «Шарп». Ну, светильники, посуда, мебель — это, считай, мелочи...

— Ущерб большой? — поинтересовался Хохлов.

— Тысяч на тридцать, не меньше. Но вот из-за чего весь сыр-бор, непонятно.

— А что говорит директор? — спросил полковник.— Карапетян, кажется?

— Да,— сказал старший лейтенант — Сурен Ованесович... По его словам, во время драки он находился у себя в кабинете и ничего не видел, что творилось в зале.

— И не слышал? — удивился полковник.

— Нет,— сказал Ларионов.— Я опросил персонал ресторана — ничего конкретного. Запомнили только, что один из посетителей хохотал до упаду. Аж по полу катался...

— Ты серьезно? — строго спросил Хохлов.

— За что купил, за то и продаю,— ответил оперуполномоченный.— Может, случайная драка? Знаете, как бывает под винными парами... Кто-то на кого-то не так посмотрел или удочку закинул даме, а кавалер взбеленился.

— Может быть, и случайная,— задумчиво прогово-

рил полковник.— А что, если две банды сводили счеты? А?

— Ребята из угрозыска ищут посетителей, что были вчера в «Воздушном замке»,— продолжал Ларионов.— Кстати, любопытные показания дал сторож автостоянки.— Он рассказал о том, что услышал от Пронина.— Даже номер «Волги» назвал: Л десять — одиннадцать ЮЖ...

— Ну и?..— нетерпеливо спросил Хохлов.

— Опять загадка,— ответил старший лейтенант.— Я справился в ГАИ — машины с таким номером в городе вообще не существует. Более того, сторож сказал, что один из приехавших на «Волге» остался в машине, а трое пошли в ресторан. Потом этот оставшийся достал из багажника не то куль, не то мешок и тоже зашел в «Воздушный замок». Но никто из персонала ресторана такого эпизода не помнит. Одним словом, туман.

— Выходит, генералу докладывать одни только загадки? — хмуро сказал Хохлов.

— Будем работать, товарищ полковник! — откликнулся старший лейтенант.— Времени-то прошло всего ничего...

— Всего ничего? — с иронией повторил начальник городского УВД.— Возможно, что и ушло время. А по вашей линии как?

— Вроде Карапетян не нарушает. Мясо, масло, говорит, покупает на рынке или в потребкооперации. Даже договоры показал... Овощи и фрукты — только с рынка. А впрочем, проверим...

— Карапетян не жаловался? — спросил Хохлов.— Может, ему угрожают? Вымогают деньги?

— Нет,— решительно мотнул головой старший лейтенант.— Отрицал начисто...

После короткого совещания Хохлов и Киреев вернулись в зал.

Белов закончил выступление своей коронной «Джульеттой», которую распевала вся страна. Страсти достигли предела, и артиста не хотели отпускать, заставив исполнить полюбившуюся песню еще раз.

Наконец обессиленный Белов добрался до артистической уборной, бросил на пол охапку цветов, которые с трудом помещались в его объятиях, и в изнеможении опустился в кресло.

Зал продолжал неистовствовать, требуя его выхода, но певец не был в состоянии даже пошевелиться. Он знал, что колоссальное напряжение двух часов концерта отпустит только минут через сорок. И все же артисту не дали и этого отдыха. Так было всегда и везде.

Первым прорвался к Белову журналист Снежков. Коренастый, с растрепанной шевелюрой и бородой, он был увешан фотоаппаратами и еще держал в руке портативную видеокамеру.

Среди газетной братии в Южноморске Снежков являлся заменой фигурой, и не было преград, которые бы он не мог преодолеть. Друзья называли его «трижды корреспондент Советского Союза». Пробивной репортер, во-первых, печатался в газетах, во-вторых — давал материалы на радио и, в-третьих, сотрудничал с местным телевидением.

— Александр Георгиевич, буквально на минутку! — с порога провозгласил Снежков, помахивая веером фотографий и каких-то бумажек.— Требуется только ваша виза.

— Какая виза? — не понял кумир публики, не в силах сдержать напор журналиста.

— Ну, на гранках интервью, которое вы дали мне вчера в гостинице,— продолжал атаку Снежков, кладя на столик перед певцом газетные оттиски и фотографии.— Прошу, ознакомьтесь и приложите свою ручку,— услужливо подсунул он вечное перо

Белов, не читая, подмахнул текст:

— Будет гвоздевой материал! — уверял корреспондент.— А теперь выберите, пожалуйста, снимок для публикации.

Король эстрады наугад ткнул пальцем в одну из фотографий, где он был запечатлен во весь рост.

— О'кей!— одобрил Снежков.— Я был уверен, понравится именно эта.— Подхватив фотографии и гранки, он вихрем вылетел из комнаты, на ходу бросив:— Читайте завтра «Южноморскую правду». Реклама — двигатель успеха!..

Белов усмехнулся — уж кто-кто, а он в рекламе не нуждается. Тем более в какой-то провинциальной газетенке.

Певец закрыл глаза, постарался расслабиться. Но тут снова заявился посетитель — аккуратный старичок с набором значков на полотняном пиджаке.

— Не откажите ветерану!— с мольбой протянул он фотографию артисту.— Ваш автограф внучка будет хранить до гроба!

Белов взял снимок и вытаращился на ветерана: это была фотография... Аллы Пугачевой.

— Ну что вам стоит!— чуть не плакал старик.

— Будем надеяться, Алла Борисовна не подаст на меня в суд.

И Белов с улыбкой расписался на портрете всеми любимой певицы.

Ветеран исчез, не скрывая своего восторга. Этот визит развеселил артиста. Но ненадолго.

Следующий посетитель чуть не довел до истерики. Вернее — посетительница. Благоухая прямо-таки удушающим ароматом духов, напористая поклонница, дама в летах, сунула растерявшемуся Белову огромную коробку с тортом «Птичье молоко», чуть ли не целый куст роз и заявила, что он первый в ее жизни мужчина, ради которого она готова на все...

Выпроводить настырную почитательницу удалось лишь с помощью администратора группы.

— Смотри, Фима!— гневно предупредил его певец.— Еще один посетитель — и ты уволен!

Администратор побожился, что в гримуборную войдут только через его труп.

И когда через минуту после его ухода раздался стук в дверь, нервы Белова не выдержали.

— Нельзя!— завопил он.— Никого не принимаю!

— Без исключения?— В дверном проеме показалась голова майора Киреева.

— Без!— по инерции выпалил артист, но в следующее мгновение, узнав майора, расплылся в виноватой улыбке:— Дон, прости, дружище! Довели до белого каления... Какой-то свихнувшийся ветеран, потом половая психопатка... Ужас!

— Хоть симпатичная?— пожал руку певцу Киреев.

— Бр-р!— передернул плечами Белов.

— А если бы этакая хорошулька?— лукаво подмигнул Донат Максимович, рисуя в воздухе женскую фигуру.

— Да как тебе сказать...— хмыкнул Белов и рассмеялся.

— Значит, не прочь,— улыбнулся Киреев.— Желание гостя — закон для гостеприимных хозяев... Сколь

ко ты будешь еще в нашем благословенном Южноморске?

— Три дня.

— Планы на завтра?

— Отдых на всю катушку! Не поверишь — впервые за месяц!

— На износ работаешь,— сочувственно покивал майор.

— Се ля ви!— вздохнул Белов.— От вас — в Кисловодск. Опять вкалывать, как папа карло. По два концерта в день. Это минимум.

— Ну что ж, тогда завтра тебе нужно расслабиться. По максимуму,— деловито произнес Киреев.— Беру на себя. Доверяешь?

— Еще бы!— хлопнул приятеля по плечу Белов.

— Значит, так,— продолжил майор.— С утречка тебя будет ждать у гостиницы «роллс-ройс»...

— Только не раньше десяти,— предупредил Белов.

— Лады, подадут в десять ноль-ноль,— согласно кивнул Киреев.— Я присоединюсь где-то после обеда.

— Жаль,— с кислой миной сказал певец.— Отбояриться не можешь?

— Надо мной, Саша, еще полковники и генералы,— осклабился Киреев.— А я всего лишь майор.

— Засиделся ты, брат, в этом звании, засиделся,— покачал головой Белов.— Эх, познакомься мы лет пяток назад, помог бы тебе... Звезд поболее было бы на твоих просветах. А может, и вообще без просвета погончики...

— Юру имеешь в виду?— хмыкнул Донат Максимович.— Ну и как бы я сейчас выглядел в полковничьих погонах с подачи Чурбанова?

— Очень даже симпатично,— оглядел приятеля Белов.

— Ладно, дружище, спасибо на добром слове... Как-нибудь одолеем эту проблему... Поговорим лучше о птичках. Вернее — о пташке. Из ассортимента нашего Дома моделей тебя устраивает?

При упоминании этого учреждения Белов мечтательно улыбнулся — вспомнил, видно, прежние посещения Южноморска.

Майор принял его улыбку за знак согласия и стал крутить телефонный диск.

— Главная администраторша была сегодня на твоем концерте,— играл трубкой Киреев.— Интересно,

добралась к себе?..— Он прижал трубку к уху.— Да, на месте... Мариночка, Киреев... Это хорошо, что под впечатлением... А я как раз у Саши... Передам, передам!— Донат Максимович, прикрыв рукой микрофон, сказал:— Полный восторг!— и продолжил в трубку:— Понимаешь, завтра намечается мероприятие. Наш дорогой гость месяц без жены... Умница ты моя, правильно сообразила! Кто-кто? Эвника?... Помню, самый раз! За ней заедут к десяти утра... Привет!

Положив трубку на рычаг, Донат Максимович показал большой палец: пташка, мол, будет во!

...Не успел Киреев закончить разговор с Беловым, а Марина Юрьевна Кирсанова бросилась выполнять поручение майора.

В Доме моделей как раз заканчивался последний сеанс показа новейшей коллекции одежды, которые здесь превращали в блестящее шоу — с музыкой и вставными эстрадными номерами, что неизменно собирало полный зал зрителей. Когда манекенщицы после очередного выхода возвратились за кулисы, главный администратор подозвала одну из них — высокую, стройную, с голубыми глазами и копной великолепных каштановых волос.

— Отработала, Эвника?— спросила Марина Юрьевна.

— Слава богу,— кивнула та.

— Есть разговор.— Кирсанова повела девушку в свой кабинет.— Да, милочка, сколько раз я говорила: наверх волосы тебе куда лучше.

— Так?— Подняла обеими руками свои чудесные локоны Эвника, обнажая длинную красивую шею.

— Совсем другое дело!— одобрила начальница.— Завтра тебе предстоит очаровать Белова...

— Певца?!— радостно округлила глаза девушка.

Марина Юрьевна молча кивнула и, пропустив вперед манекенщицу, вошла в комнату и плотно прикрыла дверь.

Яхта «Элегия» из красного дерева лениво дрейфовала километрах в пяти от берега. Южноморск остался в стороне, и перед взором пассажиров, в купальниках и плавках развалившихся в шезлонгах, простерлась панорама диких гор, поросших буйной растительностью.

О яхте в городе ходили легенды Как и когда она

попала в Южноморск, уже никто не помнил. Сработали славное судно на верфях в Португалии в расчете на богатую, изысканную публику, любящую комфорт и роскошь. Просторный салон и каюты были отделаны ливанским кедром, мореным дубом и натуральной кожей. Везде зеркала, хром и бронза. На «Элегии» имелся бар, камбуз, нашпигованный современной электроникой, гриль. На верхней палубе было все для приятного отдыха: шезлонги, надувные матрасы, столики для игр. Любителя порыбачить ждал набор великолепных снастей — удочки, спиннинги, а также маски с ластами и пневматические ружья для подводной охоты. Кто же был охоч до современных удовольствий, мог провести время у видеомагнитофона.

Яхту обслуживала целая команда во главе с капитаном Семеном Васильевичем Кочетковым. И хотя ему было лет тридцать, не более, обращались к Кочеткову только по имени и отчеству. Капитан разгуливал в тельняшке, клешах, на голове — фуражка с крабом. Ну а какой морской волк может обойтись без татуировки! Она покрывала его руки и грудь.

В подчинении Кочеткова был матрос Жора Бородин. Комплекция — что твой Добрыня Никитич. Будучи по возрасту не моложе капитана, Жора тем не менее относился к нему с глубоким почтением.

Еще один член команды — кок Евгений Мухортов, самый младший. В обслуге состояли и две миловидные девушки. Регина была хозяйкой бара и славилась тем, что варила отменный кофе по-турецки. Впрочем, ей отлично удавались и коктейли — слабые, крепкие и вовсе безалкогольные. А подавала еду и напитки официантка Люся. Она все время носилась с подносом из бара и камбуза наверх и обратно, одаривая по пути всех обаятельной улыбкой.

Владельцем яхты был Валерий Денисович Хинчук. И хотя его профессия, скажем, не из веселых, судмедэксперт, он, несмотря на это, был натурой жизнерадостной и в свои сорок холостяцких лет сохранил вкус к еде, женщинам и другим земным радостям. Сегодня Хинчук был в особом расположении духа — гости самые желанные. Супруга секретаря горкома партии Виктория Леонидовна, жена начальника южноморского ОБХСС Зося со своим любимцем Карлушей — чистокровным хином, вальяжно развалившимся на руках хозяйки, молодожены из Москвы Сева и Таня.

Ну и, как говорится, гвоздь программы — Александр Белов. Собственно, нынешний пикник на воде был затеян ради прославленного певца.

Среди этой публики своими, можно сказать, были Вадим Снежков, Генрих Довжук — атлетического сложения красавец, культурист и каскадер, и Эвника — временная подруга Белова.

«Трижды корреспондента Советского Союза» владелец яхты приглашал всякий раз, когда на борту «Элегии» находилась очередная знаменитость. Снежков был обязан запечатлевать ее на борту увеселительного судна на фото- и видеопленку.

Впрочем, сам Валерий Денисович тоже поминутно щелкал своим поляроидом, щедро раздавая гостям снимки.

Белов, естественно, был центром притяжения компании. Все старались ему угодить, рассмешить свеженьким анекдотом, короче, быть поближе. А Виктория Леонидовна, не скрывая обожания, взялась составить его гороскоп.

— И вы действительно можете приоткрыть тайны моей судьбы?— улыбнулся артист.

— Попробую,— серьезно ответила Голованова.— Вообще-то, древние предсказатели говорили: звезды не лгут, ошибаются только люди... Так, обратимся к звездам. Прежде всего назовите, пожалуйста месяц и год рождения.

— Родился в пятидесятом году, в июле.

— А точнее?

— Десятого...

Всем, разумеется, страсть как захотелось узнать побольше о любимце страны, и присутствующие сгрудились вокруг него и предсказательницы.

— Родились вы в год тигра,— начала та.— Это подразумевает властолюбие, чувствительность и подозрительность...

— Что-то не замечал за собой,— усмехнулся Белов.

— Но одновременно вы доброжелательны и ласковы,— продолжала Виктория Леонидовна.

— Уже ближе,— кивнул Александр, незаметно пожимая руку Эвнике, которая при этом зажмурилась от удовольствия.

— Ну, что можно сказать о созвездии, под которым вы родились? Тот, кто появился на свет под

созвездием Рака, любит природу, уединение У вас должна быть тонкая нервная система. Вам чужда логика...

— Вполне возможно,— наклонил голову певец.— А вот на природу и уединение, увы, не хватает времени.

— Вы обладаете великолепной интуицией,— вкрадчиво говорила Виктория Леонидовна.— Ваш тип — тип мыслителя, ученого, музыканта.

— Потрясающе,— изумился Белов.— Я действительно хотел стать ученым. Учился на философском факультете, но увлекся джазом и вот — как видите...

— Ваша планета — Луна. Символ поэзии, фантазии, мечтательности. Что же касается нынешнего года, как вы знаете, года Змеи, то он по восточному гороскопу — самый благоприятный для супружеских измен.— Голованова оглядела присутствующих.— Это касается всех. Воспользуйтесь этим, сибаритствуйте, флиртуйте...

— Я не согласен!— деланно возмущенно заявил Сева.— Протестую!

— А я считаю,— со смехом заметил Генрих Довжук,— все мы под одним небом.

— И последнее,— снова обратилась к Белову Голованова.— Ваши камни — алмаз и жемчуг. Ваш день — понедельник. Из стихий — вода.

— Обожаю воду,— чуть не захлопал певец.— Особенно рыбачить.

Ему тут же предоставили удочку, и Белов уселся на корму. Рядом пристроилась Эвника, демонстрируя свое прекрасное тело, прикрытое лишь маленьким бикини. Но то ли было неудачное время для клева, то ли Александру мешала близость прелестных женских форм, но у него ни разу даже не клюнуло.

— Саша,— спросила девушка,— в чем секрет, что вы уже много лет имеете бешеный успех? Ведь появляется столько рок-певцов, и очень быстро их слава закатывается?

— Секрет прост,— серьезно ответил артист.— Они стараются подражать звездам. Майклу Джексону, Стюарту, битлам и так далее. Но из этого ничего не выходит. А я... Знаете, был такой знаменитый американский композитор Ирвин Берлин. Когда он находился в зените славы, с ним познакомился Джордж Гершвин, который только прокладывал себе дорогу в

жизни Гершвин обратился за помощью к Берлину. Но тот, мудрый музыкант, сказал: «Если ты согласишься работать моим музыкальным секретарем, то в конце концов станешь второсортным Берлином. Но если ты будешь настойчиво развивать свой талант, то станешь знаменитым и неповторимым музыкантом». Гершвин внял совету маэстро. Вскоре его имя гремело по всему миру. Я тоже никому не подражаю. Поэтому, наверное, и являюсь Беловым...

Вдруг показался катер на подводных крыльях. Он быстро приближался к «Элегии».

— Во дает!— воскликнул кто-то из отдыхающих.

За катером мчался на невидимом отсюда тросе водный лыжник, проделывая немыслимые пируэты. Когда виртуоз приблизился к яхте, в нем узнали майора Киреева

— Ай да Донат Максимович!— восхищалась больше всех Татьяна.— Появился, как бог из машины!..

Катер резко сбросил ход, и начальник ОБХСС плавно подкатил к яхте. К нему тут же протянулось несколько рук, и Киреев был поднят на борт.

Донат Максимович поздоровался со всеми и, увидев удочку у Белова, поинтересовался:

— Большой улов?

— Увы, ни одной поклевки.

— Уметь, брат, надо,— похлопал его по плечу майор.

— Хотел бы я посмотреть, как это у тебя получится, — обиженно произнес Белов.

— У меня-то клюнуло, да еще как...— протянул Киреев и, встретив недоуменный взгляд певца, пояснил со смехом:— Правда, не ставрида там или кефаль Рыбка другого вида — подцепили махрового жулика

Майора обступили, стали просить, чтобы он рассказал подробности

— Ладно уж, выдам служебный секрет,— сдался начальник ОБХСС, усаживаясь в шезлонг и потягивая через соломинку «шампань-коблер» из запотевшего бокала, принесенного официанткой.— Представляете, чем пользовался, подлец? Нашей с вами любовью к детям Точно рассчитал!

— Кто же это? — нетерпеливо спросил Хинчук.

— Лучше по порядку,— поднял руку майор — Как вы сами понимаете, у всех родителей одно сейчас на уме — купить сыну или дочке школьную форму

Первое сентября на носу. Приходит мамаша или папаша в «Детский мир», а там пусто. Нет форм Что же делать бедным родителям?

— Совершенно верно, Донат Максимович!— возмущенно подтвердила официантка Люся.— Неделю ходим, а все без толку. Говорят, фонды выбрали

— Запудрить мозги они умеют,— кивнул Киреев.— Получается, путь один — к кооператорам.

— А там форма в два, а то и в три раза дороже,— заметил Снежков.

— Вот-вот,— усмехнулся майор.

— Но зато какое качество!— отпарировала жена секретаря горкома.— Неужели пожалеешь для родного дитя!

— Мамаши и не жалеют,— продолжил Киреев.— Втридорога платят за ту самую форму, которая, кстати, пошита не кооператорами, а на обыкновенной государственной фабрике. И должны ее продавать в государственном магазине, по государственной цене Между прочим, ниже себестоимости, с дотацией...

— Ничего не понимаю,— развела руками Татьяна.— В чем же дело?

— А в том,— повернулся к ней Донат Максимович,— что государство заботится о детях, а коммерческий директор «Детского мира» — о своем кармане Вот и придумал комбинацию, как хапнуть около ста тысяч.

— Скворцов? — охнула Виктория Леонидовна.

— Он, голубчик,— подтвердил Киреев.

— А такой с виду интеллигентный, честное лицо,— покачала головой жена секретаря горкома.

— Прожженный махинатор,— сурово проговорил майор.— Но не учел, что ОБХСС — не лопух-покупатель. Нас не проведешь...

— Прямо уж,— проворчала негромко его жена Зося.— Еще как обкручивают вокруг пальца!

— Если милиция сама того пожелает,— иронически улыбнулся Белов.

Киреев встрепенулся, хотел что-то ответить на шпильку, но тут с катера, чуть покачивающегося на волнах рядом с «Элегией», крикнули:

— Товарищи, кто еще желает прокатиться на лыжах?

Изъявили желание почти все. Даже Виктория Леонидовна не могла удержаться от соблазна. Одна-

ко катание пришлось отложить — капитан Кочетков ударил в корабельный колокол и провозгласил:

— Прошу всех в кают-компанию! Вас ждут куропатки на вертеле, баварское пиво и еще кое-что...

Гости потянулись вниз, в салон, откуда доносились соблазнительные ароматы.

Последним шел Генрих Довжук. Он задержался возле капитана.

— Семен Васильевич, справочку не дадите?

— Ну?— покосился тот на Довжука, от которого каждую секунду можно было ждать подвоха.

— Когда покидать тонущий корабль крысе, если она — капитан?— без тени юмора спросил каскадер.

Грянул дружный смех. А славный мореход так и не нашел достойного ответа.

У капитана милиции, следователя горуправления внутренних дел Валерия Ивановича Ветлугина было осунувшееся лицо. Месяц назад он перенес операцию на желудке. Язва — профессиональное заболевание следователей. Рунов знал, что врачи советовали Ветлугину сменить профессию, но тот отказался — любовь, как говорится, зла...

И вот теперь, слушая его доклад, Анатолий Филиппович почему-то стеснялся своего больно уж цветущего вида.

— Когда я получил материал из ОБХСС о махинациях коммерческого директора «Детского мира» Скворцова, тут же допросил его самого и председателя кооператива «Силуэт» Земцова,— рассказывал капитан.— Земцов — твердый орешек, все отрицал...

— А Скворцов?

— Поюлил-поюлил, но раскололся. И кое-что признал.

— Конкретно?— попросил генерал.

— Ну, как передал несколько партий школьной формы для реализации в «Силуэте».— Валерий Иванович нашел в лежащей перед ним папке нужные бумаги.— Вот протоколы допросов. В них бомба против одного из наших сотрудников...

Рунов надел очки, стал читать. Постепенно лицо его мрачнело все больше и больше.

— Та-ак,— протянул сердито генерал, снимая очки.— Киреев... Неужели правда?

— Я из Скворцова показания на Доната Максимо-

вича насильно не тянул,— сказал Ветлугин.— Директор сам разоткровенничался.

Когда касалось чести работников милиции, даже малейшие нарушения вызывали у Анатолия Филипповича болезненную реакцию, а тут такое...

— Хохлова проинформировали?— спросил он.

— Тут же,— кивнул капитан.

— И как он отреагировал?

— Хохлов считает, что Скворцов врет. Клевещет Одним словом, и слышать не хочет. Мол, зачем наводить тень на плетень...

— Не желает портить отношения с Киреевым?— поднял недовольно брови Рунов.

— Я думаю, еще больше — с тестем Киреева.

— А вы-то сами верите показаниям Скворцова?— в упор посмотрел на Ветлугина генерал.

— Анатолий Филиппович, при чем здесь — верю или не верю? Пока это только слова. Нужны факты. Но раз есть такие серьезные показания, требуется тщательная проверка. Отмахнуться от признаний Скворцова...— Он покачал головой.— А если все это соответствует действительности?

— Неужели начальник ОБХСС — взяточник? Этого только не хватало!

— Если замнем — грош нам цена,— вздохнул Ветлугин и потом страстно произнес:— Честное слово, лично мне будет стыдно смотреть сыну в глаза!

— Хорошо, Валерий Иванович, оставьте дело. Посоветуюсь с прокурором области. Решим...

— Что доложить Хохлову?

— Я сам позвоню ему,— сказал начальник УВД области, давая понять, что разговор окончен.

...Но прежде чем связаться с Хохловым, Анатолий Филиппович позвонил мне.

Мудрить, собственно, было нечего: сам бог велел проверять факты в отношении начальника ОБХСС нам, прокуратуре области.

На том и порешили.

Старший следователь облпрокуратуры, младший советник юстиции Николай Павлович Шмелев производил впечатление тугодума. Но если уж и была у него какая-то отличительная черта характера, так это обстоятельность. «Копал» он обычно медленно, зато уж никакого, даже малюсенького, белого пятнышка при

расследовании не оставалось. Не было случая, чтобы дело, проведенное Шмелевым, суд вернул на дополнительное расследование.

Николай Павлович достиг пенсионного возраста, жил бобылем Увлечение выбрал под стать своей натуре — все время, остающееся от работы, отдавал собиранию редких и старинных книг. Словом, библиофил. Хотя этого термина Шмелев не переносил. Именовал себя по-русски: книголюб. Самым ценным подарком для себя почитал томик издания этак двухсотлетней давности, с пожелтевшими страницами и изъеденным переплетом. Возиться с такой книженцией, приводить ее в божеский вид было для следователя истинным наслаждением Николай Павлович имел дома соответствующий станочек и другой инструмент. Зная его хобби, знакомые обращались с просьбой привести в порядок пришедшую в ветхость любимую книгу — и никогда не слышали отказа. К переплетным работам он относился с таким же тщанием, как и к своему основному занятию — следствию.

Впрочем, неизвестно еще, что Николай Павлович больше любил в жизни...

Приняв к производству дело, Шмелев решил провести допрос коммерческого директора «Детского мира» Скворцов находился под стражей, а потому первая встреча произошла в следственном изоляторе.

Подследственному было немного за сорок. Он был в щегольской комбинированной сорочке, из тех, за какими охотятся самые отчаянные модники, фасонистых импортных брюках и туфлях. Но выглядел каким-то помятым, опущенным, на лице — несколькодневная щетина

Конечно, следственный изолятор не санаторий. Но некоторые и в нем ухитрялись оставаться подтянутыми, словом, следили за собой. Таких раскалывать — семь потов сойдет. А вот что касается Скворцова, сразу видно: поставил на себе крест...

Шмелев назвал себя, сказал, что ему поручено следствие по фактам, сообщенным им, Скворцовым, на прежних допросах.

— Сперва, Владлен Карпович, я хотел бы услышать,— начал Николай Павлович,— что толкнуло вас провернуть махинацию со школьной формой? Знали же, что идете на преступление?

— Разрешите закурить? — попросил Скворцов.

— Курите...

— Я вижу, вы воевали,— сказал подследственный, прикуривая дорогую сигарету от иностранной зажигалки.

На пиджаке следователя красовались три ряда орденских колодок.

— Воевал,— кивнул он.

— Я хоть и не воевал, но служил,— продолжал Скворцов.— Армия тогда армия, когда идут в ногу. Не так ли?

— Дважды два...— чуть усмехнулся следователь.

— Да и на гражданке если что и может получиться, только когда общество тоже шагает дружно. На самом же деле? Сверху нас призывают: перестраивайтесь! Одни послушались призыва, перестраиваются, а другие? Как жили прежде, так и живут. Верно?

— Допустим,— сказал Шмелев, не зная, куда клонит подследственный.

— Выходит, шагаем-то вразброд! Я хочу жить честно, а мне не дают.

— Кто?

— Скорее уж — что. Система! Да-да, наша административно-командная система, которой перестройка не коснулась ни на йоту!— показал кончик мизинца Скворцов.— Представляете, еду за товаром, а мне от ворот поворот. Нету! Простите, чем же торговать? План летит, премия горит, люди разбегаются... Вы знаете, сколько не хватает работников в сфере торговли только в Южноморске?

— Знаю — много.

— Но кого это интересует? Никогошеньки. Как и то, откуда мне взять товар. Покупателям — вынь да положь. И коллективу... Иначе такой коммерческий директор не нужен. Вот и ломаешь голову, как выкрутиться. Поневоле вспомнишь застойные времена — Скворцов горько усмехнулся.— А по сути — ушли ли они?— Он посмотрел на следователя и, не услышав ответа, продолжил:— Короче, пришлось сделать так, как делалось и раньше. Кругленькую сумму на лапу — и дефицит тебе тут как тут! В данном случае — школьная форма. Вы можете спросить, откуда у меня деньги для взятки? Отвечу: печатного станка нет. Зарплата — смех. А тут подвернулись кооператоры, предложили, ну я и...— Скворцов вздохнул.— Скажите, а как можно иначе? Что мне было делать?

— Прежде всего — задуматься. Ведь не в джунглях живете. Или никогда не слыхали про такие органы, как народный контроль, ОБХСС, прокуратура, суд? Советская власть существует...

— Да-да, и уже много лет,— усмехнулся Скворцов.— Восьмой десяток разменяла. А спекулянтов, воров, взяточников поубавилось? Увы! Судя по газетным выступлениям, год от года даже больше становится. Почему так происходит, Николай Павлович, объясните?

— Целые институты ломают голову, а вы хотите, чтобы я сразу, одним махом...

— Ну тогда я вам скажу! В органах, которые вы назвали, служат люди, а не ангелы, как нам вдалбливали всю жизнь. Обыкновенные смертные. А они везде разные. И в торговле, и в милиции. Но, как сказал Жванецкий, что стережешь, то и имеешь... Возьмите Киреева. Закон для него — как собственная овчарка: на кого хочет, на того и науськает.

— Почему вы пришли к такому выводу?

— А к какому же я, простите, должен был прийти?— негодовал Скворцов.— Я-то здесь, а он наслаждается волей. Хотя такой же преступник, как и я. Да-да, преступник! Но вас это почему-то не касается...

— Следствие только началось,— пожал плечами Шмелев.— Исходя из презумпции невиновности, никто не имеет права считать его преступником.

— А меня можно?!— по-наполеоновски сложив руки, воскликнул Скворцов.— Выходит, эта самая презумпция одна для меня, работника торговли, а другая для начальника ОБХСС? Странно получается, гражданин следователь.

— Если вина Киреева будет доказана...— начал было Николай Павлович, но Скворцов его запальчиво перебил:

— Ага! Акта, составленного Киреевым, оказалось достаточно, чтобы меня упечь в каталажку, а моих показаний не достаточно, чтобы посадить его в соседнюю камеру! Но между нами нет никакой разницы!

— Есть. Вам предъявили обвинение — вы признали себя виновным,— невозмутимо произнес следователь.— А Киреев...

— Предъявите и ему,— снова перебил Скворцов.

— Доказательства?

— Их навалом! Ваш Киреев берет с каждого.

Слышите, с каж-до-го! Всех обложил данью. Магазины, ателье, столовые. Ни одного шашлычника не обошел стороной. А теперь кооперативы появились. Вот уж где раздолье для киреевых!

— Можете назвать конкретно, с кого, когда и сколько он брал?

Скворцов вдруг поник, словно из него выпустили пар.

— Нет,— произнес он тихо.

— А откуда у вас такие сведения?

— Не беспокойтесь, сведения самые точные,— негромко, но твердо произнес подследственный.— Из надежных источников.

— Назовите их.

— А это уж увольте,— решительно заявил Скворцов.— У нас, в торговле, свои правила игры, и я их нарушать не буду. Я отвечаю лично только за себя. Играю с вами честно: что касается моих грехов — весь как на ладони. Ничего не скрыл.

— А скрывать и не было смысла,— заметил следователь.— По документам все ясно. Никуда не денешься — подписи ваши... Хорошо, вы сами Кирееву давали?

— Ему в руки — нет. А вот для него передавал. Правда, всего один раз.

— Уточните: когда, через кого, сколько?

— Когда...— тяжело вздохнул подследственный.— В декабре прошлого года. Всего месяц прошел, как меня назначили коммерческим директором. И тут заявляется шестерка Киреева — старший опер Ларионов.

— Имя-отчество помните?

— Станислав Архипович... Так вот, представился, значит, он, разговорились. Согрелись коньячком. За знакомство как бы. Он и говорит: дочери его начальника требуется дубленка. Требуется так требуется, хотя ума не приложу, зачем она при нашем-то климате... Пошли на склад, выбрали. Бельгийскую. Сорок четвертый размер. Завернули, как положено. Я жду, когда Ларионов рассчитается. Держи карман шире!.. Когда он ушел, мне популярно растолковали, что к чему. Сказали, что еще дешево отделался. Но радоваться было рано. Недельки через две — снова пожаловал Ларионов. Я опять выставил марочный коньяк. Одной бутылки ему мало. Вторую раскупорили. И вдруг этот молокосос заявляет, что я должен

ежемесячно вручать ему для его начальника три тысячи рублей... Представляете, три тысячи! В месяц! Я возьми да ляпни: «А не жирно ли будет для твоего Киреева?» Ларионов говорит, что Донату Максимовичу будут доставаться из них крохи: львиная доля пойдет наверх, аж до самой Москвы...

— Ларионов назвал, кому именно?

— Что он — дурак?— хмыкнул бывший коммерческий директор.— Да и мне много знать за ненадобностью... Короче, я возмутился. Ну и рубанул сплеча: никаких тысяч отстегивать не буду!.. Действительно, почему? Тут, понимаешь, ночами не спишь, мучаешься, как, что и откуда, а эти кровососы...— Он хрустнул пальцами и замолчал.

— Ну и что же дальше?

— Ларионов аж побагровел. Говорит, пожалеешь, начальник не любит, кто против течения, и ничего не забывает... Ушел.— Скворцов снова замолчал.

— И чем все кончилось?

— Тогда — ничем. Правда, пару раз Ларионов приходил со своими коллегами с проверкой. Но ничего интересующего их не нашли.

— Не смогли или не захотели?— внимательно посмотрел на Скворцова следователь.

— Не захотели,— осклабился тот.

— За здорово живешь?— с сомнением произнес Шмелев.

— У «Киреева и К°» так не принято. Свое он имел.

— Все-таки давали?— настаивал следователь прокуратуры.

— Я — нет. Но это не значит, что не давали другие,— уклончиво ответил подследственный.

Здесь таилась какая-то непонятная комбинация, поэтому Шмелев строго сказал:

— Послушайте, Владлен Карпович, вы же сами уверяли, что передо мной — как на ладони.

Скворцов некоторое время колебался, затем со вздохом проговорил:

— Ладно. Начистоту так начистоту. Но только не для протокола. Идет?

— Слушаю.

— Знаете, почему я здесь, перед вами?— понизив голос, произнес бывший коммерческий директор.— Потому что компаньоны мои скиксовали.

— Кооператоры, что ли?— уточнил следователь.

— Они. Обещали прикрыть тылы своими силами. Ну, отстегнуть Кирееву. Как раньше делали. Но пожалели, наверное. А этот вампир и впрямь ничегошеньки не забывает.

...Что касается протокола допроса, тут Скворцов проявил невероятную дотошность. Цеплялся к каждому слову. Расписался он на листах дела лишь тогда, когда все его замечания и дополнения были зафиксированы со скрупулезной точностью.

Киреев пребывал в прекрасном настроении — отлично провел время на даче в горах в обществе начальника главка одного из влиятельных ведомств в Москве. Белая «Волга» майора, покинув прохладное ущелье, вылетела на оживленные, несмотря на глубокий вечер, улицы Южноморска. Шофер привычной дорогой вез Доната Максимовича домой, встречные инспектора ГАИ, как всегда, брали под козырек.

Уже на родной улице Киреев вспомнил, что обещал Зосе навестить ее родителей: теща прихворнула. Но закрутился и забыл.

«Теперь уже поздно,— с огорчением подумал он.— Ладно, заеду завтра».

И тут раздался зуммер радиотелефона.

— Киреев слушает,— поднял он трубку.

— Говорит полковник Дойников,— послышался знакомый голос заместителя начальника УВД области.— Сообщаю, что операция «Прибой» начнется завтра, в девять ноль-ноль. Как поняли?

— Понял, товарищ полковник,— откликнулся Донат Максимович.— Операция «Прибой» начинается завтра, в девять ноль-ноль.

— Общее руководство осуществляет сам генерал Рунов,— продолджал четким, без всяких эмоций голосом Дойников.— Вам надлежит к назначенному времени быть вместе с оперативным составом в полной готовности. Конкретные указания — что и кого проверять — получите непосредственно перед началом операции. За утечку информации начальники подразделений несут персональную ответственность.— Полковник выдержал паузу, чтобы, вероятно, начальник ОБХСС осмыслил приказ, и в заключение спросил:— Все понятно?

— Так точно, товарищ полковник

— До свидания.

— До свидания,— сказал Киреев и положил трубку, затем скомандовал водителю:— Разворачивай.

— В управление?— вопросительно посмотрел на патрона шофер.

— Сначала в «Аполлон».

Савельева встретила позднего гостя в своем салоне настороженно.

— Что-нибудь серьезное?— спросила хозяйка «Аполлона», когда Киреев развалился на диванчике.

— Очень,— кивнул он.— Главное — срочное.

— Свистать всех наверх!— возбужденно заходил по своей жердочке Чико, распушив хохолок.

— Господи!— уставился на попугая Донат Максимович.— Честное слово, готов иной раз поверить, что он был когда-то человеком.

— И весьма неглупым,— рассмеялась Капитолина Алексеевна, а затем озабоченно добавила:— Ну, выкладывай.

— Нужно кое-что передать боссу,— начал Киреев.

— Хорошо,— кивнула Савельева.— Сегодня, правда, я не смогу связаться с Совой.

— Нет, обязательно сегодня. Сейчас!

— Ладно,— после некоторого размышления согласилась Капочка...

Стоит отлучиться буквально на два дня, как по возвращении тебя ожидает куча дел, разгрести которую стоит недели сидения на работе допоздна. Так случилось, когда я вернулся с зонального совещания.

Утром я прибыл на службу и тут же столкнулся у подъезда со своим заместителем Алексеем Алексеевичем Гурковым. Не успели мы поздороваться, как он с ходу обрушил на меня ворох вопросов, которые требовали незамедлительного решения. Гурков выложил их за то время, пока мы шли с ним в мой кабинет. Но и там Алексей Алексеевич продолжал делиться новостями:

— А уж сколько звонков было — словно прорвало. И каждый непременно желал переговорить лично с вами.

В голосе Гуркова послышались знакомые нотки — некоторая обида. Я понимал: задето его самолюбие. Он метил на освободившееся место областного прокурора, но назначили не его, а меня. Поговаривали,

что Алексей Алексеевич до сих пор не может успокоиться, чувствует себя обойденным...

— Откуда звонили? Кто?— спросил я.

— Из горкома несколько раз,— загнул палец мой зам,— Голованов... Из Прокуратуры республики,— он загнул второй палец,— помощник Генерального прокурора... Спецкор центральной газеты. Мелковский, кажется, его фамилия... Заместитель министра внутренних дел Союза...

Пальцев на руках Алексея Алексеевича не хватило — меня добивались двенадцать человек.

— Слава богу, не чертова дюжина,— заметил я с улыбкой.

А сам невесело подумал: наверняка многие звонившие хотели попросить устроить домочадцев или кого-нибудь из знакомых в гостиницу, пансионат. Подобные просьбы сыпались как из рога изобилия в преддверии бархатного сезона. Буквально перед отъездом меня замучили подобными звонками, раздававшимися по нескольку раз в день. Будто я не прокурор, а диспетчер курортного бюро...

Отказывал всем. Уверен, что многих обидел. Но как быть иначе? Дать обещание — значит идти кое к кому в Южноморске на поклон. Мне навстречу пойдут с удовольствием, но тогда прощай независимость: обратают в одночасье.

— Если вам неудобно, направляйте ко мне,— предложил как-то Алексей Алексеевич.— Я всегда готов помочь.

— Можно подумать, что у вас нет других дел,— заметил я.

И больше эту тему не затрагивал...

— Вы в курсе, почему на меня такой спрос?— поинтересовался я.

— По-моему, большинство звонили по поводу Киреева,— ответил Гурков.

Это было странно. Когда я уезжал два дня назад, дело начальника южноморского ОБХСС только-только разворачивалось.

— Что случилось?— удивился я.— Его взяли под стражу?

— Нет-нет,— испуганно проговорил Алексей Алексеевич.— Кто бы решился дать санкцию?— Он помялся и добавил:— Между прочим, и вам советую: поосторожней. Самое милое дело — спихнуть

расследование в прокуратуру города, а еще лучше в прокуратуру республики. Как еще обернется — бабка надвое сказала, а нам жить в одном городе с Киреевым и с его тестем...

У меня заныло в загрудье — признак поднимающейся злости.

Ох уж этот Гурков! Он всегда отличался большим мастерством в «спихотехнике». Но как это можно, чтобы зампрокурора области, старший советник юстиции, боялся начальника ОБХСС города?

Я не успел ответить — зазвонил аппарат ВЧ. Чисто и звонко. Это была Москва, заместитель министра внутренних дел. Он и вчера звонил, в мое отсутствие.

Заместитель министра начал издалека, о зональном совещании, где выступил его шеф. Пришлось поддержать в общем-то пока ни к чему не обязывающую тему. Я сказал, что патрон его выступил очень даже нестандартно (я не лукавил, это действительно было так). Наконец мой собеседник спросил:

— Что это вы там устроили проверку нашему работнику, Захар Петрович? Я говорю о Киреевe...

Почему-то он избежал слова «следствие».

— Не проверку, возбудили дело,— поправил я.

— И что установили?— продолжал замминистра уже не так любезно.

— Пока ничего не могу сказать. Идет следствие.

— Кто ведет?

— Очень опытный товарищ.

— Вы ему доверяете?

Это уже начинало походить на допрос...

— Не доверять нет оснований,— ответил я официальным тоном.

— Так что, Киреева уже взяли под стражу?

Я почувствовал недобрые нотки в голосе собеседника.

— Нет. И по-моему, он даже не отстранен от работы.— Гурков утвердительно кивнул мне.— Могу точно сообщить: пока при должности.

— Захар Петрович,— неожиданно сменил интонацию заместитель министра,— прошу учесть, что товарищ Киреев недавно получил знак «Отличник милиции». А просто так у нас работников не отмечают. Заслужил, значит Словом, очернить человека просто, а вот потом ему отбеливаться будет ох как трудно. Не наломать бы вам дров

— Постараемся не наломать,— заверил я замминистра.

Он просил держать его в курсе...

«Я предупреждал вас, Захар Петрович»,— словно говорил взгляд Гуркова.

Обсуждать с ним разговор с замминистра у меня не было желания.

Снова защемило грудь: Боже мой, как еще далеки наши декларации от воплощения в жизнь!

«Покончим с телефонным правом! Защитим авторитет и независимость работников правопорядка!..»

Я вспомнил вопрос, который задал один из моих коллег на зональном совещании: когда, наконец, выйдет закон о защите следователей и прокуроров, когда их перестанут дергать и дадут возможность исполнять свои служебные обязанности исключительно на основании законов? Ответ из президиума прозвучал такой: вот-де построим правовое государство, тогда и наступит золотое время безупречной и неприкасаемой юстиции...

Когда же придет это царство законности?

Я вызвал через секретаршу Шмелева с материалами по делу Киреева. Как только следователь переступил порог кабинета, Гурков заторопился.

— Захар Петрович, у меня, понимаете, назначено совещание. Разрешите идти?

— Да-да, идите,— кивнул я.

Мой зам шарахался от всего, что было связано с начальником городского ОБХСС, как от чумы.

По виду Шмелева никогда нельзя было определить, успешно движется дело или нет.

— Что новенького?— спросил я у Николая Павловича.

Тот разложил бумаги, взял в руки видеокассету

— Захар Петрович, может, я поставлю?— показал он пластмассовую коробочку — Так сказать, увидите предметно.

— Очень даже хорошо.

— Ну, а потом мы обсудим...

Он включил телевизор, вставил кассету в видеоприставку. Слава богу, система работала. Это была наша, отечественная «Электроника». Год как приобрели, а уже несколько раз вызывали мастера Спасибо, хоть такая имелась Об импортной даже мечтать не приходилось

Вообще-то, наши следователи прибегали на допросах к видеозаписи не очень охотно. На пороге XXI век, а пользуемся, в основном, средствами времен Ивана Калиты... А вот Шмелев, хоть и ветеран прокуратуры, не упускал случая применить технические новшества.

— Всё Скворцова потрошили? — поинтересовался я.

— Нет, еще один данник Киреева,— пояснил следователь.— Директор магазина «Дары юга».

На экране возникло знакомое усатое лицо. Агеева я встречал несколько раз на заседании горисполкома, хотя знакомы лично мы не были. Судя по обстановке, допрос велся в кабинете Шмелева.

«—...Что ж получается,— бубнил директор.— Я, значит, выложу вам все начистоту, а вы меня того...— Он сделал жест рукой, будто бы что-то схватил.

— Я, кажется, внятно объяснил,— втолковывал ему Шмелев.— Если вы давали взятки в результате вымогательства, то в ваших действиях нет состава преступления.

— Мягко стелете, Николай Павлович,— с подозрением смотрел на следователя Агеев.

— Экий вы фома неверующий,— покачал головой следователь, раскрывая книгу в коленкоровом переплете и кладя перед допрашиваемым.— Читайте сами. Статья сто семьдесят четвертая... А вот комментарий к ней.

Агеев взял кодекс и стал читать, отстранив на расстояние вытянутой руки, был, видимо, дальнозорким. Он молча шевелил губами, наморщив лоб, потом передал книгу Шмелеву.

— Поняли? — спросил тот.

— А что тут не понять,— вздохнул директор.

— Я хочу, чтобы вы хорошенько себе уяснили,— с нажимом сказал следователь.— От уголовной ответственности освобождается лишь тот, кто добровольно заявляет о случившемся! Понимаете, сам! И если у него вымогали. В противном же случае...

— Конечно, вымогали! — поспешно произнес Агеев.— Что я, дурак, буду сорить деньгами? Буквально за горло взяли...

— Ну вот и расскажите подробнее.

— Понимаете, обэхээсэсники начисто перекрыли кислород.

— В каком смысле?

— Попробуйте поработать, когда тебя проверяют чуть ли не каждый день,— с мукой в голосе проговорил директор овощного магазина.— Цеплялись к чему надо и не надо. У нас товар специфический, деликатный.. Короче, не буду утомлять вас тонкостями нашего дела... Не торговля получалась, а сплошной убыток. Хоть увольняйся! Вот я и вынужден был давать взятки.

— Кому?

— Кому...— усмехнулся Агеев.— Кирееву.

— За что? Конкретно?

— За то, чтобы отстал. Дал наконец спокойно работать.

— И только?

— Ничего себе — только! Вздохнули, можно сказать, свободно.

— И в какую сумму оценена услуга начальника ОБХСС?

— Три тысячи.

— Когда вы их ему дали?

— По сей день плачу ежемесячно три тысячи.— Агеев стряхнул с колен несуществующие пылинки.— Копейка в копейку.

— А кроме денег?

— Само собой,— как о чем-то совершенно обыденном сказал директор.— Фрукты, овощи, консервы, коньяк, вино...

— Как вы ему это передавали?

— Обычно он звонил и диктовал адрес: доставить то-то туда-то.

— А кто доставлял?

— Иногда шофер Киреева, но в основном — мы.

— Кто это — «мы»?

— Чаще всего — мой шофер Володя. Суслов его фамилия.

— На вашей служебной машине?

— Помилуйте, откуда у меня служебная? Личная! Иной раз я и сам подвозил.

— Можете вспомнить, кому предназначались эти подношения?

— Попробую,— потер лоб Агеев.— Самое свеженькое — буквально на прошлой неделе. Подвез прямо к подъезду две корзины с фруктами и дюжину марочного вина. Вручил артисту Белову. Слышали небось о таком?

— А как же,— кивнул следователь.— На каждом углу афиши... Еще?

— Заместителю министра Воронову,— перечислял директор.— На дачу... Генералу Авдюшко в прави тельственный санаторий... Да разве всех упомнишь?

— Надо вспомнить, Сергей Фролович.

— Многих я не знаю. Некоторых вообще в глаза не видел.

— Как это — не видели? — удивился Шмелев.

— Очень просто. Киреев называл по телефону гостиницу или санаторий, номер комнаты... А в другие города — и вовсе неизвестно, кому и куда.

— Вы и туда посылали?

— Еще сколько! Ящиками. Через проводников. Мое дело было упаковать и подвезти к поезду. А что дальше — никогда не интересовался.

— И много вы передали Кирееву за все время, я имею в виду деньгами и натурой?

— Могу сказать.— Директор некоторое время смотрел в потолок.— Деньгами семьдесят две тысячи, ну а товара — тысяч на шестнадцать примерно...»

Шмелев, не тот, что на телеэкране, а находящийся в кабинете, остановил звукозапись.

— Хорошо подоил Агеева Киреев,— заметил я.

— Не беспокойтесь, директор в накладе не остался,— с усмешкой произнес следователь.— Киреев отрабатывал свой «гонорар». Наш дорогой директор умолчал о том, что начальник ОБХСС надежно прикрывал его самого и продавцов магазина. Если говорить об обсчетах и обвесах в «Дарах юга», это замять для Киреева — мелочи. Куда важнее было подстраховывать Агеева от плановых и неплановых проверок. Их только еще задумывали, а директор уже был в курсе. Ну и, сами понимаете, заранее готовился. Нагрянут проверяющие, а у Сергея Фроловича все в ажуре. Комар носа не подточит. Отсюда и грамоты, вымпелы, первые места...

— Шофера Агеева допросили? — поинтересовался я.

— А как же. Все подтвердил. Но больше патрона не сказал ни слова. Кстати, знаете, сколько отваливает ему Агеев? Восемьсот рэ в месяц!

— Восемьсот? — поразился я.— Доктора наук столько не получают

— Вот именно. А у самого директора зарплата

всего-навсего двести пятьдесят. Заковыристый ребус, верно? — прищурился Шмелев.

— Не простой,— согласился я.— А. с шофером Киреева говорили?

— Еще нет. Считаю — рано.— Николай Павлович сменил видеокассету.— А сейчас, Захар Петрович, увидите миллионера. Самого натурального...

— Кооператора, что ли?

— Индивидуала,— уточнил Шмелев.— Некто Ступак. Ну, тот самый, что имеет «роллс-ройс».

— Кто же не знает его роскошной машины?

— У Ступака имеется и другая, «ягуар». Не менее роскошная. На «ягуаре» жена ездит. Оба приобрели патент на извоз.

На телеэкране возник трехэтажный особняк с колоннами и широкой лестницей, украшенной статуями под античность.

— Не дом, а дворец! — вырвалось у меня.

— Это не вся недвижимость Ступаков,— пояснил следователь.— Имеют еще четырехкомнатную кооперативную квартиру в Москве, дачу в Подмосковье, оцененную в триста тысяч, и более дорогую — в Крыму...

Он умолк, потому что на экране появился сам Ступак, сидящий напротив Николая Павловича у тяжелого старинного стола, отделанного резьбой. Оператор не удержался, чтобы не пройтись панорамой по комнате. Антикварная мебель, хрусталь, на стенах ковры и гобелены. Люстра — как в Большом театре... Я понял: допрос происходил в особняке южноморского миллионера.

«...— Во что обходится вам один патент в год? — спрашивал Шмелев у Ступака, поджарого мужчины лет пятидесяти.

— Семьсот рублей,— ответил владелец шикарных лимузинов и дач.

— А какой доход вы получаете от извоза? Вместе с женой?

— Считайте, по четыре тысячи в месяц, не меньше. Ежели хотите знать точно, можете справиться в райфинотделе. Налоги мы платим исправно.

— Прилично,— протянул следователь.— Я знаю, что другие...

— Другие, товарищ следователь,— перебил Ступак,— на «Жигулях» и «Москвичах». Да и возят

кого? Всякую шелупонь. Видали наши тачки? Клиента соответствующего обслуживаем. Сами понимаете, какого.— Ступак похлопал себя по карману.

— Тачки, как вы говорите, действительно знатные,— согласился Шмелев и хитро прищурился: — Но вот, судя по спидометрам, вы на них немного успели наездить. Откуда же такие доходы?

— Вот именно за то, чтобы милиция ко мне не приставала и не задавала, простите, таких ехидных вопросиков, я и вынужден, подчеркиваю, вынужден был взять «на прокорм» Доната Максимовича Киреева,— с несколько нагловатой улыбкой ответил допрашиваемый.

— Поясните, пожалуйста,— вежливо попросил следователь,— что значит «на прокорм»?

— Пообещал вашему начальнику ОБХСС отваливать каждый месяц по четыре тысячи.

— И отваливали?

— Факт. Сказать по правде, получалось даже больше,— уточнил владелец лимузинов.— Платил аккордно, пятьдесят тысяч в год.

— А кроме этого что-нибудь дарили?

— Чего нет, того нет. Разве он просил пару раз покататься на моих ласточках. Для форса. Ну, это не в счет...»

Изображение задергалось, экран опустел.

— Да, техника у нас, прямо скажем...— покачал головой следователь.— Пришлось дальше вести допрос без видеозаписи. Но ничего интересного больше Ступак не показал.

Я недоумевал: какой резон был Ступаку, зарабатывая сорок восемь тысяч в год, отдавать Кирееву... пятьдесят? Работать себе в убыток?

— И вообще, почему он старался вас убедить, что зарабатывает много? — спросил я у Николая Павловича.

— Очень просто: оправдать, откуда у него такой дом-дворец и прочая роскошь.

— А на самом деле, откуда?

— Захар Петрович, Ступак — картежный шулер экстра-класса! Лобовик, по-ихнему. А лобовики эти играют даже не на тысячи, на миллионы! Все, что он имеет, выиграл в карты. Даже жену.— Шмелев достал из папки с делом фотографию.— Полюбуйтесь.

Я глянул на снимок: настоящая красавица. Молодая. Лет на двадцать пять моложе супруга.

— Ну и дела творятся у нас под боком! — не смог сдержать я негодования.— Что твой Монте-Карло! А милиция спит.

— Что они могут? — вздохнул следователь.— Если кого и ловят, то в основном щипачей. У лобовиков катраны так законспирированы, что иностранным агентам с их явками и не снилось! Понимаете, прижучить Ступака можно только в том случае, если на него поступит жалоба от лоха, ну, облапошенного им. Но таких жалоб в органы не поступало. Я интересовался и в горуправлении, и в областном... Ступака не ухватишь! Свои не выдадут ни за что — он босс! И денег на общак не жалеет. По слухам, на съезд картежников в прошлом году отвалил сто тысяч.

— А мы о кооператорах говорим, мол, денежные мешки,— заметил я.

— Да они Ступаку в подметки не годятся. И уж коли зашел разговор о кооператорах...— Шмелев вставил новую видеокассету.— Посмотрим еще один допрос.

На экране появился сам Николай Павлович и полный мужчина восточного типа. Они сидели на балконе какого-то дома. На фоне склона горы и моря.

— Директор ресторана «Воздушный замок»,— пояснил следователь.

Я вспомнил недавнюю историю с хулиганским нападением на кооперативный ресторан — она так и не прояснилась до сих пор.

«— ...Нет, так работать невозможно! Совершенно! — темпераментно говорил директор ресторана, жестикулируя волосатыми руками.— Все, распущу кооператив к чертовой матери!

— Почему? — интересовался следователь.

— Надоело! Всем нужно класть на лапу! — все более азартно продолжал Карапетян.— Санитарному инспектору дай, пожарному — дай, торговому — дай! Фининспектору дай!.. Но это еще не все! Председателя райисполкома накорми и напои, народный контроль требует, ОБХСС тоже. Хоть по миру иди!

— Что же вы такой покладистый, Сурен Ованесович? — покачал головой Шмелев.— Мало ли кто будет просить...

— Просить?! — прямо-таки взвился Карапетян.—

Просят нищие да убогие. Эти же набрасываются, как шакалы! На части рвут! Кровь высасывают, как пиявки... И попробуй не дай!

— Пошлите их всех подальше,— посоветовал Шмелев.

— Вам легко говорить,— поник головой директор ресторана.— Посмотрели бы, во что превратили мой «Замок» на прошлой неделе! У меня волосы на голове дыбом встали! Сколько я туда сил и денег вложил! Всю душу, можно сказать, отдал, а они...— Он замолчал, печально устремив глаза вдаль.

— Так вы никогда не отделаетесь от нахлебников,— сказал следователь.

— А что делать? — в отчаянии спросил Карапетян.

— Помогите следствию, чтобы вывести всех вымогателей на чистую воду. Назовите их имена.

— Вах! — грустно усмехнулся Сурен Ованесович.— Я не враг себе! Вы запишете в свои протоколы, пойдете домой и будете спать спокойно. А что ждет несчастного Карапетяна?.. Дорогой Николай Павлович, у меня ведь есть жена, дочь. Кто нас защитит? — Он безнадежно махнул рукой.— Нет, пропади все пропадом! Заберу семью и уеду подальше отсюда!

— А преступники останутся на свободе и будут тянуть с других...

— Меня это не касается!

— Но ведь кто-то должен встать на защиту справедливости!

— Один уже встал,— хмуро произнес Карапетян.— Я имею в виду нашего дядю Михея. Он хотел помочь следствию — и где теперь находится? Его жена, бедная старушка, все глаза проплакала... Дядя Михей исчез — как в воду канул... Скажите, только честно, вы сможете уберечь меня и моих близких? Можете дать гарантию, что с нами ничего не сделают? — Карапетян испытующе посмотрел на Шмелева и грустно заключил: — Вот видите, сказать вам нечего...»

На этом видеозапись допроса закончилась.

— О каком дяде Михее говорил Карапетян? — спросил я.

— Сторож платной стоянки у ресторана,— пояснил следователь.— Пронин. Пенсионер, инвалид войны. Он дал показания милиции о подозрительных людях, подъехавших к «Воздушному замку» перед самым

погромом. Назвал номер машины, сказал, что сможет их опознать... И в ту же ночь пропал. Жена заявила.

— Ну и?..

— Угрозыск занимается. Но пока...— Шмелев развел руками.

— Так Карапетян давал Кирееву или нет?

— Вы же сами видели, Захар Петрович, директор ресторана не назвал ни одной фамилии, не привел ни одного факта. Хотя, по имеющимся данным, он давал взятки начальству ОБХСС, поил и кормил клиентуру Киреева.

— Здорово боится,— заметил я.

— Не то слово! — вздохнул следователь.— Не хотелось бы мне быть на его месте! Ведь что самое страшное — на самом деле никто не может дать ему никакой защиты и гарантии от повторного хулиганского нападения.— Шмелев махнул рукой.— И я сидел как оплеванный.

— Видел,— кивнул я на потухший экран телевизора.

— Что получается, Захар Петрович? Вот пресса шумит о правах обвиняемых, о допуске адвоката к следствию в самом начале... В общем-то, правильно ставят вопрос... Но почему газетчики мало говорят о том, что потерпевшие тоже нуждаются в защите? Нужен закон, оберегающий их от вора, насильника, взяточника, рэкетира!

— Согласен с вами полностью,— кивнул я.— Но если бы принятие такого закона зависело от нас!.. Хочется надеяться, что доживем.

— Дай-то бог.— Николай Павлович сложил кассеты, затем извлек из папки еще один документ.— Последний допрос Ларионова. Шестерки Киреева, как сказал Скворцов... Вымогательство взяток у коммерческого директора «Детского мира» оперуполномоченный ОБХСС начисто отрицал. Признал лишь единственный факт — насчет детской дубленки. Да и ту он Кирееву не передавал.

— А для чего взял ее? — удивился я.

— По словам Ларионова, эта дубленка не подошла дочери Киреева по размеру. Ларионов принес ее домой. Жена увидела, говорит, давай, мол, померяем нашей девочке. Оказалось — в самый раз. Ларионовы оставили дубленку у себя, а Кирееву отдали за нее деньги... Вот такая история.

— Значит, деньги Киреев все-таки прикарманил,— заметил я.

— Выходит, так.

— Ну что ж, Николай Павлович, дело серьезнее, чем я предполагал, когда поручал вам следствие.

— Серьезней не бывает.

Шмелев протянул мне два документа. Один — постановление на производство обыска на квартире Киреева.

— Вы считаете, не рано? — спросил я, утверждая его.

— Вчера уже было поздно...

Другую бумагу — о взятии начальника южноморского ОБХСС под стражу — я пока не подписал.

— Смотрите, Захар Петрович, как бы не пришлось объявлять розыск. Ведь сбежит! — предупредил Шмелев.

— Вы же знаете мое правило, Николай Павлович,— напомнил я.

— Да-да-да,— спохватился он.— Допросите, прежде чем дать санкцию?

— Непременно. Давайте подумаем, под каким предлогом пригласить Киреева к нам в прокуратуру.

— Повод найдем,— пообещал следователь.— Только обязательно сегодня!

— Готов хоть сейчас.

...Но «сейчас» не получилось. Меня срочно вызвали в горком партии. Разговор с начальником городского ОБХСС состоялся только во второй половине дня. После этого я и дал санкцию на его арест.

На Южноморск опустился вечер. Возле ресторана «Воздушный замок» сгрудились с десяток «Жигулей» и «Москвичей». Они приткнулись на обочине дороги, так как платная стоянка не функционировала. На ней лишь одиноко стоял «вольво» Карапетяна.

Сурен Ованесович вышел из своего заведения в сопровождении метрдотеля Леониди, нагруженного коробками.

— Смотри, Костя,— наставлял его директор,— не забудь завтра подъехать на базу. Поступила импортная посуда. А то уже нечем сервировать столы. С заведующим я договорился.

— Будет сделано,— кивнул Леониди.— Эх, не вовремя уезжаешь, Сурен...

— Всего на два дня. Понимаешь, совсем нервы ни к черту! Съезжу в горы, подышу свежим воздухом...

Они подошли к стоянке. Карапетян сунул ключ в замок, но тот оказался незапертым.

— Странно,— покачал головой директор, распахивая ворота.— Лично сам закрывал...

— Плохо, значит, закрывал.

Карапетян оглядел свою машину — вроде все было в порядке. Открыл дверцу со стороны водителя и бросил связку ключей Косте:

— Ящики — в багажник.

Леониди подошел к задку «вольво», потянул носом.

— Откуда вонь? — огляделся он.— Собака, что ли, дохлая где-то?..

Костя отпер багажник и в ужасе отскочил.

— Долго будешь возиться? — проворчал недовольно директор ресторана.

Сдавленный крик метрдотеля заставил его выскочить из автомобиля.

— Там... Там!..— показывал на открытый багажник трясущейся рукой Леониди.

Карапетян заглянул в него и в страхе отпрянул: в прозрачном пластиковом мешке лежал скрюченный человек. Его мертвые глаза смотрели на Сурена Ованесовича. Из ощерившегося рта вываливался почерневший язык, к которому была прикреплена бумажка. На ней крупными печатными буквами было написано: «Так будет с каждым, у кого он длинный!»

Это был сторож Пронин.

— Костя,— охрипшим голосом заорал Карапетян,— срочно звони в милицию!

Тот бросился к ресторану.

Несмотря на поздний час, в четырехкомнатных апартаментах Киреевых везде горел свет. То и дело звонили в дверь, надрывался телефон. Хозяйка квартиры Зося полулежала на роскошном кожаном диване в гостиной, заходясь в истерике.

— Гады! — кричала она.— Какое имели право?!

— Зосенька, милая, успокойся,— сидела возле нее главный администратор Дома моделей Кирсанова.

— Какой позор! — билась о мягкую стенку дивана головой Киреева.— Бросить в каталажку, как последнего блатного! Что он, бандит, убийца?!

— Ну возьми же себя в руки,— уговаривал хозяйку

Хинчук, нервно меряя шагами комнату.— Я уверен, Дона выпустят. И очень скоро. Поверь моему слову

— Выпустят? Черта с два! — кричала убитая горем жена, отпихивая от себя рюмку с успокоительными каплями, которые пытался ей влить в рот адвокат Чураев.

— Выпейте,— умоляюще просил он.— Легче станет. Главное, что Донат Максимович жив и здоров.

— Лучше бы он умер! — гневно бросила супруга.— И я вместе с ним! На черта мне жить!

При этих словах двенадцатилетняя дочь Киреевых, вжавшаяся в кресло с испуганными глазами, громко расплакалась.

— Настенька, не плачь, золотце ты мое! — бросилась к ней Марина Юрьевна.— Пойдем-ка лучше в твою комнату.— И она увела всхлипывающую девочку, тщательно прикрыв за собой дверь.

Попугай забился под телевизор, в страхе наблюдая за происходящим.

— Годами наживали, а теперь все это отберут! — причитала хозяйка дома, обводя рукой роскошную финскую мебель, ковры на стенах и полу, штучной работы дорогие охотничьи ружья, красующиеся в шкафу за стеклянной дверцей, горы хрусталя и серебряной посуды, выставленной на полках стенки, японскую радиоаппаратуру с названиями самых известных фирм.

Позвонили в дверь. Открывать пошел Хинчук и скоро возвратился.

— Геннадий Трофимович...— негромко объявил он

И уже в комнату солидно вступал отец Зоси, встревоженный, но при этом величественный, со значительностью в лице. Геннадий Трофимович Печерский был председателем южноморского горисполкома

— Наконец-то заявился! — зло бросила ему дочь.— А еще тесть называется! Весь город звонит Волнуется. Люди посторонние переживают. Вот пришли без всякого приглашения. А ты...

— Зосенька,— начал было отец, но она его перебила:

— Кто вчера уверял меня, что Дона пальцем не тронут? Кто?

Геннадий Трофимович растерянно огляделся — присутствующие старались не смотреть ни на него, ни на Зосю, но ему было не по себе: выслушивать

упреки при посторонних, пускай даже от родной дочери...

— Пойдем спокойно потолкуем,— предложил отец миролюбиво, направляясь к двери

— Иди, иди,— тихонько подтолкнула подругу Марина Юрьевна.

Зося повиновалась.

Разговор с отцом состоялся в спальне Интимный уголок Киреевых был обставлен не менее шикарно, чем гостиная. Спальный гарнитур из карельской березы, во весь пол вьетнамский ковер ручной работы, на стене — текинский. На нем разместилась великолепная коллекция старинного кавказского холодного оружия. Ножны кинжалов и шашек были отделаны серебром, узорами, эмалью и полудрагоценными камнями.

На тумбочке у двуспальной кровати стоял телефонный аппарат, выполненный в стиле ретро.

— Понимаешь, мне твердо обещали замять,— понизив голос, сходу начал Геннадий Трофимович.

— Ничего себе — замяли! — всплеснула руками дочь.— Заманили Дона в областную прокуратуру, надели наручники, бросили в «воронок» и — в тюрьму! К уголовникам!

У Зоси вновь хлынули слезы из глаз.

— Ну-ну,— положил ей руку на плечо отец.— Не заводись.

— Посмотреть бы на тебя, если бы к тебе ворвались с обыском! — зло сбросила его руку Зося.— А понятыми знаешь кто был? Сосед и соседка снизу! Мымра, которая меня ненавидит. О-о! — трагически протянула дочь.— Представляю, с каким злорадством сейчас обсуждает нас весь дом!

— Плюнь ты на соседей,— бодрячески посоветовал Геннадий Трофимович.— На чужой роток...

— И это говоришь ты! — аж задохнулась Зося.— Ты, мой отец! Как ты мог допустить до такого срама? Мало того, что обшарили везде, так еще вещи описали! Даже это.— Она распахнула дверцы платяного шкафа, плотно увешанного одеждой.

— Это уж слишком,— побледнев, охрипшим голосом проговорил отец.

Но дочь, казалось, не слышала его. На нее опять накатил приступ истерики. Сдернув с вешалки парадный мундир мужа, она пыталась порвать его Но ничего

не выходило. Тогда Зося сорвала со стены клинок и принялась остервенело кромсать гордость мужа.

— Ты с ума сошла! — бросился к ней отец.

— Не хочу видеть! Не хочу! — повторяла Зося, терзая мундир.— И пусть вся проклятая милиция провалится в тартарары! Вся!

Геннадий Трофимович остолбенело смотрел, как летели на ковер куски материи, погоны, сверкающие пуговицы. Он понял, что дочери нужно выместить на чем-нибудь свою ярость.

И действительно, когда от парадной формы остались одни лоскуты, Зося повалилась ничком на гобеленовое покрывало постели и тихо завыла. Сквозь всхлипывания пробивались лишь отдельные слова:

— Я... я... говорила... Дону... заложат... не связывайся... с-с милицией... Вот... получил...

Отец сел рядом, сложив на коленях руки. Дотрагиваться до дочери он не решился.

— Ладно, мы еще увидим,— погрозил он кому-то.

— Э-эх, молчал бы! — утирая обеими ладонями лицо, поднялась с постели Зося.— Даже этого фанатика, садиста Шмелева и того не мог отстранить...

— Как? Не убрали? — нахмурился Геннадий Трофимович.— А ведь дали слово...

Киреева смерила отца презрительным взглядом, подошла к двери, приоткрыла ее и крикнула:

— Марина, прошу, принеси газету.

Через мгновение в дверь протянулась рука с газетой.

— На, полюбуйся! — швырнула Зося ею в отца.

Газета распласталась на полу. Геннадий Трофимович поднял ее, пробежал глазами все полосы. Со второй на него глянули три снимка следователя Шмелева: поясной портрет; фотография, изображающая Николая Павловича дома со своей любимой собакой; и, наконец, Шмелев в молодости. На последней он, бравый офицер, при орденах, был снят с фронтовым товарищем, таким же улыбающимся молодцем.

Пространный очерк на весь подвал был озаглавлен: «Покой нам только снится».

Геннадий Трофимович посмотрел на дату.

— Сегодняшняя, сегодняшняя! — зло проговорила Зося.— Расписали как былинного героя. На всю область расхвалили.

Печерский скомкал газету, отшвырнул прочь. Его

лицо стало каменным, властным. Он решительно снял телефонную трубку, набрал номер.

— Миша?.. Да, я... Слушай, хочу сейчас подъехать к тебе.— Он хмуро вздохнул.— Какой преферанс!.. Дело, брат, неотложное... Не телефонный разговор... Еду.

Геннадий Трофимович встал.

— Вот что,— проговорил он голосом, от которого, наверное, трепетали его подчиненные,— прекрати распускать нюни. Не роняй себя перед людьми.

И вышел из комнаты.

В конце обеденного перерыва в кабинете Игоря Андреевича Чикурова, старшего следователя по особо важным делам при Прокуроре РСФСР, собралось человек пять. Хозяин комнаты сражался в шахматы с коллегой. Трое остальных были болельщиками. Играли блиц. Чикурову явно не везло.

Раздался телефонный звонок.

— Игорь,— послышался едва заметно грассирующий голос начальника следственной части прокуратуры Олега Львовича Вербикова,— загляни ко мне.

— Имею еще семь минут законного отдыха,— посмотрел на часы следователь.— Понимаешь, тут у нас турнир века...

— Срочно...

— Потом доиграем,— поднялся Чикуров.

Его обвинили в дезертирстве. Шутливо, конечно. Все разошлись.

Идя к начальству, Игорь Андреевич подумал о том, почему он не силен в блице. И пришел к выводу — таков уж у него склад мышления. Привык к «нормальным» шахматам, где ценится умение глубоко и тщательно обдумывать ситуацию и рассчитывать ходы вперед. А что касается блица — он, видимо, лучше подходит оперативникам...

— Проиграл? — с улыбкой встретил следователя Олег Львович.

— Еще бабка надвое сказала. Отложили...

— Думаю, о-очень надолго,— протянул Вербиков.

Чикуров понял: снова дорога, разлука с Андрюшкой — сыном.

— Куда? — с кислым видом спросил он, устраиваясь напротив начальника следственной части.

— Зря хмуришься,— покачал головой тот.— Не командировка — мечта! Южноморск...

— Спасибо за заботу,— не скрывая иронии, проговорил Чикуров.

Его бы сейчас не обрадовала поездка и на Гавайские острова...

— Понимаешь,— уже серьезно продолжал Вербиков,— областная прокуратура возбудила дело против тамошнего начальника городского ОБХСС. Майора..

— Майора?— хмыкнул Игорь Андреевич.— Что, сами не могут справиться?

— Тут, видишь ли, такая штука: наше руководство забомбардировали со всех сторон звонками. Будто этот Киреев, ну, майор, безгрешен, как ангел, следователь необъективен, а прокурор области — он на своем посту без году неделя — попал под влияние следователя. Словом, проявил беспринципность. Мы подумали и решили бросить тебя, чтобы отогрелся после архангельского дела.— Олег Львович снова перешел на шутливый тон.— Радуйся, брат, едешь в самый шикарный сезон, бархатный!

— Прямо сегодня?

— Сейчас. Самолет в восемнадцать двадцать пять С билетами, кажется, утрясли, машина внизу...

Чикуров прикинул: пока доберется домой в Бабушкин, потом во Внуково... Надо гнать, чтобы успеть.

Вербиков тоже это понимал и поэтому быстро закончил разговор. Минут через пятнадцать Игорь Андреевич уже мчался в машине, с грустью размышляя о том, какое трудное объяснение предстояло с женой.

Надежда... Встретились они лет десять назад, когда она рассталась с первым мужем В то время Надя была какая-то растерянная, издерганная Игорю Андреевичу тогда показалось, что ей нужно было просто к кому-нибудь прислониться. Дело осложнялось тем, что ее сын Кеша обожал отца (впрочем, обожает и до сих пор) и встретил появление в жизни матери Чикурова открытым сопротивлением Восемь лет (целая вечность!) ушли на ухаживания и уговоры. Надя согласилась выйти за Игоря Андреевича замуж лишь после того как, по ее мнению, выполнила материнский долг перед сыном, женив его и дождавшись внучки. Пасынок отделился от них всего полтора года назад — Надя родила Андрюшку Это, конечно, был подвиг. Решиться на такое в сорок два года может не каждая Ну а стать отцом впервые в

сорок шесть было для Чикурова неслыханной радостью. Он об этом не мог и мечтать, заранее согласившись на роль деда чужой внучки.

Рождение сына Игорь Андреевич воспринял как подарок судьбы. Господи, с какой бы превеликой охотой и отдохновением Чикуров отдавался бы весь его воспитанию, тетешкал бы Андрюху, который день ото дня становился все забавней и смышленей, открывая для себя мир и слова

«Превращается в человека», как сказала недавно со смехом Надя.

Но, увы, работа Игоря Андреевича была совсем не подходящей для такой благодати. Надя — так та ушла в семью полностью, обабилась (ее собственное выражение), что, с одной стороны, устраивало Чикурова, а с другой — создавало свои трудности. Любое внимание к нему со стороны женщин, в подавляющем большинстве случаев только кажущееся, жена воспринимала очень болезненно. Устраивала сцены, мол, когда была молода и красива, он ее на руках носил, а теперь..

Насчет красоты Надя была права: когда-то манекенщица, а потом художник-модельер Общесоюзного Дома моделей, она действительно сводила с ума мужчин. С рождением второго ребенка неожиданно для себя и для всех располнела и утратила долго сохранявшуюся стройность фигуры. Это было для нее трагедией..

Когда он вошел в свою квартиру со следственным чемоданом в руках, Надя упавшим голосом произнесла:

— Опять?..

Игорь Андреевич виновато кивнул и полез к жене с поцелуем

— Боже ты мой! — отстранилась она.— Сколько можно?

У него заныло в груди. опять будет пилить.

Хорошо, что подкатился косолапо Андрюшка, обхватил отцовские ноги, глядя на него радостно и преданно Игорь Андреевич поднял сына на руки, поцеловал в пахнущую молоком макушку

– Но ты же безвыездно проторчал целых полгода почти за Полярным кругом!— не унималась жена

А вот теперь в Южноморск,— улыбнулся Чикуров Посылают отогреться

Радуйся радуйся, тяжко вздохнула Надя, об

реченно доставая чемодан.— Ну конечно, есть на ком ездить. Никогда не скажешь «нет». А ведь никому и в голову не приходит, что у тебя семья, ребенок.

— Надя,— попытался оправдаться Чикуров.

— Я уже более сорока лет Надя!— в сердцах выкрикнула она.— А вижу тебя месяц-полтора в году! До каких пор я буду мучиться?

— До моей пенсии. Увы, придется смириться, Надюша.

— Тебе легко говорить,— расплакалась жена.— Совсем обо мне не думаешь. Что я вижу в жизни? Стирка, уборка, очереди в магазинах! А ночи, что провожу у постели больного Андрея? Вспомни, что ты обещал, умоляя выйти за тебя замуж...

Она уже рыдала. Слезы падали на стопку сложенных в чемодан носовых платков, расплываясь в крупные пятна.

Что касается сына, Надя попала в самое чувствительное место. Мальчик на самом деле много болел Поэтому его не отдавали в ясли, и Наде пришлось уйти с работы.

— Я тебя отлично понимаю,— проговорил Чикуров.— Но пойми и ты...

Но на жену не действовали никакие слова. Видя, что мать плачет, Андрюшка тоже расквасил губы. Она прижала его к себе, стала успокаивать, успокаиваясь и сама. Собирать остальные вещи пришлось Игорю Андреевичу.

— Не забудь причиндалы для своего хобби,— напомнила вроде бы смирившаяся с неизбежным жена.

Он положил в чемодан пачку листов ватмана, набор цветных карандашей, захлопнул крышку и щелкнул замками.

— Посидим перед дорогой,— предложил Игорь Андреевич.

Надя с притихшим сыном опустилась на их старенький диван, Чикуров примостился рядом, оглядывая на прощание родной дом.

Заграничных гарнитуров они так и не нажили, ковров и хрусталя — тоже, в чем не раз упрекала его Надя. Стены украшали его собственные картины. По ним можно было проследить, куда забрасывала Чикурова его непоседливая служба. Грустные пейзажи Севера, яркие краски российского юга, степные просторы, таежные уголки...

Когда голова раскалывалась от напряженных круглосуточных раздумий и мозга, как говорится, заходила за мозгу, Игорь Андреевич брал бумагу, карандаши и забирался подальше от людей. Для кого-то разрядкой является спорт, для кого-то садовый участок, а для Чикурова самым лучшим видом отдыха стала живопись...

— Ну, поехали,— поднялся он.

Надя, снова не сдержав недовольства, сказала:

— Надолго хоть? Небось опять на полгода?

— Откуда мне знать, моя терпеливая женушка?

Он чмокнул ее в щеку, а уж сына обцеловал всего.

— Звони,— было последнее, что он услышал от жены.

Перед тем как сесть в машину, Игорь Андреевич еще раз глянул на свое окно. Сердце у него сжалось: до чего же было дорого прилипшее к стеклу лицо сына!

Вадим Снежков собирался выскочить из редакции, чтобы где-нибудь перекусить, но тут в комнату вошел ответственный секретарь областной газеты с пожилой женщиной, явно прибывшей из деревни.

— Старик, вот, побеседуй с гражданкой,— попросил он.

— Но у меня обед,— поморщился Снежков.

— Выручи, Вадик. Человек издалека ехал...

«Трижды корреспондент» глянул на женщину, в чьих глазах стояла мольба, и обреченно махнул рукой:

— Так уж и быть...

Ответсекретарь с радостью передал посетительницу с рук на руки Снежкову и ретировался.

— Присаживайтесь,— сказал Вадим.— Что у вас?

Женщина осторожно пристроилась на кончике стула, вынула из потрепанной хозяйственной сумки газету и ткнула в очерк «Покой нам только снится».

— Хотела я, милок, погутарить с этим самым И. Морозовым, что прописал про Шмелева, да мне сказали, что И. Морозов уволился.

— Уволили,— поправил Снежков.

— За что?— испуганно спросила посетительница.

— Было за что. Впрочем, это не имеет значения... Что вас, собственно, привело к нам?

— Козлова моя фамилия, Евдокия Андреевна А это,— она показала на одну из фотографий, иллюстрирующих очерк, где следователь Шмелев был

снят вдвоем с фронтовым другом,— мой Митя.— Женщина вздохнула.— Супруг, значит, законный.

— Ну и что?— нетерпеливо спросил Вадим.

— А то, милок. Этот самый Шмелев жизнью наслаждается, в героях ходит, а Митины косточки давно сгнили.— Она всхлипнула.— Даже не знаю, где могилка...

— Погиб, что ли?— помягчел Снежков.

— Если бы,— вздохнула Козлова.— Всю войну прошел целехонек, а в пятьдесят втором посадили. Десять лет дали. Через три года пришла похоронка из лагеря.— Евдокия Андреевна извлекла из сумки цветастый узелочек.— Все бумажки хороню, можете посмотреть...

— Потом, потом. А за что судили вашего мужа?

Евдокия Андреевна поведала Вадиму историю осуждения своего Дмитрия. Интерес к ее рассказу у Снежкова разгорался все больше и больше. Когда Козлова закончила, Снежков, не скрывая волнения, спросил:

— Вы уверены, что на снимке ваш муж?

— А кто же еще?— удивилась вдова.— Только глянула — сразу узнала.

— Можете подтвердить?— продолжал волноваться Снежков.

— Какая мне выгода врать,— обиделась Евдокия Андреевна.— Да ты сам посмотри, обманывает старуха или нет.

Она развязала узелок и среди пожелтевших от времени бумажек и истрепанных документов отыскала старую выцветшую фотографию.

Снимок был копией того, что опубликовала газета.

Снежков просмотрел бумаги.

— Помоги, мил человек,— заметив неподдельный интерес к ним Вадима, взмолилась посетительница.

— Чем?

— Нынче многих, что в те времена осудили, риби... реба... Фу ты, никак слово не дается...

— Реабилитируют,— подсказал Снежков.

— Во-во!— обрадовалась Козлова.— Похлопочи и за Митрия. Век не забуду...

— Посмотрим, Евдокия Андреевна,— сказал Снежков.— Оставьте все ваши бумаги, я изучу, с юристами поговорю

— Ой, спасибо, милок!— растрогалась старушка.— Не знаю, как и благодарить.

— Благодарить рано,— скромно сказал Вадим.— Это такое дело...

— Знаю, как не знать! Спасибо, что приветил старуху да посочувствовал,— смахнула слезу.— Куда ни обращалась — даже слушать не желали...

Снежков сложил документы в стопочку, снова завернул в платок.

— Значит, оставлю у себя?— спросил он.

— Оставляй, родимый, оставляй.— Заметив, что Снежков взглянул на часы, она торопливо поднялась.— Поспешу домой, дочку обрадую. Доброго тебе здоровьичка!

— До свидания, Евдокия Андреевна.

Уже в дверях обернулась:

— Когда справиться можно будет?

— Сам сообщу, когда что-то прояснится,— успокоил Козлову Снежков.

— Ну и ладно,— кивнула посетительница и вышла, аккуратно прикрыв за собой дверь.

«Трижды корреспондент» тут же схватился за трубку и лихорадочно набрал номер.

— Юридическая консультация?— спросил он, когда услышал женский голос. И, получив утвердительный ответ, выпалил:— Аркадия Вениаминовича, будьте добры! Чураева...

— Попробую,— ответили на том конце провода.

Пока вызывали адвоката, Вадим буквально сгорал от нетерпения. И когда наконец раздалось чураевское вальяжное «аллё-о», он сумбурно рассказал о визите Козловой.

Аркадий Вениаминович выслушал его внимательно, задал несколько вопросов и с усмешкой произнес:

— Жаль, что ты не бреешься и не стрижешься...

Действительно, Снежков оброс как дикарь, считая это модным.

— И все же, старик,— продолжал Чураев,— тебе придется посетить Капочку. Чтобы она сообщила сведения, добытые тобою, Сове. Лично. Это очень важно.

— Бегу!— счастливо откликнулся Вадим.

— Впрочем, погоди,— задумался на некоторое время адвокат.— Лучше к Капе зайду я сам. Давай встретимся, заодно пообедаем. «Прибой» тебя устраивает?

— Еще бы!— с восторгом ответил Снежков, потому что речь шла об одном из самых шикарных ресторанов Южноморска.

— Обязательно прихвати документы этой женщины,— были последние слова Чураева.

Весть о том, что из прокуратуры республики к нам направляется следователь для ведения дела Киреева, не застала меня врасплох. После многочисленных звонков из Москвы и повышенного интереса к расследованию художеств начальника южноморского ОБХСС со стороны местных властей я ждал чего-нибудь в этом роде. Конечно, в известной степени нам выразили недоверие. Лично мне, как прокурору области, не говоря уже о Шмелеве. Но, хорошенько поразмыслив, я подумал: если это поражение, то нужно постараться обратить его в победу.

Следователь по особо важным делам при Прокуроре РСФСР Чикуров прилетел поздно вечером в четверг. Встречал его мой заместитель Гурков. На следующий день, придя в прокуратуру, я столкнулся с Алексеем Алексеевичем на лестнице и поинтересовался о Чикурове.

— Полный порядок,— отрапортовал Гурков.— Встретили, разместили. Более того, он уже здесь, дожидается в вашей приемной.

Алексей Алексеевич представил нас друг другу и удалился.

— Быстро же вы примчались,— заметил я, когда мы вошли с Игорем Андреевичем в мой кабинет.

Это был пробный камень — с каким настроением приехал «важняк».

— Не привык терять время на раскачку,— просто ответил он.

Ни в манерах, ни в словах не было ни тени превосходства, этакой столичности, которую не преминут выказать иные работники, прибывшие из Москвы...

— Ну что ж,— сказал я,— засучивайте рукава и, как говорили в старину, с богом...

— Я готов.

— Вы в курсе дела Киреева?

— В самых общих чертах.

— Шмелев ознакомит вас основательно. С Николаем Павловичем не общались?

— Нет, не успел.

У меня на столе лежала местная газета с очерком о Шмелеве. Я дал ее гостю. Чикуров внимательно прочел очерк, вернул газету.

— Вы знаете, Игорь Андреевич, для нас эта публикация в какой-то степени праздник. Сами знаете, как в последнее время пресса пишет о нашем брате. Даже Генерального прокурора не жалуют...

— Гласность,— усмехнулся Чикуров.

— Но почему-то однобокая. Это,— ткнул я пальцем в газету,— исключение. А ведь есть отличные работники, которые заслуживают, чтобы о них знали люди.

Мне хотелось дать понять следователю из Москвы, как я отношусь к Шмелеву. Вопрос о нем тоже, видимо, беспокоил Игоря Андреевича.

— Захар Петрович, я что-то не понимаю...— Чикуров снова взял в руки газету.— Судя по статье, Шмелев, как говорили раньше, маяк. Бери и представляй к ордену. Но как это все воспринимать в свете дела Киреева?

Честно говоря, я сам находился в довольно щекотливом положении.

— Поймите меня правильно,— продолжал Чикуров.— Да и не люблю я недомолвок... Откуда взялось мнение, что Шмелев необъективен?

— Буду и я откровенен. Считаю, что обвинить Николая Павловича в предвзятости по этому делу нет никаких оснований.

— Жалуются?

— Жалуются,— кивнул я.— Но, по-моему, нам к этому не привыкать, ведь мы не деньги, чтобы всем нравиться.

— А сам Шмелев что?— допытывался Чикуров.

— Трудно ему. С одной стороны, после публикации в газете петь бы да плясать от радости. Еще бы! Поздравления сыплются отовсюду. На улице узнают. Даже пригласили в пионерлагерь. Встреча с героем наших дней... А тут — недоверие. Вчера пришел мрачнее тучи.

— Из-за меня?— в лоб спросил Чикуров.

— А кому это было бы по душе?— вопросом ответил я.— Всю жизнь отдать следственной работе и получить такую оплеуху. Знаете, что он сказал, узнав о вашем приезде? Баба с возу — кобыле легче

Это он о себе. Честно говоря, я Николая Павловича просто не узнаю. Думаю, его можно понять.

Чикуров задумался. Надолго. И неожиданно спросил:

— А уж так ли необходимо отлучать Шмелева от дела?

Ну прямо читал мои мысли!

— Господи, вовсе нет.

— Вот и отлично! Будем работать вместе. Работы хватит на двоих.

Чикуров снял гору с моих плеч.

— Я даже не уверен, что обойдетесь вдвоем. Как вы знаете, иное дело — что айсберг: главное под водой,— поддержал я предложение следователя из Москвы, но, чтобы выдержать субординацию, выдвинул свое условие:— Однако сделаем так: пусть Николай Павлович введет вас в курс дела, а если решите потом оставить его под своим началом, я возражать не стану.

— Принимается,— кивнул Чикуров.

— Пойдемте к Шмелеву, познакомлю. Заодно покажу вам кабинет, который мы специально освободили для вас.

Николай Павлович встретил нас настороженно. Вид у него был неважный. Осунулся, посерел лицом. Еще буквально неделю назад ему никак нельзя было дать его шестидесяти семи лет, а тут сразу превратился в дряхлого старика...

Я представил следователей друг другу. Гость из Москвы был подчеркнуто вежлив и поздравил Шмелева.

— С чем?— буркнул Николай Павлович.— Что мне, ветерану, не доверяют?

— Я говорю об очерке,— сказал Игорь Андреевич.— Знаете, прочитать о себе подобное — лично я не надеюсь.

— Эхе-хе,— тяжело вздохнул Шмелев.— Лучше бы не печатали вовсе. Насмешка получается.

— Ну вот что,— как бы не слыша его последних слов, проговорил Чикуров,— дальше будем работать вместе... Мы вот с Захаром Петровичем...— Он глянул на меня и запнулся.— Словом, коней на переправе не меняют. Потащим воз двумя лошадиными силами. Не хватит их — попросим подмогу. Обещали...

Шмелев слабо кивнул. А я-то думал, обрадуется

старик. Впрочем, трудно быть сейчас на его месте.

— В общем, с сегодняшнего дня поступаете под начало Игоря Андреевича,— сказал я и пошутил:— Тем более он советник, а вы младший советник юстиции.

Николай Павлович даже не улыбнулся, только пожал плечами: мол, если начальство решило, он подчиняется.

— Значит, у нас нынче пятница, так?— по-деловому сказал Игорь Андреевич.— Сегодня и засядем. Буду вникать в дело под вашим началом...

— Простите, Игорь Андреевич,— перебил я его,— почти все допросы сняты на видео.

— Отлично,— обрадовался Чикуров.— Просто здорово! Недаром говорят, лучше раз увидеть... Ну а уж с понедельника впряжемся.

Я хотел было оставить следователей наедине, но вспомнил о документе, пришедшем сегодня из Москвы,— забыл о нем, переживая, как выйти из сложной ситуации со Шмелевым.

— Игорь Андреевич,— сказал я,— вы везучий. Не успели ступить на южноморскую землю, как поступило одно письмецо. Думаю, это подарок для следствия.

— Подарок?— вскинул брови Чикуров.

В глазах Шмелева тоже промелькнуло любопытство.

Я позвонил секретарю, чтобы она взяла на моем столе письмо с «сопроводиловкой» Прокуратуры Союза и принесла в кабинет Шмелева.

— Знаете, чье послание?— обратился я к Николаю Павловичу.— Скворцова.

— А кто это?— полюбопытствовал Игорь Андреевич.

— Коммерческий директор нашего «Детского мира»,— пояснил Шмелев и коротко рассказал, что именно с его показаний началось дело Киреева.

— Посидел Скворцов в следственном изоляторе и написал Генеральному прокурору,— продолжал я.— Приглашает его на свидание. Обещает вывести на чистую воду всю южноморскую мафию.

— Так и назвал — мафия?— спросил Николай Павлович, качая головой.

— Да, именно так,— подтвердил я. В это время как раз подоспела Ольга с письмом.— Да вы прочтите сами.

Первым ознакомился с посланием Скворцова Шмелев, а потом уж передал Чикурову.

— Та-ак,— протянул тот, возвращая документ.— Значит, ждет в гости самого Генерального. Только ему откроется...

— Надо объяснить Скворцову, что приезд Генерального нереален,— сказал я.— Пусть считает нас его доверенными лицами. Ну а если Скворцов не захочет излить свою душу мне и Николаю Павловичу...

— Почему не захочет?— перебил Чикуров.

— А вдруг заподозрил нас в принадлежности к этой самой мафии?— пояснил я и продолжил:— Так вот, в таком случае он вроде должен доверять вам. Как представителю Москвы.

Игорь Андреевич кивнул.

— Знаете что?— кисло проговорил Шмелев.— Увольте-ка меня от встречи со Скворцовым. Я уже допрашивал его. Не раз и не два. Честно говоря, больше желания нету.

— А я предлагаю устроить перекрестный допрос и участвовать в нем нам всем,— сказал я, потому что щепетильность Николая Павловича показалась мне в данной ситуации неуместной.— Если же разговора не получится, тогда Чикурову и карты в руки.

— Правильно,— поддержал меня Игорь Андреевич.— Прямо в понедельник и допросим.

Нигде я так не высыпался, как в моем родном Синьозере — большом селе, где я родился и где жила и поныне моя матушка. Воздух здесь пьянящий, настоянный на росных травах. Он особенно бодрит, когда лето уже на исходе, а деревья в саду обременены налитыми соком яблоками.

Первых петухов я проворонил и был разбужен хриплым лаем Шайтана — старого, как Мафусаил, пса.

— Кшишь ты, окаянный!— послышался за окном сердитый голос матери.— Гостей разбудишь...

Моя родительница была уже на ногах: встала, по обычаю, ни свет ни заря.

Ее гости — моя жена Галина, дочь Ксения (они тут уже две недели) и я, прилетевший вчера, чтобы побыть с родными пару дней — субботу и воскресенье. Засиделись за полночь. Но и четырех часов хватило, чтобы усталость многих месяцев отпустила. В жарком,

душном Южноморске о таком облегчающем сне можно только мечтать...

Я распахнул окно, высунулся наружу. И дух захватило от красоты.

Синьозеро расположилось на возвышенности, и многие его улочки словно стекали к озеру с таким же названием. Окрестили его так не зря: вода в нем голубая-голубая.

Сейчас над озером стлался туман, что развеется под лучами солнца. Оно еще пока пряталось за дальним лесом. Слегка розовела лишь ободранная маковка церквушки, поставленной синьозерскими прадедами на самом высоком месте.

— Таки разбудил!— огорчилась матушка, увидев меня, и в сердцах замахнулась на пса, виновато нырнувшего в свою будку.

— И правильно сделал,— сказал я.

— Небось не выспался,— переживала за меня родительница.— Вчера вона как поздно легли...

— А не ты ли меня всю жизнь учила,— напомнил я,— кто рано встает...

— Тому Бог дает,— закончила она с улыбкой.— И то правда, сынок. Только накинь что-нибудь. Утренники теперь зябкие, простынешь в одной майке.

И направилась к хлеву, где нетерпеливо пофыркивала Зорька, ее любимица и кормилица,— пятнистая буренка.

Я поразился матушкиной походке: ей далеко за семьдесят, а как легок и быстр шаг. Не чета нашему поколению — к пятидесяти уже доходяги.

На меня напал зуд деятельности.

— Подъем!— громко крикнул я своим женщинам, безмятежно спавшим в теплых постелях.

Галина проснулась тут же. Сладко потянулась, одарив меня улыбкой, с которой так приятно было начинать день. А вот Ксения вставать не желала. Странная у нее была привычка — спать с головой под одеялом. Я легонько потянул за него, приоткрыв розовое со сна лицо дочери.

— Что, соня, тебя не касается?— пожурил я.

Она открыла один глаз и капризно протянула:

— Ну, папа-а-а... Дай еще немного поспать.

— Не дам!— деланно грозно сказал я.

— У меня каникулы,— снова натянула на себя одеяло Ксения.

Мне стало жаль ее Но вступила Галина:

— Как только приехал отец, сразу в капризы ударилась! Знаешь, что любит и потакает тебе!.. Вишь, каникулы у нее! А бабуля? Шестьдесят лет не только каникул — выходных не знала в жизни!.. А ну, марш умываться!

Суровый тон матери подействовал. Ксюша поднялась.

Каждому нашлось дело. Дом ожил.

Я сходил за водой к колодцу, а Галина заправской дояркой пристроилась к Зорьке, важно жующей пахучее луговое сено. Звонкие струи молока ударили в дно ведра. Как только будет опростано тугое вымя буренки, Ксюша отгонит ее в стадо.

Матушка набросала поесть курам, деловито заработавшим клювами, потом задала корм борову, с довольным хрюканьем уткнувшемуся в деревянное корытце.

Знакомые до боли звуки словно воскрешали далекое детство.

Завтрака я дожидаться не стал — выпил кружку парного молока, облачился в рыбацкую униформу (старый костюм, кепка, резиновые сапоги), прихватил удочки и двинулся к озеру.

Уж кому-кому, а рыбаку Бог действительно дает только спозаранку.

У меня было заветное местечко, облюбованное еще пацаном. Надо было протопать все село, пройти небольшим ольшаником и спуститься к заливчику. Там поутру жируют караси, своими всплесками нарушая гладь воды. А за ними охотятся щуки. Поймать хитрую хищницу локтя в два — мечта каждого местного рыбака. Но такие удачи редки. О них долго толкует все село.

Я шагал по широкой улице, всей грудью вдыхая утренний воздух. Синьозеро оживало на глазах.

До чего же мило сердцу, когда каждый встречный тебя знает, справляется о делах, здоровье. В большом городе это невозможно. Людей много, а мы одиноки...

Я поравнялся с крайним домом. Со двора с лаем выскочила лохматая собачонка.

— Тузик, ты что, не узнаешь односельчан?— потрепал я ее по загривку.

Песик вмиг замолк, стал обнюхивать мои сапоги, виновато виляя коротким хвостиком.

— Дурной он становится,— недовольно проворчал хозяин собаки, выходя на улицу и запирая на щеколду калитку.— Здорово, Петрович.

Это был синьозерский почтальон. Теперь уже на пенсии. Всю жизнь его помнил с тяжелой сумкой на плече.

Он-то и принес матери похоронку на отца...

— Доброе утро, дядя Ваня,— ответил я.

Расспросив, как полагается, о житье-бытье, бывший почтальон поинтересовался:

— На щуку настропалился?

— Как повезет.

— А я на прошлой неделе знатную взял.

Пришлось выслушать очередную рыбацкую легенду.

— А вы куда путь держите?— спросил я.

Он держал в руках лучковую пилу.

— Как куда?— удивился старик.— Разве Елизавета Ильинична тебе не говорила?

— Что именно?

— А то! Надоело на воскресные службы и святые праздники за десять верст в Александровку топать. Нешто у нас своего храма нет?— Он кивнул на обшарпанную церковь.

Я тоже невольно посмотрел на нее. Старик был прав: синьозерские верующие, в том числе и моя мать, чтобы помолиться, вынуждены были ходить в соседний поселок и в распутицу, и в мороз.

— А как же с колхозным добром?— спросил я, зная, что в здании храма давно уже располагался склад.

— Вчера сход собрали и постановили: всем миром построим новый склад, а нам вернут церковь. Уж сколько годов добивались!

— Да, боролись вы долго...

Вероятно, старику в моем голосе послышалось сомнение, потому что он с тревогой поинтересовался:

— А как тут с позиции закона?

— Если правление колхоза не против — все путем,— успокоил я бывшего почтальона.

— Все «за»! Да с чего бы это быть против?— обрадованно закивал он.— Новый склад отгрохаем, считай, задарма.

Со двора напротив вышла бабка Федора, в пестром платке и с лопатой в руках. За ней показался паренек в армейских штанах и гимнастерке без знаков

различия. Сразу видно, демобилизованный. Он нес портативный магнитофон, оглашающий улицу лихим рок-н-роллом.

— Доброе утречко,— поклонилась нам старушка.

Бывший солдатик тоже поздоровался. Мы ответили им тем же.

— На субботник, стало быть?— осведомился у соседки дед Иван.

— А куда же еще,— гордо заявила та и скоро засеменила по улице.

— Ну, Петрович, бог в помощь,— заторопился и дед.

Мне стало стыдно: два старых человека, возжелавших вернуть Синьозеру красоту, будут трудиться в поте лица, а я, здоровый мужик, засяду отдыхать с удочкой...

Да и как не помочь, хотя бы ради матери?

— Постойте, дядя Ваня,— сказал я.— Возьмете в свою бригаду?

— Господи,— обрадованно встрепенулся бывший почтальон,— с нашим превеликим удовольствием!

Мы вместе двинулись к церкви, сопровождаемые возбужденным Тузиком, гоняющимся за курами.

— Что, он тоже верующий?— спросил я у попутчика, кивая на бывшего солдатика.

— А ты?— хитро посмотрел на меня дед Иван.

— Нет.

— Вот и Серега не верует. Но ведь это не помеха в сегодняшнем деле, верно?

— Не помеха,— подтвердил я.

— Ты не сумлевайся, Петрович, нынче на стройку выйдет много народу. И партийцы будут, и комсомол...

Убеждать меня не было нужды. Вернуть Синьозеру прекрасное здание (уверен, будь церковь где-нибудь в Москве, она охранялась бы как памятник архитектуры) — это и есть обращение к нашей памяти. Не на словах — на деле.

— Эх, возвернем храму былое благородие!— словно читая мои мысли, произнес дед Иван.— Да как ударим в колокола — сердце возрадуется! Ты небось не помнишь, какой благовест раздавался с нашей звонницы?

— Как не помнить, помню...

На меня нахлынули воспоминания. Одно из них до сих пор часто посещает меня.

...Была осень. Ранние сумерки опустились на село.

Школьные занятия окончились долгожданным звонком. Мы, стайка второклашек, вылетели на затихшую улицу. И вдруг тишину вечера нарушил церковный колокол. Его протяжные звуки улетали куда-то далеко, туда, где между черными тучами и темным лесом светилась полоска закатного неба.

Я остановился, завороженный. Кто-то погладил меня по голове.

Бабушка. В платочке на голове, с узелком в руке, она застегнула на мне телогрейку, поправила шапку.

— Ты куда?— спросил я.

— В церковь,— ответила бабушка, прислушиваясь к тягучему звону.

— Можно с тобой?

— Нельзя, Захарушка,— ласково сказала она.— Ты ведь октябренок. А октябрятам, пионерам и комсомольцам посещать церковь не разрешается.— Бабушка почему-то огляделась по сторонам с опаской и тихо добавила:— Я уж замолю твои грехи перед Богом.

— А учительница сказала, что Бога нет!— выпалил я, уверенный, что авторитет училки непререкаем и для бабушки.

— Для нее нет, а для меня есть,— без всякой обиды произнесла она и поторопила:— Беги до дому, нынче на обед щи с мясом...

Я помчался домой, потому что мясо в нашей избе было праздником.

Совсем недавно я вспомнил тот далекий разговор. Показывали телефильм о жизни академика Дмитрия Лихачева. Этот мудрый, блестяще образованный человек приоткрыл, по-моему, истину, которая волнует многих: «Никто не доказал, что Бога нет, как и то, что он есть. То и другое — вера...»

И все же я побывал с бабушкой в храме. Словно предчувствуя свою кончину, она взяла меня с собой ко всенощной.

Вечером, перед пасхальным воскресеньем, в синьозерскую церковь понаехало и пришло много верующих и просто любопытных не только из нашего села, но и из других окрестных деревень. Бабушка загодя напекла куличей, покрасила дюжины две яиц и, завернув часть в чистый платок, отправилась со мной к праздничной службе. До сих пор стоит у меня перед глазами толпа притихших людей в храме, сияние иконостаса, мерцание сотен свечей, запах ладана, звучит в

ушах глубокий, густой голос батюшки и многоголосье церковного хора.

Летом бабушку похоронили, и религия словно бы ушла из нашей жизни. Мать даже убрала икону, висевшую в красном углу, перед которой всегда светилась лампадка.

Я не знаю, верила мать тогда или нет,— спрашивать неудобно. Скорей всего, атрибуты веры были припрятаны по тактическим соображениям. Потому что для верующих наступали все более суровые времена. Горячий стыд жжет меня по сию пору за то, что и я принимал участие в том разорении.

Это было какое-то наваждение, коллективный психоз. Ну, мы, двенадцати — четырнадцатилетние пацаны при красных галстуках,— куда ни шло. Несмышленыши. Но как такое могли творить мужчины и женщины, вроде бы не темнота, с образованием, пусть и небольшим? И свершалось все в ясный солнечный день, кажется, на майские праздники, если не ошибаюсь.

Подростки, в том числе и я, крушили церковную ограду, а взрослые мужчины принялись за крест на маковке. Он не поддавался. Тогда его обвязали веревкой и зацепили ее за трактор. Тронулась железная машина, натянулась веревка, и только тогда крест был повержен на землю, вырвав с собой куски позолоченной кровли луковицы. И все это — под ликование одних и немой ужас других. Последних было куда меньше. В основном — старики.

И наконец кульминационный момент вакханалии — свержение колокола. Он упал с глухим гулом и развалился на куски. Последний раз коротко звякнул его медный язык, и малиновый колокольный звон больше никогда не плыл над селом. Вот тогда и заголосили старухи и женщины, неистово крестясь и проклиная разрушителей.

Матушка, стоявшая в стороне, молчала. Губы у нее были сжаты, лицо побелело. Мне показалось (или на самом деле?), по ее лицу потекли слезы.

Когда я вернулся домой и принялся с восторгом воскрешать картину разгрома, она стиснула мою руку так, что я закричал от боли:

— За что?!

Она отпустила руку и с невероятной мукой произнесла:

— Бедные дети! Не знаете, что творите...

Теперь-то я отлично понимаю, что мы тогда наделали в состоянии всеобщего ослепления.

...И вот я стоял перед почерневшим, обезображенным до неузнаваемости храмом. Не верилось, что можно его возродить.

— Да-а, работы тут!— вырвалось у меня.

— Ничего, сдюжим,— заверил дед Иван.— Такую красоту наведем — пуще прежней.

Я спросил, что нам предстояло делать.

— Сперва грузить будем стройматериалы для нового склада,— ответил бывший почтальон.— Ну а потом подмогнем тем, кто строит...

— Привет, Захар,— послышался знакомый голос.

Из церковного здания, служившего пока еще складом, показался мужчина с дверной коробкой на плече, в котором я узнал своего одногодку и однокашника Григория. Ныне он заведовал колхозным автохозяйством.

— Здорово,— ответил я.

— Значит, приехал подышать родным воздухом? Порыбалить?— спросил завгар, оглядывая мою рыбацкую амуницию.

— Да вот поступил в бригаду дяди Вани...

— Ты... ты серьезно?— не верил мой бывший школьный товарищ.

— Рукавицы найдутся?— пресек я дальнейшие вопросы и отложил удочки.

— Мужики!— крикнул в темноту помещения завгар.— Нашего полку прибыло! Сам прокурор, можно сказать, генерал...

— Кончай трепаться,— остановил я его.— Ставь на рабочее место.

Внутри церкви работало человек семь. Все мужчины. Дело спорилось. Когда в очередной раз кузов колхозного ЗИЛа был наполнен доверху, Григорий протянул мне связку ключей с брелоком.

— Отвезешь?— с ехидцей спросил он.

— Скажи — куда?— принял я вызов.

В школе механизаторов, которую мы кончали вместе, я освоил вождение автомобиля быстрее Григория.

— За памятником Вечной Славы повернешь налево,— пояснил он.— Метров через сто увидишь сам. Половина села вышла... Не забудь насчет подшипников,— со смехом добавил завгар.

Когда мы, совсем еще зеленые юнцы, впервые сели за трактор, чтобы вспахать зябь, случился конфуз. Забыв все наставления преподавателя напрочь, я поплавил подшипники. И потом долго меня склоняли на каждом собрании...

Я сел за руль грузовика. Вести такую махину было непривычно, последнее время крутил баранку только своей служебной «Волги». Но ЗИЛ прекрасно слушался, и я довольно лихо подкатил к стройке.

Дед Иван не соврал: собралось чуть ли не все Синьозеро. И млад и стар. На всю округу орал магнитофон внука бабки Федоры.

Заместитель секретаря парткома колхоза Яков Голованов, тоже участвующий в стройке, встретил меня с величайшим удивлением, но ничего не сказал, а только долго тряс руку.

Голованов тоже отличился в этот день, когда крушил церковь. У Яшки, тогда совсем еще мальца, не хватило силенок принять участие в разрушении. Но он не хотел отставать от пацанов постарше и, сняв штаны, навалил кучу на могильную плиту основателя храма, похороненного рядом с церковью, чем потом хвастал в школе...

— Разгружайте поскорее,— попросил я Голованова.— Машину ждут.

Опорожнили кузов в одно мгновение. Я уже завел двигатель, но тут увидел знакомую худенькую девичью спину.

— Ксюша!— окликнул я.

Действительно, это была моя дочь. Она держала в руках бидон с молоком, из которого черпала кружкой и поила сельчан.

— Бабуля, бабуля!— закричала Ксения.— Иди сюда!

Мать-старуха стояла в окружении людей, с плетеной корзинкой в руках, с которой обычно ходила по грибы. Короб был внушительных размеров. Я всегда удивлялся, как у нее хватало сил дотащить его до дому полным лесных даров...

Теперь она что-то доставала из корзины и одаривала окружающих. Завидев меня, матушка отдала кому-то плетенку и подошла к ЗИЛу.

— И ты, значит?..— произнесла она явно одобрительно.

— Нет, смотри, какой обманщик!— открыто радо-

валась Ксения.— Мы-то думали, он у речки прохлаждается, таскает рыбку на уху...

— Занимайся своим делом!— с напускной строгостью приказал я дочери.— А ты что там раздавала?— обратился я к матери.

— Пирожки с капустой. Бревна таскать или там раствор месить — запретили. По старости. Вот я и решила помочь, чем могу... Напекла... Ну и молочка принесли. Ведь теперь коров в селе раз-два и обчелся. А ты как отважился?— Мать каким-то особенным взглядом окинула меня.

— Что ж здесь такого?— пожал я плечами.— Благое дело и для колхоза, и для людей...

— Спасибо, сынок,— сказала она тихо, и я увидел на ее глазах слезы.— Жаль, бабушка твоя не дожила...

Что она хотела этим сказать? Что я прощен за тот позорный майский день?..

— И тебе, Елизавета Ильинична, спасибо,— вынырнул из-за машины Яков Голованов.— Не пирожки — объедение. Пальчики оближешь!

— На здоровьичко,— утерла слезы концом платка матушка.

Я ехал на ЗИЛе назад, а на душе у меня было легко и светло.

Весь субботний день Чикуров и Шмелев трудились не покладая рук. Были прочитаны все протоколы и запросы, просмотрены все видеозаписи по делу Киреева. Засиделись в прокуратуре допоздна.

Материалы следствия почти не обсуждали. Николай Павлович держался сухо, подчеркнуто официально. Как показалось Игорю Андреевичу, несколько отстраненно. Мол, вот документы, факты, а выводы делайте сами. Чикурову так и не удалось преодолеть преграду, которая стояла между ним и Шмелевым.

Он еще подумал: неужели столь велика обида Николая Павловича, что он не может переступить через нее ради общего дела?

Впрочем, в старости у человека нет иллюзий. Он не желает расставаться со своими убеждениями. Что вбил себе в голову — стоит на том незыблемо. По-человечески Игорь Андреевич сочувствовал пожилому коллеге и не лез к нему в душу, надеясь, что в будущем найдет способ наладить отношения.

Вышли на воздух с удовольствием: окна кабинета, где они работали, выходили на служебный двор, залитый асфальтом, излучающим дневную духоту.

По случаю выходного дня улицы были многолюдны. Пестрая толпа курортников, вечерние огни, подсвечивающие торжественные кипарисы, экзотические пальмы и криптомерии, создавали впечатление праздника.

— Вам куда?— спросил Игорь Андреевич, когда они дошли до перекрестка.

— Забегу в парикмахерскую,— сказал Шмелев.— Зарос. Это молодым можно ходить лохматыми.

— Вы знаете, я, между прочим, тоже не прочь подстричься.

И впрямь, Чикурову не мешало привести в порядок шевелюру — совсем запустил в Архангельске, а в Москве так и не успел.

— Могу порекомендовать хорошего мастера,— предложил Шмелев.— Думаю, не пожалеете.

Они свернули с оживленного проспекта и минут через десять очутились на тихой зеленой улице. Заведение, куда привел Чикурова Шмелев, называлось «Аполлон». Когда они открыли дверь в мужской салон красоты, раздался мелодичный звон колокольчика. И тут же в крохотном фойе показалась миловидная женщина в белоснежном халате. Она встретила Николая Павловича как старого знакомого. Он пошел стричься первым, так как спешил домой выгулять и накормить собаку. А Игорь Андреевич огляделся. На столике были разложены брошюрки и листочки с расценками и советами, как сохранить свежесть и молодость и приятный цвет лица. Чикуров устроился в удобном кресле и стал коротать время, смотря веселый мультик по видео. Четверть часа, необходимых для того, чтобы хозяйка салона обслужила Шмелева, пролетели незаметно.

Николай Павлович вышел аккуратно подстриженным, надушенным.

— Теперь ваша очередь,— сказал он Чикурову.

— Прошу,— любезно пригласила Игоря Андреевича парикмахерша.

Он попрощался со Шмелевым. Тот коротко ответил:

— До понедельника.

Когда Игорь Андреевич уселся во вращающееся кресло перед зеркалом, мастер спросила, что он желает.

— Приведите меня в божеский вид. Подстригите покороче. Полагаюсь на ваш вкус.

Заведение было идеально чистое, уютное, даже не без претензий на роскошь. Все свежее: полотенца, простыни, салфетки...

— Наверное, Южноморск выглядит после Москвы захолустьем?— неожиданно спросила парикмахерша, священнодействуя над его головой.

— Напротив,— ответил Чикуров, удивляясь, откуда она знает, что он из столицы.— Москва по вечерам просто вымирает. А у вас — как на карнавале.

— Я имею в виду ритм жизни,— уточнила хозяйка салона.

— Простите, откуда вы знаете, что я из Москвы?— поинтересовался Чикуров.

— Николай Павлович сказал,— просто ответила она.

Чикурову показалось странным, зачем Шмелев рекламирует его пребывание в Южноморске. Может быть, сделал это из лучших побуждений, чтобы хорошо обслужили?..

Хозяйка заведения назвала себя. И как бы между прочим спросила:

— Неужто в нашем городе может стрястись что-нибудь серьезное?...

— В каком смысле?

— Ну, ваш приезд... Вы ведь следователь по каким-то важным делам?

— Начальство послало на юг вроде поощрения,— с улыбкой ответил Игорь Андреевич. Но на самом деле ему не понравилось, что Савельева знает его должность, и решительно не хотелось говорить о чем-либо, касающемся работы.

— У нас отличные пляжи,— сменила тему Савельева.

— Пляжи?— поморщился Чикуров.— Нет, это не для меня. Столпотворение, суета... Уж лучше поплавать где-нибудь в тихом местечке, чтобы никого не было рядом.

— Могу посоветовать такое. Хотите?— спросила Капитолина Алексеевна и на утвердительный кивок клиента пояснила:— Садитесь на шестой автобус и поезжайте до конца. Пройдите с километр по ходу движения автобуса. Увидите мостик. Затем сверните к морю. Будет то, что вам надо...

Игорь Андреевич поблагодарил за информацию.

— Рекомендую ехать с утра. Ультрафиолет...— Савельева улыбнулась.— Загар вам пойдет. И, поверьте косметологу, оздоровит кожу. А чтобы не было нежелательных последствий, я дам вам отличный крем.

— Буду весьма благодарен.

Парикмахерша уже заканчивала стрижку, как вдруг раздался голос Чико, дремавшего до сих пор на своей жердочке:

— Хор-р-рошая р-работа! Хор-р-рошая!

Как и всех, кто впервые посетил «Аполлон», Игоря Андреевича «выступление» попугая ввело в замешательство. А когда оно рассеялось, Чикуров сказал:

— Удивительно все-таки, для чего природа наделила попугаев способностью имитировать человеческую речь? Бесполезный дар.

— Не скажите,— покачала головой Капитолина Алексеевна.— Я тоже так считала. А теперь думаю иначе. Знаете, недавно мне попалась на глаза книга о животных. И мои наблюдения над Чико подтвердились.

— В чем же?

— Понимаете, на самом деле, наверное, животные хотят с нами общаться. И подражание, как вы говорите, возможно, попытка общения. И вообще в природе существует нечто подобное. Взять хотя бы пересмешника. Он тоже копирует крики других птиц и животных. И не только пересмешник. Щеглы, снегири, майны...

— Интересно.

— Да-да,— подтвердила Савельева.— Ученые предполагают, что они ищут друзей. Ведь птицы тоже бывают одиноки...

Последние слова она произнесла с грустью.

Савельева напоследок высушила голову Чикурову, сделала укладку и предложила:

— Может быть, массаж лица, маникюр, педикюр?

— Благодарю. По-моему, это скорее для женщин,— вежливо отказался Игорь Андреевич, доставая бумажник.

— Зря вы так думаете. Для мужчин это так же необходимо, очень советую, например, два раза в день мыть ноги прохладной водой, пользоваться пастой Теймурова и кремом «Эффект».

— Постараюсь следовать вашим советам. Сколько с меня?

— Три сорок. Включая крем для загара...

Он расплатился, последний раз глянул в зеркало — работа мастера была отличной.

Увидела бы сейчас его Надежда!

— Вы у меня сегодня последний клиент,— сказала Капитолина Алексеевна, снимая халат.

Вышли вместе. Оказалось — по пути. Улица совсем обезлюдела. Они продолжали болтать о всякой всячине.

Чикуров обратил внимание, что по тротуару через дорогу, чуть поотстав, за ними шел высокий мужчина. Поведение его показалось следователю странным: он словно наблюдал за ним и парикмахершей. Но при этом старался быть незамеченным. Однако это старание его и выдавало. Чтобы проверить свою догадку, Игорь Андреевич специально замедлил шаг и даже несколько раз приостановился. Незнакомец проделывал то же самое, прятался за кусты.

Сомнений у Чикурова не осталось.

— Не возьму в толк,— спокойно обратился он к своей спутнице,— нас преследуют или это почетный эскорт?

— Где, кто?— завертела головой Савельева.

— На противоположной стороне,— кивнул назад Чикуров.

— Неужто?— удивилась Капитолина Алексеевна, бросая взгляд в ту сторону.— Может, просто показалось?

Преследователя действительно уже не было видно. Наверное, притаился за одним из деревьев.

— Вам померещилось,— на этот раз убежденно произнесла Савельева.

— Возможно... А рэкетиры не донимают?

— Пока бог миловал. Но если честно, я их побаиваюсь.

Игорь Андреевич еще раз огляделся и сказал:

— Грешным делом, я подумал: не ревнивый ли муж высматривает?

— Муж?— усмехнулась хозяйка «Аполлона».— Был когда-то да сплыл...— И на вопросительный взгляд спутника печально пояснила:— История, каких тысячи. Студентка-первокурсница мединститута влюбляется в молодого, красивого, но бедного аспиранта. И готова на любые жертвы, чтобы он сделал карьеру. Влюбленная дурочка бросает институт, устраивается

работать в косметический салон. Ее избранник защищает кандидатскую. Теперь она ему уже не нужна. Перспективный ученый женится на дочери заместителя предсовмина, переезжает в Москву. Там становится доктором наук, потом академиком. Разъезжает на «мерседесе», не вылазит из загранкомандировок... А я вот здесь... «Подстричь, побрить, извольте педикюр?..» Банально, не правда ли?

— Извините, что затронул больной вопрос,— смущенно пробормотал Чикуров.

— Ничего. Для меня — быльем поросло.— Она остановилась.— Вот и мой дом. Если не торопитесь, могу угостить кофе.

— Спасибо за приглашение, но, увы...— развел руками Игорь Андреевич и отшутился:— Уже поздно, в гостиницу не пустят...

— Ну, разве что так,— улыбнулась Савельева и на прощанье сказала:— Заглядывайте в «Аполлон». До свидания.

— Спокойной ночи.

Следователь ускорил шаг. Но не успел завернуть за угол, как человек, следовавший за ними по пятам, пересек проезжую часть и нырнул в подъезд за хозяйкой мужского салона красоты.

Это был Генрих Довжук, красавец-каскадер. Он нагнал Савельеву у дверей ее квартиры. Туда они вошли вместе.

— Ты что, спятил?— набросилась на Генриха Капитолина Алексеевна.— Он же засек тебя!

— Капочка...— начал было оправдываться Довжук, но она перебила:

— Самодеятельность?

— Прошу тебя, выслушай!— взмолился каскадер.— Испугался за тебя — страсть! Подхожу, понимаешь ли, к «Аполлону», чтобы встретить тебя и проводить до дома, а ты вдруг выходишь с этим ментом...

— Не ментом, а следователем.

— Это без разницы — из одной лавочки... Ну все, думаю, влипла, арестовали. От отчаяния голову потерял. Решил: будь что будет, но пришью гада!— Генрих достал из-под мышки пистолет.— Уже и с предохранителя снял...

— Сумасшедший!— ужаснулась Савельева.— Представляешь, что ты мог натворить?! Сова бы тебя за такие дела по головке не погладил...

— Чтобы на моих глазах тебя арестовали...

— Арестовали, арестовали! Заладил!— перебила хозяйка «Аполлона».— Типун тебе на язык!— Она достала из бара бутылку коньяка, шоколадный набор, две рюмки, наполнила их и одну протянула Генриху.— Расслабься.

Тот залпом выпил коньяк и тут же повторил.

— Между прочим, очень даже мило пообщалась с этим московским следователем по особо важным делам,— сказала Савельева.

— Я и сам скоро дотумкал, что это не арест.

— Слава богу, хватило ума,— усмехнулась Капитолина Алексеевна.— А насчет свинца... Никогда не надо спешить. Ну, хлопнул бы ты Чикурова, а дальше? Прислали бы из Москвы пять, десять таких же, как он. И устроили бы вам такое — небо с овчинку показалось бы! Этого тебе надо?

— На кой ляд козе баян?— осклабился Довжук.

— То-то,— положила в рот шоколадную конфету Савельева.— Вспомни, Геночка, какую задачу поставил вам босс. Пусть москвич как следует понервничает, попсихует...

— Зачем?— буркнул Генрих.

— Как сказал Сова, чем больше человек не в себе, тем больше делает ошибок, глупостей. Тут уж вам нужно не зевать, заманить его и подловить. Дошло?

— Не совсем уж тупой,— обиделся Довжук.

— И все это надо сделать ради одного человека...

— Доната, что ли?— уточнил каскадер.— А о Ларионове босс почему-то забыл...

— Сова сказал: выйдет Донат — уладит и с Ларионовым.— Савельева снова налила в рюмки, чокнулась с Генрихом.— За то, чтобы они были с нами. И как можно скорее!

Она выпила по-мужски, одним махом. Закусила шоколадом. Довжук выпил свою рюмку и попросил:

— А мне?

Хозяйка протянула ему конфету, но он отрицательно покачал головой и потянулся к Савельевой. Она подставила ему свой крупный чувственный рот. Генрих впился в него губами, его руки шарили по ее телу.

— Погоди,— с трудом оторвалась от каскадера Капитолина Алексеевна. — Сначала поговорим о деле...

Бухточка была славная. Мягкий, как шелк, песок, огромные валуны, напоминающие разбредшихся по берегу слонов, спокойное море, и, что особенно ценно, ни души вокруг.

Чикуров наслаждался отдыхом и одиночеством. Он решил провести на лоне природы по возможности целый день, а потому запасся на рынке виноградом, помидорами, прихватив также лаваш, купленный еще теплым в кооперативной пекарне, но самым лакомым трофеем был арбуз. Продавец заверил, что товар у него первый сорт. И дабы покупатель в этом не усомнился, вырезал темно-красную ячеистую пирамидку.

Как только Игорь Андреевич добрался до рекомендованного Савельевой места, то не смог удержаться и тут же умял пол-арбуза. Слаще не едал в жизни. Потом с полным животом целый час валялся на песке, нежась под нежарким солнцем.

Время летело незаметно. Игорь Андреевич сделал несколько набросков облюбованной им бухты.

«Нет, не Айвазовский»,— отметил иронично про себя Чикуров.

Он снова искупался, выжал плавки, положил сушить на камень, а сам лег загорать.

И тут появился еще один человек, облюбовавший этот уютный уголок побережья. Девушка. Изящная, стройная, она была в маске, ластах и с ружьем для подводной охоты. И вышла, как Афродита, из пены морской.

Игорь Андреевич спешно натянул купальные трусы. Новоявленная Афродита, сняв подводные доспехи, изобразила досаду на лице.

— Я тоже здесь всегда загораю одна,— сказала девушка.

— Извините, не знал, что это ваше место,— стал собирать свои вещи Игорь Андреевич.

— Да что вы!— поспешно произнесла девушка.— Я ведь этот пляж не купила. И раз уж мы оказались вместе, давайте знакомиться... Эвника...

— Игорь Андреевич,— назвал себя Чикуров и предложил:— Может, арбуз? Боржоми?

— Минералки, если можно.

Чикуров налил девушке воды, которую она с удовольствием выпила.

Слово за слово — разговорились. Девушка была из местных, работала в Доме моделей манекенщицей.

Игорь Андреевич о себе ответил уклончиво. И снова взялся за фломастер.

— Вы профессионал?— спросила Эвника, наблюдая за ним.

— Любитель.

— Маринист?

— Почему вы так решили? Меня привлекает все прекрасное.— Он оглядел точеную фигурку девушки.— С удовольствием нарисовал бы вас. Давно мечтал о такой натуре. Жену просил позировать.— Чикуров улыбнулся.— Между прочим, она тоже когда-то была манекенщицей... Но формы, как вы сами понимаете, уже не те. Возраст, ребенок...

— Я не против,— согласилась Эвника.

Рисунок девушке очень понравился, и она попросила подарить его ей с автографом художника. Что Игорь Андреевич и сделал. Эвника пришла в восторг и сказала, что не знает, как его благодарить.

— В качестве платы за портрет разрешите воспользоваться вашими подводными причиндалами,— сказал Игорь Андреевич.

— Ради бога! Вода сегодня прозрачная, как стекло.

Чикуров надел маску, ласты, взял ружье и вошел в море. Нырнул он, отплыв на порядочное расстояние от берега.

Мир, открывшийся перед взором Игоря Андреевича, ошеломил его своими формами и красками. Лучи солнца свободно пробивались сквозь толстый слой воды, окрашивая все вокруг зеленоватым светом. Чикуров приблизился к самому дну, спугнув стайку маленьких рыбешек, как по команде повернувшихся разом и исчезнувших за большим камнем. Он был облеплен чуть шевелившимися неведомыми растениями.

Игорь Андреевич увидел морскую звезду. Она вяло двигала изогнутыми лучами. Заглядевшись на причудливое животное, он едва не задохнулся — набранный в легкие воздух перегорел. Пришлось срочно выбираться на поверхность. Два-три энергичных движения ластами, и он выскочил под ярко-синее небо. Отдохнув на спине, набрав новую порцию кислорода, Игорь Андреевич опять погрузился в бездну.

Скоро он освоился и стал находиться под водой все дольше и дольше. В одно из таких погружений в поле его зрения попала рыбешка красивой раскраски. Синевато-золотистые бока ее переливались под солн-

цем, изящное тело напоминало маленькую торпеду.

«Так это же скумбрия!»— догадался Чикуров, поражаясь тому, как царственно-красочно выглядела она в своей стихии.

На него напал охотничий азарт. Чикуров направил на маленькое чудо свое смертельное оружие, но скумбрия инстинктивно почуяла опасность и метнулась в сторону. Игорь Андреевич рванулся за ней, но вдруг что-то сильно ударило в его ружье. От неожиданности он выпустил его из рук, и ружье опустилось на дно.

Чикуров крутанулся вокруг оси. Метрах в десяти от него повисла в воде фигура человека в маске, ластах и с аквалангом за спиной. Не успел Игорь Андреевич что-либо сообразить, как возле самой его головы пронеслась металлическая стрела, ударилась о подводный камень и, отскочив, царапнула по щеке. Игорь Андреевич в испуге шарахнулся в сторону.

«За мной охотятся, как за той рыбешкой!»— с ужасом подумал он.

Следователь с перехваченным дыханием нырнул за ружьем, подхватил его и устремился наверх. Море вокруг было безмятежным. Но именно это спокойствие тревожило Чикурова. Опасность, находившаяся в глубине в виде стремительно скользящих стрел, все еще была реальностью. Будет ли еще одно нападение? То, что оно могло произойти, заставило его поспешно устремиться к берегу.

Почувствовал он себя в безопасности только тогда, когда выскочил из воды...

В Южноморск мы всей семьей вернулись ранним утром в понедельник. Через несколько дней у Ксении кончались каникулы, и надо было подготовиться к учебному году.

На работу я прибыл чуть позже обычного и застал в своей приемной поджидавшего меня московского следователя. За три дня пребывания у нас Чикуров успел загореть, посвежело лицо. О чем я ему тут же и сказал.

— На меня прекрасно действует море,— улыбнулся Игорь Андреевич.— Горы, солнце...

Продолжение напрашивалось само собой.

— И женщины,— добавил я тоже с улыбкой.

— Совершенно верно,— кивнул москвич.— Своим преображением я обязан женщине. Великолепному мас-

теру из мужского салона красоты. Как ее?..— щелкнул пальцами Чикуров.

— Капитолина Алексеевна?— угадал я.

— Точно, она самая. Сервис, скажу я вам, какого в столице нет,— восхищенно проговорил Игорь Андреевич.— Скостила лет пяток мне своими волшебными руками.

— Вам повезло. Попасть к Савельевой можно только по большой протекции.

— Да?— удивился Чикуров.— Значит, она меня приняла по рекомендации Шмелева... Что ж, мастер она экстра-класса.

— Судя по вашей щеке, дала промашку,— заметил я на лице Чикурова царапину.

— Это не ее промашка,— покачал головой следователь. Он хотел, видимо, пояснить, но в кабинет заглянул Шмелев:

— Разрешите?

— Да-да,— откликнулся я.— Проходите, Николай Павлович.

Мы поздоровались.

— Ну, вся команда в сборе, можно отправляться на свидание со Скворцовым,— энергично потер руки Чикуров.

— Свидания не будет,— мрачно проговорил Шмелев.

— Как?— вырвалось у нас одновременно с Игорем Андреевичем.

— Скворцов скончался от инфаркта,— глухо сказал Николай Павлович.— Вчера, около полудня.

Эта весть настолько нас ошеломила, что мы с Чикуровым некоторое время не знали, что и сказать. Первым пришел в себя Чикуров.

— Вчера, около часу? А почему не сообщили мне сразу?— резким тоном спросил он.— Почему я узнаю об этом только сейчас?

Шмелев побледнел.

— Простите, Игорь Андреевич,— стараясь быть спокойным, но, видимо, еле сдерживаясь, ответил он,— лично я не позволяю себе кричать даже на своего Дика. И повышать на меня голос тоже не позволю.

— Извините,— сухо произнес Чикуров,— но вы были обязаны поставить меня в известность немедленно.

— Если бы вы сообщили дежурной в гостинице,

в каком именно месте будете загорать,— отпарировал Николай Павлович.

Игорь Андреевич, как мне показалось, несколько смутился и уже более ровным голосом спросил:

— Как это случилось?

— В субботу Скворцов пожаловался на сердце. У него, оказывается, запущенная стенокардия. Вызвали врача, дали лекарство. Вроде бы отпустило. А в воскресенье, когда принесли есть, он лежал без движения в камере. Прибежал врач, но ему оставалось только одно — констатировать смерть.

— От чего?— вступил в разговор я.

— Обширный инфаркт.

— Когда вскрытие?— спросил Чикуров.

— Родственники попросили передать им тело покойного, не вскрывая,— сказал Николай Павлович.

— Почему?— вскинул брови Игорь Андреевич.

— По религиозным соображениям.

— И вы дали на это согласие?

— Нет, не дал,— с некоторым вызовом произнес Шмелев.— Может, я много взял на себя, но отыскать вас не представлялось возможным. Если вы считаете мое решение ошибочным...

— Будем считать вопрос исчерпанным,— сказал Чикуров.

Я чувствовал, что он не хочет обострять и без того нелегко складывающиеся отношения с Николаем Павловичем.

— Как это все некстати!— сокрушался московский следователь.— Показания Скворцова могли очень много значить для дальнейшего расследования.

— Если хотите знать мое мнение, то его послание в Москву — трюк. И вообще, он большой артист. Был...— сказал Шмелев.

— Знаете что, Николай Павлович, нужно составить письмо в следственный изолятор с просьбой содержать Ларионова в отдельной камере.

— Хорошо,— кивнул Шмелев.

— Хотя бы временно. Пока я разберусь, что к чему. А то чего доброго...— Игорь Андреевич не договорил. Было видно, что смерть Скворцова здорово выбила его из колеи.

— Откуда у нас такое недоверие друг к другу?— тяжело вздохнул Николай Павлович.— Неужели профессия деформирует?

— Что вы имеете в виду конкретно?— посмотрел на него Чикуров, вероятно задетый этим замечанием.

— Я говорю вообще.— Шмелев поглядел в окно.— И не только о нашем брате. Десятилетиями в нас воспитывали, я бы даже сказал, пестовали подозрительность. Она стала нашей второй натурой. Государство само ее насаждает. Врач — и тот вынужден не доверять больному. Видит, что человек ни за что не встанет с постели и через две недели, а бюллетень больше чем на шесть дней выписать не имеет права! А еще считаем себя самым гуманным обществом в мире! Но вот почему-то в Швеции просто занемогший служащий сообщает об этом на работу, и ни у кого даже не возникает мысли усомниться в его словах. По закону он может до девяти — девяти!— дней находиться дома и будет получать в это время пособие. Без всяких справок...

— Да-а, уж что-что, а проверять мы научились,— поддержал я Николая Павловича.

— Пора бы научиться и доверять,— буркнул он.

Нашу беседу прервал приход Гуркова. Мой заместитель напомнил, что нас с ним ждут в облисполкоме.

Допрашивать бывшего старшего оперуполномоченного ОБХСС Ларионова, взятого под стражу на следующий день после ареста его начальника, Чикуров отправился один.

Станислав Архипович был в помятых хлопчатобумажных брюках и рубашке. Когда Игорь Андреевич представился, на Ларионова не произвело никакого впечатления, что расследованием по его делу будет заниматься такая важная персона. Держался он очень уверенно, не смутился тем, что допрос записывался на видео.

Чикуров решил начать с эпизода, который подследственный признал еще тогда, когда дело вел один Шмелев: с истории с дубленкой, полученной в виде взятки от покойного Скворцова.

— Сколько она стоила?— спросил следователь.

— Я за нее не платил,— спокойно ответил Ларионов.

— Даже на бирку не посмотрели?

— А зачем?— пожал плечами бывший оперуполномоченный.— Дареному коню...

— Хорошо, тогда я поставлю вопрос иначе,— продолжал Игорь Андреевич.— Сколько вы отдали за нее Кирееву?

— Ничего не давал.

— Как это — не давали? — Чикуров полистал дело, отыскал нужный лист.— Это ваши показания?

— Ну, мои...

— Из них однозначно следует: дубленка взята вами для Киреева. Вернее, для его дочери. По вашим словам, вы передали ее Донату Максимовичу. Говорили так?

— Говорил,— подтвердил Ларионов.

— Вы сказали Шмелеву и то, что шуба дочери Киреева не подошла, а посему он попросил продать ее, а деньги передать ему, то есть Донату Максимовичу... Дальше из протокола видно, что дубленку вы забрали себе. Она пришлась впору вашей дочери. Рассчитались вы с Киреевым деньгами. Так?

— Нет, не так,— твердо проговорил подследственный.

«Начинает финтить»,— подумал Чикуров.

— Знайте, никаких денег Кирееву я не давал. А ту дубленку Донат Максимович и в глаза не видел. Вообще о ней не знал. Это я Скворцову сказал, что нужна для Киреева, а на самом деле взял шубу для своей дочери.

— Подпись под протоколом ваша? — продемонстрировал его загогулины на листах дела Игорь Андреевич.

— Моя. И что?

— А то, что вы подтвердили свои первоначальные показания.

— Тогда я все неправильно говорил.

— А сейчас?

— Как на духу! Можете поверить, гражданин следователь.

— Тогда скажите, зачем вам понадобилось оговаривать своего начальника?

— Зачем?— усмехнулся Ларионов.— Эх, Игорь Андреевич, Игорь Андреевич! Вот вы вроде знаете, что такое камера. А на самом деле даже представить себе не можете! Я ведь тоже раньше сюда других посылал. Но дабы понять, что это такое, надо испытать на своей шкуре. Поваляться на нарах да понюхать парашу. Через день-другой признаешь что хошь, лишь бы вырваться отсюда... Словом, виноват я перед Дона

том Максимовичем, подлец. Запачкал грязью безвинного...

— Но почему, объясните! Просто так, без всякой цели?

— Хотите честно? — пристально посмотрел на следователя Ларионов.

— Нечестные, как вы говорите, показания вы уже давали. Шмелеву...

— Понимаете, думал спрятаться за спину Киреева,— вздохнул подследственный.— Она у него широкая. Донат Максимович — авторитет! И у нас в городе, и в области. Даже в Москве. Ну, сами подумайте, если я скажу, что взял для него, кто станет его трепать из-за какой-то дубленки? Думал: не посмеют! И от меня отступятся.— Он снова вздохнул.— Получилось совсем не так... Конечно, подло с моей стороны. Сам загремел и его потянул за собой. Киреев тут совершенно ни при чем. Совершенно! Рассказываю вам все потому, что совесть замучила. Так и пишите в протоколе.

— Ну что ж, давайте запишем,— взялся за ручку Чикуров и дал знать технику-криминалисту, чтобы тот прервал видеосъемку.

Когда Чикуров и техник-криминалист со своей аппаратурой для видеозаписи вышли из следственного изолятора, последний поинтересовался:

— Теперь куда?

— В ресторан «Воздушный замок», допросить директора.

— Мы там уже работали со Шмелевым.

— Знаю,— кивнул Игорь Андреевич.— Но не больно-то тогда раскололся Карапетян. Может, ваша камера мешала?— Он вопросительно глянул на спутника. Тот пожал плечами.— Сегодня хочу попробовать с директором один на один.

— Хозяин — барин,— ответил техник-криминалист. Он двинулся к своей машине, а Чикуров сел в «Волгу», предоставленную ему областной прокуратурой.

Узнав, в какое заведение они направляются, водитель Шамиль Асадуллин присвистнул:

— Знаменитый ресторанчик! Дерут — безбожно!

— Ну, как безбожно?— допытывался следователь.

— Сколько вам платят в месяц? Если не секрет, конечно?

— Не секрет. Двести пятьдесят. Без вычетов, разумеется.

Шофер что-то прикинул в уме, усмехнулся.

— На один заход хватит. С девушкой. А вот с моей зарплатой и соваться нечего...

— Что, какие-то особые деликатесы подают?— удивился Игорь Андреевич.— Соловьиные языки или печень колибри?

— Девочек голых показывают. И еще крутят фильмы по видео. Ну, сами знаете, о чем я говорю. Это на закуску, под самое утро.

Асадуллин наговорил про «Воздушный замок» еще столько в том же духе, что следователь засомневался в правдивости его слов.

— А сами там были?— спросил Чикуров.

— Нет,— признался шофер.— Но рассказывают...

Машина давно выехала на окраину города и теперь уже мчалась берегом моря, круто спускающимся к воде.

— Ладно, черт с ними, пусть разрешают открывать «Воздушные замки»!— продолжал Шамиль.— Но я не понимаю, зачем при этом закрывают дешевые общепитовские забегаловки. Ведь раньше это было кафе. Красивое место, отдыхать приятно. И за пятерку отведаешь шашлыка под бутылочку сухого. Скажите, теперь куда деваться таким, как я?

Чикуров ответить не успел. Откуда-то взявшийся мощный самосвал, стремительно обошедший их, неожиданно подрезал путь «Волге». Раздался визг тормозов. Чикурова резко бросило вперед, и только благодаря ремням безопасности он не вышиб лбом ветровое стекло. Машина заюлила, замоталась на краю шоссе, над самым обрывом, сбивая придорожные столбики.

Дальнейшее произошло в считанные мгновенья. Огромная махина ЗИЛа, прижимавшая их к пропасти, голова водителя самосвала, высунувшаяся из кабины, треск металла, звон разбитого стекла,— вот что успел увидеть и услышать Чикуров. Затем небо несколько раз поменялось местами с землей, раздался глухой удар и «Волга» замерла.

Наступила тишина. Машина лежала на боку, удерживаемая неведомой силой на крутом откосе. Игоря Андреевича прижало к дверце, а сверху над ним буквально висел на ремнях безопасности Асадуллин.

Чикуров глянул на водителя. Смуглое лицо его было теперь белее мела.

— Вы не ранены?— дрожащим голосом спросил он

— Вроде цел...— ответил следователь, прислушиваясь к своему телу.— А вы?

— Слава аллаху,— сказал Асадуллин, пытаясь улыбнуться. Это ему не удалось: ужас происшедшего еще не прошел, а вернее, лишь сейчас по-настоящему осознавался.— Он что, сдурел?— со злостью произнес Шамиль.

Чикуров понял: речь о водителе ЗИЛа. Но ничего не сказал, чувствуя, что авария меньше всего походила на несчастный случай. Но в данное время его больше всего занимал вопрос, как выбраться.

— Камень держит?— высказал он предположение.

— Дерево...— сказал Шамиль.

И действительно, в окошке с его стороны голубело небо и зеленели ветки могучей сосны.

Асадуллин попытался открыть дверцу, но машина угрожающе покачнулась. Больше попыток высвободиться самим они не предпринимали.

Скоро с дороги послышались человеческие голоса, автомобильные гудки.

— Вытащат!— успокоил Чикурова Шамиль.

Их высвободили минут через двадцать. Затем при помощи троса, прицепленного к грузовику, выволокли на шоссе «Волгу». Когда Игорь Андреевич увидел далеко внизу прибрежные камни, то ужаснулся: не задержи их дерево — костей бы не собрали.

На дороге скопились легковушки, мотоциклисты и грузовики. Даже прервал свой маршрут автобус с туристами, которым не терпелось увидеть развязку происшествия. Тут же были и те, кого обязывала к этому служба: бригада «скорой помощи» и работники ГАИ.

Чикуров и Асадуллин первым делом попали в руки врачей.

— В рубашке родились,— констатировал старший из бригады, убедившись, что оба отделались испугом, не считая ушибов.

Настало время гаишников: капитана Власова, что прибыл на «жигуленке», и лейтенанта Роговина, приехавшего на мотоцикле с коляской.

Узнав, кто такой Чикуров и на чьей машине он

ехал, работники ГАИ скрупулезно расспросили следователя и водителя об обстоятельствах аварии.

— Номер самосвала не помните?— задал вопрос Власов.— Серию?

— ЮЖР,— ответил Асадуллин, окончательно пришедший в себя.— А номер, кажется, шестьдесят — семьдесят семь.— Он задумался и поправился:— Нет, по-моему, наоборот, семьдесят семь — шестьдесят...

— А вы?— обратился инспектор ГАИ к Игорю Андреевичу.

— Номер совсем не запомнил,— ответил следователь.— Но зато кое-что могу сообщить о внешности водителя. Он был в темных очках, волосы длинные, светлые, прямые, как у Олега Попова.

— Какого Попова?— слегка озадаченно спросил Власов.

— Ну, клоуна. Помните?

— А-а, клоуна! Конечно, конечно,— закивал капитан.— А еще какие-нибудь приметы?

— Мне легче нарисовать,— улыбнулся Чикуров

Они забрались в «жигуленок». Игорь Андреевич быстро набросал портрет шофера самосвала, что так ярко врезался в его память.

— Похож,— подтвердил Шамиль Асадуллин.

Власов по рации передал всем постам ГАИ команду — задержать описанную машину. Были также сообщены и приметы ее водителя. Вызвал он на место происшествия и дежурную группу УВД города.

Когда все документы были оформлены, Роговин смущенно сказал Асадуллину:

— И все же, брат, тебе придется проехать со мной. Провериться...

— На это дело?— щелкнул себя по воротнику Шамиль.

— Порядок есть порядок,— развел руками лейтенант.

— А как же,— закивал Асадуллин,— я сам требую заключения нарколога. Чтобы потом не шили, будто я виновник. Работаем в органах, знаем...

Он уехал с Роговиным на мотоцикле, а Чикуров попросил Власова подбросить его в «Воздушный замок», так как свидание с Карапетяном было назначено заранее. Отменять его не было причины чувствовал себя Игорь Андреевич нормально.

В это время Сурен Ованесович вел в своем кабинете трудный разговор с клиенткой. Солидная, немолодая, вся в люрексе дама совала под нос директору ресторана тарелку с едой и меню.

— Что это?!— гневно вопрошала она.

— Бифштекс по-бермудски!— гордо ответствовал Карапетян.— А что вас не устраивает?

— По-бермудски? — возмутилась посетительница.— Скажите это своей тете!

— Уверяю вас, приготовлено по лицензии! Рецепт выдержан до мелочей. Прошу, распробуйте хорошенько...

— Распробовала! Обыкновенные зразы! Вы дерете за них девять рублей, а в любой столовке они стоят полтинник.

При последних словах и заглянул в комнату Чикуров.

— Разрешите?— произнес он извинительно.— Задержался не по своей воле...

— Товарищ Чикуров?— вскочил со своего места Сурен Ованесович, заслоняя собой клиентку. Получив утвердительный кивок, он засуетился:— Пожалуйста, проходите, располагайтесь! А я сейчас... Буквально один момент...

Он выхватил у дамы тарелку, меню и поспешно вывел оторопевшую женщину из кабинета.

— Серж,— остановил первого попавшегося под руку официанта Карапетян,— обслужи нашу дорогую гостью! Это юбилейный посетитель. Отдельный кабинет, музыку по ее усмотрению, вино и блюда — что подаешь мне. Понятно?

— Понятно, Сурен Ованесович,— почтительно поклонился клиентке официант, на самом деле ничего не понимая.

— Какая музыка?— недоуменно вертела головой посетительница.— Какое вино? Я только перекусить...

— Приятного аппетита,— поцеловал ей руку Карапетян, от чего дама еще больше растерялась.— С дорогой гостьи — ни копейки!

— А-а,— протянул Серж, наконец-то сообразив, в чем дело.

— Заходите в любое время, всегда будем вам рады!— расшаркался напоследок директор перед женщиной.

Изумленная дама без звука направилась за официантом. А Карапетян поспешил к себе.

— Прошу прощения, дорогой товарищ Чикуров. Честно говоря, я уже думал, что вы не приедете.— Он глянул на часы.— Условились в час тридцать, а сейчас почти три...

— Понимаете, по дороге сюда...— начал было Игорь Андреевич, но директор перебил его:

— О! Дорожные пробки — наш бич! Эти автотуристы превратили наш курорт черт знает во что. Я не говорю уже о загазованности воздуха. Честное слово, скоро будем ходить в противогазах.

— Я, собственно, вот по какому поводу,— оборвал его тираду Чикуров, решив не говорить об аварии.

— Э-э!— темпераментно вскинул руки Карапетян.— Что, за нами кто-нибудь гонится? Я знаю, обычно задаете вопросы вы, но разрешите нарушить этот порядок. На правах хозяина, а?— Директор ресторана расплылся в обаятельной улыбке.

Чикуров пожал плечами: мол, валяйте.

— Вы знаете, что такое буйабесс?

— Буйабесс?— повторил следователь и отрицательно покачал головой.

— О-о, это такая штука — попробуешь и сразу умрешь!— закатил глаза Карапетян.— Знаменитый французский рыбный суп. Представьте, всякая разная приправа... Впрочем, выдавать секрет не имею права. Одним словом, не суп, а нектар! Буквально вчера капитан с французского судна сказал: вы готовите буйабесс вкуснее, чем в Марселе, на родине этого божественного блюда. Сегодня же мы превзошли самих себя... Я лично, шеф-повар и весь коллектив ресторана будем польщены, если вы его отведаете.

— Нет,— твердо сказал Чикуров, уразумев, что к чему.

— Вы не любите рыбное?— ничуть не растерялся директор ресторана.— Мы и это предусмотрели. Рекомендую карбонаты по-фламандски. Это говяжье филе в пивном соусе с зеленью и специями. Даю гарантию — язык проглотите!

Он решительно взялся за телефонную трубку, но Игорь Андреевич остановил его жестом.

— Что, у вас традиция встречать следователей французским супом и фламандским мясом?— усмехнулся Чикуров.

— Поверьте, от всей души,— приложил руки к груди Карапетян.

— Ну вот что, Сурен Ованесович, я здесь не клиент и тем более не ваш гость,— строго сказал Игорь Андреевич.— Давайте не будем терять время.

Карапетян вздохнул так, словно его оскорбили в самых лучших чувствах.

Игорь Андреевич достал из портфеля дело, представился по форме.

— С вами уже беседовал следователь Шмелев,— продолжал он.— Мне хотелось бы кое-что уточнить.

— Я готов уточнить,— встрепенулся Карапетян.— Даже специально справочку приготовил...

Он достал объемистый бумажник, извлек из него сложенный лист бумаги и протянул Чикурову.

Это была справка из поликлиники. На бланке. Она гласила, что у товарища Карапетяна С. О. 18 августа с. г. была температура 40°. Обследовал больного и выдал документ врач Г. В. Золотухин. Имелся регистрационный номер и дата выдачи документа лечебным учреждением.

— Все как положено, верно?— преданно посмотрел в глаза следователя председатель кооператива.

— К чему это?— спросил Чикуров.

— Восемнадцатое августа!— торжественно поднял палец Карапетян.

— Ну и что?— все еще не понимал Игорь Андреевич.

— Так ведь именно в этот день меня допрашивал Шмелев и снимал на видео,— пояснил Сурен Ованесович и показал на папку с делом.— Проверьте, пожалуйста.

Игорь Андреевич нашел нужный протокол. Действительно, разговор следователя с Карапетяном состоялся восемнадцатого августа.

— Понимаете,— с жаром проговорил директор ресторана,— с утра весь пылал, как печка! Ничего не соображал! Даже не помню, что говорил товарищу Шмелеву.

— Так уж и не помните?— с сомнением произнес Чикуров, обескураженный заявлением Карапетяна.

— Честное слово!— поклялся тот.— Разрешите посмотреть, что там я наплел в бреду?— потянулся он к папке.

Игорь Андреевич повернул ему дело, однако из рук его не выпускал.

— Ай-яй-яй!— сокрушенно качал головой Карапетян, читая свои показания.— Настоящий бред! Чтобы такое сказать о санитарном инспекторе, о пожарном инспекторе, фининспекторе!..— Он схватился за волосы.— Вах! Я оболгал и ГАИ, и ОБХСС!.. Нет, не могу!

Директор ресторана закрыл лицо руками и долго качался из стороны в сторону. Игорь Андреевич терпеливо ждал, когда завершится этот спектакль.

— Честнейшие, порядочнейшие люди нашего города! Что я натворил? Сами подумайте, в своем я был уме или нет?

«Ну и артист!— восхитился Чикуров, поворачивая и подвигая к себе папку с делом.— А ход ловкий!»

Надежды добиться дополнительных сведений о Кирееве рухнули. Более того, прежние показания Карапетяна теперь не стоят выеденного яйца.

— Прошу приобщить к делу,— торжественно произнес председатель кооператива, кладя на папку документ из поликлиники.

— Хорошо,— сказал следователь.— И оформим наш разговор как положено.

Он заполнил бланк протокола допроса свидетеля и попросил Карапетяна собственноручно написать объяснение по поводу своей «болезни». Когда тот исполнил это, Чикуров сказал:

— Еще один вопрос, Сурен Ованесович: что вы думаете об убийстве Пронина? Ну, вашего сторожа?

— Ой-ой,— простонал допрашиваемый.— До сих пор спать не могу! Так и стоит перед глазами этот ужас!

— Как вы думаете, за что его убили? Кто?

— Даже не могу себе представить, у кого могла подняться рука на этого тихого, безобидного человека...

— А почему его труп положили именно в ваш автомобиль?

— Странный вы человек, товарищ Чикуров,— поцокал языком Карапетян.— Это я должен у вас спросить: почему?

— Может, вас кто-то о чем-то предупреждал?

— Меня?— испуганно повторил Сурен Ованесович.— О ч-чем?— вдруг стал он заикаться.

— Это и хотелось бы знать.

— Лично я ничего не знаю,— отвел глаза в сторону Карапетян.

В них стояла такая мука, что Чикурову стало его жаль.

На этом допрос был завершен...

Мне позвонил первый секретарь горкома партии Валентин Борисович Голованов:

— Захар Петрович, найдется полчасика для беседы?

Я посмотрел на перекидной календарь — вроде срочных встреч не было.

— Найдется.

— Подскочи ко мне и прихвати с собой этого москвича, ну, следователя.

— Хорошо.

В неофициальной обстановке с Головановым мы на «ты», потому что были, можно сказать, земляками. Он родом из соседнего поселка, а с его двоюродным братом Яковом, тем самым, заместителем секретаря парторганизации, я и вовсе из одного села.

Когда я сказал Чикурову, что нас ждут в горкоме, он спросил:

— Небось по киреевскому делу?

— Скорее всего...

Здание горкома — в трех минутах ходьбы. Шикарный дворец из розового туфа и стекла. Не чета прокуратуре, которая давно требует ремонта, но у южноморских строителей все не доходят руки...

Голованов встретил нас в своем роскошном кабинете с наборным паркетом, усадил в кожаные кресла.

— Уж извините, что оторвал от работы, но дело неотложное. Понимаете, нужно решать вопрос о партийности Киреева.

Мы незаметно переглянулись с Чикуровым.

— Как, товарищи?— нетерпеливо спросил секретарь.

— Партийность — не наша прерогатива,— сказал Игорь Андреевич.

— Решать в отношении Киреева — право партийных органов,— поддержал я следователя.

— Но у нас нет материалов. Ясности, так сказать...

— Значит, придется немного подождать, когда следствие внесет ясность,— спокойно произнес Чикуров.

— Насколько я понял,— несколько раздраженный

ответом Игоря Андреевича, произнес секретарь,— у вас, как следователя, ее тоже нет?— Он повернулся ко мне.— Тогда возникает вопрос к вам: как можно сажать человека с партбилетом? К тому же — презумпция невиновности... Что скажете, прокурор?

— Прокурор дает санкцию, когда убежден в ее необходимости и когда есть для ареста все основания,— ответил я.

— Основания?— сурово вскинул брови Голованов.— Так ведь только что товарищ следователь выразился предельно откровенно: полной убежденности нет.— Он даже не посмотрел в сторону Чикурова.— Товарищи, дорогие, оглянитесь вокруг! Вся страна перестраивается, а вы словно в летаргическом сне. Сколько можно ехать в старой телеге, я имею в виду обвинительный уклон? Он и так нас довел черт-те до чего. Очнитесь, прислушайтесь к голосу партии и народа! К чему он зовет?

— Защищать закон,— сдержанно ответил я на его горячую филиппику.— И общество. Между прочим, не только от обвинительного, но и от освободительного уклона. Да-да, уважаемый Валентин Борисович, освободительного тоже. Он стал разрастаться, как бурьян. И еще неизвестно, что страшней. Впрочем, это все равно, как если бы медики спорили, что лучше: чума или холера.

— Странные речи слышу от вас,— покачал головой секретарь.— Словно вы не смотрели по телевидению Первый съезд народных депутатов и прессу не читаете...

— Читаю. Лучше, мол, освободить десять виновных, чем осудить одного невиновного...

— А вы не согласны?

— В отношении людей никакая арифметика не подходит,— сказал я.— Хотелось бы задать вопрос сторонникам формулы, которая, как я понял, вам так нравится. Лучше ли будет обществу, если десять избежавших наказания убийц отправят на тот свет десятки ни в чем не повинных граждан?

— Не надо,— поморщился Голованов.— Не надо стращать. Сколько лет нас стращали и под этим видом оправдывали массовые аресты и уничтожение миллионов честных людей. Время винтиков прошло. Теперь никаким абстрактным теоретизированием нельзя прикрывать осуждение хоть одного, слышите, од-

ного-единственного безвинного. Это трагедия! В этом вы хоть солидарны со мной?

— Солидарен,— кивнул я.— Но почему именно сейчас? Всегда была трагедия!

— Но сейчас особенно. За каждую такую трагедию взашей нужно гнать следователя, прокурора, судью!— распалялся Голованов.— Судить, всенародно! Чтоб другим было неповадно. Не так ли?

— Не будем обсуждать очевидное,— сказал я.— Но хочется заметить и другое: как всегда, мы перегибаем палку. Сейчас, может быть, надо больше думать о другой болезни, охватившей правоохранительные органы,— перестраховке. Это может обернуться страшной бедой для общества. Прежде всего резким ростом преступности. Что, кстати, уже видно невооруженным глазом. Один только пример. Вдумайтесь: из ста взяточников сегодня привлекается к ответственности лишь два!

— Откуда у вас такие цифры?— мрачно посмотрел на меня секретарь.

— Данные специалистов опубликованы,— ответил я.— Есть и другие показатели, не менее тревожные. Из правоохранительных органов скопом уходят квалифицированнейшие кадры. Как правило, самые опытные и принципиальные. Боюсь, Валентин Борисович, если так пойдет и дальше, люди, чьи права и жизнь станут охранять такие, кто только думает, как бы подольше усидеть в своем кресле и оградить, простите, задницу от ударов прессы и начальства, пошлют нас всех подальше и сами возьмутся за борьбу с преступниками. Как это сделали в Горьком и других городах, где созданы рабочие отряды самообороны. Не хотел бы я дожить до этого...

— Ой, Захар Петрович, вы все время пытаетесь уйти от конкретного разговора. Скажите прямо: против Киреева есть доказательства или нет?

— Следствие ведет Прокуратура РСФСР,— показал я на Чикурова, не желая ущемлять его компетенцию.

— Ну, и что вы скажете? — обратил свой начальственный взор на Игоря Андреевича Голованов.

— К сожалению, ничего. Тайна следствия,— развел руками Чикуров.

— Тайна?! — аж привскочил с места Валентин

Борисович.— От партии? Вы... Вы понимаете, что, где и кому говорите?

— Понимаю,— сдержанно ответил Чикуров.— Но, во-первых, вы — это еще не партия, а во-вторых...

Но Голованов не дал ему закончить:

— Извините, товарищ следователь, в таком тоне продолжать беседу с вами я не намерен. Можете быть свободны.

Игорь Андреевич спокойно поднялся и, ни слова не сказав, покинул кабинет.

Все произошло так неожиданно и быстро, что я сразу и не сообразил, как реагировать. Тоже было поднялся, но секретарь остановил:

— Погоди.— Он зачем-то стал выдвигать и задвигать ящики стола, перебирать бумаги.— Ну и тип! Таким дай власть, дров наломают — страшно подумать!— все еще не мог прийти в себя Голованов.

— Ты тоже был не на высоте...

Говоря по правде, мне хотелось сквозь землю провалиться от только что разыгравшейся сцены.

— Своего защищаешь?— мрачно заметил секретарь.

— Этика есть этика.

— Всяк сверчок знай свой шесток! А товарищ зарвался. Кому он подчиняется?

— Прокурору республики.

— Понятно,— многозначительно проговорил Голованов и снова принялся что-то искать.— Вот,— с облегчением сказал он, извлекая из завалов на столе листок.

Валентин Борисович встал, достал из холодильника, искусно скрытого в стене, бутылку боржоми, налил мне и себе.

— Охладимся...— перешел он на доверительный тон.— Послушай, Захар, ты ездил на прошлой неделе в Синьозеро?

— Да, забрал жену и дочь. У мамы гостили... Был всего субботу и воскресенье.

— А не надорвался? — усмехнулся секретарь.

— Не финти и выкладывай начистоту.

— Ладно,— вздохнул Голованов, вертя в руках стакан с играющей пузырьками минералкой.— Признайся, церковь помогал строить?

«Вот он о чем»,— подумал я, а вслух сказал:

— Так она построена давно. Лет полтораста про-

стояла. А когда рушили ее, каюсь, приложился к этому позорному делу. Одно хоть как-то утешает — несмышленышем был. Дурак, одним словом. А ведь меня там, оказывается, совсем младенцем бабка крестила. Мать наконец-то открылась...

— Тише ты!— цыкнул Голованов, испуганно оглянувшись, хотя мы были одни.

— Из песни слова не выкинешь,— развел я руками.

— Ну, за бабку ты не в ответе, а вот за свои теперешние проступки...— Валентин Борисович осуждающе покачал головой.

— Договаривай, договаривай.

— Это ты ответь: было?

— Было. Только не то, что ты думаешь. Помогал строить. Но не церковь, а склад колхозный.

— Э-эх!— постучал он глухо кулаком по своему лбу.— Ты в своем уме! Коммунист, областной прокурор, член пленума обкома, депутат!.. Склад-то нужен был, чтобы церковь освободить. Хочешь не хочешь, а вывод один: с попами связался.

— Этак можно договориться черт знает до чего!— разозлился я.— Лучше скажи, кто на меня телегу накатал.

— Не на тебя. На Якова.

— Твоего брата?

— Ну да! Жахнули прямо в ЦК: зам партийного секретаря возглавил кампанию за возрождение религии в колхозе. Так и написали. Яшку — в райком. Он сдуру и ляпнул: а чего такого, вон Измайлов повыше сидит и тоже строил. Первый секретарь райкома, лопух, нет чтобы посоветоваться со мной, звякнул по инстанции. Ну и засветил тебя. Видишь ли, бдительность проявил. Выслуживается, подлец...

— Мало ли еще карьеристов и дураков,— отмахнулся я.— Если на всех обращать внимание!.. Да и время вроде другое.

— Не скажи,— протянул Голованов, пристально глядя на меня.— Объяснение-то тебе придется писать.

— Что ж, напишу.

Секретарь зачем-то помедлил, открыл новую бутылку боржоми.

— Хочется тебя выручить,— проговорил он со вздохом.— Очень. Ведь могут такую бодягу развести — не отмоешься. Что ли взять на себя грех, замять?—

многозначительно проговорил он.— Но уж больно ты негибкий. Напролом всегда прешь.

— Что ты имеешь в виду?

— Не пойму, что тебе Киреев? Карьеру на его несчастье хочешь сделать?

Я наконец понял, к чему он клонит.

— Ко всяким доносам мы уже привыкшие,— поднялся я, давая понять, что говорить на эту тему больше не собираюсь.— А объяснение — завтра пришлю.

Простились мы сухо.

Вода из душа текла еле-еле. Хороший напор был только глубокой ночью, но Чикуров не решался мыться в столь поздний час, дабы не беспокоить людей в соседних номерах — слышимость чудовищная.

В самый разгар купания раздался телефонный звонок. Обернувшись банной простыней, Игорь Андреевич выскочил в комнату.

— Здравствуйте,— послышался в трубке женский голос.— Не узнаете?

— Да что-то никак не припомню,— извиняющимся тоном произнес Игорь Андреевич.

— Как же так, Игорь Андреевич,— грустно продолжали на том конце провода,— берег моря, вы непрошеным гостем появились на моем пляже...

— Эвника!— вспыхнул в голове Чикурова образ девушки.— Ради бога, простите. Коловорот людей, встреч...

— Понимаю. И в свою очередь прошу прощения, что звоню так поздно. Вы, наверное, уже легли?

— Нет-нет, что вы! Как говорится, детское время...

— Вы сейчас очень заняты?

— В общем-то дел нет,— неуверенно ответил следователь, глядя на лужицу воды, образовавшуюся у ног.— А что?

В трубке тяжело вздохнули, помолчали.

— Я вас слушаю, Эвника,— напомнил о себе Игорь Андреевич, чувствуя, что собеседница чем-то расстроена.

— Понимаете, мне нужно вам кое-что сказать. Очень серьезное,— наконец ответила Эвника.

— Говорите.

— По телефону неудобно... Короче, это все тот рисунок...

— Какой?— не сразу понял Чикуров.

— Который вы сделали с меня на пляже,— сказала девушка дрожащим голосом.

— А что в нем особенного?— удивился Игорь Андреевич.

— Для вас и меня — ничего, а вот для него...— всхлипнула Эвника.

— Для кого?

— Моего жениха... Как увидел, набросился с кулаками! Вы бы слышали, какими словами он обзывался! И проституткой, и шлюхой...

— Господи!— вырвалось у Чикурова.— Как же так можно?

— Он... он... жутко ревнив.— Девушка уже плакала вовсю.— Я... Я даже не знала, что он... Следит повсюду... С фотоаппаратом... Угрожает.

— Вам?— всполошился не на шутку следователь.

— И вам тоже...

Неожиданно раздался стук в дверь.

— Эвника, ради бога, не бросайте трубку, я сейчас. Кто-то стучится.

— Хорошо,— тихо ответила девушка.

Положив трубку рядом с аппаратом, Игорь Андреевич подошел к двери, слегка приоткрыл ее.

— Извините за беспокойство,— проговорила стоящая в коридоре дежурная по этажу,— вам звонят откуда-то, никак не могут пробиться. Говорят, срочно нужны.— И она протянула ему бумажку с номером телефона.

Он поблагодарил и вернулся в комнату.

— И что дальше Эвника?— продолжил Чикуров прерванный разговор.

— Игорь Андреевич, очень прошу встретиться. Хоть на минуточку.

— А где вы сейчас?— спросил он, размышляя о сложившейся ситуации.

— В телефонной будке, рядом с гостиницей.

— Хорошо. Зайдите в вестибюль, я скоро спущусь.

— Спасибо,— еле слышно поблагодарила Эвника и повесила трубку.

Игорь Андреевич тут же позвонил по переданному дежурной номеру, назвался.

— Здравствуйте,— отозвался мужской голос.— Это я вам звонил, дежурный прокурор Иваненко. По поручению товарища Измайлова. Понимаете, из обл-

управления внутренних дел сообщили, что в автокатастрофу попал Агеев.

— Агеев?— переспросил Игорь Андреевич.— Директор магазина «Дары юга»?

— Да. Авария тяжелейшая. Машина упала в ущелье. Шофер погиб, сам Агеев без сознания. Его увезли на попутке в больницу.

— Где это произошло? Когда?

— Да минут двадцать назад, на седьмом километре горного шоссе. На место происшествия выезжает дежурная следственно-оперативная группа. Если желаете, вас могут прихватить.

— Конечно, желаю!

— Хорошо, товарищ Чикуров, за вами заедут.

«Как неудачно получилось с Эвникой!»— досадовал Игорь Андреевич, лихорадочно надевая форменный костюм.

Когда он спускался в лифте, раздумывал о том, почему так трагически складываются судьбы свидетелей по киреевскому делу. Скворцов умер от инфаркта, и вот теперь — Агеев...

С директором «Даров юга» Игорь Андреевич должен был встретиться завтра. Следователь допросил бы его и раньше, но Агеева не было в Южноморске, только сегодня вернулся...

Вестибюль гостиницы был по-ночному пуст. Но как только Чикуров вышел из лифта, от колонны отделилась девичья фигура и метнулась к нему.

— Игорь Андреевич, умоляю вас,— схватила его за руки заплаканная Эвника,— уезжайте! Ради всего святого!..

И тут откуда-то сбоку словно вспыхнула молния. Чикуров обернулся и увидел незнакомого бородатого молодого человека с фотоаппаратом.

Это был Вадим Снежков.

Фотовспышка осветила вестибюль еще раз, после чего Снежков угрожающе пошел на Игоря Андреевича. Эвника в страхе отскочила в сторону.

— Думаешь, если следователь, если из Москвы, то тебе все можно?— задыхаясь от гнева, прошипел молодой человек.— Чужую невесту голой рисовать, соблазнять?

От неожиданности Чикуров не знал, что и сказать.

— Молчишь, гад?— надвигался на него бородатый.

— Вы что?..— только и успел вымолвить следователь.

В следующее мгновение Снежков схватился за лацканы чикуровского пиджака. Глаза у него были бешеные.

— А ну, руки!— Игорь Андреевич ребрами ладоней резко ударил по запястьям Снежкова, освободившись от захвата.

Неизвестно, чем бы все кончилось, если бы в вестибюль гостиницы не вбежал старший лейтенант милиции, ища кого-то глазами. Молодой человек отпрянул от Чикурова, зло бросив:

— Еще встретимся!

— Ой, не советовал бы,— спокойно проговорил Игорь Андреевич и отправился навстречу старшему лейтенанту.

— Иди-иди,— огрызнулся Снежков.

— Товарищ Чикуров,— работник милиции узнал следователя по форме,— машина ждет.

Когда Чикуров садился в милицейскую «Волгу», сквозь стеклянную стену он увидел, как Эвника что-то доказывала своему жениху.

«Ну и в дурацкое же положение я попал»,— подумал он.

От неприятных мыслей отвлек рассказ начальника следственно-оперативной группы по пукти на место происшествия. Оказывается, он знал Агеева. Директор фирменного магазина был в городе заметной фигурой. Имел шикарную дачу в горах и, по всей видимости, направлялся как раз туда...

Катастрофа произошла на крутом повороте шоссе. Когда прибывшие вышли из «Волги», то увидели «скорую», спецмашины ГАИ и мотоцикл. Среди гаишников Чикуров узнал лейтенанта Роговина, того самого, который расследовал аварию прокурорской «Волги». Игорь Андреевич поздаровался с ним, как со старым знакомым.

На что прежде всего обратил внимание Чикуров — асфальт был мокрый. А в центре Южноморска — ни капли не упало.

— Так у нас нередко бывает,— пояснил Роговин.— Возможно, из-за мокрого покрытия и произошло дорожно-транспортное происшествие.

— Или же шофер задремал,— высказал предположение кто-то другой.

— Или не вписался в поворот,— добавил третий.

— А где тело водителя?— поинтересовался Игорь Андреевич.

— Внизу, возле машины,— ответил Роговин.— Охраняют.

Чтобы добраться туда, нужно было спуститься по извилистой тропинке метров тридцать. Ее осветили переносками. Имелось и несколько электрофонариков. Роговин, уже побывавший внизу, взялся показывать Чикурову дорогу, предупреждая о всяких неожиданностях.

— Игорь Андреевич, а что вы не поинтересуетесь самосвалом, который вас чуть-чуть не того?..— спросил лейтенант.

— Нашли бы — сообщили,— сказал следователь, цепляясь за влажные ветки кустов.

— Почему — бы?— произнес Роговин, в голосе которого послышались нотки обиды.— Недооцениваете вы ГАИ.

— Действительно нашли?

— Еще вчера,— с гордостью сказал лейтенант.— Осторожно, левее возьмите...

— Кто же тот лихач?

— Увы,— вздохнул Роговин,— обнаружили пока только самосвал. По номеру. Молодец Асадуллин, ошибся только на одну цифру.

— Странно, где машина, там и шофер, по идее. Да еще у вас есть портрет.

— Вот за портрет он вас должен благодарить.

— Кто?

— Лучший водитель второй автоколонны. Если бы не ваш рисунок, трудно было бы ему отвертеться. Понимаете, по вашему портрету нарушитель похож на Олега Попова, а этот передовик — Заза Кахиани — как небо и земля: черные как смоль кудри, породистый нос...

— Выходит, самосвал угнали?

— Совершенно верно. Кахиани приехал домой в обеденный перерыв, оставил машину на улице. У него приличный особняк... Вышел через полчаса — нет самосвала... А нашли мы машину за городом, в чащобе, целехонькой и невредимой.

— В котором часу произошел угон?

— По словам Кахиани — около двенадцати. Именно в это время он обычно приезжал обедать.

Они добрались до дна ущелья. Резко пахло горелой резиной. Чикуров и Роговин подошли к группе людей. Среди тех, с кем он познакомился, был мужчина в белом халате.

— Судмедэксперт Хинчук,— представился он.

— Что скажете?— спросил Игорь Андреевич.

Судмедэксперт подвел следователя к трупу водителя, залитому кровью.

— Как видите, множественные ранения. Это от того, что он выпал из машины, когда та летела по откосу. Я предполагаю, что причиной смерти явилась черепно-мозговая травма. Но окончательно покажет вскрытие.

Чикуров и Роговин решили осмотреть автомобиль. Он находился метрах в двенадцати. Это была «тойота». Вернее — все, что от нее осталось: голый обгоревший остов.

— Здорово рвануло,— сказал лейтенант.— Пламя озарило все ущелье. Поэтому и заметили с дороги...

Они помолчали. Сверху на них глядели огромные южные звезды. Великолепная природа дышала прохладой. Трудно было это сопоставить с тем, что меньше часа назад здесь произошла трагедия.

Вдруг неподалеку, почти над самой землей, бесшумно промелькнул силуэт крупной птицы, и через мгновение раздался отчаянный писк.

— Это что?— тихо спросил Чикуров.

— Сова. Грызуна придушила.

— Мышкует, значит, в потемках,— задумчиво произнес Игорь Андреевич.

— Ой, не любит света,— подтвердил лейтенант.— Ночная хищница.

Николай Павлович Шмелев зашел ко мне со свертком в руках, какой-то торжественный и грустный.

— По личному делу, разрешите?

— Пожалуйста, присаживайтесь.

Шмелев развернул газету и, словно драгоценность, положил передо мной книжку в самодельном переплете.

— Никогда не делал подарки начальству,— произнес смущенно,— но вам теперь можно...

Я не знал, как себя вести. Уж больно Николай Павлович вел себя необычно. Книга была старинная, с «ятями». Герцен, лондонское издание.

— Это же редкость,— сказал я.— Нет-нет, не могу принять.

— У меня еще один экземпляр. Не обижайте старика. Я знаю, что вы любите умные книги.

— А вы?

— Я истинный книголюб. В том смысле, что для меня важнее сам раритет, чем то, что в нем написано. И давно уже убедился: мудрость великих ничему не учит и не имеет к жизни никакого отношения.

— Разочаровались?

— Пожалуй, и не очаровывался... Разрешите перейти к делу?

— Слушаю, Николай Павлович.

— Две просьбы. Одна — дайте три дня отпуска без содержания. В Москву нужно, на свадьбу...

— Уж не надоела ли холостяцкая жизнь?— подтрунил я над ним.

— Господь с вами!— отмахнулся Шмелев.— Внучка замуж собралась. Только закончила медицинский и вот вчера ошарашила. Спрашиваю, что так скоропалительно? Оказывается, ее избранник — дипломат, а неженатиков для заграничной работы не оформляют... Отпустите?

— Раз такое дело...

Он протянул мне заявление, и я поставил разрешающую резолюцию.

— Ну, а вторая просьба? Небось тоже отпуск, внеочередной?

— Бессрочный. Решил на пенсию.— Он протянул мне еще одно заявление.

— По-моему, спешите, Николай Павлович. Вот закончите дело Киреева...

— Нет-нет,— поспешно сказал Шмелев.— Так мне дадут прокурорскую пенсию, а это, сами знаете, сто шестьдесят рэ. Ну, а если выгонят — всего сто двадцать плюс позор на всю оставшуюся жизнь.

— Что так мрачно?— удивился я.— Не верите в свои силы?

— При чем здесь силы? Ни одно мое дело не посылали на доследование. Никогда! И оправдательных приговоров по ним не было... Киреевское тоже шло нормально. А как приехал московский «важняк»— дело на глазах разваливается. Свидетели гибнут один за другим... Вот и Агеев...

— Как?— вырвалось у меня.— Скончался?

— Да. В больнице, не приходя в сознание. Если считать и его шофера, Суслова, выходит, еще двух потеряли. А вчера, представляете, допрашивал шашлычника. По оперативным данным, он буквально озолотил Киреева... Да, говорит, давал, но попробуйте доказать! Прямо в лицо смеется. Впервые почувствовал, что у меня нервы не выдерживают. Отработался, значит. Можете со спокойной совестью отпускать старого конягу. Проку от меня уж не будет.

— Конечно, вы имеете право,— сказал я невесело.— И так переходили семь лет. И все же я воздержусь от решения до вашего возвращения из Москвы.

— Бесполезно,— твердо сказал Шмелев.

Я знал, что своего решения он не переменит.

— Чикуров где?

— У себя. Мрачнее тучи. Зачем-то еще раз ездил на место аварии машины Агеева.

— Скажите Игорю Андреевичу, что ко мне заглядывал спецкор московской газеты,— я глянул в свои записи,— Мелковский Рэм Николаевич. Хочет встретиться с Чикуровым и с вами завтра, в три часа дня.

— Слава богу, я буду уже в воздухе,— поднялся Шмелев.— Можно идти?

— Да-да, идите, и счастливого вам пути.

— Спасибо, Захар Петрович. А Чикурову я скажу насчет корреспондента.

Николай Павлович вышел. Подарок так и остался у меня на столе. Я решил вернуть его при удобном случае.

Рэм Николаевич Мелковский появился в кабинете Чикурова ровно в назначенный час. Судьба уже сводила их. Лет пять назад Мелковский проходил свидетелем по громкому делу, которое расследовал Игорь Андреевич. Дело касалось убийства и хищения в особо крупных размерах. Можно было привлечь Рэма Николаевича к ответственности, но ему помогли могущественные заступники. Мелковский не только остался на плаву, но даже еще больше укрепил свое положение, особенно в последнее время. Его статьи широковещательного, программного характера все чаще появлялись на страницах крупнейшей центральной газеты. Тема — мораль и право...

Была у них встреча и после, уже как интервьюера и интервьюируемого. И вот — новая. Мелковский ма-

ло изменился с тех пор, разве что посолиднел, чуть располнел, но оставался таким же небрежно-элегантным, вальяжным.

— Вы здесь специально по мою душу?— спросил Чикуров после взаимного, довольно-таки официального приветствия.

— Зачем же только по вашу,— одарил собеседника обаятельной улыбкой журналист.— Редакция послала меня проверить письма и жалобы в отношении дела Киреева.

— И каковы ваши впечатления?

— Не скрою — не очень благоприятные для следствия. Однако я не спешу с выводами. Пока — одни эмоции. Я же всегда стою на позициях права: факты и ничего кроме фактов. Надеюсь, что вы мне поможете...

— В чем?

— Объективно осветить в газете создавшуюся ситуацию. Но для этого мне надо ознакомиться с материалами предварительного следствия. Думаю, что мои полномочия не вызывают сомнений.

— Опять вы свое, Рэм Николаевич,— покачал головой Чикуров.— Уж в который раз говорим на эту тему...

— Да, раньше вы всегда возражали. Но нынешний случай особый.

— У меня всегда один принцип: пока идет следствие, никакой информации для прессы.

— Поверьте, это в ваших же интересах,— сделал еще одну попытку склонить следователя к согласию Мелковский.

— Вы печатаетесь под рубрикой «Мораль и право». Но ни с тем, ни с другим ваша просьба не согласуется, поймите.

— Могу доказать обратное!— горячо возразил журналист.

— Зачем напрасно тратить время.

— Очень жаль, что вы остаетесь непримиримым противником печати. Прямо какая-то фобия.

— Это неверно. Зачитываюсь, как и все, статьями Шмелева, Попова, Нуйкина, Селюнина, Черниченко, Аверинцева... Господи, сколько появляется ярких, талантливых статей! Жаль, что времени не хватает для чтения.

— Между прочим, те, кого вы назвали, смело вторгаются как раз в области, на которые совсем еще

недавно налагалось табу,— сделал нажим на последнем слове Рэм Николаевич.— Почему же вы отказываете в этом пишущим на правовую тему? Ведь завалов тут не меньше, чем в сельском хозяйстве и промышленности. Или вы не согласны?

— Насчет завалов — согласен. Но с тем, как это освещается некоторыми журналистами, в частности вами,— нет!

— Ну-ну,— усмехнулся Мелковский.— Интересно, в чем я согрешил? Не стесняйтесь, Игорь Андреевич, я, в отличие от вас, охотно выслушиваю критику.

— Почитаешь ваши статьи за последние года три, и получается, что в наших органах правопорядка одни изверги. Только тем и занимаются, что уродуют людские судьбы... Притом делают это умышленно...

— Позвольте, позвольте, уважаемый оппонент,— остановил его жестом журналист,— а витебское дело? Когда расстреляли невиновного? Тут уж, как говорится, ни убавить, ни прибавить.

— Я не собираюсь ни убавлять, ни прибавлять, урок страшный. Но, если говорить всю правду, не только для нас, юристов, но и для вас.

— В каком смысле?— насторожился Мелковский.

— Закрытость и вседозволенность — результат деятельности и нашей печати. Не хотелось бы напоминать, да сами напрашиваетесь... Вспомните ваш восторженный очерк об одном из «героев» в кавычках того витебского дела, следователе. Ну да, теперь вы клеймите его, а тогда?.. Помните? Чуть ли не икону из него сделали...

Рэм Николаевич на мгновение смутился, но тут же взял себя в руки.

— Отрекаться глупо. Было. Как это делалось, вы отлично знаете. В Прокуратуре СССР дали материал, я, честно говоря, только художественно обработал. Но подобное — не вина прессы, а ее беда. Слава богу, времена изменились. Ныне, простите за заезженное слово,— перестройка. И кто в первых рядах? Мы, журналисты. Первопроходцы! Приняли на себя первыми удары непонимания и, прямо скажем, саботажа со стороны аппарата.

— А если перестройка захлебнется?— с усмешкой спросил Чикуров.— Тоже будете в авангарде ее сворачивания?

— Зло шутите!

— Какие уж шутки, Рэм Николаевич,— вздохнул следователь.— Возьмите некоторых ваших коллег, пишущих на крестьянскую тему... Вчера взахлеб хвалили колхозный строй, а сегодня кричат о полном развале сельского хозяйства. Или международников: боже мой, как они расписывали нищету и произвол, царящие в капиталистических странах! А сейчас вовсю расхваливают тамошнюю жизнь! Интересно, что они запоют, если веяния переменятся? Впрочем, догадаться не трудно...

— Но журналисты никогда и никого не убивали.

— Свитивали. А словом? Перечислю лишь некоторые имена: Зощенко, Ахматова, Платонов, Солженицын, Бродский... Их таланты хоронили заживо. Граждански убивали...

— А Бабеля, Мандельштама, Пильняка и тысячи других — самым натуральным образом: голодом в концлагере или выстрелом в затылок. И не мы, журналисты!

— Но под ваше восторженное одобрение. А часто — и с подачи публичных доносов в газетах!

— Это была пена на волнах террора, развернутого органами. Так что чья настоящая вина — известно,— победно посмотрел на следователя корреспондент и, глянув на часы, озабоченно произнес:— Рад бы продолжить дискуссию, но, увы, кроме вас у меня назначены встречи с генералом Руновым и первым секретарем горкома партии.

— У меня тоже дел невпроворот,— сказал Чикуров.

— И все же парочку минут я у вас еще отниму, если не возражаете.

— Конкретно по делу?— спросил следователь.

— Нет-нет! Разговор из области морали.

Мелковский открыл щегольский кейс, извлек из него фотографию большого размера и передал следователю.

Это был снимок чикуровского рисунка. Того самого, изображающего обнаженную Эвнику на берегу моря, который привел к ссоре между Чикуровым и ее женихом.

— Смотри-ка, мои скромные живописные упражнения умеют успех,— усмехнулся Игорь Андреевич.— Даже не поленились переснять.

— Значит, не отрицаете, что вы рисовали?— уточнил журналист.

— Не отрицаю. Сам подарил оригиналу,— спокойно сказал Чикуров.

— Удивляюсь вам,— покачал головой Мелковский.— Даже не знаю, что это — беспечность, освобождение от нравственных устоев?

Он достал еще две фотографии. На одной Чикуров стоял голым на пляже. Рядом с ним — Эвника в очень смелом купальнике. На песке — арбуз, фрукты, бутылка «Цинандали». Другой снимок запечатлел тот момент, когда девушка целовала следователя в щеку...

— Постойте!— вырвалось у Чикурова.

Но Мелковский не дал ему договорить, продемонстрировав надорванный конверт.

— Это еще не все,— сказал он торжествующе.— В этом письме подробно описаны ваши похождения в Южноморске в разгар бархатного сезона.

— Кто?.. Кто?— теряя самообладание, прохрипел Игорь Андреевич.

— Жених доверчивой девушки, которую вы пытались соблазнить,— холодно ответил Мелковский.

Чикуров справился с собой.

— Шантаж!

— Ну зачем же — шантаж, уважаемый Игорь Андреевич,— складывая в кейс фотографии и письмо, сурово ответил журналист.— Штрихи к вашему облику.— Он поднялся и, высокомерно кивнув на прощание, покинул помещение.

У меня в кабинете находился прокурор города Гарбузов, когда заглянул Чикуров.

— Проходите, что у вас?— пригласил я его.

— Очень кстати, что здесь товарищ Гарбузов,— сказал Игорь Андреевич, здороваясь с ним за руку.— Хочу кое-что спросить.

— Пожалуйста, спрашивайте,— ответил тот.

— Как идет расследование убийства в телефонной будке? Которое произошло в день хулиганского нападения на «Воздушный замок»?

— Пока глухо,— вздохнул городской прокурор.— Личность убитого не установлена. При нем не было никаких документов. Помните, Захар Петрович, что к вам звонил какой-то Ляпунов, назвавшийся корреспондентом? Так вот, одной из версий, что это и есть он, следователь занимался тоже. Но, увы... На всякий случай мы проверяли гостиницы, пансионаты, санато-

рии. Ни о каком Ляпунове, тем более журналисте, там не слышали. Звонили и в Москву, в редакции, в Союз журналистов,— они такого не знают.

— А что, если бомж?

— Не похоже...

— Есть другие версии?— спросил Чикуров.

— Есть. Несколько. Работаем также по линии розыска. Местного и всесоюзного. Однако под описание пропавших убитый в телефонной будке не подходит.

— Неужели нет ни одной зацепки?— спросил я.

— Есть,— ответил прокурор.— Во-первых, пуля, извлеченная из стенки телефонной будки. Эксперты подтвердили, что именно ею был убит неизвестный. И еще — окурок сигареты. Вернее, два окурка. Но тут много неясностей.

— Насчет окурков слышу впервые,— сказал я.

— Понимаете, рядом с телефоном-автоматом на краю тротуара нашли окурок сигареты. Французская, «Галуаз». Фильтр длинный, сборный. Между прочим, в Южноморске такие сигареты не продавались. Даже в интуристовских торговых точках на валюту.

— Ну, иностранцев у нас бывает много,— заметил я.— А фарцовщиков — не меньше...

— Совершенно верно,— подтвердил Гарбузов.— Этот путь вряд ли что даст.

— А второй окурок?— нетерпеливо спросил московский следователь.

— Его передал за день до своей гибели оперуполномоченному ОБХСС Ларионову Пронин. Сторож платной стоянки у «Воздушного замка». По его словам, окурок бросил один из четверых мужчин, подозреваемых в совершении хулиганского нападения. И опять «Галуаз» с характерным фильтром.

— Значит?..— оживился Игорь Андреевич.

— Обе сигареты выкурил один и тот же человек,— понял его мысль прокурор города.— Это подтвердило исследование слюны на окурках.

— Не убитый ли в телефонной будке?— спросил Чикуров.

— Нет, не он,— отрицательно покачал головой Гарбузов.— Перед захоронением трупа брали на анализ слюну. Не совпала...

— Телефонная будка далеко от «Воздушного замка»? — продолжал расспрашивать следователь.

— Не очень далеко. Вы хотите сказать, связы-

ваем ли мы убийство неизвестного с той четверкой?

— Да,— кивнул Игорь Андреевич.

— Связь напрашивается,— ответил прокурор города.— Тем более что по времени совпадает. Но ведь окурок у будки мог оказаться случайно — проезжая, выбросили из машины. Хочешь не хочешь, а тем молодчикам пришлось следовать мимо телефона-автомата, другой дороги нет.

— А как насчет мотивов убийства?

— Ограбление исключается,— сказал Гарбузов.— В кармане убитого было около девятисот рублей, на руке дорогие швейцарские часы. Однако не позарились.

Он замолчал, ожидая еще вопросов, но Чикуров о чем-то глубоко задумался.

— Вижу, что вы заинтересовались убийством неспроста,— заметил прокурор города.

— Разумеется,— оторвался от своих размышлений следователь.— Сдается, и в вашем городе тоже «лев прыгнул»...

— Какой лев?— не понял Гарбузов.

— В «Литературке» была такая статья,— напомнил Чикуров.— О сильном всплеске организованной преступности в стране. Сращение уголовного мира с правоохранительными органами, партийными и правительственными функционерами, разбой, рэкет и прочие «радости». Многие сомневались. Увы, сбывается...

— Недаром говорят,— усмехнулся прокурор города,— пока гром не грянет, мужик не перекрестится.

— Грянул, и давно,— недовольно произнес Чикуров.— А креститься пока и не думаем. Я все больше склоняюсь к мысли, что мы имеем дело со «львом». Следы его когтей на Пронине, на том неизвестном в телефонной будке, на Агееве с Сусловым. Карапетян вовремя опомнился, а то бы и его...

— Нужны факты, Игорь Андреевич,— сказал я.

— Будут, Захар Петрович,— твердо сказал следователь.— У меня к вам просьба,— обратился он к Гарбузову.— Если хоть что-нибудь появится новенького, дайте знать. Хорошо?

— Непременно,— пообещал прокурор города.— Я держу дело под постоянным контролем.

С сыном у Шмелева отношения не сложились. Когда Павлику было три годика, его мать ушла от Николая Павловича. Это было самое тяжелое для

Шмелева время. Вскоре у мальчика появился новый отец, отчим. Встретились они лишь спустя двадцать лет. И выяснилось, что никаких чувств друг к другу не питают. Но зато в Светланке, внучке, Николай Павлович души не чаял. Та отвечала деду взаимностью. Приезжая в Москву, что случалось не часто, Шмелев останавливался не у сына, а у приятеля и все свободное время отдавал Светлане. Водил ее в кино, зоопарк, на ВДНХ, в кукольный театр Образцова. Павел не препятствовал их все крепнущей с годами дружбе. Наверное, потому, что был вечно озабочен, как утолить ненасытный аппетит жены, любившей наряды и курорты. При скромной зарплате кандидата наук это давалось очень нелегко. Приходилось изрядно крутиться.

В этот раз Павел сам встретил отца в аэропорту, чего раньше никогда не случалось, повез домой. Вероятно, для того чтобы создать благоприятное впечатление у жениха Светланы о якобы сердечных взаимоотношениях в семье.

Те дни, что оставались до свадьбы, Николай Павлович был продоставлен самому себе, и это его вполне устраивало. Зато на торжестве к Шмелеву проявляли особое внимание: как-никак патриарх со стороны невесты (мать Павла умерла несколько лет назад).

Свадьбу играли в «Праге».

Жениха звали Аскольд. Он был на двенадцать лет старше невесты, что, впрочем, Шмелеву нравилось. Не какой-нибудь неоперившийся юнец, а вполне сложившийся мужчина. На таких можно смело опереться.

Публика, собравшаяся за столом, была весьма почтенная. Николай Павлович поначалу даже как-то стушевался, стесняясь своей незначительности и провинциальности. Но по мере того как гуляние разгоралось, гости вели себя более раскованно. Шмелев и раньше замечал, что в столице нравы свободнее, чем у них в Южноморске.

Аскольд был влюблен в молодую жену по уши. Непрестанно вытаскивал с почетного места танцевать, не сводя с нее восторженных глаз.

— Ты у меня самая-самая,— шептал он Светлане на ухо.

— Ну, какая — самая-самая?— кокетничала та.

— Как драгоценный камень!

— Такой?— продемонстрировала невеста кольцо с

крупным рубином, сверкающим багряно-красным цветом.

— В тысячу раз дороже и краше,— прочувствованно сказал Аскольд и поинтересовался:— Постой, откуда он у тебя? В загсе еще не было...

— Здрасьте! Даже не помнишь, кто и что нам дарил...

Тут их позвали к столу. Тамада торжественно провозгласил, что право произнести очередной тост предоставляется старейшине семьи невесты.

Николай Павлович растерялся, неуклюже поднялся со своего места и, попросив прощения за то, что не умеет красиво говорить, скромно произнес:

— Предлагаю выпить за брак без брака!

Тост приняли на ура. Вероятно, за краткость.

Все выпили, закусили. Многие гости снова пошли танцевать. К Шмелеву подсел солидный мужчина с лауреатским значком.

— Разрешите познакомиться,— сказал он.— Я — дядя Аскольда...

— Очень рад,— слегка наклонил голову Николай Павлович.

— Племянник говорил, что вы работаете в прокуратуре в Южноморске?

— Ветеран, можно сказать.

— А что это за птица — Чикуров?— спросил вдруг родственник жениха.— Неужели еще есть такие следователи?

— Простите, что вы имеете в виду?— осторожно прощупал собеседника Шмелев.

— Вы не читали сегодня статью Мелковского?— удивился дядя Аскольда.—«Произвол» называется

— Нет. А что?

— Ну и дали прикурить этому горе-пинкертону!— торжествовал родственник жениха.— Вашему облпрокурору тоже досталось на орехи...

— Прямо страшно делается, когда в руках таких людей власть!— присоединилась к разговору дородная дама, увешанная драгоценностями.— Представляете, решили расправиться с начальником ОБХСС вашего города, человеком, который самоотверженно боролся с коррупцией, жуликами и проходимцами! И за это его бросили за решетку, да еще требовали, чтобы он оклеветал начальство.— Она аппетитно надкусила бутерброд с черной икрой.

— Как в бериевские времена!— заметил другой гость, старичок с набором орденских колодок на груди.

Николай Павлович сидел ни жив ни мертв. Выручило его то, что снова предложили выпить за молодых. Гости шумно расселись на свои места. Шмелев шепнул Светлане, что почувствовал себя неважно, и незаметно покинул ресторан.

Прежде чем поехать домой, он долго бродил по центральным московским улицам, пока не наткнулся на стенд с вывешенными газетами. В одной из них он и увидел статью Мелковского. Шмелев жадно прочел ее от начала до конца. И облегченно вздохнул.

Его имя не было упомянуто ни разу.

Тот день начинался обычно. Я пришел на службу, мой секретарь Оля принесла почту и газеты. Не успел я их разобрать, как раздался телефонный звонок. Неизвестный мужчина грубо прокричал:

— Ну что, получил? И до тебя добрались!..

Позвонивший бросил трубку.

Мне и раньше приходилось выслушивать подобные слова от анонимных «доброжелателей»— служба такая. Многие свое несогласие и злобу на закон переносят на нашего брата, работников правоохранительных органов. Поэтому поначалу не придал звонку никакого значения. Но сразу же позвонила жена.

— Захар, неужели ты это так оставишь?— взволнованно спросила Галина.

— О чем ты?— не понял я.

— Господи, неужели еще не читал?— Она назвала газету.— Прочитаешь, позвони...

Когда я принялся читать статью Мелковского «Произвол», глаза полезли на лоб: что ни абзац, то целенаправленный выпад против Чикурова и меня. Журналист не церемонился — перевирал факты, как ему было угодно. Даже нашу беседу с ним извратил до того, что я еле сдержался, дабы не позвонить тут же главному редактору газеты и потребовать встречи с автором пасквиля.

Иначе его опус назвать было нельзя.

В то утро мой телефон, обычно звонивший непрестанно, молчал. Словно его отключили. Где-то через час позвонили пара самых близких друзей, чтобы выразить свое возмущение статьей. Из официальных лиц

никто меня не беспокоил. Смелости набрался лишь генерал Рунов.

— Ну и щелкопер этот Мелковский!— с трудом совладав с одышкой, сказал начальник УВД области.— Представляешь, сидел у меня полтора часа, но даже не удосужился вставить словечко из нашей беседы.

— Интересно, почему?

— Да потому что это шло бы вразрез тому, что он накропал! Словом, Захар Петрович, мое мнение таково: статья необъективная. Хуже того, все перевернуто с ног на голову.

Не успели мы закончить, как зашел Чикуров. По его виду сразу было понятно — в курсе.

— Расстаемся, Захар Петрович?— неожиданно произнес Игорь Андреевич.— Начальство срочно отзывает.

— Когда вернетесь? Ведь только по-настоящему зацепились...

— Из-за этого и шарахнули по нам,— горько усмехнулся Чикуров.— Но это лишь артподготовка. Настоящая атака впереди.

— Вы думаете?

— Игра, по-моему, очень серьезная.— Он помолчал и добавил:— Слишком серьезная. Мелковский, в сущности, пешка, но за ним мощные силы... Так что когда увидимся, сказать трудно.

У него через два часа был самолет, и мы попрощались. Тепло, как товарищи по несчастью...

Однако встретились мы довольно скоро. Через три дня меня вызвали в Москву на коллегию Прокуратуры РСФСР.

Я пришел в здание на Кузнецком мосту в ясный осенний день. Нас с Чикуровым изрядно помариновали, прежде чем пригласить «на ковер». Коллегию проводил заместитель Прокурора республики Шаламов. Мы с Игорем Андреевичем сели рядышком. Большинство присутствующих я хорошо знал. Но они старались на нас не смотреть. Лишь один член коллегии, старейший работник прокуратуры Шеремет, приветливо кивнул мне своей крупной седой головой.

— Итак, товарищи, перейдем к следующему вопросу,— бесстрастным голосом провозгласил Шаламов.— Думаю, нет надобности знакомить вас с содержанием статьи Рэма Мелковского «Произвол».— Он оглядел зал.

С места раздалось: «Нет, все ясно», «Читали»...

Подождав, пока смолкнут реплики, председательствующий сказал:

— Ну, тогда перейдем к существу дела. Предоставим слово помощнику Прокурора республики Юрию Дмитриевичу Зубкову. Работник он опытный, дело изучил досконально. Прошу, Юрий Дмитриевич, доложите.

Зубкова я почти не знал. В центральном аппарате Прокуратуры республики он был человек новый. Сравнительно молодой — лет сорок. В петлицах — три звезды старшего советника юстиции.

— Да, дело я проштудировал самым тщательным образом,— поднялся со своего места Зубков.— Что можно сказать? Газета права. К сожалению. Почему я говорю «к сожалению»? Потому что факты, изложенные в статье, должны были вскрыть и пресечь мы, а не пресса... Взять арест Киреева. Здесь прокурор области, мягко говоря, поторопился. А поведение Чикурова? Для чего его посылали в Южноморск?

— Посылали разобраться, а он...— бросил недовольную реплику Шаламов.

— На девиц молодых потянуло,— подсказал один из членов коллегии.— Красовался на пляже среди бела дня голый, да еще с вином...

— В бутылке был яблочный сок!— не сдержавшись, крикнул Игорь Андреевич.

— На фотографии —«Цинандали» — Председательствующий продемонстрировал всем уже известные фотографии.

Я их видел впервые и удивился, как это Чикуров позволил снимать себя в таком виде. Он же, вскочив с места, взорвался:

— Это провокация! Чистейшей воды!

Я испугался за него — не наломал бы в запальчивости дров — и незаметно дернул за пиджак. Чикуров опустился на стул, покрывшись красными пятнами.

— Допустим,— строго продолжал Шаламов.— Тогда объясните членам коллегии, этично ли рисовать незнакомую девушку в таком виде? — Он поднял над собой переснятый рисунок следователя.— Причем чужую невесту.

— Ну, во-первых, Рембрандт...— начал было Чикуров, но председательствующий перебил его.

— Во-первых, Игорь Андреевич, вы не Рембрандт,— под шумок присутствующих усмехнулся он,— а следователь. Со всеми вытекающими отсюда нормами поведения. А во-вторых, у вас есть жена и маленький ребенок...

— Но ведь я все изложил в объяснительной записке,— с отчаянием проговорил Чикуров.— Помоему, куда важнее выяснить другое: для чего Снежкову нужно было стряпать эти фотографии? Неужели не ясно, что делалось это с определенными намерениями?

Мне казалось, что заявление следователя прозвучало гласом вопиющего в пустыне.

— Снежков — жених этой девушки. Жених! В его письме убедительно объяснены мотивы действий,— отпарировал Шаламов и обратился к Зубкову:— Юрий Дмитриевич, скажите, в ходе предварительного следствия собрано достаточно доказательств, чтобы считать вину Киреева установленной?

— Доказательства строились исключительно на показаниях свидетелей,— пояснил помощник Прокурора республики.— Но потом все они отказались от своих показаний. Других убедительных фактов нет.

— Но ведь следствие еще не закончено!— выкрикнул Игорь Андреевич.

Шаламов постучал карандашом по столешнице, бросив на него недовольный взгляд.

— У вас было достаточно времени разобраться. А держать под стражей человека, чья вина не доказана!.. Я считаю, с такой практикой надо решительно кончать. Длительное содержание под арестом тысяч и тысяч подследственных стало уже притчей во языцех! Сколько об этом говорилось с трибуны Съезда народных депутатов! Вы что, хотите опять попасть на страницы газет? Или чтобы нас потянули в Комитет партийного контроля?

Чикуров хотел что-то возразить, но, вздохнув, лишь махнул рукой.

— У меня вопрос к Измайлову,— неожиданно сказал сидящий по правую руку от Шаламова другой заместитель Прокурора республики, Кандауров.— Захар Петрович, вы действительно пытались давить на корреспондента?

Настала моя очередь отдуваться.

— На него надавишь!— ответил я.

— Но Мелковский уверяет, что давили,— продолжал Кандауров,— навязывали свою точку зрения, учили, о чем и как писать.

— Не навязывал и не учил,— ответил я спокойно.— Просто сказал, что если уж писать о деле Киреева, то в связи с темой лжесвидетельства... Вы все отлично знаете,— апеллировал я к присутствующим,— это сейчас повальное бедствие. Одних свидетелей подкупают, другим угрожают. Вот они и врут почем зря, и это сходит им с рук безнаказанно. А дела разваливаются, преступники уходят от наказания. Ведь такая именно картина и в нашем деле. Вначале признавались, потом вдруг стали менять показания на сто восемьдесят градусов...

— Нехороший признак, Захар Петрович,— вздохнул Богомолов, один из старейших членов коллегии.— Кое о чем говорит,— многозначительно посмотрел он на меня и неожиданно спросил:— О Шейнине Льве Романовиче, конечно, слышали?

— Разумеется,— ответил я, не зная, куда он клонит.— Прямо скажу, зачитывался его рассказами...

— А я, батенька, с ним работал,— продолжал ветеран прокуратуры.— Лев Романович, как известно, был начальником следственного отдела Прокуратуры Союза, но и его арестовали в пятьдесят втором, если мне не изменяет память. Обвинение стандартное: шпион американской, английской, японской и бог знает еще каких разведок... Поначалу он, естественно, отверг нелепое обвинение. А после допросов в застенках КГБ признался. Более того, стали спрашивать о сослуживцах, мол, Иванов тоже шпион? Да, подтвердил Шейнин. А Петров? Тоже. А Сидоров? И он шпион... Так-то, Захар Петрович...

— Разве можно сравнивать?— пожал я плечами.— Нынче совсем другое время.

— Можно и нужно,— назидательно произнес Шаламов.— Чтобы те беззакония не повторились. Вы, между прочим, не хуже моего знаете, как у нас еще кое-где добываются нужные признания.— Он снова обратился к Зубкову:— Ваше мнение, Юрий Дмитриевич?

Тот деловито отыскал среди бумаг перед собой какой-то документ и протянул председательствующему:

— Я подготовил постановление о прекращении дела в отношении Киреева и освобождении его из-под стражи.

Я не поверил своим ушам. Глянул на Чикурова. Тот опустил глаза, на его скулах играли желваки.

— Ну что ж,—взял постановление Шаламов,— готов прямо сейчас утвердить. А в отношении работника южноморского ОБХСС? Старшего оперуполномоченного?

— Ларионова?— подсказал помощник Прокурора республики. Шаламов кивнул.— У него один эпизод, с дубленкой. Ларионов действительно взял ее себе, и это доказано.

— Значит, можно направлять дело в суд?— спросил председательствующий.

— Да,— ответил Зубков.— Я подготовил соответствующее указание.

Я снова посмотрел на Чикурова. Он лишь чуть качнул головой, с трудом подавив вздох.

— Итак, с этим делом ясно,— заключил Шаламов.

— Не совсем,— раздался негромкий голос Шеремета, который потонул в гуле, поднявшемся в зале.

— Чего мусолить!— заявил кто-то.

Его поддержали члены коллегии. Председательствующий подождал, пока утихнет шум, и сказал:

— Есть предложение: с учетом тяжести совершенного, за грубое нарушение социалистической законности, а также принимая во внимание мнение местных инстанций, просить Генерального прокурора СССР освободить Измайлова Захара Петровича от занимаемой должности и отчислить из органов прокуратуры.

Это прозвучало для меня громом среди ясного неба. Мне показалось, что для многих присутствующих — тоже. Игорь Андреевич незаметно крепко сжал мне руку. Я понял: это был жест поддержки.

— В отношении товарища Чикурова,— после короткой паузы ровным голосом продолжил Шаламов.— Его тоже следовало бы уволить. Но, учитывая безупречную прежнюю службу и мнение коллектива следственной части, где он проработал много лет и был членом партбюро, можно ограничиться понижением в должности.— Председательствующий несколько смягчил свой тон.— Да и ребеночек у него маленький... Направим на работу в один из районов. Пока партийная организация не рассмотрит его персональное дело. Я имею в виду вот это.— Он помахал в воздухе фотографиями.— И последнее — Шмелев. Он, слава богу, ушел на пенсию. Видимо, почувствовал...— Ша-

ламов вздохнул.— Пусть отдыхает... Как, товарищи?

— Чего уж теперь трепать старика,— заметил кто-то.

— Подготовьте приказ,— повернулся Шаламов к Зубкову.— И обстоятельный ответ в редакцию газеты А перед товарищем Киреевым придется извиниться. Есть другие мнения?— обратился он к членам коллегии.

Зампрокурора республики поддержали. Лишь один Шеремет что-то невнятно пробурчал в знак несогласия. Но Шаламов даже не дал ему говорить.

— Перейдем к другому вопросу, а товарищи Измайлов и Чикуров могут быть свободны.

Я до конца не понимал смысл происходящего Перед глазами поплыли красные круги. Во мне билось, рвалось наружу возмущение, хотелось защищаться, приводить доводы, протестовать.

Я поднялся. Ноги были ватными.

— Товарищи!— неожиданно для меня самого вырвались слова.— Что вы делаете? Ведь сейчас вы сыграли на руку преступникам! Вы понимаете это?

И вдруг увидел, что на меня смотрят десятка полтора пар глаз. В основном — осуждающе. Сочувствующих было раз-два и обчелся.

Чикуров легонько потянул меня за рукав. Мы вышли с ним в коридор. И только тут я понял тщетность и глупость своего последнего заявления, ругая себя в душе, что не сдержался.

Меня не услышали. Вернее, не хотели услышать ни в коем случае.

— Пойдемте посидим у меня,— предложил следователь.

— Спасибо, Игорь Андреевич, но не могу рассиживаться. Руки чешутся...

— После драки кулаками не машут,— вздохнул Чикуров.

— Я считаю, что она еще не окончена.

Игорь Андреевич пожал плечами, видимо, смирился

Мы попрощались. Я вышел на улицу. На свежем воздухе боль в затылке вроде поутихла.

«В Прокуратуру Союза! Немедленно!— билось в голове.— Прямо к Генеральному!..»

Однако, поразмыслив, я понял: это надо делать успокоившись.

Посидеть ночь в гостинице, написать аргументиро-

ванное заявление, привести убедительные факты. А завтра с утра и заявиться в дом на Пушкинской улице.

Приняв решение, я немного успокоился. Но все же подмывало действовать.

«В газету, объясниться с Мелковским»,— мелькнула идея.

Я зашагал к ближайшему метро и через полчаса был в редакции. Когда я заглянул в комнату, где за пишущей машинкой сидел Рэм Николаевич, он меня сначала не узнал. А скорее — сделал вид...

— Хотелось бы объясниться,— сказал я.

— А-а,— протянул журналист,— Захар Петрович! Проходите, садитесь,— вымученно улыбнулся он.

Я расположился на предложенном стуле, достал газету с его статьей.

— Давайте по пунктам. На каком основании вы пишите, что я требовал от Киреева показаний в отношении южноморского и московского начальства?

— Погодите,— потер лоб Мелковский,— дайте вспомнить...

— Могу зачитать...— развернул я газету.

— Зачем же,— поморщился журналист.— Да, в статье это есть.

— Но в жизни не было! И уж тем более эту чушь вы не могли услышать от меня.

— Сведения получены от Киреева,— закинул ногу на ногу Мелковский.— Вернее, из его письма.

— Выходит, ему верите...

— Верю,— поспешно сказал Рэм Николаевич.

— А мне, прокурору области?..

— Давайте будем более точны,— поднял вверх палец журналист.— Бывшему прокурору... Ведь коллегия только что освободила вас.

«Ну и пройдоха!— удивился я.— Уже успел узнать каким-то образом!»

— Еще раз о точности,— спокойно отпарировал я.— Областного прокурора можно освободить только приказом Генерального прокурора Союза. Такого приказа еще нет...

— Будет...— усмехнулся Мелковский.— Ну а сейчас, простите, не могу уделить вам больше ни минуты.— Он показал на пишущую машинку с вложенным в каретку листом.— Срочно ждут материал в номер.— Видя, что я продолджаю сидеть, Рэм Николаевич

посоветовал:— А если есть претензии к автору, вы, юрист, знаете, как поступить. В суд. Да-да, на газету и на меня!

Ничего не оставалось делать, как встать и уйти.

Покинув редакцию, я почему-то непременно захотел присесть — буквально не держали ноги. Я добрел до ближайшего скверика, опустился на скамейку. Рядом сидела пожилая женщина и кормила голубей, кроша им булку. Голодные птицы жадно клевали хлеб, вырывая куски друг у друга и шелестя крыльями.

Вдруг мне сдавило грудь, резкая боль пронзила левую сторону грудной клетки и отдалась в руку. Я невольно схватился за сердце.

— Гражданин... Товарищ... Что с вами?— испуганно уставилась на меня женщина.

— Ничего,— еле слышно ответил я.— Пройдет...

— На вас лица нет!

Я попытался подняться, но не смог: дрожали колени.

— Батюшки!— запричитала женщина.—«Скорую» нужно!..

Я шевелил губами, но слова не шли изо рта.

Женщина бросилась к телефону-автомату.

Мне показалось, что прошла вечность, пока прибыла карета «скорой помощи». Сверкая мигалкой, она въехала прямо в сквер.

Последнее, что я отчетливо запомнил, это холод в области груди: мне расстегнули пальто, пиджак и рубашку. Потом было прикосновение стетофонендоскопа и безжалостное слово:

— Инфаркт.

Меня увезли в реанимацию.

Буквально на следующий день, когда врачи самым натуральным образом вытаскивали меня с того света, в Южноморске кое-кто праздновал победу.

К мужскому салону красоты «Аполлон» подкатила новенькая «Волга», еще пахнущая необкатанными шинами. За рулем сидел Донат Максимович Киреев, облаченный в свой самый лучший костюм — бежевую тройку, сработанную в далекой Голландии. Начальник ОБХСС города осунулся, загар, так молодивший его, заметно потускнел за время пребывания в следственном изоляторе, щеки покрылись щетиной.

— Подождите меня в машине,— сказал он жене и дочке, сидевшим сзади.

— Ни в коем случае!— запротестовала Зося, державшая на руках любимого хина.— Ты без нас теперь — ни шагу...

— Да-да, папочка,— подтвердила Настя,— одного не отпустим.

— Ах вы мои дорогие защитнички,— растаял от нежности Донат Максимович.

Вся семья вышла из «Волги».

— Закрой на «секретку»,— напомнила Кирееву жена.

Он улыбнулся, ласково потрепал ее по щеке.

— Забыла, чья ты жена?

И, обняв за плечи дочь, двинулся к парикмахерской. Когда они вошли в крохотный холл, Киреев усадил Настю и Зосю перед телевизором и привычным жестом включил видеосистему.

— Сейчас вы увидите, как храбрый Микки-Маус побеждает всех своих врагов,— подмигнул Донат Максимович.— Так же, как и мы с вами.

На экране появился любимый герой детворы.

Киреев смело шагнул в зал, над дверью которого горело табло «Мастер приглашает вас!».

— Здесь стригут-бреют?— спросил он, плотно прикрыв за собой дверь.

— Боже мой, Дон!..— вскочила с диванчика Савельева, отбросив журнал мод.

— Тс-с!— приложил палец к губам Киреев и тихо проговорил, показывая назад:— Там мои...

Капитолина Алексеевна застыла, не сводя с майора сияющих влюбленных глаз. Он медленно подошел к ней. Савельева, еле сдерживая трепет, всем телом потянулась к Донату Максимовичу, однако тот взял ее руку и надолго припал к ней губами.

— Что они с тобой сделали!— с надрывом прошептала Капочка, прикоснувшись к его голове.

— Ерунда! Главное — кости целы, а мясо нарастет. Вот разве что малость поседел...

— А мы — хной...

— Седые мужчины, говорят, больше нравятся.

— Да-а,— отстранилась от Киреева Савельева, любуясь им.— Ты стал настоящим джентльменом.

— Зачем мне быть джентльменом?— улыбнулся майор.— Они знают, как себя вести, а вот донжуаны — как вести к себе...

— Господи,— простонала Капочка,— заждалась!

— А я?— вздохнул Киреев, с тоской глядя на диванчик.— Понимаешь, увязались...— Он снова кивнул на дверь.

— Прошу,— деланно официально показала на кресло Савельева.

Клиент был вмиг укутан хрустящей белоснежной простыней, поверх которой аккуратно легли у шеи такие же салфетки.

— Начнем с бритья,— профессионально произнесла парикмахерша.

— С бритья?— удивился клиент.— Это ведь теперь запрещено. Из-за СПИДа.

— Запрещено,— спокойно подтвердила Капочка.— Но для тебя приготовлена новенькая бритва. Ни разу не использованная.— Она торжественно достала из тумбочки футляр, запечатанный в целлофан.—«Золинген». И впредь не коснется ничьей щеки, кроме твоей

Намыливая Кирееву подбородок, Савельева не удержалась, запечатлела на его губах страстный поцелуй и, с трудом оторвавшись, прошептала:

— Прямо не верится!

Она вовремя приступила к своему делу: дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы Зося могла следить за происходящим в зале. Тут же обнаружив слежку, Капитолина Алексеевна спросила у клиента.

— А это верно, что Измайлова хватила кондрашка?

— Факт. Вряд ли выкарабкается,— с мстительным торжеством проговорил Киреев.— Хороший урок для других. Пусть знают, на кого поднимать руку...

Когда после бритья Савельева намыливала ему голову шампунем, он тихо сказал:

— Завтра отметим мое возвращение в строй. В горах есть такая хижина — никакая ищейка не возьмет след.

— А твои?

— Для них я — на оперативном мероприятии.

Капитолина Алексеевна зажмурила от счастья глаза.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

На старинный подмосковный городок сыпал медленный снег. Он словно бы заметал оттепельные грехи никак не начинавшейся по-настоящему зимы. Крупные снежинки падали на тротуар, растворяясь в серых лужах.

Все вокруг было серым: земля, деревья, домишки, из окон которых сочился жидкий желтый свет. От всего веяло таким захолустьем, будто городок находился от столицы за тысячи верст.

По улице, окутанной ранними сумерками, среди редких прохожих, напоминавших тени, шел пожилой человек в телогрейке, облезлой ушанке и кирзовых сапогах. Верхняя пуговица фуфайки была расстегнута, и через оттопыренные борта выглядывала мордочка щенка. Песик был дворнягой — обвислые уши, одна сторона рыжая, другая — пегая.

Старик шлепал по лужам, не разбирая дороги и вертя головой. Изредка он останавливался, силясь разобрать номер дома. Наконец, не выдержав, обратился к встречному долговязому пареньку:

— Сынок, подскажи, где тут прокуратура?

— Да вот же, перед вами,— кивнул тот на почерневшее от времени двухэтажное здание, похожее на барак.

Владелец щенка, забыв поблагодарить парня, недоуменно уставился на строение, которому было бы стыдно быть даже какой-нибудь захудалой конторой, не то что прокуратурой. Убедившись, что это действительно то грозное учреждение, которое он искал,

о чем свидетельствовала вывеска у входа, старик несмело вошел внутрь. Здесь было чуть попригляднее, чем снаружи. Длинный коридор с дверьми по обе стороны был окрашен в казенный оливковый цвет, несколько узеньких скамеек — вот и весь интерьер.

На одной из дверей красовалась табличка «Канцелярия». В нее и заглянул посетитель. За столом, в окружении застекленных шкафов, набитых папками, сидела девушка в замшевой безрукавке.

— Здравствуйте,— чуть поклонился ей старик.— Скажите, где принимает прокурор?

— А по какому вопросу?— нахмурилась девушка, заметив щенка.

— Надо, милая,— вздохнул посетитель.— Непременно сейчас...

— Вы бы еще козу привели в прокуратуру,— недовольно произнесла работница правоохранительного учреждения.— Прокурора сейчас нет.

— А кто его замещает? Понимаешь, соседка гонит нас с ним из дома.— Он погладил песика по голове. Тот выпростал передние лапки, свесил на мокрую телогрейку хозяина и уставился своими глазками-пуговками на девушку так, словно тоже присоединялся к жалобе.

— Зайдите к Чикурову, он занимается гражданскими делами,— смягчилась канцелярская дива.— Направо, через дверь...

Старик поблагодарил и удалился. У двери с табличкой «И. А. Чикуров, помощник прокурора» он снял шапку и только тогда постучался.

— Да-да, войдите,— послышалось в ответ.

Посетитель вошел в кабинет, который был более чем скромен, из обстановки только старомодный стол, сейф и два стула у стены.

— Что у вас?— оторвался от бумаг Игорь Андреевич.

— Беда,— печально произнес посетитель.

— Да вы присаживайтесь. Расскажите, кто вы, по какому вопросу...

— Иван Степаныч я,— опустился на краешек стула старик.— А фамилия моя Валдаев... Соседка, можно сказать, совсем того...— Он покрутил скрюченным от старости пальцем возле виска.— Сживает нас с наших законных квадратных метров.

— Кого — вас?— спросил Чикуров.

— Меня и Емелю.

— Сына, что ли?

— Он, считайте, у меня за сына, за брата и за внука...— потрепал щенка за ухо старик.

— Чем же вы не угодили соседке?

— Не позволю, говорит, чтобы в доме была собака.

— Что, общая квартира?

— Так ежели бы не общая, послал бы ее подальше... А сегодня озверела до того, что вышвырнула Емелю на улицу. Ведьма, одним словом. Еще погрозила, что домоуправа позовет. Ну, я упредил ее, сам пошел в жэк. Домоуправ выслушал, посочувствовал, но, говорит, поделать ничего не может. Мол, без согласия соседки я не имею права держать Емелю. Неужто так?

— Так, Иван Степанович.

— Чем же одна махонькая собачонка хуже пяти кошек?— с тоской вопрошал Валдаев.

— В каком смысле?— не понял Игорь Андреевич.

— А в таком. У соседки пять вот таких здоровенных зверюг! Ну, кошек. И каждая жрет не меньше человека. Она им в день скармливает куль котлет да рыбы кила два, ей-богу! Это же сколько людей объедают твари!.. А вонища от них!.. Что если я не дам согласия на проживание их в квартире? Имею право или нет?

— Увы, нет,— развел руками Чикуров.

— Что же делать?— сокрушался старик.— Не могу я без Емели...

И поведал Игорю Андреевичу историю, каких тысячи. Одинокая старость, дочь, живущая в другом конце страны и забывшая отца. Единственная отрада — вот это маленькое живое существо...

Чикуров слушал посетителя не перебивая, чувствуя, что несчастному старику нужно дать хотя бы выговориться,— практически он не мог помочь ничем. Разве что дать совет:

— Постарайтесь договориться с соседкой. Полюдски...

— С ней договоришься,— безнадежно махнул рукой Валдаев.— С дьяволом, наверное, легче...

— А вы попробуйте,— мягко настаивал помощник прокурора.

В комнату заглянула Леонелла, та самая девушка из канцелярии. Она была уже в «аляске»

— Игорь Андреевич, рабочее время кончилось. Смотрите, провороните электричку. Следующая аж через час,— предупредила она.

— Спасибо, что напомнили,— посмотрел на часы Чикуров.

Валдаев суетливо встал. В глазах — вселенская тоска.

— А пес у вас славный,— чтобы как-то подбодрить старика, сказал Игорь Андреевич, надевая пальто.— Какой породы?

— Дворняга,— уныло ответил посетитель.— Как и я. Никому-то мы не нужны...

— Поговорите, поговорите с соседкой,— напутствовал его Чикуров.— Уверен, найдете общий язык.

Вышли они вместе. Валдаев двинулся в одну сторону, Чикуров — в другую. Догнал сослуживицу. Та расспросила о старике и, услышав про его неприятности, удивилась:

— И по такому вопросу — в прокуратуру? Ну и народ!

— Не дай бог нам с вами в старости остаться такими же одинокими,— вздохнул Игорь Андреевич.— И запомните: если хотите работать в прокуратуре, очень часто будете сталкиваться с подобным.

— Ну уж нет! — тряхнула головой Леонелла.— Гражданские дела не по мне. Раздел жилплощади, тряпок, стульев, кошки, собаки... Бр-р!

— Что же вам по душе?

— Хочу стать следователем.

«Господи,— вздохнул про себя Игорь Андреевич.— С ее-то нелюбознательной натурой! Проучиться три года на юридическом и знаний иметь на полушку... Впрочем, она ли одна? На подготовку одного юриста в стране тратится всего сто рублей, тогда как студент любой другой специальности обходится в полторы тысячи! А на Западе в десятки, сотни раз дороже! Отсюда и безграмотные милиционеры, бездарные следователи, беспомощные прокуроры. Да, дорого же нам обходится дешевая юстиция!»

— Ну а предел ваших мечтаний?— не скрывая иронии, полюбопытствовал Чикуров.

— Следователь по особо важным делам при Прокуроре РСФСР!— безапелляционно заявила девушка, не замечая его насмешки.— Первая из женщин!

— Огорчу вас — такие есть.

— Правда?— и впрямь огорчилась Леонелла.

— Да. В частности — Ольга Арчиловна Дагурова...

— Не русская, что ли?

— Отец — грузин, мать — потомственная питерская. Между прочим, лет пять назад стажировалась у меня.

Его спутница с уважением посмотрела на Игоря Андреевича. Они пришли на станцию. До прибытия электрички оставались считанные минуты.

— Успели,— с облегчением произнесла Леонелла.

Снег валйл и валил, и, глядя на стаи белых мух, низвергающихся с низкого неба, Игорь Андреевич с грустью вспоминал те времена, когда еще был, можно сказать, мэтром. И таким, что поручали учить уму-разуму других следователей. Перед глазами всплыла первая встреча с Ольгой Арчиловной в кабинете Вербикова. Дагурова приехала с Дальнего Востока, они вместе справились с труднейшим делом в Березках. Там-то Игорь Андреевич и познакомился с Мелковским... Этим черным ангелом, нанесшим в конце концов Чикурову страшный удар. Направляли руку журналиста другие, но имело ли это значение?..

— Что вы загрустили?— спросила Леонелла.

— Так, вспомнил кое-что,— ответил Игорь Андреевич.

От объяснений его спас подошедший электропоезд. Они вошли в его уютное нутро, устроились на теплой скамейке — есть такие в вагонах, с подогревом. Народу ехало немного. Это из Москвы электрички шли вечером полные: многие жители Подмосковья работают в столице. У Чикурова вышло наоборот...

— Игорь Андреевич,— обратилась к нему спутница,— а как та ваша знакомая стала следователем по особо важным делам?

Видно, мысль эта не давала девушке покоя. Чикуров рассказал о расследовании в Березках, после которого Ольгу Арчиловну пригласили работать в Москву.

— А это тот Мелковский?— осторожно поинтересовалась Леонелла.

Игорь Андреевич понял — она имела в виду статью «Произвол».

На его теперешней работе многие, конечно, знали, почему Чикуров с полковничьими, так сказать, звездочками в петлицах сидит на лейтенантской должности

Но люди в основном подобрались порядочные, расспросами не докучали.

— Он самый. Между прочим, развернул кампанию по реабилитации преступника из Березок. Посмертную Да и себя обелить хочет...

— Жаль,— вздохнула Леонелла.

— Кого?— не понял бывший следователь.

— У вас такой огромный опыт, а занимаетесь кошками-собаками. Разве можно так бросаться,— девушка чуть помедлила, подбирая подходящее слово,— специалистами?

«Прежде всего, никого не интересует мое человеческое достоинство, черт подери!»— подумал Чикуров.

— Что я?— усмехнулся он.— Вот еще застал в Прокуратуре республики некоего Сафонова Григория Николаевича. Он работал всего лишь заместителем начальника отдела. Представляете!

— Ну и что?

— Ах да, вам это имя ни о чем не говорит. А ведь до этого Сафонов был Генеральным прокурором Союза. При Сталине...

— О-о! Большой пост занимал!

— Для подчиненных. А вот для тех, кто повыше... Как-то он рассказал при мне такой случай. Послушай внимательно, такого не найдешь ни в одном учебнике, да и вряд ли на лекции вам расскажут...

У Леонеллы загорелись глаза.

— Шло, значит, заседание Политбюро,— продолжал Игорь Андреевич.— Выступает Мехлис, был он тогда очень мощной политической фигурой, министр Госконтроля. Этот самый Мехлис какие-то безобразия валит на Прокуратуру. Сафонов решил дать справку, словом,— выступить. Тянет руку. Сталин заметил, кивнул: пожалуйста, мол. Только Сафонов поднялся, вдруг Сталин наклоняется к своему помощнику Поскребышеву и спрашивает тихо, но так, чтобы слышали все: «Кто такой?» «Генеральный прокурор»,— ответил Поскребышев.

— Чтоб Сталин не знал в лицо Генерального прокурора страны?!— округлила глаза девушка.

— Скорее уж, просто не замечал с высоты своего величия... Этот Сафонов, к слову, когда был Генеральным, сам никого в упор не видел. Даже не здоровался ни с кем из подчиненных.

— А когда понизили?

— О! Стал миляга. Компанейский, разговорчивый.— Игорь Андреевич улыбнулся.— На этот случай есть одна байка, про лестницу. Слышала?

— Нет.

— Стояла лестница. Верхние ступени смотрели свысока на нижние. Шел прохожий, задел ее, лестница и упала. Другой человек, проходя мимо, поднял ее, поставил на место, только перепутал концы. И теперь вознеслись нижние ступени и стали презрительно взирать на те, что прежде были сверху... Поняла суть?

— Ну, Игорь Андреевич, вы ва-аще,— обиделась девушка.— Что я, дура непроходимая?

— Вовсе я не «ва-аще»,— передразнил ее Чикуров.— Просто я хотел сказать: жизнь штука сложная и такие преподносит сюрпризы — только держись!

Возле их скамьи остановилась странная пара: мужчина с какими-то фотографиями в руках и рядом с ним девочка лет двенадцати. Чикуров поначалу не понял, что им нужно.

— Купите, всего по рублику,— заученно проговорила девочка.

Мужчина промычал нечто непонятное. Глухонемой...

Леонелла смутилась, поспешно достала трешку и получила три глянцевых листа. «Коробейники» прошли дальше, предлагая немногочисленным пассажирам свой товар.

— Что это?— спросил Чикуров.

—«Гадание на картах»,— показала одну из фотографий его спутница.— А это гороскоп и церковный календарь.

— Зачем это вам?— удивился бывший следователь.

— Не знаю,— пожала плечами Леонелла.— Просто стало жалко девочку. С таких лет — по электричкам. И что же из нее выйдет? Торговка? А может, и еще хуже...

«Да,— поразился Игорь Андреевич,— вот уж никогда не знаешь, какая натура скрывается в женщине. Кто бы мог подумать, что Леонелла такая жалостливая!»

— Послушай, Нелличка,— неожиданно для себя назвал ласкательно девушку Чикуров.— Ты бы лучше после института занялась несовершеннолетними. Честное слово!

— Ой, с детьми так трудно,— со вздохом произ-

несла его спутница.— У моей сестры один, но доводит всех до белого каления...

— Подумай,— посоветовал Игорь Андреевич.— Уверен, это не менее интересно, чем следственная работа.

Леонелла ничего не ответила.

За окном поплыл перрон московского вокзала.

В кабинете главного администратора южноморского Дома моделей теперь властвовала Эвника, сменившая Марину Юрьевну. Прежнюю манекенщицу было не узнать: элегантный строгий костюм, волосы уложены так, чтобы придать ей более солидный вид, однако же не старя, поучительные и командные интонации в голосе.

Главный администратор собрала у себя с десяток новеньких манекенщиц, прошедших недавно строгий конкурсный отбор. Эвника давала им напутствие перед очередным показом-шоу.

— Поймите, девочки,— вещала она,— вы не просто демонстрируете одежду. Каждая модель — это образ. И больше раскованности, артистизма!— В поучениях Эвники явно проглядывали чужие, некогда слышанные ею сентенции.— А теперь — одеваться для показа!

Девушки гурьбой потянулись из кабинета.

— Светлана, подожди,— сурово сказала главный администратор.— Одна из девушек задержалась.— Послушай, я стала замечать, что ты опаздываешь.

— Всего один раз, Эвника Станиславовна!— оправдывалась манекенщица.— Честное слово!

— Не пудри мне мозги. Предупреждаю: повторится — уволим! У нас производство, а не танцульки. Ты же комсомолка, другим должна подавать пример...

От дальнейшего разноса Светлану спас телефонный звонок. Эвника Станиславовна сняла трубку, и лицо ее расплылось в подобострастной улыбке.

— Добрый вечер, Донат Максимович,— сладко проворковала главный администратор и жестом приказала девушке удалиться, что та с готовностью и выполнила.— Спасибо, вашими молитвами,— продолжила разговор Эвника.

— Слушай, мать, у тебя, говорят, появилось много новеньких?— по-деловому спросил майор.

— Сведения точные. Как же без обновления кадров? Фирма должна быть на высоте.

— Соответствуют стандарту?— усмехнулись на том конце провода.

— Работаем без рекламаций,— хихикнула Эвника.

— Прими заказ.

— Возраст клиента?

— Под шестьдесят. Как я понял, любит наивных, простушек.

— Блондинку, брюнетку?

— По-моему, без разницы.

— Когда и куда?

— Сегодня часикам к одиннадцати в гостиницу «Жемчужина России», номер четыреста три.

— Заметано.

— Не подкачаешь?— строго спросил Киреев.

— Чтобы я вас подвела!..— с жаром проговорила Эвника.

— Ладно, ладно, доверяю,— благодушно сказал майор и поинтересовался:— Начальство не обижает?

— Напротив...

— Чуть что — дай знать,— покровительственно произнес Киреев.

— Спасибо, Донат Максимович!— поблагодарила главный администратор.

В трубке послышались короткие гудки. Поправив прическу, Эвника вышла и направилась за кулисы демонстрационного зала, в котором под ритмичный джаз и световые эффекты девушки показывали новинки моды. Главный администратор отозвала в сторону юную манекенщицу с большими голубыми глазами и длинными волосами, распущенными по плечам.

— Ну-ка, Верочка, заплети косу,— попросила Эвника, как когда-то Марина Юрьевна обращалась к ней самой.

Девушка выполнила просьбу.

— Прекрасно!— похвалила ее наставница.— То, что надо...

Самыми мучительными стали для Чикурова вечера и выходные дни. Как ни была скучна теперешняя его служба, но там Игорь Андреевич забывался, стараясь нагрузиться делами, как говорится, по маковку. А вот дома его окружала гнетущая обстановка. Надя

перестала разговаривать с ним вовсе. Только самые необходимые слова: сходи, принеси, положи. И постоянные вздохи, косые взгляды, словно муж собирается ее изничтожить.

Единственная отдушина — Андрюшка. Чикуров часами возился с сынишкой, учил рисовать, собирать конструктор, катал на санках, даже сказки читал перед сном. И все мечтал — поскорее бы малыш вырос, было бы с кем поговорить по-человечески, излить душу.

В один из таких субботних дней, когда из дома нельзя было носа высунуть из-за пурги, Чикуров, по обыкновению, возился с Андрюшкой. В квартиру позвонили.

Надежда Максимовна, оторвавшись от стирки, пошла открывать. На пороге стояла невысокая стройная женщина в беличьей шубке, укутанная кашемировой шалью, и девочка лет шести в меховом комбинезончике.

— Ольга Арчиловна, Лаурочка!— радостно воскликнула хозяйка.— Вот здорово, что заглянули! Проходите, раздевайтесь.— Она показала мокрые, в мыльной пене руки.

Гости стряхнули с себя снег, вошли в прихожую, поздоровались. Но прежде чем раздеться, Ольга Арчиловна Дагурова вручила хозяйке сверток и коробку с тортом.

— Ой, спасибо!— расчувствовалась Надежда Максимовна.— Ну никогда не приходите с пустыми руками! А это что?— как бы взвесила на руке она сверток.

— Вашему сорванцу,— улыбнулась Дагурова.— Понимаете, забежали с Лаурой в «Детский мир» платьице присмотреть, а как раз выбросили чехословацкие шерстяные костюмчики для мальчиков. Прелесть! Ну я и вспомнила про Андрюшку.

— Так кстати! — обрадовалась Надежда Максимовна.— Сколько я вам должна?

— Бросьте,— отмахнулась гостья.— Это подарок.

— Нет-нет,— запротестовала Надежда Максимовна.

— Смотрите, я сейчас повернусь и уйду,— обиделась Ольга Арчиловна.

— Большое спасибо,— вздохнула хозяйка.— Только, ради бога, Игорю ни слова... Он так в прошлый раз расстроился из-за ботиночек...

— Малы?— округлила глаза Дагурова.

— Что вы, в самый раз. Просто Игорь очень переживает. Считает, что вы из жалости. Почему-то стесняется больше всего вас.

— Ну и глупо,— нахмурилась гостья.

— Кто это, Надя?— показался из комнаты Чикуров и, увидев Дагуровых, расцвел.— Ба! В наш дом вкатилось грузинское солнышко...

— Полугрузинское,— с улыбкой поправила гостья, крепко пожимая протянутую хозяином руку.— Привет, затворник.

— Здравствуй, Оленька,— ответил Игорь Андреевич и присел перед Лаурой.— И ты, красавица, здравствуй.

Девочка звонко шлепнула ладошкой по ладони Чикурова и спросила:

— А где Андрюшка-самурай?

— Смотри, запомнила!— погладил девочку по голове Чикуров.— Беги в комнату к своему другу.— Он проводил ее ласковым взглядом и вздохнул:— Поспешила ты, Оля. Ой, поспешила!

— В каком смысле?— не поняла та.

— Нет чтобы подождать и родить невесту после нашего жениха... Породнились бы.

— Какие проблемы!— рассмеялась гостья.— И другая будет, еще краше. Только закажи...

С приходом Дагуровой и впрямь будто посветлело в доме. Надежда Максимовна — и та сняла с себя маску недовольства и укоризны.

Детям предложили чай, но они отказались, занявшись шумной игрой. Чтобы им не мешать, взрослые затеяли посиделки на кухне. Хозяин настропалился было сбегать за выпивкой, но Ольга Арчиловна отказалась.

— Обойдемся чаем,— проворчала Надежда Максимовна, ставя на стол торт и нехитрую закуску: вареную колбасу, сыр.— Индийский, заварила час назад.

— Вот и отлично,— откликнулась Дагурова.— Правда, китайские специалисты считают, что уже через двадцать минут после заварки чай превращается в яд гремучей змеи...

— Да?— растерянно проговорила хозяйка.— Так я сейчас новый...

— Надя, ну что вы!— запротестовала Ольга Арчиловна.— Я просто так, к слову. Эти китайские

гурманы делают все не так, как мы. Заваривают не кипятком, а кипяченой водой, температурой не более восьмидесяти градусов.

— Может, все-таки смотаюсь за сухоньким?— опять предложил Игорь Андреевич.

Надежда Максимовна незаметно для гостьи бросила на мужа испепеляющий взгляд.

— Сиди! И так последнее время!..— Она, спохватившись, замолчала.

Игорь Андреевич как-то весь съежился, сник. Воцарилась неловкая тишина.

— А чай отличный,— попыталась разрядить обстановку Дагурова.— У нас, в Москве, еще хорошо. А папа, бедняга, мучается: в Ленинграде чай по талонам, а он выпивает не меньше пачки в день. Каждый месяц шлю посылки.— Она вздохнула.— Куда мы идем? Скоро все будет по карточкам.

— И не говорите,— мрачно подхватила хозяйка.— Магазины пустые, дороговизна растет прямо на глазах. Еле-еле сводим концы с концами.

— Надя,— взмолился Игорь Андреевич,— неужели нет других тем?

Но остановить супругу он не мог.

— Оля,— апеллировала та к гостье,— скажите, как можно прожить на двести рублей в месяц троим?— Дагурова пожала плечами.— Нет, я спрашиваю!

— Трудно, конечно...

— Трудно? Невозможно!— все больше распалялась Надежда Максимовна.— Представляете, вынуждена просить у матери, старухи...

У Чикурова стало на душе так мерзко, что захотелось вскочить и бежать вон.

— Дожили до того,— продолжала жена,— что по соседям побираюсь, стреляю пятерки до получки.

— Понимаю, Надюша, понимаю,— сочувственно проговорила Дагурова.— Но это, поверьте, временно.

— Какой черт временно! Думаете, у нас раньше лучше было? Ну, до того, как Игоря выгнали из республиканской Прокуратуры? Как бы не так!

— Недаром говорят: у пашущего вола нет сена, зато у амбарных мышей зерна в изобилии,— сказала Ольга Арчиловна.— Такой уж Игорь человек...

— Для чего же заводить семью?— выставила свой самый главный довод Надежда Максимовна.

— Ладно, Надя, не заводись,— попросил Чикуров как можно миролюбивее.— От злости, говорят, стареют.

— А от нужды что, молодеют?— съехидничала жена и снова обратилась к гостье:— Ему, дураку, предлагают семьсот рэ в месяц, а он нос воротит!

— Где?— посмотрела на хозяина Ольга Арчиловна.

— В кооперативе,— ответила за мужа Чикурова.— И не какие-нибудь там шашлыки или пончики продавать, а солидное дело — компьютеры. Юрисконсультом зовут, а он фордыбачит.

— А что, Игорь, может, и стоит, а?— неуверенно проговорила Дагурова.

— Оленька, милая,— с мольбой произнес Игорь Андреевич,— о чем ты говоришь?! Я — следователь! Понимаешь? Скажи, ты бы пошла на другую работу?

— Нет, посмотрите на этого Дон-Кихота!— возмутилась Надежда Максимовна.— С треском погнали из следователей, а он еще чирикает! Вся коллегия проголосовала против него!

— Ты думаешь, члены коллегии не понимали, что Киреев — матерый прохвост?— не выдержав, крикнул Чикуров.— Отлично знали! А Шаламов? Ему укажут оттуда,— Игорь Андреевич показал пальцем наверх,— он расправится с любым человеком, с отцом родным, и даже не моргнет!

— Это точно,— подтвердила Ольга Арчиловна.— Форменный Николай Угодник.

Неизвестно, куда бы завели страсти, если бы на кухне не появилась Лаура.

— Андрей хочет телик,— заявила она.

— Скажи уж лучше, что ты хочешь, а не Андрюша,— с улыбкой поправила Ольга Арчиловна.

— Господи, пусть смотрят!— встала Надежда Максимовна и отправилась с девочкой в комнату.

Буквально через минуту послышался крик хозяйки:

— Игорь! Скорей сюда!

Чикуров и Дагурова, не сговариваясь, сорвались с места, решив, что какая-то беда с детьми.

— Смотри!— показала на экран телевизора Надежда Максимовна.— Твой Мелковский...

— Фу ты! Разве можно так пугать?— с облегчением вздохнул Игорь Андреевич. И с усмешкой добавил:— Действительно, мой... Гробокопатель. А что за передача?

— Бог его знает,— пожала плечами жена.

— Постой, постой,— заволновался Чикуров, машинально опускаясь на диван.— Неужели?..— Он повернулся к Дагуровой:— Представляешь, Оля, Измайлов-таки подал в суд на Мелковского!

Все вперились в экран, на котором общим планом показывали зал судебного заседания.

«Судья. Товарищ Измайлов, скажите, почему вы только сейчас обратились в суд? Ведь статья Мелковского «Произвол» была опубликована еще в августе.

Измайлов. Решение подать иск возникло у меня сразу, но я тяжело заболел и лишь недавно вышел из больницы.

Судья. У меня вопрос к ответчику — автору статьи товарищу Мелковскому. Вы признаете иск?

Мелковский. Разумеется, нет. Прошу приобщить к делу официальный ответ Прокуратуры РСФСР на выступление газеты. Прокуратура считает, что статья правильная и своевременная. Факты подтвердились полностью. Что же касается товарища Измайлова, то нам сообщили: он отчислен из органов прокуратуры.

Судья. Вы пишете в своей статье, что Измайлов, будучи областным прокурором, принуждал Киреева дать показания на руководителей области и своего министерства...

Мелковский. Я писал то, что было.

Судья. Откуда у вас эти сведения?

Мелковский. Как вы понимаете, взял не с потолка. Беседовал со многими людьми в Южноморске. В частности — с Измайловым и Киреевым.

Судья. Однако товарищ Измайлов категорически отрицает, что оказывал давление на Киреева.

Мелковский. Зато Киреев это полностью подтверждает.

Киреев. Да, подтверждаю целиком и полностью. Измайлов требовал, угрожал мне. Дашь, говорит, компромат на тех лиц, кого я укажу, из числа областных, республиканских и союзных руководителей, выпустим на свободу. Не дашь — сгноим тебя и твою семью.

Измайлов. Товарищ судья, разве можно опираться только на одни голословные утверждения Киреева? Человека, заинтересованного в компрометации следствия и лиц, которые по долгу службы занимались разоблачением его преступных деяний. Я требую, чтобы газета дала опровержение по поводу фактов, опуб-

ликованных в статье Мелковского «Произвол» и принесла мне публичное извинение...»

После этих слов были показаны немые картинки из зала суда: еще одно выступление истца, ответчика, удаление суда (видимо, на совещание для вынесения решения), потом крупным планом герб республики и снова зал судебного заседания, все встали, и судья, держа перед собой лист бумаги, именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики объявил решение:

— ...В иске Измайлову Захару Петровичу отказать...

Услышав эти слова, Чикуров вскочил.

— И это называется суд! — вскричал Игорь Андреевич так, что даже притихли Лаура с Андрюшкой, испуганно прижавшись друг к другу.— Он рывком выключил телевизор.— Но почему Захар Петрович не разыскал меня и не вызвал в качестве свидетеля?

— Молчи уж,— пробурчала Надежда Максимовна.— Мало тебе своих неприятностей? — Видя, что муж схватил телефонную трубку, она настороженно спросила: — Ты куда?

— Надо разыскать Измайлова,— лихорадочно крутил диск Чикуров.— Захар Петрович всегда останавливается в «Центральной».

— Игорь,— мягко заметила Дагурова,— это ведь запись.— Она кивнула на телевизор.— Суд состоялся бог знает когда...

— Вот черт!— бросил трубку Чикуров.— Не подумал.

Он стал листать записную книжку, нашел нужную страницу и снова набрал номер. По автоматической междугородной связи.

Южноморск соединился лишь с третьей попытки. У нас дома была только дочь. Ксюша ответила, что я на работе. Игорь Андреевич хотел что-то выяснить, но связь прервалась.

Не знаю, что мне больше помогло: врачи или злость. Наверное, и то и другое. И еще Галина, примчавшаяся в Москву на следующий день, после того как я загремел в больницу.

Другая бы расклеилась, разнюнилась, но моя жена взяла с самого начала твердый оптимистичный тон.

— Главное, не давай хвори одолеть тебя,— говори-

ла она.— Борись. И вообще, считай, что это природный катаклизм. От него никто не застрахован.

— При чем здесь природа?— удивился я.

— Так ведь сейчас год сверхактивного солнца,— убеждала меня жена.— Такого максимума деятельности нашего светила ученые еще никогда не наблюдали. Отсюда и всякие бедствия: стихийные и человеческие. Между прочим, самые страшные вехи в истории Советской страны приходились на эти максимумы. Двадцать восьмой, тридцать седьмой, сорок девятый...

— Ты имеешь в виду сворачивание нэпа, сталинские репрессии?

— Конечно,— подтвердила Галина.— Именно в названные годы у «вождя всех народов» обострялась паранойя и, как следствие, проявлялась крайняя жестокость.

— Ну, это лишь гипотеза.

— Как сказать...

Об истинных причинах, доведших меня до больничной койки, она даже не заикалась. Впрочем, я и сам старался не думать об этом.

Но суровая действительность напомнила о себе, как только я вернулся домой. Если у нас хотят разделаться с человеком, то в ход идут любые средства. Мое имя трепали в газетах, на всевозможных совещаниях и активах. Затем я получил уведомление: на ближайшем бюро обкома партии будет рассматриваться мое персональное дело. Кончится, естественно, тем, что исключат из партии. Чтобы уйти от этого позорного судилища, я самолично выложил на стол партийный билет, что вызвало шоковую реакцию секретарей и аппарата обкома. А до этого сдал дела Гуркову, наконец-то занявшему вожделенное кресло.

О его назначении облпрокурором довольно точно сказала Галина словами одного юмориста: «Рожденный ползать довольно быстро продвигается...»

Я махнул на недельку в Синьозеро, чтобы полечиться лесом. К лесотерапии, так сказать, меня приучила матушка давно.

Помню, в детстве врачи неожиданно обнаружили у меня какие-то шумы в сердце. Посоветовали лечь в больницу. Мать воспротивилась этому, сказав:

— Походи, сынок, окрест, по дубравам, березнякам, соснякам. Где почувствуешь, что тебе станет легче и тело как бы парит, там и гуляй больше.

Я послушался. Исходив дальние и ближние полянки и чащобы, нашел место, где действительно как бы обретал способность прямо-таки летать. Дышалось легко, в меня словно влились силы и благодать. Находилось оно верстах в пяти от села. Растительность тут была разнообразная, но преобладали вековые сосны.

А может быть, все происходило потому, что рощица была уж больно красива. Небольшой взгорок, сухой и чистый, при ясной погоде весь пронизанный солнцем.

А какие там росли боровички и маслята!

Правда, я замечал, что в солнечную погоду в самом зените лета (это июль и август) мне почему-то сдавливало грудь, сердце билось неровно.

— Верно, Захарушка,— подтвердила мать,— в такие дни я тоже не хожу в хвойный лес. Плохо себя чувствую.

Но зато по осени, особенно в ядреные прозрачные дни, ходить по «моей» роще было одно удовольствие. Как и зимой, на лыжах.

Я пристрастился к лесолечению, и уже при следующем посещении больницы никаких отклонений у меня не обнаружили.

Потом мне как-то попались на глаза стихи: «Не оттого ли сердцу сладко, что я всесильно растворен в просторах этих без остатка». И понял: о целительной силе природы, происходящей от ее дыхания и красоты, так точно сказал поэт.

Из родного села я вернулся в Южноморск с ощущением, что окончательно поднялся на ноги. Нашлись силы для поездки в Москву, на суд, который я, увы, проиграл...

Встал вопрос — как зарабатывать на хлеб насущный? Все-таки глава семьи, кормилец...

Отцы города проявили «милосердие», предложив помощь с устройством на работу. Помощником по быту на небольшую фабрику, завхозом в один из санаториев и еще что-то в этом духе, смахивающее на подачку. Я вежливо поблагодарил и отказался, решив устраиваться сам. Выбор был сделан как-то неожиданно. Проходя мимо ворот таксопарка, я обратил внимание на объявление, что требуются водители. Вспомнил, что первая-то моя профессия — механизатор. С правом

вождения любого четырехколесного транспорта. Позднее, в армии, получил права, так что вполне подходил.

Задумано — сделано. Тем более автопарк находился в двух шагах от дома, что было весьма удобно.

С первых же дней я попал в гущу событий, сотрясающих таксопарк. Как и вся страна, коллектив бурлил, требуя перемен. Мой напарник Гриша Исаичев, молодой и напористый, был одним из заводил тех, кто взбунтовался против устоев, царивших десятилетиями. Дней через десять после того, как я стал таксистом, мне пришлось присутствовать на собрании коллектива.

Директор таксопарка Крутиков начал с того, что, мол, план месяца под угрозой, недовезено около тысячи рублей выручки...

— Что-то многовато,— заметил кто-то.

— Значит — премия горит?— возмутился другой.— Как же это получается?

— А так: одни вкалывают почем зря, а другие загорают!— выкрикнул третий.

— Вот именно!— ухватился за последнюю реплику Крутиков.— Коллектив честно трудится, а иные объявляют забастовку и начинают качать права.

Многие обернулись к нам с Гришей (мы сидели рядом), а один из водителей с первого ряда выкрикнул:

— Называй фамилии, начальник! Не в прятки, чай, играем!

— Да, кто бастует?— настаивал его сосед.

— Кто?— нахмурился директор.— Исаичев! Вот он, герой! Вчера демонстративно не выехал на линию. А его напарник Измайлов тоже сидит в зале, хотя уже полтора часа должен крутить баранку.

— А мне жизнь дорога!— вскочил Гриша.— На лысой резине ездить — прямая дорога на тот свет!

— Чирик небось пожалел!— раздалась чья-то реплика.

— Да, пожалел!— повернулся в ту сторону Исаичев.— Я горбом его зарабатываю, рискую. Клиентами и, между прочим, собой...

— Кто не рискует, тот не ест,— высказался какой-то остряк.

— А что, Гриша прав,— поддержал моего напарника один из молодых водителей.

Страсти накалялись, присутствующие разделились на симпатизирующих бунтарям и тех, кого вполне устраивали старые порядки.

— Разрешите?— встал я, потому что не мог не солидаризироваться с Исаичевым: действовали заодно и гнуть линию нужно было сообща. Тем более что Гриша, как я понял, выступать не мастак.

Зал притих, ожидая, что я скажу.

Директор таксопарка жестом показал: говори, мол.

— Я человек новый,— начал я.— Пока, можно сказать, приглядываюсь. Но кое в чем уже разобрался.. Вот Крутиков говорит, что горит план. Создайте условия — перевыполним.

— Какие такие особые условия вам нужны?— издевательски спросил горлопан с первого ряда.

— Нормальные,— спокойно ответил я.— У вас все поставлено с ног на голову. Не Исаичев должен бегать за директором таксопарка, а Крутиков за Исаичевым.— В зале зашумели.— Да-да! Начальник обязан интересоваться у водителя, лысая у него резина или нет Потому что зарплату его, начальника, привозит с линии Гриша. И премию тоже. Я уже не говорю о поборах...

— Говорить надо было, когда в прокурорском кресле сидел,— не очень громко произнес кто-то сзади.

Но это замечание потонуло в гуле голосов.

— Правильно! Хватит обдирать водителей как липку!

— Оттого и бегут в кооператив — там нет нахлебников!

— Тише, товарищи! — постучал карандашом по графину с водой директор.— Давайте без анархии. Вы не на митинге.

— Там-то как раз порядок, а у нас сущий бардак! — звонко выкрикнула единственная в парке женщина-водитель Катя Балясная.— Можно мне?

— Только коротко и по существу,— не очень охотно предоставил ей слово Крутиков.

— Вот именно, по существу,— с вызовом произнесла Балясная.— И конкретно. Почему я долджна при выезде давать «вратарю» двугривенный? Почему в ОТК дежурному механику — полтинник? Каждый раз! И на мойке за что полтинник?

В зале установилась гробовая тишина Впервые

наверное, здесь прозвучали слова, которые никто не решался раньше произнести публично.

— Если проходишь техосмотр-один,— продолжала крушить табу Катя,— выкладывай рубль. Это лишь за то, чтобы механик поставил печать. На ТО-два и вовсе дерут без зазрения совести — слесарю по пятнадцати рубликов с меня и с моего напарника!..

Снова поднялся шум. Теперь уже галдели те, кого громила Балясная.

— И за что платим?— возмущалась Катя, перекрывая все голоса.— За ничегонеделание. В самом прямом смысле этого слова. Оплачиваем свои же несчастья.

— Говори, да не заговаривайся!— зло бросил один из механиков.

— Ты, Губкин, мне рот не затыкай!— огрызнулась водитель.— Тебе бы с меня только свой рупь получить, а на машину даже не посмотришь. На ходу она или нет — тебе до лампочки! Вот и случается то, что позавчера произошло с Габриэляном. Слава богу, хоть жив остался.

— Лихач он, твой Габриэлян!— крикнул Губкин.

— Надо было лучше проверять тормоза!— отпарировала Балясная.— Тогда не случилась бы авария.

— Кто вам мешает это делать?— прервал дискуссию директор таксопарка.— И вообще, товарищи, мы ушли в сторону. Говорите о сути, то есть о плане...

В зале запротестовали:

— Дайте наконец сказать правду!

— Хватит, намолчались!

— Не болтать надо, а работать!— поддержал Крутикова пожилой водитель.— И пусть Измайлов прямо скажет, выедет на линию или нет?

— Нет,— твердо сказал я.— Пока не поменяют резину.

— А где ее взять?— подал голос замдиректора таксопарка. Все фонды выбрали. Обещали поставить только в новом году...

— Захар Петрович,— повернулась ко мне Балясная,— может, поработаете на моей машине? Я с сегодняшнего дня в отпуске. Резина в порядке. И все остальное.

— Как, товарищ Измайлов?— ухватился Крутиков за этот шанс погасить страсти.

Мы с напарником переглянулись. Исаичев одобрительно кивнул.

— Не откажусь,— ответил я, принимая от Кати ключи.

И направился к выходу под насмешливые реплики.

— Охмурил-таки прокурор нашу бабоньку!

— Ой, Катька, держись! Жинка у него дюже ревнивая.

В этот день мне не очень везло. Наверное, потому что машина Балясной —«Москвич», а клиенты привередничают, предпочитая «Волгу». За два часа у меня было всего четыре посадки. Не выручка — слезы...

Потом села молоденькая парочка. Лет по шестнадцать, не больше. Как прилепились друг к дружке, так и сидели всю дорогу. Только слышались с заднего сиденья громкие поцелуи. Остановиться попросили у бара. Паренек, пижонистый, в джинсовом костюмеваренке, небрежно бросил мне трояк, хотя на счетчике выскочило лишь два с гривенником.

— Сдачу!— крикнул я им вдогонку, но они даже не обернулись.

Я медленно отъехал, уже по привычке зорко наблюдая за прохожими на тротуаре — не вскинется ли чья рука. Но меня не требовали. Я уже хотел было ехать на ближайшую стоянку, но вдруг наперерез выскочила шустрая женщина, нагруженная двумя большими чемоданами.

Я тормознул.

— Пожалуйста, на морвокзал!— заглянула в окошко женщина.— Опаздываю!

Пришлось выскочить из машины, определить чемоданы в багажник, усадить клиентку на заднее сиденье и поспешить на вокзал.

— Умоляю, скорее!— торопила женщина.— Плачу двойной тариф! И вот...

Она протянула мне забавного плюшевого тигренка.

— Не надо,— сказал я.— И так доставлю в один миг, без всякого двойного...

— Прошу вас, возьмите,— настаивала пассажирка.— Сувенир...

Вдруг она осеклась. В зеркальце я увидел ее растерянное лицо.

— Ой... Захар Петрович?— не совсем уверенно спросила она.

— Он самый,— кивнул я.

Это был уже не первый случай, когда меня узнавали пассажиры и приходили в недоумение.

— Вы — шофер?— все еще не верила клиентка.

— Что, газет не читаете?— усмехнулся я, занимая левый ряд, чтобы иметь возможность гнать с предельно допустимой скоростью.

— В тех газетах, которые я читаю, о вас, товарищ Измайлов, никогда не писали,— серьезно сказала женщина.

Настало время удивляться мне. На мой вопросительный взгляд она сказала:

— Конечно, вы меня не помните.

— Извините, действительно что-то не припоминаю...

— Гринберг,— подсказала клиентка.— Фаина Моисеевна.

Что-то шевельнулось в моей памяти.

— Восемьдесят четвертый год,— продолжала пассажирка,— апрель. Помните? Я пришла в прокуратуру города, потому что в ОВИРе не могла добиться ни «да», ни «нет».

— Ну конечно!— наконец-то вспомнил я растерянную, заплаканную женщину, которая много лет добивалась выезда в Израиль.

— Ну, слава богу!— обрадовалась Гринберг.— Между прочим, вы единственный человек в больших кабинетах, который говорил со мной по-человечески. На нас все тогда смотрели как на изменников Родины, чуть ли не предателей.

— Увы, было,— подтвердил я.— К счастью, нынче отношение к эмигрантам меняется...

— Все меняется!— темпераментно проговорила Фаина Моисеевна.— Перестройка, гласность! Эти слова на Западе говорят по-русски...

— Знаю...

— Извините, Захар Петрович, но вы должны молиться на Горбачева! Впрочем, мы тоже. Когда я уезжала, мы прощались с сестрой так, как будто похоронили друг друга. Вы не поверите...

— Почему же, поверю.

— Кто бы мог подумать, что буквально через несколько лет мир перевернется! Сам факт, что я свободно приехала в Союз, обняла сестру,— это уже можно спокойно сойти с ума. А что показывают по телевизору? Глазам своим не веришь! Скажу между нами: если бы тогда, в восемьдесят четвертом, была такая обстановка, я бы еще хорошенько подумала, уезжать

или нет. Не считайте, что я делаю комплимент, я говорю чистую правду.

— Да, перемены есть,— отозвался я.

— Пусть их будет побольше,— пожелала Гринберг.

— Не жалеете, что уехали?— спросил я.

— Тоскую, конечно. Родина есть родина,— с неожиданной грустью произнесла Фаина Моисеевна — Но там я нашла свое личное счастье.

— В каком городе живете?

— В Палермо.

— В Палермо?— удивился я, усомнившись на миг в своих географических познаниях.

— Да,— спохватилась Гринберг,— я вам забыла сказать, что в Израиль так и не доехала. Вы, конечно, знаете, что, прежде чем добраться до страны постоянного проживания, эмигранты некоторое время сидели в Италии, под Римом? Это те, кто хотел в Америку, Канаду или еще куда. По правде говоря, я тоже ехала в Штаты Там у меня родной дядя, совершенно одинокий. И вот, представьте себе, когда я торчала в Италии, ждала бумаги из Америки, в меня влюбился мой теперешний муж. А ведь я не молоденькая девушка.

Гринберг было лет тридцать. Самый расцвет для женщины, да и бог ее красотой не обидел.

— И увез на Сицилию,— продолжала она.— Как вам это нравится?

— Очень даже нравится,— не мог не улыбнуться я ее манере разговаривать.

— Он во мне души не чает. Все уверяют, что мы прекрасная пара...

— Дай бог, чтоб это было всегда,— пожелал я Фаине Моисеевне.

— Спасибо на добром слове,— расчувствовалась она.

Вдали уже показались портовые краны.

— Между прочим, я перед самым отъездом из Союза чуть к вам не зашла второй раз,— сказала Гринберг.

— Почему — чуть?

— Понимаете, у меня уже была виза, и я боялась, что могут отобрать. А жить в отказниках — врагам своим не пожелаю!

— Извините, не понял...

Фаина Моисеевна, видимо, колебалась: открыться или нет. И наконец со вздохом произнесла:

— Меня обобрали. Буквально за три дня до выезда.

— Как?— насторожился я.— Кто?

— Работник милиции. Нагрянул поздно вечером, как снег на голову. В форме, с погонами. Предъявил красную книжечку. И знаете, что сказал? Будто бы я кое-что из дорогих вещей, имевшихся в доме, купила у воров. Нет, вы можете себе представить, чтобы мне сказать такое?!

— Ну, и что дальше?— нетерпеливо спросил я.

— Я, конечно, страшно разволновалась,— продолжала пассажирка.— Зачем мне покупать у воров, когда мой первый муж, да будет ему земля пухом, оставил мне такие антикварные штуки, которые не стыдно держать в доме самого Ротшильда!.. Я о себе всегда думала, что умная женщина. Боже, как я ошибалась! Словно последняя дура, выложила перед этим милиционером все свои драгоценности. Стала объяснять, откуда что взялось. Колье и диадему носила еще прабабушка мужа. Врать не буду, но фамилию Гринберг знали в Москве и Санкт-Петербурге. Прадед моего Абраши лечил весь высший свет. А те изумрудные подвески и браслеты с амстердамскими алмазами дед мужа купил для своей жены в самой Голландии... Но особенно я дорожила перстнем, который мне одела на руку покойница-свекровь, царство ей небесное...— Фаина Моисеевна тяжело вздохнула.— Но бог с ним, что это стоит сумасшедших денег! Вы бы знали, как поступил со мной этот бандит!

— Какой бандит?— не понял я.

— Тот милиционер затолкал меня, простите, в туалет, забрал самое ценное и был таков! А что сказал при этом — страшно вспомнить!

— Что именно?— уточнил я.

— Смотри, говорит, жидовка, заявишь — не видать тебе Израиля как своих ушей!

— Фамилию милиционера помните?

— От страха я даже забыла, как звать меня саму...

— А в каком звании?

— Честное слово, не разбираюсь,— призналась Гринберг.— Не то две звездочки, не то три. А может, и четыре...

— Но ведь он показывал вам удостоверение?

— С таким же успехом мог показать не мне, а стене... Вы ж понимаете, в каком я была состоянии. Два часа просидела в туалете. Стучала, кричала — никто не слышал. Хорошо, пришла сестра... Я хотела тут же позвонить куда следует, но она на коленях просила меня не делать этого. Пусть, говорит, подавится! Чтобы его детям было так же плохо, как он сделал нам!..

— И все-таки вы зря послушались сестру,— сказал я.

— Ну да! Стали бы разбираться, вызывать, следствие вести.

— Ну и что?

— Как что?— удивилась Гринберг.— Мне вот тогда и объяснили, если я пойду к вам, если возбудят дело, то сиди жди, когда кончится следствие. Значит, долгожданную визу коту под хвост... Я же мечтала только об одном — поскорее сесть на самолет... Помяните мое слово, мои драгоценности тому негодяю счастья не принесут.

— И на какую примерно сумму он забрал?

— Тысяч на триста. Ведь каждая вещь — уникальная.

— Триста тысяч?— покачал я головой.— На вашем месте я бы так дело не оставил. Еще не поздно...

— Нет-нет! Здоровье дороже.— Фаина Моисеевна вздохнула.— Жаль, правда, сестру, хотела ей все оставить. У Сонечки пенсия по инвалидности всего восемьдесят рублей, да к тому же паралич разбил..

— Хотя бы о ней подумали.

— Захар Петрович,— печально улыбнулась Гринберг,— зачем мне инфаркт? Сами знаете, сколько это будет стоить нервов... Буду помогать и так...

Мы подъехали к воротам морского порта. К нам тут же подскочил носильщик с тележкой.

— Счастливого пути,— пожелал я бывшей соотечественнице.

— Спасибо, Захар Петрович. А вам — счастливо оставаться,— растроганно проговорила та.— Поспею домой к Рождеству Это у нас самый почитаемый праздник.

Она пошла вслед за носильщиком, но еще раз обернулась, помахала рукой. Скорее не мне, а стране, которую, несомненно, держала в сердце.

Я сел за руль, завел двигатель. И выключил. Рассказанное Гринберг не давало покоя. Надо было что-то предпринимать.

Буквально в двух шагах стояла будка телефона-автомата. Я зашел в нее, набрал номер Гуркова. Секретарь Оля, доставшаяся ему по наследству от меня, сразу узнала мой голос.

— У Алексея Алексеевича совещание,— извиняющимся тоном проговорила она.— Может быть, позвоните попозже, Захар Петрович?

— Не могу. Дело не терпит отлагательства.

— Хорошо, попробую соединить...

Прошло минуты две, прежде чем прокурор области взял трубку.

— Алексей Алексеевич, срочно пришлите на морвокзал следователя,— сказал я после взаимного приветствия.

— Зачем?— недовольно откликнулся мой преемник.

Я постарался как можно короче передать ему содержание разговора с Гринберг.

— Захар Петрович, вы как мальчишка, ей-богу!— сделал мне внушение Гурков.— Для чего нам лишняя головная боль? Тем более эта женщина, как я понял, ворошить старое не намерена...

«В своем репертуаре!»— разозлился я про себя и прервал разговор, лихорадочно соображая, что делать дальше.

Рунов! Вот к кому нужно стучаться! Он поймет Я тут же набрал его номер. Ответил помощник:

— Анатолий Филиппович в отъезде, будет только завтра. Что ему передать?

— Сам свяжусь с ним...

Я выскочил из будки и бросился к воротам порта. Надо успеть кое-что выяснить, пока потерпевшая не отбыла за границу. Я подбежал к носильщикам, курившим в ожидании пассажиров.

— Где она?— спросил у того, кто обслуживал Гринберг.

— Кто?— выставился он на меня.

— Та женщина, черненькая, с двумя чемоданами?

— А-а,— бросил он на землю окурок и придавил башмаком.— Вон там,— показал носильщик.

Я помчался туда, моля бога, чтобы Фаина Моисеевна не успела еще пройти таможенный досмотр.

На мое счастье, Гринберг была еще, так сказать, на нашей территории.

— Фаина Моисеевна, прошу вас, опишите того офицера милиции,— запыхавшись, попросил я.

— Для чего?— удивилась она.

— Извините, у нас мало времени... Какой он из себя?

— Да как сказать,— задумалась она на секунду.— Выше меня на голову, худощавый, шатен.

— Еще?— торопил я.

— Глаза светлые, кажется, серые.

— Возраст?

— Лет тридцати. Может, немного больше.

— А какие-нибудь особенности, приметы?

Фаина Моисеевна потерла лоб, посмотрела куда-то наверх.

— Ямочка на подбородке. И кадык сильно выпирает... Простите, больше ничего не могу сказать.

— Еще задержу вас на минуточку... Не можете составить приблизительный список вещей, которые он у вас взял?

— Попробую.— Она достала записную книжку, вырвала несколько чистых листков.— Самое главное — кольцо с черным бриллиантом. Между прочим, не простое, а с секретом. То самое, что мне подарила свекровь. Хрустальная ваза, оправленная в золото. Ну, как виноградная лоза... Старинные часы в виде пасхального яйца...

— Пишите, пишите,— попросил я.— Обрисуйте по возможности каждую вещь.

На это ушло еще минут пять. Тут по радио объявили, что заканчивается оформление на ее рейс. Гринберг сунула мне исписанные листки, мы еще раз попрощались, и она поспешила к стойке таможенника.

Мело какой уже день. Холодные колючие снежинки летели почти параллельно земле, образуя при встрече с препятствием угловатые сугробы. На открытом пространстве стоять было невозможно. Урал есть Урал. С крещенскими морозами не пошутишь.

Зона словно вымерла. Лишь на вышках топтались, стараясь согреться, часовые с поднятыми воротниками овчинных тулупов, да несколько заключенных трудились на строительстве здания. Одежка у них была

пожиже: ватники, коцы, приобретающие на холоде несгибаемость стали. Работать приходилось споро. Не только для того чтобы не окоченеть, но и потому что раствор для кладки замерзал почти мгновенно.

Один из каменщиков — бывший оперуполномоченный южноморского ОБХСС Станислав Ларионов. Ловко орудуя мастерком, он клал один за другим кирпичи в ряд, сверяясь с натянутым шнурком. Подносил ему грузный мужчина с обвислыми, как у дога, щеками. Кличка у последнего была Мэр. Впрочем, на свободе он был действительно председателем горисполкома.

Стоило напарнику замешкаться, как на его голову обрушивался беспощадный мат.

— Вконец загонял,— жаловался Мэр, вытирая со лба пот.

— О тебе забочусь,— зубоскалил Ларионов.— Не будешь шустрить — вмиг окочуришься.

Сам он тоже разгорелся от работы.

Порыв ветра сорвал с Мэра суконную ушанку и покатил по земле. Тот бросился вслед, еле догнал и воротился назад.

— Ну и житуха! В такую погоду хороший хозяин собаку не выгонит из дома, а тут людей...

— Тут ты не человек,— философски заметил Ларионов, шлепая на кладку раствор и одним махом разравнивая.

— А кто же? — обидчиво спросил Мэр.

— Зек с номером,— раздельно произнес бывший оперуполномоченный.

Он показал на пустое ведро, напарник живо схватил его, бросился вниз по наклонной доске и скоро вернулся, сгибаясь под тяжестью раствора.

— Врешь, я человек,— сказал он, запыхавшись.

— Это на свободе ты был человеком,— упрямо повторил Ларионов.

— И еще каким! — вздохнул Мэр.

— Ну да — машина, кабинет десять на десять, секретарша,— дразнил напарника Ларионов.— И чтобы попасть к тебе, надо было записываться за месц.

— Вашего брата милиционера принимал без всякой очереди...

— Начиная с полковника,— усмехнулся бывший старший лейтенант.— А меня небось даже на порог не пустил бы.

— Я со всей милицией был вась-вась. От постового до генерала.

— В натуре?— снова усмехнулся Ларионов.— Что ж генералы тебя не прикрыли?

— Местные прикрыли,— вздохнул напарник,— но, как назло, из Киева нагрянули. Да еще народный депутат, будь он неладен, вцепился как клещ. Горком и обком отбивали как могли. А он аж до Москвы достучался, на съезд бумагу подал. Вот я и схлопотал червонец.

— За что ж тебя, милый, так наградили?

— За пяток квартир... А ты как загремел?

— Я сам в сознанку пошел. Добровольно...

— Заливай, заливай,— покачал головой Мэр.— Такого не бывает.

— Не для твоих мозжишек это,— презрительно произнес бывший оперуполномоченный.

— Объясни.

— Вон, у тебя шапка улетела. А почему? Ветер, метель. А если пригнешься,— Ларионов на миг спрятался за кладку,— никакой ураган тебе нипочем. Он ведь может не только шапку, но и черепушку сдуть. Усек?

— Не-а,— промычал напарник.

— Неужели все мэры такие тупые?— усмехнулся Ларионов.— Объясняю по буквам. Когда у нас заштормило, накрыло моего босса и меня заодно, я сориентировался: лучше все взять на себя. Тем более что доказали всего один эпизодик. Я и решил залечь на дно. Годик-другой пережду, пока шторм не утихнет, а там — снова родной юг, море, кипарисы.— Он мечтательно посмотрел вдаль.— А какие у нас женщины!..

— Постой-постой,— удивился Мэр,— у тебя же срок восемь лет!

— Люди дают срок, люди могут и скостить.— Ларионов постучал по лбу кулаком.— Ей богу, Мэр, червонец тебе дали правильно: совсем не тумкаешь!

В то время когда бывший оперуполномоченный вбивал в голову бывшего мэра уголовную науку, к проходной исправительно-трудовой колонии подкатила «Волга» с номером областного города. Из нее выбрался генерал Рунов, придерживая рукой каракулевую папаху. За ним — майор внутренней службы Запорожец. Они быстро вошли в административное здание.

Идя по коридору с зарешеченными окнами, продолжили еще по дороге начатый разговор.

— Я ведь здесь уже десятый год,— рассказывал Запорожец.— И замечаю: за последние годы сильно изменился контингент в колонии.

— В какую сторону?— поинтересовался Рунов.

— Заключенные пошли рангом повыше. Раньше у нас отбывала срок в основном мелочь, а теперь?— Майор остановился у окна, из которого была видна стройка на территории зоны.— Председатель горисполкома... Раздавал квартиры, автомашины направо-налево, словно из своего кармана... Заместитель министра — хапнул миллиончик... Вот мешает раствор полковник госбезопасности: на почве ревности разрядил обойму в жену... Ну а вон тот, что прикуривает,— председатель облсуда, отпетый взяточник.

Они двинулись дальше.

— Да,— с иронией заметил генерал,— собрали, можно сказать, цвет общества.

— Собрали вы,— с улыбкой уточнил Запорожец.— А мы перевоспитываем.

— Удается?

— Приходится нелегко,— почесал затылок майор.— Народ подкованный. Газеты и журналы штудируют от корки и до корки. И такие вопросики подкидывают — сразу и не сориентируешься. Голову академика нужно иметь. Вчера приезжал прокурор по надзору, ну и попотеть ему пришлось!

— Что же спрашивали?— полюбопытствовал Рунов.

— Один говорит: а правда, что после принятия нового Уголовного кодекса педерастам будет лафа? В смысле, хочешь — люби бабу, хочешь — мужика...

— Актуальный для мест заключения вопрос,— хмыкнул генерал.

— Это — цветочки. Другой поинтересовался, когда же наконец здесь будут встречать великолепную четверку, о которой шла речь на девятнадцатой партконференции? Вопросик, а?

— На засыпку.

— А третий — прямо в лоб: почему он получил двенадцать лет всего за десять тысяч взятки, а кое-кто из тех, кто брал каждый божий день пять раз по десять тысяч, до сих пор на свободе? И вместо персональной камеры имеют персональную пенсию

союзного значения. Живут себе припеваючи в столице, в роскошных апартаментах. Где, мол, справедливость?

— И что прокурор?

— Жаловался мне потом — ему, мол, даже не молоко бесплатное положено за вредность, а сливки...

Они вошли к начальнику оперативной части. При появлении генерала хозяин кабинета майор Краснов вытянулся в струнку:

— Здравия желаю, товарищ генерал!

— Здравствуйте,— поздоровался с ним за руку Рунов.— Садитесь. И давайте без чинов.

— Я вам еще нужен?— спросил Запорожец.

— Нет,— ответил Анатолий Филиппович. Тот вышел, а генерал продолжал:— Это я вам звонил по поводу заключенного Ларионова.

— Уже догадался,— кивнул майор.— Что за ним открылось такое, что вы лично приехали?

— История давняя. Подозреваем Ларионова. Приметы вроде сходятся...

Он посвятил начальника оперчасти в историю ограбления Гринберг.

— Из-за этого и приехали?— удивился майор.— Могли бы прислать кого-нибудь из подчиненных. Путь к нам неблизкий. Вы, кажется, поездом?

— Терпеть не могу самолеты, боюсь высоты,— признался генерал.— А почему явился сам — чтобы не утекла информация. Ради этого даже следы путал: сначала заехал в Москву, а потом уже к вам.

— Ясно,— кивнул майор.

— Так как себя ведет Ларионов?

— В камере держится паханом. Утверждает, что был накоротке со Щелоковым и Чурбановым... Врет?

— Накоротке вряд ли,— помедлив, ответил Рунов.— А вот знакомы могли быть. Щелоков и Чурбанов отдыхали у нас неоднократно...

— Уверяет, что кое-кто из его дружков и сейчас сидит высоко. Мол, выжидают, когда перестройка даст дуба,— это его выражение. Тогда снова будет рай. Все время твердит о том, что срок получил по собственному желанию...

— Интересно,— вскинул брови генерал.— Что он имеет в виду?

— Когда-де море штормит, лучше отлежаться на дне...

Рунов на некоторое время задумался.

— Чувствую: наши подозрения не напрасны,— наконец произнес он.— Наверняка и другие грешки за душой...

— Как-то начифирялся, плел что-то про вышку

— Вот видите,— ухватился за последние слова генерал.— А конкретно никого и ничего?

— Нет. Вообще — любит темнить. Намеки, недомолвки...

— Как бы его разговорить?

— Где хотите — здесь или в зоне?

— Пожалуй, лучше в зоне.

— В красном уголке устраивает?

— Вполне.

Майор проводил гостя в красный уголок и оставил одного. Через несколько минут туда вошел Ларионов С мороза, в тепле он весь раскраснелся.

— Здравствуйте, Ларионов,— сказал генерал.

— Здравствуйте, гражданин начальник,— ответил тот.

На лице бывшего оперуполномоченного промелькнула гамма разнообразных чувств: любопытство, страх, надежда...

— Садитесь,— показал генерал на табуретку через стол.

— Спасибо, гражданин начальник,— опустился на нее Ларионов.

— Что вы заладили, как попугай,— поморщился Рунов и участливо спросил:— Тяжело приходится, Станислав Архипович?

— Да уж радости мало,— усмехнулся заключенный.— И не представлял себе, когда другим добывал сюда путевку... Закурить не найдется?

— Найдется,— кивнул генерал, доставая нераспечатанную пачку «Столичных».

— Вы что, курите теперь?— удивился Ларионов

— Куда мне, астма.— Рунов протянул бывшему оперуполномоченному сигареты.— Возьмите всю пачку.

— Шикарный подарок — Ларионов жадно закурил, смакуя дым.— Значит, босса моего вытащили?

— О ком вы?

— О Киреeве... Да еще повысили.

— Откуда вам известно?

— Жена приезжала на свиданку.— Ларионов прищурился.— А обо мне, выходит, забыли?

Анатолий Филиппович недоуменно посмотрел на собеседника.

— Что молчишь, генерал?— с вызовом спросил тот.

— По-моему, мы никогда не были на «ты»,— заметил Рунов.

— Сторонишься?— с усмешкой произнес Ларионов.

— Вы что?— возмутился генерал.— Пьяны?

— Зачем, как стеклышко!— закинул ногу на ногу Ларионов.— Хотя ты бы мог и позаботиться о кайфе.— Он кивнул на шинель генерала, лежащую на столе.— Случайно не завалялась в кармане бутылочка армянского разлива?

— За какие такие заслуги?— нахмурился Анатолий Филиппович.

— За то, что отдуваюсь тут за вас всех!

— Кого — вас?— все больше поражался вызывающему поведению заключенного Рунов.

— И за тебя — тоже. Мы ведь брали не только для себя... Понимаю, ты отстегивал москвичам, но оставлял себе не гроши, надеюсь?

— Хватит!— хлопнул рукой по столу генерал.— Что за чушь вы несете?

Бывший оперуполномоченный вынул из кармана пачку «Столичных» и швырнул на стол.

— Подавись! Мне подачки не нужны! Ишь, захотел задобрить...

— Ладно, ладно,— ради дела с трудом взял себя в руки Рунов.— Не нервничайте. Так у нас разговора не получится.

— Я на него не набивался,— уже смиреннее проговорил Ларионов, поняв, наверное, что переборщил.

— Поспокойнее — оно лучше. Поговорим?

— Говорил волк с зайцем,— скривился Ларионов. И, чуть помолчав, мрачно произнес:— Не темните, выкладывайте, что вам надо.

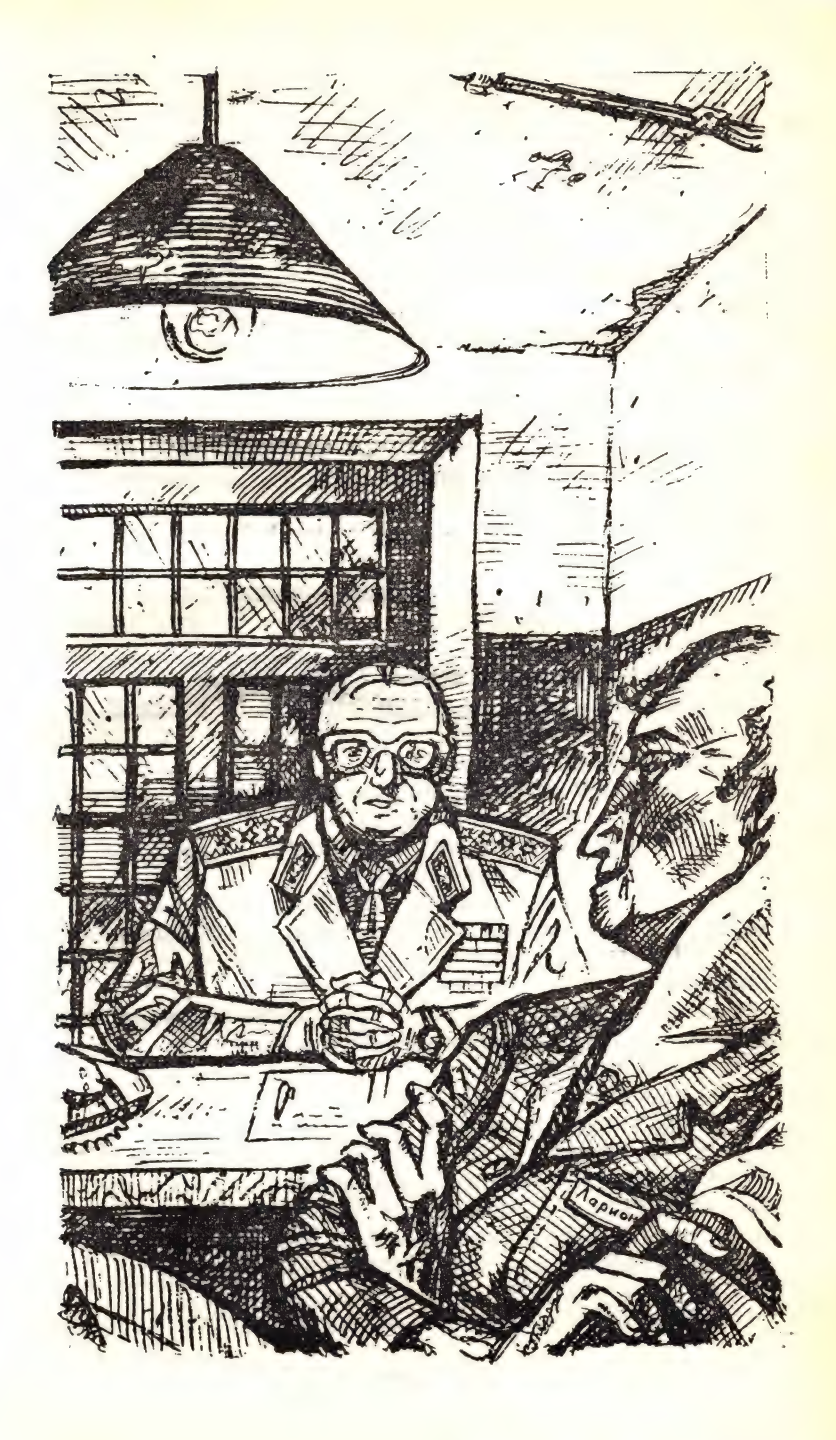
— Я и не темню,— сказал Рунов.

Он еще раз внимательно поглядел на заключенного: ямочка на подбородке, выпирающий кадык, серые глаза...

— Скажите, вам что-нибудь говорит фамилия Гринберг?— спросил генерал.

— Абсолютно ничего не говорит.

— Постарайтесь вспомнить,— настаивал Рунов.— Гринберг Фаина Моисеевна. Сиреневый бульвар, квартира двадцать два...

Ларион

Он пристально посмотрел Ларионову в глаза.

— Знать не знаю,— выдержал взгляд бывший оперуполномоченный.— А какая беда с ней стряслась?

— Ограбили...

— Бывает. И давно?

— В восемьдесят четвертом году, шестнадцатого сентября.

— Времени прошло порядком,— покачал головой Ларионов.— А чем я могу помочь?

— Признанием. Чистосердечным. Есть подозрение, что у Гринберг были именно вы.

— Я?!— аж привскочил заключенный. И снова сел.— Нет, кроме шуток?

— Ехал бы я за тысячу верст, чтобы шутки шутить...

— Да-а, Анатолий Филиппович,— с сожалением оглядел генерала Ларионов.— Сыщик из вас аховый. Хоть подскажите, что я спер у нее? Сделайте одолжение.

— Взяли у Гринберг немало — тысяч на триста,— не обращая внимания на ернический тон, сказал Рунов.— Изумрудные подвески, например. Работа старинная, позапрошлого века... Колье с алмазами. Перстенек с черным бриллиантом. Причем не простой, а с секретом... Хрустальная ваза, оправленная в золото. Короче, предметов пятнадцать.

— Эх, посмотреть бы на всю эту красоту!— продолжал издеваться заключенный.

— Может, Станислав Архипович, напряжете память?— в тон ему спросил Рунов.

— И напрягать нечего. Не стоило вам за тысячу верст киселя хлебать, чтобы вытянуть пустышку.

— Насчет пустышки мы еще посмотрим,— заметил генерал.

— Да не был я у вашей Гринберг!— стукнул себя кулаком в грудь Ларионов.— Я вообще в тот день не был в Южноморске.

— Откуда такая категоричность?

— В Звенигороде под Москвой я был. Гулял по лесам. Понимаете, когда моя дочь была еще маленькая и не ходила в школу, мы каждый год всей семьей в сентябре ездили в Звенигород. Брат там у меня живет. А он на это время ехал к нам, в Южноморск. Тоже с семьей. Любили они бархатный сезон...

— Брат родной?

— Ну да. Так сказать, я ему предоставлял квар-

тиру, а он мне. И в восемьдесят четвертом году мы в Звенигороде были последний раз в сентябре. На следующий год дочь пошла в школу.

— Что ж, проверим,— поднялся генерал.

— Обязательно проверьте. И не забудьте передать привет моему братану,— не упустил возможности еще раз съехидничать Ларионов...

Когда Рунов с начальником оперчасти вернулись в кабинет, там находился Запорожец.

— Трудный был разговор?— поинтересовался он.

— Нелегкий,— ответил генерал, потирая левую сторону груди.

— Может, дать что-нибудь сердечное?— встревожился Запорожец.

— Валидольчик не помешал бы,— кивнул Рунов.

Из головы не шли обвинения, брошенные ему Ларионовым. Неужто он уверен, что генерал заодно с Киреевым?

Запорожец вышел.

— Домой теперь?— поинтересовался Краснов.

— Да нет, опять в Москву. Врачи требуют, чтоб лег в госпиталь. Надо легкие проверить.

Запорожец вернулся и принес валидол.

Весна к нам приходит уже в конце февраля. В предгорьях зацветает мимоза, на которую слетаются, как пчелы на мед, бойкие молодцы на личных автомобилях, увозя в другие города ветки с душистыми шариками. Прибавилось и курортников, что нас, таксистов, очень даже радовало.

В ту ночь я подгадал прибыть на вокзал к московскому поезду, который, как всегда, опоздал. Показались первые пассажиры. «Волги» с шашечками одна за другой направлялись в город. Вдруг я заметил в толпе прибывших знакомое лицо.

Так оно и есть — Светлана, внучка Шмелева. Она почти каждое лето отдыхала у деда, несколько раз заходила в прокуратуру.

Вместе со Светланой шел высокий мужчина, нагруженный чемоданами. Оба озирались по сторонам, кого-то высматривая.

— Света!— крикнул я.

— Здравствуйте, Захар Петрович!— обрадовалась девушка.— Подвезете?

— Конечно,— открыл я заднюю дверцу машины.

— Познакомьтесь, мой муж,— представила она спутника.

— Аскольд,— протянул руку мужчина.

— Очень приятно,— ответил я.— А меня Света уже назвала.

Мы с Аскольдом определили чемоданы в багажник и сели в машину.

— Ничего не понимаю, почему нет дедушки?— сказала Светлана, когда машина тронулась с места.

— Может, забыл?— предположил я.

— Что вы! Он очень обязательный человек...

— Ну, значит, телеграмма не дошла.

— Я лично с ним разговаривала по телефону позавчера утром,— сказала девушка.— Он записал номер поезда, вагона... Обещал обязательно встретить... А вы с ним давно виделись?

— Третьего дня. В магазине случайно встретились... Между прочим, Николай Павлович задумал интересное дело. Создать что-то вроде юридического бюро для консультации кооператоров. Меня приглашал...

— Мне он тоже говорил об этом,— отозвалась Светлана.— Уже подал бумаги в исполком, чтобы получить разрешение.

Я был рад, что она не задавала дурацких вопросов, почему я на такси.

— А что вы надумали к нам в такое время? Ни искупаться, ни позагорать...

— Понимаете, Захар Петрович,— ответила Светлана,— через две недели отбываем за границу. Аскольд получил назначение. Ну как я могла уехать, не повидавшись с дедом?

— Правильно,— одобрил я.— Ты у него — свет в окошке.

Дом Шмелева находился недалеко от вокзала. Добрались минут за десять.

Я тоже взял один из чемоданов и двинулся к подъезду.

— Что вы, Захар Петрович, неужели мы сами не донесем?— запротестовал Аскольд.

— Ладно уж,— сказал я.— Заодно повидаюсь с бывшим сослуживцем.

Мы поднялись на четвертый этаж. Светлана нажала кнопку звонка. За дверью раздалась громкая трель. Мы подождали минуту-другую. Шмелев не открывал.

Никто не виноват устал

— Спит, что ли, без задних ног?— сказала внучка и опять позвонила.

Изнутри ни звука.

— Ничего не понимаю,— недоуменно оглядела нас Светлана.— А где Дик?

— Какой Дик?— не понял Аскольд.

— Собака, овчарка,— пояснила жена.— Он всегда лает, когда звонят... Может, соседи что знают?

Аскольд стал колотить в дверь кулаком, и та вдруг неожиданно открылась.

В комнате было темно. Первой в коридор вошла Светлана. Мы — за ней.

— Деда!— крикнула девушка.

Никто не отозвался.

Светлана двинулась дальше, отворила дверь в комнату, включила электричество. И вдруг раздался ее истошный крик.

Мы с Аскольдом бросились к Светлане.

Посреди гостиной висел в петле хозяин квартиры.

Светлане стало плохо. Муж едва успел подхватить обмякшее тело. Мы отнесли Светлану в спальню, уложили на кровать. Я выскочил на кухню за водой и в коридоре столкнулся с незнакомой пожилой женщиной. Выяснилось — это была соседка. Она прибежала на крик.

— Что случилось?— спросила она.— И кто вы?

— Пожалуйста, займитесь внучкой Николая Павловича,— попросил я соседку и проводил в спальню.

— А где сам Палыч?— спросила она.

— Потом...— сказал я.

— Может, до сих пор Дика ищет?- высказала предположение соседка.— Вчера ушел и с тех пор как в воду канул.

Я не стал ввязываться в разговор. Соседка осталась со Светланой, уже приходившей в себя, а мы с Аскольдом вернулись в гостиную. При виде покойного деда жены Аскольд пошатнулся, ухватился за спинку кресла.

— Вам лучше присесть,— предложил я.— И прошу ни к чему не прикасаться.

Аскольд просто рухнул в кресло, покрылся мелкими капельками пота и старался не смотреть на покойника.

Николай Павлович был в домашних штанах, потертой вельветовой куртке, надетой на голое тело. Рядом валялся опрокинутый стул. Тапочки без задников лежали друг на дружке, свалившись, видимо, с вытянутых ног.

Конец веревки был привязан к крючку, на котором раньше висела дешевенькая трехрожковая люстра.

Подойдя к письменному столу, на котором стоял телефон, я заметил в каретке пишущей машинки вложенный листок бумаги. На нем было отпечатано: «Никто не виноват устал», одним предложением, без знаков препинания.

Я снял трубку, предварительно накрыв ее носовым платком, и набрал 02.

Рунов не любил, чтобы его встречал кто-либо из домашних. Достаточно было помощника, подполковника Хрусталева, и шофера. Когда поезд подошел к Южноморску, оба встречающие прорвались в вагон первыми. Честно говоря, после почти месячного отсутствия Анатолий Филиппович был рад видеть людей, что по долгу службы находились к нему ближе всего. Поздоровались сердечнее, чем это полагалось по официальному этикету.

— Как съездилось, товарищ генерал?— спросил Хрусталев, когда они шли по перрону.

— Больница она везде больница,— вздохнул Рунов.

В шинели, хоть и нараспашку, было жарко. Там, в Москве, зима только начинала сдавать свои позиции, а тут почти властвовало лето. Асфальт был мокрый, недавно шел дождь и, видимо, еще зарядит не раз за день.

— Врачи постарались,— улыбнулся помощник.— Выглядите на все сто!

— Тьфу, тьфу, чтоб не сглазить,— отозвался генерал.

Сразу у выхода из здания вокзала стояла его надраенная до блеска служебная «Волга» с антенной на крыше.

— Куда?— спросил шофер, когда все устроились в машине.

— В следующее воскресенье я, может быть, и буду работать,— усмехнулся Рунов,— а сегодня — домой.

— Ваши на даче,— подсказал Хрусталев.

— Еще лучше,— обрадовался генерал.— Соскучился по лопате и граблям.— Он был завзятый садовод.

Машина тронулась. Генерал рассеянно смотрел по сторонам. На душе было спокойно и радостно. Оттого, что вернулся домой, от тепла, которое каждый раз приятно удивляло после северных холодов, от предвкушения встречи с родными. Не тароватый на подарки, он нынче вез их целый чемодан.

— Ну, что в управлении, в городе?— спросил Рунов.— Надеюсь, никаких особых, чрезвычайных происшествий?

— Порядок, Анатолий Филиппович,— отозвался помощник.

— Бережешь покой начальника?— покосился на него генерал.

— Все в норме,— спокойно подтвердил Хрусталев.

При выезде из города, почти у самого кладбища, они нагнали похоронную процессию. Народу за грузовиком с открытыми бортами, в кузове которого стоял утопающий в цветах гроб, шло немного. Шофер пошел было на обгон, но Рунов сказал:

— Неудобно обгонять. Сейчас свернут...

«Волга» поплелась сзади толпы.

— Шмелева небось хоронят,— вздохнул водитель.

— Какого Шмелева?— вскинулся генерал.

— Николая Павловича, бывшего следователя облпрокуратуры,— пояснил Хрусталев.

— Да вы что?— не поверил Рунов.— Шмелев?! Совсем ведь еще крепкий был... Каждый день видел его в парке с овчаркой. Бегал трусцой.

— Здоровье тут ни при чем — повесился,— грустно проговорил подполковник.

— Как?!

— У себя дома, на люстре...

— И вы...— Анатолий Филиппович изменился в лице.— И вы говорите «в норме»?!

От волнения у него перехватило горло. Рунов с трудом справился с приступом астмы.

— Стой!— приказал он.

«Волга» подалась к обочине, стала. Рунов вышел из машины, Хрусталев за ним.

— Подробности знаете?— спросил генерал, глядя исподлобья на помощника.

— Не все... Обнаружили его внучка с мужем и Захар Петрович Измайлов, бывший прокурор...

— Постой, постой,— насторожился генерал.— При чем тут Измайлов? Как они оказались вместе?

— Случайно. Внучка с мужем приехали на поезде, а Захар Петрович как раз поджидал клиентов... Подвез их, ну и... Зашли в квартиру — висит. Записку оставил. Мол, устал от жизни, никого не нужно винить...

— Та-ак,— прикрыл глаза рукой генерал.

— Но, понимаете, там не все ясно... Прибывшая следственно-оперативная группа обнаружила, что в квартире что-то искали. Сам Шмелев или кто другой.

— Записку исследовали?

— Отпечатана на машинке.

— А что судмедэксперт?

— Установил, что самоубийство. Но внучка уперлась: не может, говорит, такого быть, дед никогда бы не наложил на себя руки... Короче, сразу хоронить не стали. Муж внучки дипломат. Родственники у него — шишка на шишке. Поставили в Москве всех на ноги. Позавчера прилетел главный судмедэксперт Минздрава и следователь по особо важным делам республиканской Прокуратуры... Между прочим — женщина.

— Фамилия?

— Простите, не знаю...

— Э-эх,— осуждающе покачал головой Рунов.— Это даже не ЧП, а...— Он не смог подыскать нужного слова и только махнул рукой.— Ждите меня у ворот кладбища.

— Так точно, товарищ генерал!— вытянулся подполковник.

— Кто из наших медиков давал заключение о смерти Шмелева?— чуть задержавшись, поинтересовался генерал.

— Хинчук. Слышали о таком?

— Знаю,— кивнул Рунов.— Вроде опытный...

— Кандидат наук,— подтвердил Хрусталев.

Генерал как был, без головного убора, поспешил за скорбной процессией, которая уже сворачивала к широко открытым воротам, за которыми нашли успокоение многие поколения южноморцев. Среди провожающих в последний путь Шмелева было много зна-

комых, с которыми Рунов обменивался молчаливыми поклонами.

Здесь я увидел Анатолия Филипповича, так как был в числе прощающихся с бывшим следователем. Заметив меня, Рунов приблизился, пожал руку.

— Только что с поезда,— пояснил он.— Узнал, что хоронят Шмелева, решил отдать последний долг...— Генерал огляделся.— Что-то не вижу никого из облпрокуратуры.

— Пока мы вкалываем, о нас еще вспоминают иногда, а как ушел на пенсию — словно в тираж списали...

— Это точно,— со вздохом проговорил Анатолий Филиппович и дал мне знак поотстать.— Хрусталев сообщил, что здесь что-то не чисто. Так?

— Говорят, судмедэксперт из Москвы обнаружил при вскрытии следы прижизненной борьбы,— поделился я сведениями, которыми снабдил меня по старой дружбе один из бывших сослуживцев.

— Выходит, Николай Павлович не сам, а его?..

— Думаю, Дагуровой придется сильно поломать голову,— сказал я.

— Это та следователь из Москвы?— уточнил генерал. Я кивнул.— Знаешь ее?

— Лично не знаком. Чикуров рассказывал. Маленькая, говорит, да удаленькая... Ну а у тебя как?— спросил я нетерпеливо.

Собственно говоря, к поездке Анатолия Филипповича в колонию к Ларионову я имел непосредственное отношение, подбив Рунова заняться делом об ограблении Гринберг.

— Не знаю, что и сказать...

Он коротко поведал мне о встрече с бывшим оперуполномоченным ОБХСС, а ныне заключенным. Больше всего настораживало генерала, что Ларионов причислял его к «своим»...

— Алиби Ларионова проверили?— спросил я.

— Проверили,— протянул грустно Рунов.— Действительно, в том году Ларионов с семьей проторчал весь сентябрь в Звенигороде.— Он вздохнул.— А что, Захар, может, мне пора на пенсию? Дисквалифицировался...

— Для Ларионова слетать из Москвы в Южноморск и обратно было бы проще пареной репы,— не обращая

внимания на последние слова Анатолия Филипповича, сказал я.— За день мог бы управиться.

Разговор пришлось прервать — процессия подошла к месту захоронения. Гроб был снят с машины и установлен на специальный постамент, чтобы родные и близкие простились с покойным. Многие женщины прикладывали к глазам платочки, кое-кто плакал открыто. И словно бы небо тоже присоединилось к ним — стало накрапывать. Над толпой раскрылись зонтики.

Рунов начал тихо расспрашивать, кто был у самого гроба. Когда я дошел до сына усопшего, Павла, Анатолий Филиппович немного удивился.

— Ты ж говорил, что у Шмелева был с сыном разлад?

— Как видишь, смерть примирила... Прилетел буквально на следующий день.

— Не умею говорить слова сочувствия, но надо.

Генерал протиснулся к родственникам.

— Здравствуйте, Захар Петрович,— раздалось возле меня.

Я обернулся. Савельева, лучший наш мастер по цирюльным делам.

— Здравствуйте, Капитолина Алексеевна,— ответил я вежливо.

В длинном черном платье, черном кружевном платочке, она, право же, смотрелась сеньорой. Красива, тут уж ни прибавишь, ни убавишь. Но красота ее была какая-то холодная.

Савельева оглядела мою униформу — кожаную куртку и кепку с эмблемой таксиста — и заметила:

— Давненько не заглядывали в мой салон.

— Может быть, загляну на днях,— ответил я.

— На днях, увы, не получится,— улыбнулась Капитолина Алексеевна.— Отбываю в заграничный круиз.

Мы отошли друг от друга. Тут оркестр заиграл шопеновский похоронный марш. Невольно сдавило горло.

Ко мне снова подошел Рунов. Он явно был чем-то взволнован.

— Как-нибудь приблизься к Светлане,— шепнул мне на ухо генерал.

— Зачем?— не понял я, так как давно уже выразил ей свое сочувствие, а зря на глаза лезть не хотелось.

— Перстень,— еще тише проговорил Анатолий Филиппович.— По-моему, тот.

Я пробрался к родственникам Шмелева. Светлана неотрывно смотрела на восковое лицо деда, одной рукой прижимая к лицу платочек, а другой держа зонт.

На одном из пальцев, обхвативших пластмассовую ручку, красовался золотой перстень с крупным камнем. Камень был почти черный, и в то же время из него исходили лучи...

«Неужели?»— перехватило у меня дыхание.

Я вспомнил Фаину Моисеевну Гринберг, ее темпераментное описание любимого украшения, похищенного грабителем...

Когда после погребения мы с Руновым шли с кладбища, я сказал:

— Рано тебе на покой, Толя. Перстенек-то, сдается, бывшей южноморской гражданки, а ныне — сицилийской дамы.

— Интересная шарада закручивается,— с каким-то азартом проговорил генерал.

Он словно бы помолодел.

В Южноморске Ольгу Арчиловну Дагурову как бы постоянно сопровождал дух Чикурова. Во-первых, причина, по которой она была послана в этот курортный город. Расследовать обстоятельства смерти Шмелева, начинавшего уголовное дело, ставшее роковым для Игоря Андреевича. Во-вторых, ей предоставили в областной прокуратуре кабинет, который занимал ее учитель (а она считала Игоря Андреевича таковым). И в-третьих, самое удивительное, Ольгу Арчиловну поселили в гостинице в тот же номер, где жил Чикуров.

Вылетая в Южноморск, она не успела переговорить со своим наставником и другом — так внезапен был отъезд. А поговорить бы не мешало.

В Южноморске она погрузилась в дело, как только прилетела.

Заключение главного судмедэксперта Минздрава разошлось с первоначальным, сделанным Хинчуком. В опыте московского специалиста сомневаться было трудно, но и здешний медик, по разговорам тоже являлся авторитетом в своей области.

Кто прав? Допустим — столичный светило. Тогда

как квалифицировать заключение Хинчука? Ошибка или что-то другое?..

А тут еще история с перстнем ограбленной эмигрантки. Если он действительно принадлежал Гринберг, то каким образом оказался у внучки Шмелева?

Короче, было над чем поломать голову.

Получив сведения от генерала Рунова, Дагурова на следующий день пригласила в облпрокуратуру Светлану Павловну. Внучка покойного пришла в траурной одежде. Выразив сочувствие молодой женщине, Ольга Арчиловна извинилась за то, что была вынуждена в эти скорбные дни побеспокоить Светлану.

— Я вас понимаю,— сказала та.— Спрашивайте, отвечу на все вопросы.

— Откуда у вас этот перстень?— указала следователь на украшение, сверкающее на безымянном пальце молодой женщины.

— Ах это?— почему-то смутилась она.— Конечно, не следовало бы сейчас надевать, но это память о дедушке. Его подарок.

— И давно он сделал этот подарок?

— Давно? Нет. В день свадьбы.

— А точнее?

— Двадцать восьмого августа прошлого года. В день моей свадьбы.

— Можно рассмотреть получше?— попросила Ольга Арчиловна.

— Пожалуйста,— сняла перстень с пальца Светлана и протянула следователю.

Дагурова невольно залюбовалась антикварной драгоценностью, тем более что никогда не видела черный бриллиант. У какой женщины не дрогнет сердце при виде подобной редкости?

Но у следователя оно дрогнуло еще и по другой причине: эта уникальная штуковина очень напоминала, по описанию, перстень Гринберг.

— Николай Павлович говорил вам, откуда у него этот перстень? — спросила Дагурова.

— Я спрашивала. Дедушка отшутился: мол, дареному коню в зубы не смотрят... Больше к этому вопросу мы не возвращались.

— Вы раньше не видели у него эту вещь?

— Никогда. Но почему перстень так заинтересовал вас?

— Понимаете, Светлана Павловна,— не ответив на вопрос, сказала Дагурова,— в интересах следствия мы вынуждены его изъять.

— Нет-нет!— аж привскочила Светлана.— Ни за что! Память...

— Понимаю, жаль расставаться,— спокойно, но властно проговорила Ольга Арчиловна.— Однако это очень серьезно, уверяю вас.

— Да?— стушевалась Светлана, на которую сильно подействовал тон Дагуровой.— Что, связано со смертью дедушки?

— Вполне вероятно. И прошу: никому ни под каким видом о том, что перстень изъят, не говорить. Вы меня поняли?

— Хорошо,— покорно кивнула молодая женщина, провожая грустным взглядом перстень.

— А теперь приглашу понятых, и составим протокол изъятия...

Потом Ольга Арчиловна расспросила Светлану, что ей известно о последних днях деда. Но что могла рассказать внучка, живущая за тысячи верст от Южноморска?

Прощаясь, следователь поинтересовалась, когда Светлана уезжает.

— Уехала бы завтра, да надо пристроить Дика.

— Какого Дика?— не поняла Дагурова.

— Дедушкину овчарку,— пояснила Светлана.— Понимаете, Дик исчез накануне его смерти. И, представьте себе, сегодня заявился. Грязный, ободранный, хромает... Я бы забрала его в Москву, но мы с мужем отбываем в Амстердам, где Аскольд будет работать в посольстве. Так хочется пристроить собаку к хорошим людям. Как Дик любил дедушку, можно сказать, был верным телохранителем...

Оставшись одна, Ольга Арчиловна достала из сейфа перстень. Любуясь старинной работой, подумала: а что, если этот перстень вовсе не тот, который похитили у Гринберг? Похожий? Правда, мастера прошлого не повторялись...

Хотелось бы знать наверняка.

Дагурова позвонила в Москву, Вербикову. Начальник следственной части Прокуратуры республики был на месте. Ольга Арчиловна доложила о первых результатах расследования и сказала:

— Олег Львович, срочно нужна командировка.

— Куда?— машинально поинтересовался Вербиков.

— В Италию...

— Куда-куда?!— переспросил начальник следственной части, и Дагурова представила его изумленное лицо.

— Точнее — на Сицилию, в Палермо,— спокойно продолжала следователь.

— Кроме шуток?— все еще не мог прийти в себя шеф.— Что, хочешь покончить с ихней мафией?

— Дай бог к нашей подступиться... Олег Львович, позарез нужно идентифицировать перстень и предъявить Гринберг для опознания фотографию Ларионова.

— Неужто нельзя как-нибудь по-другому?— после некоторого размышления спросил Вербиков.

— Кто, кроме нас, сделает это? Интерпол? Но мы, к сожалению, с ним еще не контачим. Впрочем, можете вызвать Гринберг в Союз повесткой,— с иронией произнесла Дагурова.

— А где валюта?— серьезно воспринял слова Ольги Арчиловны патрон.

— Это уж ваша забота. А лететь надо...

— Ну, Дагурова, с тобой не соскучишься,— вздохнул Вербиков.— Ладно, доложу начальству.

— Как там Ян Арнольдович Латынис?

— Какой?— не понял Олег Львович.

— Старший оперуполномоченный МВД СССР Мы с ним уже работали раньше. Вы же обещали позвонить его начальству...

— Да-да...— вспомнил Вербиков.— Я звонил. Сегодня он вылетает в Южноморск.

— Вот спасибо, что ускорили его приезд. Кстати, Латынис и будет заниматься делом, когда я отправлюсь в Палермо.

— Не кажи гоп...

— Я же знаю: стоит вам взяться — получиться,— польстила шефу Ольга Арчиловна.

Вербиков для порядка поворчал, но Дагурова поняла: идея ему понравилась. Начальник следственной части любил неординарные решения.

Непривычными были для меня дни, когда накануне приходилось работать в ночь. Дома толкался один: Галина на работе, а Ксения в школе. Наконец дошли руки до всякой мелочевки, на которую раньше не хватало времени. Привел в порядок все дверные ручки,

краны, а из лоджии сделал конфетку. Соорудил встроенные шкафы, насадил вьющиеся растения. Получился сад в миниатюре. И все равно иной раз изнывал от безделья. Пенсионеры зазывали во двор забить «козла», но к домино у меня никогда не лежала душа. Пробовал стряпать, однако на этом поприще потерпел полное фиаско. Пожарить картошку, яичницу — вот все, на что хватало моих кулинарных способностей.

За этим занятием — готовил себе омлет — и застал меня подполковник Латынис, прилетевший из Москвы для участия в расследовании смерти Шмелева. Он условился о встрече накануне и явился минута в минуту.

— Разделите со мной трапезу,— предложил я оперуполномоченному, проведя его на кухню.

— Благодарю,— сказал Ян Арнольдович.

— Благодарю «да» или благодарю «нет»?

— Второе... Тем более — яйца.

— Запугали всех сальмонеллезом, а напрасно,— сказал я.— Уберечься от этой заразы элементарно. Три основных правила при изготовлении яични: брать только свежие яйца — раз, ни в коем случае не употреблять надтреснутые или битые — два, и обязательно мыть перед употреблением.

— Непременно передам жене,— улыбнулся Латынис.— Она без яиц не может. А я, дорогой Захар Петрович, просто обыкновенный вегетарианец.

— Тогда не смею настаивать. Может, чайку?

— Не откажусь...

За крепким ароматным напитком, в который я обя зательно добавляю лесные и полевые травы, присылае мые матушкой, и потекла наша беседа.

Латынис, как выяснилось, хорошо знал Чикурова, работал с ним, раскручивая нелегкие дела. Да и с Ольгой Арчиловной ему приходилось сотрудничать раньше. Перед отъездом из Москвы Ян Арнольдович встречался с Игорем Андреевичем...

— По-моему, Чикуров несколько пал духом,— сообщил подполковник.— Кажется, даже озлобился..

— А вот это напрасно. Конфуций говорил: «Страш но не то, что вас обманули или обокрали, страшно, если вы постоянно помните об этом».

— Золотые слова,— кивнул Латынис.

— Неплохо бы еще ему напомнить и Шопенгауэ ра. Он, в частности, призывал: «Если возможно, не

испытывайте ни к кому враждебности». Хотя сам был отнюдь не стопроцентным оптимистом.

— Но, видать, силен духом. Вот что важно. И раз уж мы заговорили об этом... Как вы считаете, Шмелев покончил с собой, не выдержав обстоятельств жизни, или это убийство?

— Ян Арнольдович, скажу честно, не хотелось бы навязывать вам свою точку зрения, но подумайте сами: стал бы человек, решивший покинуть этот мир, заботиться о завтрашнем дне?

— И сильно заботился?

— Еще как! Планы строил, а главное, активно осуществлял их. Создал кооперативное бюро по оказанию юридической помощи индивидуалам и кооператорам. А пробить такое дело — ого сколько силы и энергии нужно! Это шашлычникам и перекупщикам дают зеленый свет. Они ведь буквально на корню скупили чиновников. Я узнал — буквально в день смерти Шмелева были подписаны все бумаги. И вдруг — полезть в петлю... А шизофреником он не был.

— Да,— задумчиво произнес Латынис.— Не сообразуется.

— Второе — внучка. Только ею и дышал. Все мечтал понянчить правнуков. К приезду Светланы набил полный холодильник. Продукты самые лучшие, с рынка.

— И буквально за несколько часов до ее приезда повесился. Где логика?— покачал головой подполковник.

— Вот именно, так не бывает.

— Ну а почему Николай Павлович так внезапно ушел на пенсию?— спросил Ян Арнольдович.— Возраст?

— Скорее всего, считал, что его крепко обидели. Вел дело, причем неплохо. А тут ему фактически выразили вотум недоверия, прислали Чикурова. При Игоре Андреевиче следствие развалилось буквально на глазах. Одни свидетели погибли, другие поменяли показания на сто восемьдесят градусов...

— Я в курсе,— кивнул Латынис.— Вот вы произнесли «развалилось»... Уместнее, по-моему, сказать — «развалили». Более того, самого Чикурова хотели отправить на тот свет.

— Вы о странной аварии возле «Воздушного замка»?— уточнил я.

— И о том, как за Игорем Андреевичем охотились

под водой,— добавил Латынис.— Ребенку и тому стало бы ясно, что действовали не отдельные уголовники, а отлично организованная группа. Причем с могучей поддержкой в Москве.

— Нашли кому объяснять,— усмехнулся я.

— Да, конечно, уж кто-кто, а вы-то испытали это на своей шкуре,— вздохнул оперуполномоченный.— Теперь нас с Ольгой Арчиловной волнует вопрос: если Шмелева убили, а мы почти в этом не сомневаемся, то кому и зачем это понадобилось?

— А кому и почему мешал Чикуров?— вопросом на вопрос ответил я.

— Но ведь дело прекращено. Более того, Шмелев самоустранился еще до прекращения. Для Киреева и компании уже никакой угрозы не представлял.

— Дыма без огня не бывает,— согласился я.— Видимо, причины убрать Шмелева были.

— Кстати, что его убрали намеренно, подтверждает история с Диком. Верный пес разорвал бы в клочья любого, кто покусился на жизнь любимого хозяина Поэтому, думаю, его и упрятали куда-то.

— Каким образом это можно было сделать?— пожал я плечами.— Зверюга!

— С людьми справляются, а уж с животными...— махнул рукой Ян Арнольдович.— Пшикнули усыпляющим газом — и все дела. Вы же знаете: у мафии есть то, чего даже нет у нас, милиции,— печально констатировал подполковник.— Прискорбно, но факт...

Мы просидели с Латынисом часа два кряду. Уходя, он поделился последней новостью:

— Киреева-то назначили первым заместителем начальника горуправления.

— Не удивлюсь, если этак через годик сделают начальником.

— Ну, это мы еще посмотрим,— хмыкнул Латынис и с улыбкой посоветовал:— А пока можете его поздравить.

— Завтра же пойду с цветами,— в тон ответил я.

— С визитом придется повременить: Киреев так натрудился, что взял очередной отпуск...

Громада океанского лайнера «Михаил Пришвин» возвышалась у причала, сверкая огнями иллюминаторов, словно он был расцвечен по случаю праздника Праздничность обстановки усиливали портовые про-

жектора, освещая могучий корпус морского исполина.

По трапам, как муравьи, поднимались пассажиры, посылая приветы тем, кто их провожал. Подполковник Киреев в своей бежевой паре последний раз махнул жене, стоявшей на пирсе. Она что-то прокричала ему, но ее слова потонули в шуме других голосов.

Зося не знала, что в это же самое время по другому трапу взошла на круизный теплоход Капитолина Алексеевна Савельева.

Через полчаса после отплытия Донат Максимович и Капочка сидели в ресторане для пассажиров первого класса. По-русски говорили, пожалуй, только они. Вокруг звучала английская, немецкая, французская, испанская и бог весть еще какая речь. Вавилон, да и только. Бар, меню, шоу, вплотную приближающееся к стриптизу,— все было на заграничный манер. А вернее — для иностранной публики и предназначено.

Устроители круиза добывали валюту — повальное занятие в стране.

— Как я рад, что и ты оказалась на этом лайнере!— ломал комедию Киреев.

— Представь себе, совершенно случайно,— подыгрывала ему Савельева.

— И уж совсем чудо, что наши каюты рядом,— продолжал «удивляться» новоиспеченный замначальника городского УВД.

Подошел стюард.

— Что будем пить? Крепкое?— поинтересовался он, зная вкусы соотечественников.

— Пару бутылок коньяка и...— начал было Киреев, но Капочка оборвала:

— Не срами державу.— Она кивнула на соседний столик, где за бутылкой сухого вина коротали время четверо иностранцев, и улыбнулась стюарду:— Шампанского одну, ну, и фрукты. На ваш выбор.

— Сделаем,— вежливо поклонился тот.

Савельева поманила его к себе и негромко произнесла:

— Когда выйдем отсюда, коньяк и закуску, что получше, в сто вторую каюту.

— С нашим удовольствием,— понимающе закивал стюард и отошел.

Зазвучало неумирающее танго, и Капочка пригласила своего партнера на танец.

— Как тебе удалось отделаться от благоверной?— спросила она, положив подбородок на плечо Киреева.

— Это была еще та эпопея!— закатил глаза Донат Максимович.— Говорят, не было бы счастья, да несчастье помогло... Дочь положили в больницу.

— Что такое?— на этот раз без всякого притворства встревожилась Савельева.

— Нервишки... Вернее, что-то с психикой. Врачи говорят, у девочек это бывает в переходном возрасте.

— Ты не волнуйся, пройдет,— успокоила Капочка.

— Надеюсь,— кивнул Киреев.— И давай не думать о том, что мы оставили на берегу.

— Давай.

Они полностью отдались томному танго.

— А зачем к тебе вчера заглядывал Пьетро?— как бы невзначай поинтересовался галантный кавалер.

— Разве?— не открывая глаз, проговорила Капа.

— Милая, у меня разведка не хуже, чем Интеллидженс сервис...

— Дон, это дела босса. А Сова не любит, когда в них суют нос...

— Ладно, не буду,— неохотно отстал Киреев.

Танго кончилось, они пошли пить шампанское. А через минут двадцать покинули ресторан. Вслед за ними отправился стюард, доставив заказ: марочный коньяк, черную и красную икру, заливную осетрину, нежнейший салат из крабов.

Оставшись наедине, Киреев и Савельева даже не притронулись к еде и напиткам, отложив пиршество на потом.

Капочка медленно, предвкушая удовольствие, стала снимать с Киреева пиджак, галстук, рубашку и все остальное.

А когда совсем голый Киреев разлегся в мягкой, белоснежной постели, Капитолину совсем прорвало. В мгновение ока разоблачившись, Савельева бросилась на размягченного от любовной одури кавалера. Все произошло скорее, чем ожидали оба. И уже потом Капочка ласкала своего любовника, жадно целуя каждую часть его тела.

— Как хорошо,— млел Киреев.— Я тебя не променяю ни на какую молодуху.

— Телки они и есть телки,— посмеялась Капочка, демонстрируя свое умение в телесных утехах, в которых была искусна и неистощима

А к утру они напились до бесчувствия.

От гостиницы до областной прокуратуры было всего три квартала, так что не приходилось пользоваться услугами городского транспорта.

В то утро Дагурова, как обычно, спешила на свое рабочее место, погруженная в мысли. Прохожих было мало. Ольга Арчиловна почему-то обратила внимание на молодую маму, шедшую впереди и толкающую перед собой широкую детскую коляску. Дагурова подумала: повезло, сразу родила двойню. Ольга Арчиловна обогнала ее, глянула на двух младенцев, дружно сосавших пустышки...

И вдруг что-то просвистело возле головы Дагуровой, с треском разорвавшись на брусчатке тротуара между ней и коляской.

Ольга Арчиловна даже не успела испугаться. А когда увидела ком земли, обвитый корнями, с обломанным пышным кустом гортензии и распавшийся на осколки и черепки цветочный горшок, инстинктивно бросилась к коляске.

С малышами было все в порядке.

Их мать, на мгновение оцепенев, очнулась и, грозя кому-то вверх кулаком, разразилась бранью.

— Ну, гады! Я вам покажу!

— Скорее идемте!— ухватилась за коляску Ольга Арчиловна и силком потащила женщину вместе с детьми подальше от злополучного места.

— Пьянь! Алкоголики!— продолжала кричать молодая женщина, оглядываясь на пустые балконы многоэтажного дома.

Ни из одного окна даже не выглянули.

— Детишки не испугались?— спросила Дагурова, когда они отошли на порядочное расстояние. О себе она почему-то не думала.

— Слава богу,— придирчиво оглядела своих чад мамаша.— А если бы в коляску?!— Она содрогнулась от страшного предположения.— Убила бы своими руками!— И снова погрозила неведомо кому.

— Впредь держитесь подальше от домов,— посоветовала ей следователь.

— Скоро вообще нельзя будет ходить по улицам из-за алкашей,— возмущенно откликнулась мамаша.

Почему вину за происшествие она валила на любителей выпить, Ольга Арчиловна так и не поняла.

Ведь горшок мог уронить нечаянно и трезвый человек, ребенок...

Войдя в прокуратуру, следователь направилась к лифтам. Их было два. Дагурова нажала кнопку одного из них — он не работал. Хотела было вызвать другой, но проходящий мимо пожилой человек, хромой и с палкой, в форме младшего советника юстиции, заметил:

— Этим пользоваться нельзя.

— Почему?— не поняла следователь.— Тоже не в порядке?

— Для хозяина,— пояснил мужчина и застучал палкой по лестнице.

Дагурова удивилась, но тут услышала сзади:

— Привет москвичам!

В вестибюле появился Гурков.

— Здравствуйте, Алексей Алексеевич,— ответила следователь.

Прокурор области нажал кнопку «своего» лифта, дверцы раздвинулись.

— Милости прошу, Ольга Арчиловна,— гостеприимно предложил Гурков.

«Для столичных, выходит, делается исключение»,— усмехнулась про себя следователь, а вслух сказала:

— Спасибо, предпочитаю пешком.

— Тренируете сердце? Ну-ну,— улыбнулся облпрокурор и вознесся вверх на персональном подъемнике.

Ему нужно было на второй этаж.

Дагурова поднялась на четвертый. Возле кабинета уже поджидал Латынис. Когда они вошли в комнату, Ольга Арчиловна рассказала про лифт. Оперуполномоченный покачал головой:

— Неужели еще сохранились такие «динозавры» из застойных времен?

— Сколько угодно, Ян Арнольдович.

Ольга Арчиловна поведала ему и о происшествии с цветочным горшком, постаравшись вложить в свой рассказ как можно больше юмора.

— Где это произошло?— помрачнел Латынис.

— За углом,— пояснила Дагурова.— Девятиэтажка, на первом этаже булочная...

— Вот вы шутите,— укоризненно произнес подполковник,— а тут дело серьезное.

— Вы так считаете?— растерялась следователь.

— Уверен,— твердо сказал оперуполномоченный.— Это первое предупреждение. Если не попытка...

Ольга Арчиловна вспомнила аварию, в которую попал Чикуров, охоту за ним под водой...

— Я настаиваю, чтобы вы перешли в мою гостиницу,— продолжал Латынис.

— Вы же сами говорили: совсем захудалая, ни комфорта, ни удобств.

— Черт с ним, с комфортом! Безопасность важнее. И еще. Вы звонили из номера своему начальству?

— Нет, а что?

— Понимаете, очень подозрительно, что вас поместили в тот же номер, где жил Игорь Андреевич. Теперь-то уж он уверен, что все сведения, сообщаемые им в Москву, становились известными здесь. Тем, кому знать их было категорически нельзя.

— Игорь Андреевич мне этого не говорил.

— Не знал, что судьба забросит вас в Южноморск. Да еще в самое пекло, в котором он сам сварился... Чикуров, между прочим, просил передать, чтобы вы пользовались только телефоном-автоматом, говоря с Москвой.

— Вы меня убедили,— сказала Дагурова.— Завтра же поменяю гостиницу.

— Не завтра, а сегодня,— настаивал Латынис.

— Хорошо, Ян Арнольдович. И насчет переговоров учту...

— Вчера вас разыскивал эксперт, нашел?

— Нет. А что, уже готово заключение?

— Не знаю. Очень странный человек. Я говорю ему, что вместе с вами из Москвы по одному делу, а он не доверяет. Лично, сказал, хочет встретиться с Дагуровой.

— Я заметила, многие здесь испуганные.

— Я тоже обратил внимание... Теперь о Хинчуке. Скажите, что вы о нем думаете?

— Тут не думать надо, а проверять. Не верю я его заключению. Вчера ознакомилась с делом Ларионова и обратила внимание, что заключение о смерти Скворцова, ну, того, директора магазина «Детский мир», что проходил по делу Киреева, тоже давал Хинчук.

— Что вас настораживает?

— Видите ли, Ян Арнольдович, Скворцов пожелал

исповедаться во всех своих грехах. И внезапно умер. Инфаркт...

— Хотите сказать — инфаркт ли?

— Вот именно. А для этого, как вы сами понимаете, нужно...

— ...произвести эксгумацию трупа,— закончил за следователя Латынис.

— Да.— Ольга Арчиловна вынула из сейфа бланки.— Постановление вынесу, так сказать, не отходя от кассы.

— А кому поручите повторную судебно-медицинскую экспертизу?

— Попрошу главного судмедэксперта Минздрава. Благо, он еще здесь.

— Не по телефону, а лично!— поднял палец Латынис.

Дагурова кивнула и сказала:

— На вас будет лежать организация этого мероприятия. И еще одно задание. Поинтересуйтесь окружением Хинчука, образом жизни.

— Уже поинтересовался,— спокойно ответил подполковник.

— Ну, Ян Арнольдович,— развела следователь руками,— нет слов.

— У Хинчука две страсти: фотографирование и яхта. Коллекционирует дорогие фотокамеры. Очень любит снимать поляроидом. Щелкнет смазливую девицу — и тут же ей портретик на память.

— Но ведь хорошая камера, особенно японская,— это большие деньги!

— А яхта из красного дерева, сделанная в Португалии,— вообще целое состояние.

— У него яхта?— удивилась следователь.— Не с зарплаты же кандидата наук!

— Откуда — стараюсь выяснить. Хинчук ухитряется содержать на своей «Элегии» целую команду. Капитан — из бичей, некто Семен Кочетков.

— Что за личность?

— Неудачник. Был неплохим моряком, ходил в загранку. А дальше — довольно распространенная история. Узнал, что жена изменяет, когда он в плавании, ну и запил. Раз жена шлюха, значит, решил он, дети не его. И ни копейки в дом. Она подала на алименты. Кочетков ударился в бега. Приютил его Хинчук. Капитан живет на яхте.

— Без прописки, естественно?

— Естественно.

— И милиция не шевелится?

— Только попробовала, Хинчук цыкнул на нее. Да так, что отбил охоту совать нос на яхту.

— Кочетков, Кочетков,— задумчиво проговорила следователь.— По-моему, это зацепочка.

— Вот и хочу за нее ухватиться.

В дверь постучали.

— Да, войдите!— откликнулась Дагурова.

В кабинете появился нескладный человек с портфелем, который он бережно прижимал к себе.

— Здравствуйте, товарищ Галушкин,— поздоровалась Ольга Арчиловна.— Легок на помине. Только что о вас говорили.

— Добрый день,— застыл у порога эксперт.

— Неужто готово заключение?— порадовалась следователь.

— Еще вчера,— ответил Галушкин, несмело двигаясь к столу и открывая на ходу портфель. При этом он весьма недоверчиво смотрел на Латыниса.

Тот поднялся.

— Ну, я пошел, Ольга Арчиловна,— сказал подполковник.— Подышу морским воздухом. На берегу...

— Хорошо,— поняла Дагурова оперуполномоченного: отправляется в яхт-клуб.— Потом поделитесь впечатлениями.

Латынис вышел, а следователь обратилась к эксперту:

— Ну, Геннадий Мефодиевич, с чем пожаловали?

— Кое-что интересное сообщу.— Эксперт как-то робко, бочком, пристроился на стуле и разложил перед Ольгой Арчиловной свои бумаги.— Итак, первое. Предсмертная записка —«Никто не виноват устал»— отпечатана на машинке Шмелева.

— Лист находился в каретке,— чуть заметно усмехнулась Дагурова.

— Но ведь могли отстукать на другой и вставить в шмелевскую машинку,— пожал плечами эксперт

— Извините,— несколько смутилась следователь.— Продолжайте, пожалуйста.

— Однако печатал записку не покойный.

— Не Шмелев?— заволновалась следователь.

— Да, кто-то другой. И вот почему. Печатали двумя пальцами, и сила удара совсем другая, чем у

покойного. Вот для сравнения текст, выполненный самим Шмелевым. Я взял из одного уголовного дела, которое он вел. Покойный же печатал как заправская машинистка, всеми десятью пальцами. Понятно?— показал сравнительные диаграммы Галушкин.

— Понятно.

— Второе. На тех клавишах, по которым стучал неизвестный, и на табуляторе имеются отпечатки пальцев. Они принадлежат не Шмелеву.

«Вот это действительно фактик!»— ликовала Дагурова.

— Хорошо,— кивнула она,— дальше.

— Помимо отпечатков я обнаружил на бумаге с текстом предсмертной записки потожировые выделения, тоже не принадлежавшие покойному... Вот, собственно, и все.

— Ничего себе — все! Наиважнейшие сведения! Вы же сами это отлично понимаете.

— Понимаю,— скромно потупился эксперт.— Но...

— Спасибо вам,— не сдерживала эмоций Ольга Арчиловна.— Огромное! И за сроки — тоже. А они в нашем деле...

— Но...— опять негромко произнес Галушкин, почему-то настороженно оглядываясь.— У меня еще... Вернее, я хотел сказать...— Он замолчал в нерешительности.

— Выкладывайте, выкладывайте,— подбодрила его Дагурова.

— Мне вчера позвонили и предложили деньги.— Эксперт стал говорить так тихо, что следователь едва разбирала слова.

— Деньги?— переспросила она.— За что?

— Чтобы я написал в заключении о невозможности определить рисунок оставленных отпечатков пальцев.

— Как это?

— Ну, якобы папиллярные линии смазаны,— пояснил Галушкин.— И знаете, сколько обещали за это? Пятьдесят тысяч! Представляете!

«Искушение серьезное»,— подумала следователь.

— И вы?..

— Ольга Арчиловна!— глазами обиженного ребенка посмотрел на нее эксперт.— Как вы могли подумать?! Чтобы я свою честь и совесть...

— Что вы, что вы, Геннадий Мефодиевич,— стала успокаивать его Дагурова.— И в мыслях не было!

— Категорически отказался,— продолжал Галушкин.— Мол, как вы смеете, и прочее. Бросил трубку Тут же опять звонок. Теперь уже предложили сто тысяч. Да хоть бы миллион, ни за что бы не продался... Вот, побежал скорее к вам, чтобы вручить заключение. А то, чего доброго, как Николая Павловича...

— Не догадываетесь, кто вам предлагал взятку?

— Голос вроде знакомый,— начал эксперт и осекся

— Ну? Ну?— подстегнула Галушкина следователь

— Нет, нет, нет!— замахал руками эксперт.— Это только предположение. Телефон искажает... И потом, может, пошутили... Словом...

Галушкин смешался и замолчал. Ольга Арчиловна так и не смогла вырвать у него признание, пусть предположительное... Хотя была почти уверена, что эксперт знал предлагавшего взятку.

Слишком велик был страх разделить судьбу Шмелева. И не только, видимо, его.

Яхт-клуб размещался на окраине Южноморска Причал находился в небольшой бухте, защищенной от бурь и штормов естественной косой. К берегу приткнулись многочисленные катера, яхты, моторные лодки, парусники. Каких только не было названий Причем, как отметил Латынис, чем меньше суденышко, тем пышнее имя, присвоенное хозяевами.

«Элегию» подполковник приметил издалека. Впрочем, неудивительно. Яхта Хинчука выделялась своими размерами и изяществом линий. Ян Арнольдович потолкался на деревянном причале среди зевак, поболтал с владельцами, любовно драившими свои суда или делавшими ремонт, поспрашивал, можно ли приобрести какое-нибудь подходящее плавсредство. Через час-другой он уже примелькался и только тогда подошел к великолепной яхте судмедэксперта. Она чуть покачивалась на легкой зыби, надежно пришвартованная к причалу. На корме «Элегии» сидел Кочетков и смолил сигарету. На нем была тельняшка, фуражка с крабом

— Здорово, матросик!— крикнул Латынис.

Кочетков не шевельнулся. Ян Арнольдович повторил приветствие. Беглый муж и отец сплюнул сигарету в воду и презрительно произнес, дотронувшись до кокарды:

— Не сечешь ты в званиях, мужик.

— Здравия желаем, товарищ каперанг!— весело поздоровался подполковник.

— Вольно,— осклабился Кочетков.— Что зенки вытаращил, нравится?

— Хороша посудина!— восхищенно произнес Ян Арнольдович.— Такую я и присматриваю.

— Чего-чего?— с изумлением оглядел его бич.

— Продай, говорю. На кой она тебе, такая огромная?

— А тебе на кой?— парировал Кочетков.

— По правде — мне и даром не нужна. Я сухопутный. К тому же, в Москве живу.

— Кому торгуешь?— втягивался в разговор Кочетков, заинтригованный, у кого это хватает нахальства прицениваться к «Элегии».

— Одному академику. Назову фамилию — свалишься за борт.

— Видали мы академиков,— усмехнулся бывший моряк.— У всех у них кишка тонка для этой ласточки. Лучше ты купи ему вон то корыто,— показал он на облезлый катерок, качающийся рядом с красавицей-яхтой.

— Кэп, я серьезно...

— Нет, ты совсем того,— покрутил пальцем у виска Кочетков.— На солнце перегрелся.

— Академик башлевитый. Подумай, хозяин.

— Хозяин на даче, «изабеллу» попивает...

— А ты кто будешь?

— Сам же угадал — капитан.

— Хотел бы посмотреть на владельца. Небось кооператор?

— Дались тебе кооператоры,— поморщился бич.— Врач. Да не простой, кандидат наук.

— Не смеши меня!— хлопнул себя по коленям Латынис.— Так я тебе и поверил, чтобы у кандидата была такая шикарная яхта.

— Послушай, приятель,— подозрительно глянул на подполковника Кочетков,— ты, случаем, не из конторы?..

— А что, не видно?— с вызовом произнес Ян Арнольдович и подмигнул:— Вылитый конторщик...— И уже серьезно добавил:— Послушай, как бы свести моего академика с твоим хозяином? Может, адресок дашь, телефончик?

— Дохлый номер,— отмахнулся Кочетков.— Не продаст.

— Да как только он узнает, кому...

— Ты, чудик,— приосанился бич,— на нашей ласточке такие знаменитости бывают — тебе и не снилось.

— Заливай!

— Хочешь убедиться?— взыграло самолюбие у Кочеткова.

— А мне до лампочки...

— Нет, ты полезай сюда,— настаивал бич.— Тут оставили автографы такие люди!..

Второго приглашения Ян Арнольдович дожидаться не стал. Когда он оказался на борту «Элегии», Кочетков повел его вниз, в салон-бар. Ступив на пушистый ковер, Латынис присвистнул:

— Внутри еще шикарнее, чем снаружи!

Притворяться ему и играть не понадобилось — видел подобную роскошь впервые.

— Да ты сюда смотри,— показал Кочетков на обитую светлой кожей стенку салона.— Вот автограф вице-президента Академии художеств, а вот приложил свою руку министр, тут — космонавт... Артистов, писателей полно... Сашу Белова знаешь? Прошлым летом отдыхал. Концерт такой закатил, получше, чем в театре.

— Это тот Белов, который «Джульетта»?— назвал самую популярную песню певца Латынис.

— А какой же еще. Вот его загогулины,— ткнул в замысловатую роспись Кочетков.

— Одни автографы стоят миллион, не меньше,— польстил добровольному гиду Ян Арнольдович.

— Факт!— откликнулся тот.— Так что подбери своему академику что-нибудь попроще.

— Может, присоветуешь?

— Один хмырь тут продает яхту. Ништяк...

Они поднялись на палубу. Кочетков показал судно, от которого хотел избавиться владелец. Латынис поблагодарил за справку и решил доиграть роль до конца,— чтобы не вызвать подозрений, он отправился торговаться. Хозяин продаваемой яхты охотно показал Яну Арнольдовичу судно, даже продемонстрировал на ходу. Сделка, естественно, не состоялась. Латынис покинул яхт-клуб глубоким вечером.

До остановки автобуса следовало пройти небольшим сквериком. Аллеи были пусты. Единственная

мысль — поскорее добраться до гостиницы, пока не закрыли буфет. Подполковник был голоден как волк. Перекусил лишь утром, да еще весь день провел на свежем морском воздухе. Латынис поравнялся с ларьком. Он помнил, что там продавали лимонад и пирожки. Но ларек уже был закрыт. Ян Арнольдович сглотнул слюну и прибавил шагу.

И тут вдруг со стороны ларька раздались выстрелы. Один, другой... Оперуполномоченный отреагировал мгновенно: одним прыжком спрятался за ближайшее дерево и выхватил из кармана пистолет.

Из-за фанерного сооружения выскочили два человека и бросились к шоссе.

— Стой! Стрелять буду!— крикнул Латынис, устремляясь за ними.

Но беглецы припустили еще сильнее.

«Уйдут!»— мелькнуло в голове подполковника.

Первый выстрел он сделал на бегу. В воздух. Однако это не возымело никакого действия. Впереди открылось шоссе. Там автомобили, автобусы — пиши пропало, смоются. Ян Арнольдович на мгновение задержался, прицелился в ноги того, кто был ниже ростом. Раздался выстрел, и бежавший упал. Второй же успел вскочить в стоявшие у обочины «Жигули». Машина тут же рванула с места.

Только теперь Латынис почувствовал, что левый рукав рубашки намок от теплой липкой жидкости.

Ян Арнольдович, можно сказать, отделался легко: была повреждена лишь мягкая ткань плеча. А вот стрелявшему в подполковника повезло меньше: пуля, выпущенная из пистолета Латыниса, задела кость голени. Задержанного доставили в больницу, сделали операцию и поместили в отдельную палату под надежной охраной. Им оказался Евгений Мухортов, двадцати шести лет, нигде не работающий. Латынис и Дагурова решили допросить его не откладывая — случай был особый, так как напарник Мухортова исчез. Врач дал добро. Но тут случилось непредвиденное. Задержанный, оказывается, находился в состоянии наркотического опьянения, действие его кончилось, и у Мухортова началась абстиненция. «Ломка» скрутила задержанного так, что потребовалась помощь врачей.

— Когда будет можно его допросить?— спросила Ольга Арчиловна у главного нарколога города, поднятого с постели.

— Не знаю,— ответил тот.— Очень запущенный больной. На руках живого места нет, все вены исколоты. Тяжело нам будет вывести из абстиненции. По всему видно, сел на иглу давно и прочно...

Следователю и оперуполномоченному оставалось одно: набраться терпения. По настоянию Латыниса Мухортова перевели в Бузанчи, курортный городок километрах в пятидесяти от Южноморска. От греха подальше.

Буквально на следующий день Дагуровой позвонил Вербиков и сообщил: вопрос с командировкой в Италию решен. Ей нужно срочно вылетать в Москву.

По приезде в столицу Ольга Арчиловна сразу же зашла к Вербикову. Ее интересовало, кто обеспечит ей в Италии гостиницу и переводчика.

— Как прилетите в Рим,— объяснил Олег Львович,— свяжитесь с нашим посольством. А там действуйте по обстоятельствам. Насчет переводчика — персонально для вас посылать человека было бы роскошью. И потом, основное общение у вас будет с нашей соотечественницей.

— Но ведь мне надо будет встречаться и с другими людьми. В аэропорту, гостинице... А я по-итальянски ни бум-бум.

— Какой учили в школе, институте?

— Английский.

— Так это, считайте, международный язык. Сможете объяснить самое необходимое?

— Боюсь, что нет. Совершенно выветрился.

— А имели небось четверки и пятерки?— улыбнулся начальник следственной части.

— Ходила в лучших.

— Я вижу, вас учили иностранному, как и нас,— вздохнул Вербиков.— Ладно, вам приходилось выкручиваться и не из таких положений. Прежде всего советую вам сейчас же связаться с Гринберг. Чтобы не получилось так — вы в Палермо, а она в это время где-нибудь у родственников в Израиле или Америке Телефон есть?

— Да, взяла у сестры. Позвоню.

— Ну и отлично. Действуйте.

Документы оформили довольно быстро, заграничный паспорт сделали тоже в предельно короткий срок. Получив его, Ольга Арчиловна позвонила Наде

Чикуровой — та уж поездила по разным странам и могла просветить.

— Оленька, милая,— с грустью заметила та,— я уже и забыла про свои зарубежные вояжи. И потом, ездила в другие, застойные времена. Понятия не имею, какая сейчас конъюнктура.

— В каком смысле?

— Ну, что прихватить с собой, чтобы продать...

— Продать?— опешила следователь.

— А что в этом особенного?— спокойно продолжала Чикурова.— Академики — и те не гнушаются...

— То академики, а то работник прокуратуры.

— Вы с моим Игорем — два сапога пара. Но ведь захочется купить себе какую-нибудь тряпку или подарок Лаурочке. Много дали валюты?

— Шестнадцать тысяч лир.

— Странная сумма.

— Ну, это как бы суточные. Точнее, тридцать процентов от суточных. Гостиницу и питание обеспечит посольство. Командировка всего на два дня.

— Не густо. Впрочем, моя подруга привезла из Рима телефонный аппарат-трубку. Изящная штука. Вместо диска — кнопки. Отдала десять тысяч лир, а тут толкнула на Рижском рынке за сто пятьдесят рэ.

«Значит, у меня валюты где-то на двести тридцать—двести пятьдесят рублей,— быстро произвела в голове нехитрые подсчеты Ольга Арчиловна.— Очень даже недурно на два дня...»

Но коммерческая сторона поездки ее не очень интересовала. От Чикуровой нужны были практические советы, с какими неожиданностями можно столкнуться в чужой стране. По поводу этого Надя ничего полезного сообщить не могла: ездила только с делегацией и была на всем готовом.

— Единственная вещь, которая всегда в ходу за границей, это черная икра,— гнула свое Чикурова.— Но только в баночках... Билет уже на руках?

— Еще нет. Думаю, это не проблема.

— Ну, может, потому что летишь в командировку от столь могучей организации?— хмыкнула Надежда.

Ее последнее замечание Ольга Арчиловна вспомнила, когда столкнулась с этим вопросом непосредственно. С билетами было не просто трудно — дело обстояло кошмарно. Чтобы вылететь во Францию, ФРГ, Канаду и другие капстраны, люди ждали месяцами.

Хуже всего приходилось тем, кто хотел отбыть в Соединенные Штаты. Срок ожидания мог растянуться на год, а то и более. На ниве страшнейшего дефицита буйным цветом расцвело взяточничество. Сравнительно быстро достать билеты можно было лишь с большой переплатой. И снова рекорд принадлежал рейсу в США...

— Неужели и тут барыги?— негодовал муж Дагуровой Виталий.— Ты же говорила, что имеется специальная транспортная прокуратура, милиция! Уж на международных авиалиниях могли бы навести порядок!

Что сказать ему? Что этот подпольный бизнес наверняка хорошо организован и бороться с ним так же трудно, как с любой организованной преступностью? Недаром Верховный Совет СССР объявил ей настоящую войну...

Но Виталий и сам читает газеты, смотрит телевизор.

Короче, без вмешательства руководства Прокуратуры республики обойтись не удалось. Но возникла еще одна закавыка. Дело в том, что полет Дагуровой до Рима и обратно оплачивался советскими рублями, так как выполнялся самолетами Аэрофлота. А вот за билет от Рима до Палермо и из Палермо в Рим Министерство гражданской авиации хотело получить валютой.

Требование это объяснялось тем, что в столицу Сицилии летают самолеты местной авиакомпании.

Вербиков схватился за голову: откуда у их ведомства лиры или американские доллары? Ведь они не какое-нибудь там совместное предприятие, которое может заработать себе твердую валюту.

Командировка Ольги Арчиловны оказалась под угрозой. Начались звонки на разных уровнях. Аэрофлот не сдавался. Мол, перешли на хозрасчет, на учете каждый рубль, не говоря уже о долларах. Начальник следственной части Прокуратуры республики тоже проявил твердость. После нескончаемых переговоров и многочисленных бумаг за подписью руководящих товарищей проблема наконец была решена. Дагурова, уже жалевшая, что ввязалась в эту историю, и отчаявшаяся вылететь в командировку, получила вожделенный билет в день вылета. Рейс был дополнительный. Чем была вызвана эта необходимость, сказать трудно. Может быть, в страну бельканто и спагетти отправлялась важная делегация.

Когда в московском международном аэропорту Шереметьево-2 началось оформление билетов, Дагурова обратила внимание на группу молодых ребят спортивного типа. Сосед по очереди сказал, что это футболисты, летят на матч с итальянцами.

Не из-за них ли, подумала Дагурова, расщедрился Аэрофлот?

Но больше всего оформлялось иностранных туристов, возвращающихся из Советского Союза. А иностранцы, как известно, платят твердой валютой. Той самой, проклятой, за которой охотятся все министерства, государственные и кооперативные предприятия. Наверняка дополнительный Ил-62 изыскали для них.

Взлетели в ночь. Внизу быстро растворились московские огни. Замученная, издерганная за последние дни, Дагурова заснула. Очнулась в полете лишь один раз, когда разносили еду. Курицу, какие-то закуски и чай. Она отказалась: кто ест среди ночи? Да и перед отъездом Виталий устроил такие пышные проводы, словно жена улетала по крайней мере на год.

Дагурова проспала три с небольшим часа, пролетев над половиной Европы, и проснулась окончательно, когда совершили посадку в римском международном аэропорту имени Леонардо да Винчи, что было отмечено аплодисментами его соотечественников. Радовались благополучному возвращению с небес...

Первый незнакомый ритуал, с которым Ольга Арчиловна столкнулась на итальянской земле.

Местная таможня действовала так, словно ее не существовало. Чемоданы не проверяли. У Ольги Арчиловны он был маленький, скромный, она взяла его в руку и понесла. У большинства иностранцев саки были вместительные, как шкафы, яркие, с нашлепками известрых отелей. Но никто не надрывался, таская их, везли на легких удобных тележках. Попутчики Дагуровой как-то быстро рассосались, и она осталась одна в огромном помещении аэропорта. Поражала чистота, несуетность и тишина. Даже машины по уборке мусора, которыми управляли служащие в спецовках, и те двигались бесшумно. Несмотря на поздний час, работали магазинчики, продающие сувениры, газеты и всякую всячину, сияли бары.

Ольга Арчиловна остановилась посреди зала, раздумывая, что делать. Прежде всего ее волновал вопрос, где можно узнать, когда будет ближайший самолет до

Палермо и в каком окошке закомпостировать билет. Указатели на английском и итальянском языках были одинаково ей недоступны. Дагурова обратилась к даме средних лет и попыталась объясниться с ней жестами — расправила руки наподобие крыльев и приговаривала: «Палермо, Палермо...» Иностранка некоторое время смотрела на нее непонимающе, потом, улыбнувшись, закивала: «А, Палермо!»

Она подвела Ольгу Арчиловну к какой-то стойке, раскрыла буклет, ткнула пальцем в карту острова Сицилия с городом Палермо и стала что-то лопотать по-французски.

— Спасибо, спасибо,— грустно кивала Дагурова.— Но я не понимаю.

Француженка и сама почувствовала тщетность своих усилий.

— Простите, вы из России?— услышала рядом с собой Ольга Арчиловна.

Возле них остановился высокий худощавый мужчина лет пятидесяти.

— Да-да!— обрадовалась следователь чистому русскому языку.— Мне вас просто сам бог послал. Понимаете, первый раз за границей...

— И я...

— А откуда сами?

— Из Харькова.

— Вот и хорошо,— заулыбалась Дагурова.— Вместе все-таки легче.

— Вместе?..— повторил соотечественник, как-то странно глянув на нее.— Тоже в Штаты?

— Нет,— ответила Дагурова, смутно догадываясь, кто перед ней.— А вы, выходит, в Америку... И надолго?

— Навсегда.

Точно — это был эмигрант.

До чего же сильны в нас заскорузлые стереотипы. Первый импульс Дагуровой был отойти прочь. Однако разум тут же запротестовал. Ну, решил человек поселиться в другой стране. Что в этом плохого?

— Какие у вас проблемы?— заметив замешательство Ольги Арчиловны, ушел от обсуждения этой темы мужчина.

Она пояснила, что в Риме транзитом и хотела бы зарегистрировать билет на ближайший рейс в Палермо...

— Постойте тут,— сказал будущий американец и удалился.

Вернулся он очень скоро и подробнейшим образом проинформировал бывшую соотечественницу: она может улететь на Сицилию в одиннадцать по-местному, а для этого нужно в такой-то час подойти к такой-то стойке...

— К сожалению,— закончил он,— не могу вам больше уделить времени — у меня скоро самолет на Нью-Йорк. Счастливого пути!

— До свидания,— только и ответила Дагурова.

Она долго смотрела ему вслед. В душе остались неловкость и стыд. Человек проявил исключительное внимание, а у нее даже не нашлось нескольких теплых слов, чтобы поговорить, расспросить о семье, о том, что он оставил на Родине. Ведь Дагурова оказалась последней, кто напомнил о ней перед дорогой в неизвестность...

Тут Ольга Арчиловна по-настоящему ощутила, что она за границей одна-одинешенька. Вынула записную книжку и нашла телефон советского посольства. Однако подумала: стоит ли беспокоить его сотрудников среди ночи? Речь идет о каких-то четырех-пяти часах. И потом, пока за ней пришлют машину, пока устроят на ночлег, тут же снова отправляться в аэропорт. И решила: овчинка выделки не стоит. Как-нибудь перекантуется.

В здании аэровокзала находиться не хотелось. Быть в Риме и не подышать его воздухом, не взглянуть на вечный город!..

Она вышла на привокзальную площадь. Стояла теплынь. Черная южная ночь была подсвечена мириадами электрических огней. Они выплеснулись далеко-далеко. Вокруг было несметное количество автомобилей. Удивляло, как они умещались на стоянке и шоссе.

Дагурова решила немного прогуляться. Неподалеку шла какая-то стройка. Справа возвышалось нечто наподобие подвесной дороги. Из разговора двух иностранцев (тоже, видимо, транзитников), говорящих по-английски, Ольга Арчиловна разобрала слово «метро». Затем она увидела памятник. Знакомый профиль, величественный лоб...

«Господи!— вдруг поняла Дагурова.— Так это же и есть Леонардо да Винчи!..»

Великий творец безмолвно взирал на создание рук

человеческих, грустя, наверное, о том, что слишком много вокруг бетона, стекла, асфальта и железа. А может, наоборот, гордился — он сам был из тех, кто предрекал и двигал прогресс.

Дагурова не заметила, как отошла от аэровокзала метров на триста. Вдоль дороги возвышались пальмы. Вдруг она испугалась. Ведь не где-нибудь, а в Италии. После нескончаемых сериалов «Спрута» и других фильмов про мафию Дагуровой померещилось, что за пышными кустами таятся лихие молодчики с автоматами. Ольга Арчиловна поспешно повернула назад.

В тихом просторном зале она снова почувствовала себя в безопасности. Наваливалась усталость, в глаза словно сыпанули песка — так захотелось спать. Внимание привлекла длинная лавка у стены, сиденье и спинка которой были выполнены из толстой проволоки, покрытой белым пластиком. Лавка была малоудобна для сна. Мешали подлокотники, как у сидений в наших кинотеатрах. Но другого ничего не было. Не думая, прилично это или нет, Ольга Арчиловна присела и тут же заснула, на всякий случай приготовив деньги: вдруг запросят плату.

Но платы никто никакой не потребовал. Как и в туалете, где поутру Дагурова приводила себя в порядок. В туалете была идеальная чистота, полотенце исключительной свежести. Ольга Арчиловна вспомнила о своей стране, где вовсю плодились платные кооперативные туалеты. А тут, поди ж ты, у жадных капиталистов, у которых, как ей и всем нам вдалбливали всю жизнь, даже прыщ не вскочит бесплатно, и лиры не взяли.

Мысленно благодаря ночного доброхота (небось все еще летит в столицу Соединенных Штатов), Ольга Арчиловна без сучка и задоринки устроилась на самолет в Палермо. Полета, как говорится, и не почувствовала. Взлетели, а минут через сорок пять приземлились. Успела только выпить бутылочку кока-колы. Пробовала напиток впервые. Ничего особенного; по ее убеждению, воды Лагидзе на улице Руставели в Тбилиси куда вкуснее. Когда колеса лайнера коснулись взлетно-посадочной полосы, снова, как и в Риме, пассажиры разразились аплодисментами. Теперь хлопала и Ольга Арчиловна.

При выходе из самолета ожидал довольно мрач-

ный сюрприз — люди в форме, с автоматами наперевес. Видимо, карабинеры. Под их внимательным взглядом пассажиры проследовали в здание аэропорта.

Эти меры предосторожности — по случаю какого-нибудь чрезвычайного происшествия, или так здесь всегда? Ей некому было задать этот вопрос. Нельзя забывать, что Палермо — родина мафии...

Почему-то мысли о ней не покидали ее все время полета на Сицилию. Вспомнилось читанное: явление это возникло в X—XI веках, но слово «мафия» появилось лишь в 1862 году, когда была поставлена пьеса «Мафийцы Викарии». Викария — это название тюрьмы в Палермо...

В самом аэровокзале карабинеров не было, лишь прогуливались несколько полицейских. После римского шика и размаха воздушные ворота Палермо выглядели просто убого. Обшарпанные стены, облупленная краска. Памятуя суровую встречу на поле, Ольга Арчиловна ожидала строгостей при выдаче багажа. Однако ничуть не бывало. Каждый брал свой багаж и никто не проверял, твой он или чужой. Не то что у нас: сверят бирки, да еще глянут на тебя, как на подозрительную личность.

Дагурова закомпостировала билет на завтра и вышла из здания аэропорта. Все мрачные мысли вылетели из головы. Вокруг бездна цветов, пальмы, видна безбрежная гладь ослепительно голубого моря.

Как она ни любила родное Черное, но такой голубизны оно не бывало нигде и никогда на всем побережье. Тут в воздухе буквально витал дух курорта. И море было главным, а не земля. Наверное, это ощущение приходило от сознания того, что находишься на острове.

Опять, как в Риме,— масса автомобилей, общественного транспорта не видать. Однако великое множество желтых машин с надписью «такси» на крыше.

«Это будет удобнее всего,— посмотрев на такси, подумала Дагурова,— доставят прямо по адресу. И безопасно».

Следуя совету Вербикова, она позвонила из Москвы Фаине Моисеевне Фальконе — такая теперь у нее была фамилия по мужу. Та непременно хотела встретить Дагурову в аэропорту Палермо, но Ольга Арчиловна вылетела в Рим дополнительным рейсом, не указанным в расписании...

Не успела она поднять руку, как тут же подкатило такси, и улыбчивый шофер раскрыл дверцу, произнеся фразу по-итальянски, из которой Дагурова поняла только одно слово —«синьора».

— Палермо,— сказала Ольга Арчиловна, устраиваясь на сиденье и протягивая водителю бумажку с адресом (по-итальянски, разумеется): улица Макуэда, дом 21, квартира 17.

Таксист понимающе кивнул, и они тронулись. Море лежало слева, справа возвышалась гора. И хотя на разделительной полосе шоссе росли цветы, растительность вокруг была довольно убогой, напоминающей крымскую степь. Однако по мере приближения к Палермо вид местности преображался. Теперь она походила на родину отца Дагуровой — Кавказское побережье. Появились особняки в два-три этажа, утопающие в садах. Шофер пытался заговорить со своей пассажиркой на разных языках, но она каждый раз отрицательно качала головой.

— Русская я,— наконец-то решила выручить водителя Дагурова.— Рашен. Москва...

— О-о, Москва!— обрадовался тот.— Горбачев, перестройка...

И тут же вытащил откуда-то итальянскую газету с портретом советского лидера. Потом достал другую, где была напечатана фотография следователя по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР, а теперь еще и народного депутата Гдляна, сделав несколько темпераментных замечаний.

«Смотри-ка,— подумала Ольга Арчиловна,— даже здесь, в глухой итальянской провинции, люди в курсе того, что творится у нас...»

Гдляна Дагурова лично не знала, но имела много общих знакомых. В их среде его расценивали по-разному. Находились такие, кто завидовал популярности Гдляна, сожалея, что сами имели возможность прогреметь на всю страну, однако не воспользовались случаем. Ведь помимо «узбекского» расследовались другие подобные дела, которые могли стать не менее громкими, но...

— Монделло,— вдруг произнес таксист. И поехал дальше.

Что это означало, Ольга Арчиловна не поняла.

Наконец въехали в большой город. Палермо был многолик: рядом с многоэтажными домами соседство-

вали виллы. Улочки были узкие и очень узкие, много старинных зданий. Чувствовалось, что это все-таки провинция. В глазах рябило от обилия рекламы, магазинчиков, кафе, лавочек. Улицы были запружены автомобилями, в основном — малолитражками. Их проворно обгоняли мотоциклы и мотороллеры, которыми часто управляли девушки. Но среди моторизованного транспорта нет-нет да встречались обыкновенные повозки и красочно украшенные фаэтоны. Последние явно были предназначены для туристов.

На одной из площадей внимание Дагуровой привлек величественный памятник — их в Палермо было несметное множество.

— Гарибальди!— торжественно пояснил шофер.

И Ольга Арчиловна поняла, что к этому национальному герою Италии здесь относятся весьма почтительно.

Такси еще некоторое время колесило по городу и вдруг стало. На доме виднелся номер — 21. Значит, приехали. Водитель выключил счетчик. Сколько на нем выскочило, Дагурова с заднего сиденья не видела. Еще она знала, что полагаются чаевые, а вот их размер...

Она протянула водителю на ладони все свои лиры: бумажки достоинством в десять, пять и одну тысячу. Чтобы он взял полагающуюся ему сумму. Но таксист почему-то сгреб все купюры и стал что-то говорить, показывая на счетчик.

«Господи,— похолодело в душе Ольги Арчиловны,— неужто мало?!»

Шофер все больше распалялся, жесты его становились темпераментнее и резче. Он нетерпеливо постучал по наручным часам, мол, теряет время. Его сердитый тон начал привлекать прохожих. В машину заглянула высокая смуглая девушка. Разгневанный шофер что-то объяснил ей по-итальянски, тыча то в деньги Дагуровой, то в счетчик. Девушка переводила пассажирке по-английски. Ольга Арчиловна хоть с трудом, но поняла: действительно, ее лир не хватало для оплаты.

— Мало?— произнесла Дагурова упавшим голосом.

— Малё, малё,— закивала девушка.

«Ну вот, влипла,— подумала Ольга Арчиловна.— Сейчас появится полицейский, потащит в участок... Потом репортеры, фотография в газете в разделе скандальной хроники...»

Она была готова провалиться сквозь землю, проклиная тот миг, когда села в такси.

Недаром говорят: не зная броду, не суйся в воду...

Дагурова поспешно сняла наручные электронные часы и протянула водителю.

— Но, но!— замахал он руками.

И тут ей в голову пришла спасительная мысль. Ольга Арчиловна достала из чемоданчика баночку черной икры. Икру заставил взять Виталий, она была из заказа, который муж получил на работе накануне ее отъезда...

Таксист долго рассматривал деликатес, разбирая надпись по-английски. Постепенно его лицо смягчилось и наконец расплылось в улыбке.

— Грациа,— произнес он, спрятал икру и возвратил пассажирке купюру в тысячу лир: сдача...

Все еще красная от стыда, Ольга Арчиловна выбралась из машины.

— Аривидерчи!— махнул на прощание водитель, и такси влилось в уличный поток.

Дагурова немного постояла на улице, приходя в себя, и только после этого вошла в дом. Семнадцатая квартира находилась на третьем этаже. Ольга Арчиловна нажала на кнопку звонка. За дверью прозвучала мелодичная трель. Но никто не открыл. Дагурова снова позвонила. Тот же результат.

«Может, Фаина Моисеевна на работе?— подумала она.— Или ушла в магазин? Что-то мне не везет пока в Палермо...»

Она стояла пять минут, десять, не зная, что делать. В душу заползли сомнения: вдруг адрес неверный?

В это время поднялся лифт и остановился как раз на третьем этаже. Из него вышли две девочки. Одна лет десяти, другая постарше. За плечами у обеих висели школьные ранцы. Дети позвонили в соседнюю дверь.

— Фальконе?— обратилась к ним Дагурова, указывая на семнадцатую квартиру.

— Си, синьора,— кивнула старшая.— Фальконе...

Девочкам открыли. Они исчезли за дверью. Но тут же она снова распахнулась, и на лестничную площадку вышел полный мужчина в женском переднике.

— Синьора руссо?— улыбаясь во весь рот, произнес он.— Москва?

— Руссо, руссо,— обрадованно подтвердила Ольга Арчиловна.— Москва.— И на всякий случай добавила:— Я Дагурова, приехала к Фальконе.

Сосед Фаины Моисеевны заговорил по-итальянски, сопровождая свою речь жестами, смысл которых был понятен и без перевода: ее приглашали в квартиру. Она доверилась улыбчивому толстяку, в искреннее радушие которого нельзя было не поверить.

Апартаменты Карло (так звали мужчину) были весьма внушительны. Судя по дверям, выходящим в коридор,— комнат пять или шесть. Ольге Арчиловне предложили воспользоваться ванной, где все сверкало никелем и кафелем. Затем пригласили к столу. Отказываться было неудобно. Девочки наперебой потчевали гостью из далекой России салатами, овощами, рыбой и кофе, а их отец Карло названивал кому-то по телефону. Дагурова разобрала лишь имена. Паола, Фаина, Аза, Франческо...

В квартире вскоре появилась симпатичная молодая женщина в яркой блузке и... рейтузах. Хозяин представил ее — Паола. Новая знакомая повела Ольгу Арчиловну на улицу, где стояла приземистая машина вишневого цвета. На капоте сверкали хромированные буквы —«кадетт». Чемоданчик Дагуровой определили на заднее сиденье, а сама она устроилась рядом с водителем. Паола лихо взяла с места. Снова замелькали магазины, памятники, рекламные щиты. Особенно навязчиво предлагали кока-колу. Куда везла ее Паола, Ольга Арчиловна не знала. На что она обратила внимание — многие девушки, да и женщины в летах, носят такие же рейтузы, как и Паола.

«Жди эту моду в Советском Союзе,— подумала Дагурова.— Теперь она добирается до нас из Европы скорее, чем прежде».

Несколько раз встретилось слово «Монделло», которое Ольга Арчиловна услышала от таксиста. Оно было на вывесках и плакатах.

Их вишневый лимузин выскочил на загородное шоссе. Миновали парк, где помимо других экзотических растений высились причудливые кактусы. Наконец машина свернула к воротам виллы, окруженной высоким забором. Видим, Паола хорошо была знакома с хозяевами. Когда они вошли в сад с апельсиновыми деревьями, им навстречу бросился с лаем эрдельтерьер. Спутница Дагуровой прикрикнула на него, и пес умолк,

виляя обрубком хвоста. А от двухэтажного коттеджа к ним уже спешила хозяйка.

— Ольга Арчиловна, дорогая, здравствуйте!— радостно проговорила Фаина Моисеевна.— Ваш приезд для меня — праздник!

— Здравствуйте,— ответила Дагурова, смущенная такой встречей.

Паола вернулась к воротам, чтобы загнать машину во двор, а синьора Фальконе повела гостью в особняк.

— Ради бога, простите, что не встретила вас дома, в Палермо. Вы же сказали, что прилетите завтра...

— Я прилетела дополнительным рейсом,— объяснила Ольга Арчиловна.

— Ну ладно, вы здесь, а это самое главное! Правда, у меня прекрасные соседи? Я имею в виду Карло и Паолу... А почему я здесь — у нас сегодня радостное событие, и мы решили отметить его на вилле в кругу друзей. Заодно отпразднуем и ваш приезд. Поверьте, я и муж счастливы принять у себя мою дорогую соотечественницу.

— Спасибо на добром слове, но я здесь по делу,— попыталась держаться в официальных рамках Дагурова.

— Одно другому не помеха.

Они вошли в просторную комнату на первом этаже. Хозяйка усадила гостью в кресло, села сама.

— До сих пор не могу поверить — у нас дома советский человек! Фантастика! Я так мечтаю, чтобы приехала Сонечка... Как ее здоровье?

— Я ее не видела, звонила по телефону. Судя по голосу — бодрая.

— Ах, не говорите мне,— вздохнула Фаина Моисеевна.— Я же знаю: сестра так больна, так больна... Отправила ей самое новое лекарство, говорят, творит чудеса. Дай бог, чтоб помогло... А что Захар Петрович Измайлов? Опять стал прокурором?

— Нет, по-прежнему работает на такси.

— А я думала, вы занялись моим делом по его поручению... Но все равно, передайте ему мой сердечный привет.

— Непременно,— пообещала Ольга Арчиловна.

На нее обрушился град вопросов. От наличия товаров в магазинах до положения в Прибалтике и Закавказье. Дагурова, как могла, утолила ностальги-

ческие страсти бывшей соотечественницы и решила приступить к делу, ради которого совершила столь далекий путь.

— Фаина Моисеевна, я должна провести с вами опознание...

— Знаю, вы говорили это по телефону из Москвы.

— Для этого нужны двое понятых.

— Одна уже есть,— показала Фаина Моисеевна в окно на Паолу, которая забавлялась с эрдельтерьером.— А второй...— Она на минуту задумалась.— Позову кого-нибудь из соседей.— Хозяйка поднялась.

— Но это еще не все. Нужен переводчик.

— А я на что?— улыбнулась синьора Фальконе.— Не скажу, что говорю по-итальянски как Данте, но меня уже принимают за свою...

— Увы, Фаина Моисеевна, вы переводить не имеете права.

— Почему?— удивилась та.

— Потому что вы потерпевшая сторона. Совмещать нельзя.

— Господи, к чему такие формальности?

— Ничего не поделаешь, закон есть закон... Чтобы не было ни малейшего повода ставить под сомнение результаты опознания. Как говорят киношники, второго дубля не будет... Вы бы знали, с каким трудом я выцарапала эту поездку...

— Что же делать?— растерянно посмотрела на следователя Фаина Моисеевна. Та тоже была в большом затруднении.

— Может, у вас есть здесь знакомые, кто знает русский язык?— спросила она.

— Да вот думаю...

— Или эмигранты из Союза?

— Таких в Монделло не встречала.— Хозяйка взяла толстую телефонную книгу.— А если позвонить в туристические фирмы?

— Нет-нет,— поспешно сказала Дагурова.— Переводчику нужно будет платить, а эта статья расходов не предусмотрена.

— О!— вдруг просияла Фаина Моисеевна.— Что мы голову ломаем? Здесь же делегация Советских писателей. Вчера их показывали по телевизору. Переводчик был свой. Правда, говорил по-итальянски с большим акцентом.

— А что, это мысль!— ухватилась за идею следователь.— Но как их найти?

Синьора Фальконе засела за телефон, и минут через пять они уже знали, что писатели из Советского Союза живут в отеле «Палас Монделло», здесь же, в городке Монделло...

Фаина Моисеевна вывела из гаража свой малолитражный «фиат» и повезла Дагурову в отель.

— Я уже в который раз встречаюсь сегодня с названием Монделло,— сказала Ольга Арчиловна, когда они ехали по загородному шоссе.

— Это теперь курортный городок,— пояснила Фаина Моисеевна, сделав жест рукой.— Между прочим, когда-то было болото. А сейчас, как видите, райский уголок. Место знаменито еще тем, что тут на горе стоит старинный замок. Прямо над пропастью. Проклятые эсэсовцы во время войны устроили в замке свой штаб. Теперь там школа, где готовят работников для гостиниц... А ваши писатели, видимо, не бедные...

— Почему вы так решили?

—«Палас Монделло»— самый лучший и дорогой отель в этом городе. Пять звездочек! А вот и он.

Синьора Фальконе припарковала свой «фиат» у гостиницы, заперла машину, и они направились в вестибюль.

— Насколько я поняла из интервью с писателями,— сказала Фаина Моисеевна,— они приехали на торжество по случаю вручения международной премии. Опять же — Монделло...

Между синьорой Фальконе и портье состоялся недолгий разговор.

— Часть русских поехали в Палермо,— передала она его содержание Ольге Арчиловне.— Кто-то на пляже. А часть разбежались по магазинам.

— Узнаю соотечественников,— улыбнулась Дагурова.— А делегации из других стран?

— Поехали в университет на встречу со студентами... Ну что, подождем?

Ольга Арчиловна развела руками: выхода не было. Вдруг портье окликнул Фаину Моисеевну и что-то проговорил по-итальянски, указывая на мужчину, который входил в холл из внутреннего двора, похожего на парк, где из-за экзотических деревьев виднелся просторный плавательный бассейн.

— Грациа,— поблагодарила Фаина Моисеевна портье и негромко сказала спутнице:— Русский переводчик.

Дагурова глянула на него и смешалась: это был... Рэм Николаевич Мелковский. Загорелый, в цветастых шортах, пляжных сандалиях, с целлофановой сумкой в руке и полотенцем через плечо.

Ситуация складывалась весьма щекотливая. Уж кто-кто, а Мелковский меньше всего годился для участия в опознании. Его отношение к делу Киреева было совершенно определенным, и свою не последнюю роль он уже сыграл. Но посвящать в закулисные тайны Фаину Моисеевну было нельзя.

Как выйти из положения, не смутив сеньору Фальконе и не выдав ничего подпевале Киреева со компанией?

— Здравствуйте, Рэм Николаевич,— шагнула навстречу ему Ольга Арчиловна.

— Приветствую,— машинально, с дежурной улыбкой на устах ответил тот, всматриваясь в незнакомую женщину.— Извините, не припоминаю...

— И не старайтесь,— тоже официально улыбаясь, сказала Дагурова.— Мы не имели чести быть знакомыми. Разрешите представиться? Следователь по особо важным делам при Прокуроре РСФСР Ольга Арчиловна Дагурова.

Прогреми с ясного голубого сицилийского неба гром, Мелковский, вероятно, поразился бы меньше, чем словам Ольги Арчиловны.

— Очень приятно,— с трудом выдавил он из себя. У Рэма Николаевича на лбу выступили капли пота, явно не от местной жары. Он протянул следователю руку. Она была влажная.

«От испуга или от купания?»— подумала Дагурова.

— Простите,— продолжал журналист,— вы и есть та самая Ольга Арчиловна, что ведет дело в Южноморске, начатое Чикуровым?

— Совершенно верно.

— Но, собственно, почему вы здесь?

— Служба, Рэм Николаевич, служба. Сами знаете, куда может она забросить следователя...

— Да-да,— еще больше стушевался он, вытирая полотенцем побледневшее лицо.

— Так вы еще, оказывается, и переводчик?

— От случая к случаю,— ответил Мелковский. Он был растерян и, видимо, напряженно пытался разгадать, что нужно служителю закона.— Я ведь заканчивал институт международных отношений. Изучал английский и итальянский. Спасибо Союзу писателей, не забывают... Изредка посылают с делегациями. Ну и заодно родная газета дает задание как своему спецкору — привезти очередной очерк...

— Трудно, наверное, совмещать?

— Здесь, в Палермо, нет. Зная, сколько у меня сил уходит на сбор материала, основной груз старается взять на себя Нина Леонтьевна. Она из аппарата Союза писателей.

— Профессиональный переводчик?— заинтересовалась Дагурова.

— И очень неплохой,— кивнул корреспондент.— Знаете, Ольга Арчиловна, мы, журналисты, избалованы неожиданными, я бы даже сказал, невероятными встречами. Но увидеть на Сицилии следователя Дагурову!.. С вашего разрешения, отражу это в своем очерке. Вы даже не представляете, как он заиграет!

— Полноте, Рэм Николаевич. Уверяю вас, этот факт вовсе не заслуживает быть отраженным в вашей корреспонденции. Да и не имею права отнимать драгоценное время журналиста. Однако об одной услуге все же попрошу...

— Господи, всегда рад!

— Помогите мне разыскать Нину Леонтьевну.

— И разыскивать не надо — только что видел ее в баре. Позвать?

— Сделайте одолжение.

Мелковский бросился выполнять просьбу с явным облегчением. Фаина Моисеевна, со стороны наблюдавшая их разговор, видимо, приняла его за вполне светскую беседу. Что и требовалось Ольге Арчиловне. Главное, удалось избежать услуг Мелковского. Так что были убиты два зайца...

— Прошу любить и жаловать,— очень скоро вернулся Рэм Николаевич с переводчицей.— Нина Леонтьевна. А это — Ольга Арчиловна.

Женщины обменялись рукопожатием. Переводчица оказалась очень приятной внешности, совсем еще молодой, с милым русским лицом. Она разительно отличалась от смуглых и черноволосых итальянцев. Свет-

лые, с платиновым отливом, волосы, голубые глаза. Даже загар не пристал к ней.

Мелковский теперь держался гоголем и тоном мэтра сказал:

— Послужите, Ниночка, советской юстиции.

— А что, собственно, нужно делать?

— Переводить,— сказала Дагурова.— Уверяю вас, это не займет много времени. Располагаете?

— Ну, если меня подменит Рэм Николаевич...

Слово «подменит» журналисту, очевидно, не понравилось, но он успокоил Нину Леонтьевну:

— Пока наши подопечные не обойдут все магазины, мы вольные птицы. Главное, чтобы вы были в отеле как штык к началу официального торжества.

Он расшаркался перед следователем и удалился. Ольга Арчиловна познакомила переводчицу с Фаиной Моисеевной, и они двинулись к ее «фиату». Следователь рассказала, для чего везут переводчицу на виллу Фальконе.

— Одна просьба: ни о самом опознании, ни о его результатах никому не рассказывайте.

«Особенно Мелковскому»,— хотела бы добавить Дагурова.

— Конечно, конечно,— как о чем-то само собой разумеющемся проговорила переводчица.— И прошу, называйте меня просто Нина.

— Ну, если вы настаиваете,— улыбнулась Ольга Арчиловна.— Пожалуйста.

Она сразу почувствовала симпатию и уважение со стороны этой очаровательной женщины. Нине явно льстило, что она будет принимать непосредственное участие в работе следователя. И не простого, а по особо важным делам.

Когда они выехали на шоссе, Фаина Моисеевна спросила:

— Откуда вы знаете итальянский?

— Окончила иняз, потом два года работала при нашем торгпредстве в Риме.

Синьора Фальконе перекинулась с ней несколькими фразами по-итальянски.

— Совершенно нет акцента!— восхитилась Фаина Моисеевна.— Отличное произношение. Муж будет рад поболтать с вами. И вообще, у нас прямо-таки русский день сегодня... Между прочим, Ольга Арчиловна, когда Франческо узнал о вашем приезде, схва-

тился за словарь. Все пытался вспоминать русские фразы и просил эти дни говорить с ним только по-русски.

— Вы его приобщили?— поинтересовалась Дагурова.

— Зачем? Первые слова в жизни Франческо произнес на нашем языке. «Мама», «дай», «ням-ням»...

— Как?— вырвалось у Ольги Арчиловны.

— А так. У него четверть русской крови.

— И с какой стороны?— спросила Дагурова, заинтересованная сообщением синьоры Фальконе.

— Родословная у Франческо — романы писать. Читали бы не хуже, чем «Графа Монте-Кристо». Один покойный дед чего стоит! Может, слышали про Дона Вито? В свое время самый высший свет, даже епископы и депутаты, считали за честь быть его друзьями.

— По книгам я знаю только одного Дона Вито,— сказала Дагурова.—«Крестного отца». Главаря итальянской и американской мафии. Такой же знаменитый, как Аль Капоне, Лучиано, Анастазиа... Надеюсь, это не тот?

— Не надейтесь,— засмеялась Фаина Моисеевна.— Тот самый!

— Да?— растерянно проговорила Ольга Арчиловна, не зная, как реагировать на эти слова.

— Я вам говорю! Между прочим, дед Франческо был очень даже неглупый человек. Хотя и вырос в деревне. А начинал он мелким анархистом. Когда Дон Вито приехал в Италию знаменитым и богатым, перед ним открылись все двери. Еще бы — он возглавлял знаменитую «Черную руку»! Но этот фашист Муссолини дал задание сфабриковать против него дело. Состоялся суд. Дон Вито очень остроумно сказал во время процесса. «Вы,— говорит,— не можете доказать мои многочисленные реальные преступления и вынуждены вынести приговор за то единственное, которого я не совершал...»

— Я читала об этом,— подтвердила слова синьоры Фальконе Нина.

— Правда, отец Франческо, его звали Луиджи, ничем не прогремел. Но биография — тоже будь здоров! Перед самой второй мировой войной его забрали в армию. Дослужился до небольшого чина, капрала, кажется. Воевал на Восточном фронте, в России.

— Был убежденный фашист?— спросила Нина.

— Да что вы! В их семье дуче ненавидели! Но

ведь людей гнали на бойню, не спрашивая про убеждения... А вообще, он с немцами конфликтовал. Те особенно были злы, когда драпали из России. И вот как-то часть, в которой служил Луиджи, вошла в одно село Офицер — вот этот действительно был отпетый фашист!— приказал Луиджи расстрелять совсем молодую девушку. Совсем девчонку.

— Что, партизанку?

— Нет. Ее звали Аза.

— Цыганка?— уточнила Нина.

— Вот именно. Фашисты уничтожали цыган, как и евреев, поголовно... Азу с начала войны укрывала русская семья, выдавала за свою. Но нашелся мерзавец, заложил ее... Значит, вывел Луиджи девушку за околицу, а у самого комок в горле. Бедняжка босая, в рваном платьице. А дело было ранней весной, снег еще не сошел. Сунул он ей в руки лопату, жестом показал: копай, мол, могилу. Девушка ткнула в землю несколько раз, ничего не получается — не оттаяла еще Тогда Луиджи с большим трудом сам вырыл яму вершка на два. Несчастная стоит, смотрит, даже не просит пощады. Только слезы текут по лицу. Отбросил он лопату, и тут она плюнула ему в лицо. Вот, мол, тебе, гад! Не боюсь смерти!

Фаина Моисеевна на некоторое время замолчала в который раз, видимо, переживая тот момент.

— Короче,— продолжила она,— у Луиджи прямо душу перевернуло. То ли из-за ее слез, то ли из-за протеста. Он снял шинель, потом френч. Шинель снова надел на себя, а френч накинул на плечи девушки Иди, говорит и показывает на лес, что был буквально метрах в пятидесяти... Той бы побежать, а она стоит как вкопанная. Луиджи опять ей — беги! Девушка ни с места. Потом рассказывала, что боялась: повернется, а ей пулю в спину... Тогда Луиджи как бабахнет в небо Тут только она сообразила и припустила от него Через кочки, проталины. Он проводил ее взглядом и начал закапывать могилу. А когда разравнивал холмик, глядь, девчонка тут как тут. Одной рукой придерживает френч у ворота, а другую протягивает своему спасителю. И в ней что бы вы думали? Несколько подснежников. Не успел он даже удивиться, девушка сунула ему цветы, чмокнула в щеку и опять драпанула к лесу. Только он ее и видел! Между прочим, букетик тот Луиджи спрятал в Библию, которую про-

нес через всю войну... Приедем на виллу, покажу Библию и цветы. Засушенные, естественно, в рамочке, Франческо хранит их как самую драгоценную реликвию...

— Смелый же ваш свекр,— заметила Ольга Арчиловна.

— Вряд ли он тогда думал об этом. Ведь узнай командир про его проступок — не сидели бы мы сейчас в этой машине. Потому что не было бы на свете Франческо. На войне разговор короткий — к стенке и никаких.

— Ну, и что дальше?— нетерпеливо спросила Дагурова, увлеченная рассказом.

— Продолжение истории последовало осенью... Фашисты все отступали, часть Луиджи оторвалась от советских войск и попала в страшную бомбежку. Сам он был ранен и в довершение всего контужен. Его посчитали убитым или просто спасали свою шкуру. Одним словом, сколько он провалялся без памяти, не знает. Очнулся оттого, что кто-то вливал ему воду в рот. На минуту пришел в себя и опять потерял сознание. Сквозь забытье ему слышался женский голос. Его куда-то тащили по земле на его же шинели. Окончательно пришел в себя Луиджи ночью, у костра. Рядом действительно были какая-то женщина и мужчина. В немецкой форме. Сразу отлегло от сердца — не в плену. Ему дали травяной отвар. Глянул он на женщину и глазам своим не верит: это та девчонка, которую он отпустил в лес! Подумал еще: откуда она, почему вместе с немцем? А девушка улыбается, гладит его по щеке. Вот так произошла их вторая встреча. Оказалось — на всю жизнь.

— Но откуда взялась Аза и тот немец?— спросила Дагурова.

— А дело было так,— рассказывала дальше синьора Фальконе.— После того, как Аза чудом осталась жива, она добралась до ближайшей деревни. Добрые люди оставили ее у себя. И вдруг Аза узнает, что в соседнем селе будто бы прячется цыган. По описаниям — ее брат. Вот она и отправилась туда и натолкнулась на Луиджи Лежит на земле, весь в крови, стонет. Хоть и враг, но сердце у девушки дрогнуло. Вспомнила, как с ней обошелся итальянец. Наклонилась к раненому — господи, да это же ее спаситель! Ну и потащила его в лес. Где-то вдалеке грохочет канонада.

Фашисты уже ушли, а советские еще не пришли... Под вечер появился немец. Неизвестно, кто кого больше испугался,— Аза его или он ее. Оказалось, что он отстал от своей части. И вообще, был не от мира сего. Пожилой, в очках. Выяснилось — профессор. Мобилизовали буквально месяц назад, когда Гитлер с отчаяния посылал против нашей армии стариков и совсем мальчишек. Он довольно сносно изъяснялся по-русски, а итальянский знал, как свой родной. Стали они обсуждать, куда податься. К русским — наверняка зашлют в Сибирь. Если сразу не расстреляют. Да и выдержит ли плен раненый? К немцам — Азу могут посадить в концлагерь. А она ни за что не хотела бросать Луиджи. Обязана была ему жизнью. Короче, как с тем добрым молодцем на перепутье: направо пойдешь — голову сложишь, налево — костей не соберешь... Положеньице, а?

— Между огнем и полымем,— откликнулась Ольга Арчиловна.

— Решили пробираться на запад. Ну а Аза вроде бы прибалтка, из фольксдойч.

— Цыганку выдали за прибалтку?— удивилась Дагурова.

— Вы увидите ее фотографию. Совершенно не похожа на цыганку. Она ведь метиска.

— А язык?

— Притворилась глухонемой. Одним словом, добрались до немцев. Луиджи отослали в тыл, в госпиталь. Через людей Дона Вито он сумел сделать так, чтобы Аза поехала с ним в Италию. На фронт он больше не вернулся. После ранения получил белый билет. О том, что между ними возникло чувство, говорить, сами понимаете, излишне. Об их любви в Палермо до сих пор ходят легенды. Как вы думаете, если бы они так не любили друг друга, народили бы пятерых детей?

— Сильно любили,— улыбнулась Ольга Арчиловна.

— Франческо был последним ребенком.— Синьора Фальконе погрустнела.— Возможно, народили бы еще, но Луиджи скончался от ран, полученных еще на войне. Аза пережила его всего четыре месяца. Франческо было три с половиной года.

— А кто был отец у Азы?— спросила Дагурова

— Я же сказала: русский. Пришел в табор, стал настоящим цыганом.

— Романтическая любовь?

— Любовь была. Потом. Ну а насчет табора: не пойди он к цыганам, отправили бы на Соловки, а то и подальше. Как всех его родственников и друзей...

— За что?

— За происхождение. Потомственный дворянин. Закончил два университета. Санкт-петербургский и Сорбонну. В таборе он стал своим, надежно укрылся от НКВД... Расстреляли его немцы. Уже как цыгана...

Фаина Моисеевна свернула с шоссе к знакомым Дагуровой воротам. Синьора Фальконе попросила Паолу сходить на соседнюю виллу и пригласить когонибудь в качестве понятого, а сама повела Ольгу Арчиловну и Нину в кабинет мужа. На письменном столе лежала Библия, что была с Луиджи на войне. На стене висели две большие фотографии отца и матери Франческо. А между ними — те самые подснежники, которые подарила Аза своему спасителю. В позолоченной рамке.

— Действительно, не скажешь, что цыганка,— сказала Ольга Арчиловна, рассматривая красивую молодую женщину с чуть вздернутым аккуратным носиком и светлыми глазами.

— А вот пела и танцевала, как истинная цыганка. Луиджи не хотел связываться с мафией и открыл небольшую тратторию. От посетителей не было отбоя. Приходили посмотреть и послушать Азу.

— Франческо не тянет на родину матери?— поинтересовалась Ольга Арчиловна.

— Спит и видит! Даст бог, осенью соберемся в Советский Союз. Сонечка забросала нас приглашениями.

В комнату вошла Паола, а с ней пожилой мужчина в рабочем комбинезоне. И было непонятно, кто он, рабочий или владелец виллы. Хозяйка представила его Дагуровой и переводчице. Соседа звали Антонио. Через Нину следователь разъяснила ему и Паоле их функции. Затем Ольга Арчиловна предъявила бывшей Гринберг пять фотографий мужчин, одетых в милицейскую форму.

— Вот этот,— без всяких колебаний показала Фаина Моисеевна на фото, где был заснят Ларионов.

— Вы в этом уверены?

— Еще бы!— взволнованно проговорила хозяйка.—

Я этого бандита узнаю среди тысячи людей! А что, он действительно работает в милиции?

— Работал. А сейчас в местах не столь отдаленных

— Уже?— удивилась синьорина Фальконе.— За то. что ограбил меня?

— За другое...

— Ему было мало моих драгоценностей...— вздохнула Фаина Моисеевна.

— Вам сейчас как раз и предстоит опознать одну из них,— сказала Дагурова.

Она разложила на столе несколько перстней, среди которых был и тот, что изъяли у внучки Шмелева

— Боже!— всплеснула руками хозяйка.— Не может быть!

На ее глаза навернулись слезы.

— Ну?— поторопила Фаину Моисеевну следователь.

— Я могу взять его в руки?— словно не веря в подобное счастье, спросила синьора Фальконе

— Конечно,— кивнула Дагурова.

Фаина Моисеевна благоговейно погладила черный камень, излучающий таинственный свет, потом надела перстень на безымянный палец.

— Вы даже не поверите: он мне иногда снился,— проговорила она с чувством, целуя перстень и прижимая руку с драгоценностью к груди.

Нина в это время объясняла по-итальянски Паоле и Антонио суть происходящего. Те слушали с восхищением и вниманием. Но наибольшее впечатление на них произвело то, что проделала с перстнем синьора Фальконе. Она нажала какую-то невидимую пружинку, и вдруг каст с алмазом повернулся внутрь шина, а на его месте появился огненный рубин.

— Тот самый секрет,— пояснила она по-русски Ольге Арчиловне,— о котором говорила Измайлову

— Да, тайну перстня мог знать только его владелец.

Следователь составила протоколы опознания Понятые и переводчица поставили свои подписи.

— Грациа,— поблагодарила их Ольга Арчиловна

Антонио и Паола вышли.

— Могу оставить у себя?— Фаина Моисеевна показала руку с перстнем

— К сожалению, пока он должен находиться у нас

Понимаете, еще идет следствие, потом будет суд, и когда вынесут приговор, тогда...

— Можете не объяснять,— грустно улыбнулась синьора Фальконе, снимая драгоценность и протягивая Дагуровой.— Все должно быть по закону.

Расставалась она с перстнем с сожалением. Слишком много воспоминаний было связано с ним. Радостных и печальных.

— Как говорится, кончил дело — гуляй смело,— с особым удовольствием употребила русскую пословицу синьора Фальконе.— Закатим пир на весь мир!

— Нет-нет,— запротестовала гостья.— Я очень польщена, но...

— И слышать ничего не хочу!— решительно заявила Фаина Моисеевна.— Посидите с нами за праздничным столом. И вы, Ниночка, тоже.

Дагурова не заметила, как в комнате появились двое мужчин. Один в джинсовом костюме, другой в полицейской форме.

— Вы арестованы,— положил руку на плечо Ольги Арчиловны тот, что был в штатском.— Криминальная полиция.

— За что?— опешила советский следователь.— По какому праву?— Она вспомнила инцидент с таксистом и осеклась: неужели за баночку икры?

— Во-первых, я использовать право хозяин,— не выдержав, рассмеялся мужчина.— Во-вторых, ви опоздал...

— Ты с ума сошел!— накинулась на него хозяйка.— Так шутить!..

— Здравствуйт, уважаемая синьора Ольга,— стараясь четко выговаривать русские слова, произнес синьор Фальконе.— Добро пожаловать в мой дом!

— Очень рада с вами познакомиться,— протянула ему руку Дагурова, с трудом приходя в себя.— Бон джорно.

— Полковник Джованни Росси,— представил ей полицейского хозяин.— Мой...— Он защелкал пальцами, подбирая русское слово.

— Друг,— подсказала жена.

Полковник галантно поздоровался с Ольгой Арчиловной и Ниной. После того как ее представили, итальянцы не удержались, чтобы не осыпать белокурую красавицу цветистыми комплиментами. Переводчица парировала по-итальянски. Сказала, видимо,

что-то юморное, Франческо и Джованни закатились смехом.

— Ну и шуточки у него,— все еще сердясь, показала Фаина Моисеевна на мужа.— Недавно звонит среди ночи. Я спрашиваю, откуда? Из преисподней, отвечает. Представляете, что я пережила? Оказывается, они только что взяли банду.

— Ваш муж тоже служит в полиции?— спросила Дагурова.

— А разве я не говорила?— удивилась своей забывчивости хозяйка.— Третьего дня ему присвоили звание капитана.

— Мы его сегодня искупаем,— сказал Франческо.

— Обмоем,— поправила жена.

— Я комиссар криминальной полиции,— ткнул пальцем себя в грудь синьор Фальконе.— Против наркотики.

— Служит в подразделении по борьбе с наркобизнесом,—«перевела» Фаина Моисеевна.

— Джованни,— продолжал хозяин, указывая на приятеля,— другая полиция. Автомобиль.— И он жестом продемонстрировал, что якобы регулирует уличное движение.

— Понимаю,— кивнула Дагурова.— Автоинспекция...

— Си, автоинспекция,— по слогам повторил Франческо.— Очень сердитый.

— Строгий,— снова поправила его Фаина Моисеевна.— Между собой они его называют «дядюшкой Джо». Так здесь, на Западе, кличут Сталина.

— У вас нельзя быть нестрогим,— заметила Ольга Арчиловна.— Сумасшедшее движение.

По глазам Франческо было видно, что он не понял. Нина тут же перевела. Оба итальянца закивали Дальше разговор пошел при помощи переводчицы

— Наша служба тоже не бездействует,— сказал синьор Фальконе.— Кстати, у вас привлекают к уголовной ответственности тех, кто употребляет наркотики?

— Нет,— ответила Дагурова.— А у вас?

— В настоящее время тоже нет. И знаете, наркомания все растет и растет. А вот раньше, когда наказывали, наркоманов было куда меньше. Ставится вопрос, чтобы снова ввести уголовную ответственность. Лично я —«за».— Франческо поднял обе руки.

— А откуда поставляют в Италию это зелье?— поинтересовалась Ольга Арчиловна.

— Из Турции, других восточных стран. В основном к нам везут сырье, а тут в подпольных лабораториях вырабатывают из него героин. А потом уже курьеры переправляют его в Америку, Канаду и Европу.

— Много удается перехватить?

— Много. Сажаем в тюрьму, но это не останавливает дельцов от наркобизнеса. Слишком велик соблазн — барыши огромные.

— Какие, например?

— Судите сами. Килограмм сырья стоит сто пятьдесят миллионов лир. А когда оно превращается в конечный продукт — героин, его продают в четыре раза дороже.

— Вот это бизнес!— вырвалось у Ольги Арчиловны.

— Грязный бизнес,— сурово покачал головой комиссар полиции.— Замешан на человеческом горе. И смерти. Прежде всего — губит молодежь.

— Мы тоже столкнулись с этой проблемой,— сказала Дагурова.

— И поэтому надо объединиться,— продолжал синьор Фальконе.— А то получается: преступники сговариваются, а наша и ваша полиции пока даже не имеют контактов. У нас есть данные, что итальянские дельцы наркомафии снюхались с вашими.

«Вполне возможно,— подумала Дагурова.— Сейчас выезд и въезд в Советский Союз облегчен. Так сказать, издержки демократизации...»

— Не понимаю, почему вы до сих пор не вступили в Интерпол,— пожал плечами синьор Фальконе.

Ольга Арчиловна развела руками и по привычке показала наверх — решают, мол, начальники. Франческо ее жест понял.

— Бюрократы?— усмехнулся он.

— Они везде одинаковы. Ну а насчет Интерпола: дело, кажется, уже сдвинулось с мертвой точки. О необходимости вступления в него говорят на самом высоком уровне. Кажется, были встречи...

— Это хорошо,— одобрительно отозвался синьор Фальконе.— Нельзя жить замкнутым обществом. Люди везде люди, преступления одинаковые и у нас, и у вас. Контрабанда, убийства, ограбления, изнасилования...

- Согласна с вами,— кивнула Ольга Арчиловна.— Целиком и полностью. Нам есть чему у вас поучиться

— У вас, я думаю, тоже,— совсем уже в духе дипломатического раута ответил хозяин.

— Товарищи, господа,— встряла в их разговор хозяйка,— соловья, как говорят в России, баснями не кормят... Прошу всех за стол,— показала она на дверь.

Действительно, по дому уже разносились аппетитнейшие запахи. Дагурова вспомнила, что когда они проходили мимо кухни, там хлопотала у плиты какая-то женщина.

— Спасибо за приглашение, уважаемая Фаина Моисеевна, но не могу,— сказала следователь.

— Вы мне этого не говорили, я этого не слышала,— отмахнулась та.

— Нет, правда. Нахожусь при исполнении служебных обязанностей.

— Но они закончились. Теперь — отдых.

Мужчины напряженно вслушивались, стараясь вникнуть в смысл спора. Им на помощь пришла Нина.

— Вы нас смертельно обидите,— сказал хозяин, услышав перевод.

— Но поймите меня, синьор Франческо,— взмолилась Ольга Арчиловна,— как коллега... Есть же писаные и неписаные правила. Или у вас, в Италии, иначе?

— Но ведь это исключительный случай,— пытался оправдать свою настойчивость комиссар полиции.

Дагурова незаметно пожала руку Нине, мол, выручай. Та серьезно и убедительно заговорила по-итальянски.

— Я понимаю, что вам, Ниночка, нужно быть в гостинице,— перебила ее Фаина Моисеевна.— Но при чем здесь Ольга Арчиловна?

— И у меня дел по горло,— сказала следователь.— Надо позвонить в посольство, устроиться в гостинице.

— Очень жаль,— огорчилась Фаина Моисеевна.— А я хотела свозить вас в тот замок на горе, где был штаб эсэсовцев, показать собор, который находиться в Монреале... А сколько здесь еще достопримечательностей! Действующий вулкан, парк фаворитки, картинная галерея, театр Гарибальди, памятник жертвам мафии...

— На это не хватило бы и недели,— улыбнулась Дагурова.— Ладно, может быть, выпадет случай еще раз побывать в Палермо...

Хозяева пытались одарить Ольгу Арчиловну и Нину подарками на память. Наборы косметики, коробки с шоколадом, игрушки. Например, забавная собачонка, которая прыгала, тявкала и махала хвостиком. К огорчению синьора и синьоры Фальконе, гости от сувениров отказались. Однако, чтобы окончательно не обидеть хозяев, Нина согласилась взять брелок для ключей с изображением папы римского.

Отвез советских женщин до «Паласа Монделло» Джованни Росси.

— Приезжайте еще,— сказал он, расставаясь.— Но только без официальных дел.

Полковник уехал.

— Спасибо, Ниночка,— сказала Дагурова,— прямо не знаю, как бы я смогла отбояриться...

— Да чего уж там. Откуда будете звонить в посольство? Может, зайдем в отель, из моего номера? Или прошвырнемся по магазинам? Уверяю вас, они что в Риме, что здесь,— разницы никакой.

— Какие магазины,— вздохнула Ольга Арчиловна и рассказала о своем финансовом крахе в результате поездки на такси.— Тысяча лир — вот все, что я имею,— заключила она.

— На такую штуковину хватит,— поиграла брелоком, подарком Фальконе, переводчица.— И ни на что другое... А как же с гостиницей?

— Да никак,— грустно развела руками следователь.— Я должна была связаться с нашим посольством еще в Риме, но не позвонила. Глупость, конечно страшная...

— А где будете ночевать?

— Придется на аэровокзале. Вопрос только, как туда добраться? Моих финансов хватит?

— Отку-уда,— протянула переводчица.— В Риме, например, билет на метро стоит семьсот лир. На автобус — шестьсот. Но это в черте города. А отсюда до аэропорта километров двадцать пять, не меньше Но я вам могу одолжить. Мы почти миллионеры Каждому члену делегации выдали на неделю полмиллиона лир.

— Богатенький же ваш Союз писателей...

— Да что вы, Союз не выделил нам ни копейки

валюты! Лиры — из Фонда Монделло. Из него же оплачивали гостиницу, а это сто пятьдесят тысяч в день, и питание. Между прочим, один только обед обходится в сорок пять тысяч лир.

— Господи, сотни тысяч, миллионы! Голова идет кругом от таких цифр...

— Да, непривычно.— Переводчица вдруг забеспокоилась:— Ольга Арчиловна, а что вы будете делать в аэропорту до завтра? Там даже негде голову приклонить. Зачем вам мучиться? Давайте ко мне в гостиницу.

— Если я все с себя продам,— Дагурова показала на платье, туфли и тощий чемоданчик,— и то не хватит на оплату.

— Все давно оплачено.

— А дежурная?

— У вас наши, советские, представления. Абсолютно никого не интересует, кто будет со мной в номере. Кстати, там две кровати. А завтра утром подадут автобус до аэропорта. Место найдется. Когда ваш рейс?

— В двенадцать.

— А у нас в семь...

Откровенно говоря, предложение Нины было единственным выходом из создавшегося положения.

— Я не стесню вас?— все же спросила Дагурова.

— Нисколечко. Ведь в номере две шикарные кровати. А сейчас,— переводчица посмотрела на часы,— у нас есть время потолкаться по магазинам.

«Что бы я делала, если бы не эта отзывчивая душа?» — с благодарностью подумала о Нине Ольга Арчиловна.

Потолкаться. Это слово для здешних торговых заведений звучало с большой иронией. Покупателей было куда меньше, чем продавцов. Каждого встречали как самого дорогого родственника. В пустых магазинах прилавки ломились от обилия товаров. Что продовольственных, что промышленных. И все броско развешено, разложено, расставлено, красочные упаковки так и притягивали взгляд. Постоянно звучало: «синьора», «грация», «аривидерчи»...

«До чего же убого мы живем,— вспомнила дорогую Родину следователь.— Сплошной дефицит, очереди. Самое страшное — уже свыклись с постоянным унижением...»

Она пробовала сопоставить стоимость товаров с нашими ценами, но запуталась. Например, женские колготки стоили 3 тысячи лир. Это значит — пять поездок на автобусе. Если взять в расчет наши пять копеек... Самые дешевые часы — штамповка, как сказала Нина,— 2 тысячи. А вот туфли — 150 тысяч, килограмм говядины — 50 тысяч. С другой стороны, дубленка — 130 тысяч, выходит, меньше, чем три килограмма мяса!

Ольга Арчиловна поделилась своими наблюдениями со спутницей.

— Здесь, так сказать, совершенно отличные от наших градации,— пояснила Нина.— Например, бытовая электроника, по сравнению с другими товарами, очень дешевая. Однако развлечение и зрелище стоит дорого. Билет в театр — семь тысяч лир, в музей — восемь тысяч...

— Почти трое колготок.

— Вот-вот. Но те же самые колготки в фирменном магазине будут в несколько раз дороже.

— А как это соотносится с зарплатой?

— Водитель автобуса, закрепленного за нами, получает миллион лир в месяц. Профессор — четыре миллиона.

— А комиссар полиции, ну, тот же муж Фаины Моисеевны?

— Он капитан, так? Насколько я знаю, миллиона два...

— Это много или мало?

— Не богач. Хотя автомобиль стоит десять миллионов. Соображайте сами...

— Не могу,— засмеялась Ольга Арчиловна.— Тут черт ногу сломит.

— Ладно, чего ломать голову, тем более что с нашими возможностями ни к чему не подступиться.

Наличности Нины хватило на пару коробок конфет и печенья, да еще на две пачки жевательной резинки. Переводчица заставила свою новую знакомую взять из купленного половину.

Устав от хождения по магазинам, воротились в отель.

— Писатели еще жалуются,— вздохнула Дагурова, увидев роскошные апартаменты, отведенные Нине.— Вы бы знали, как приходится в командировках нашему

брату, следователю. Зачастую в номере даже нет крана с холодной водой. Грязь, тараканы, мыши...

Она с удовольствием полезла в ванну. И когда вышла оттуда, свежая и бодрая, Нина сказала:

— Сейчас пойдем перекусим, потом будем слушать стихи, поздравлять лауреата.

— Кто удостоился этой чести?

— В этом году мексиканский поэт. Говорят, очень талантливый. Жаль, не знаю испанского...

От еды Ольга Арчиловна отказалась, сославшись на то, что раз в неделю голодает. Для здоровья. Сегодня якобы у нее как раз разгрузочный день. Нина пошла одна, включив для Дагуровой телевизор и объяснив, как пользоваться дистанционным управлением. Программ было десятка два с лишним. Сплошные развлекательные фильмы, мультяшки, прерываемые вездесущей рекламой. Но все это Ольге Арчиловне вскоре надоело — не знала языка. Одной в номере было тоскливо. Она решила спуститься во внутренний дворик, патио, манящий зеленью и огнями.

Вечером тут было изумительно красиво. Поблескивала вода в бассейне, благоухали южные растения. По саду прогуливались нарядно одетые дамы и господа. Но удивляло множество полицейских. Среди них было немало женщин. Присутствие стольких стражей порядка озадачило Дагурову. В такой гостинице простой люд не останавливается. Значит, охраняют от грабителей эту богатую публику? На женщинах сверкали бриллианты и жемчуга...

В глубине патио возвышался помост. Вокруг рядами стояли стулья. Здесь, как поняла Ольга Арчиловна, и состоится торжественное вручение премии Монделло. И действительно, уже собиралась разноязыкая толпа, рассаживалась у помоста. Присела на один из стульев и Дагурова. Огляделась: человек двести, не меньше. Но никакой парадной торжественности, сковывающей официальности. Посланцы разных стран шутили, смеялись, переговаривались между собой. На помост поднимались поэты, читали свои стихи. Причем сначала давался итальянский перевод.

После награждения лауреата состоялся ужин. Прямо здесь, на воздухе. Нина потащила к столам и Ольгу Арчиловну. Та было засопротивлялась, но переводчица сказала:

— Вы просто обязаны попробовать здешнюю кух-

ню. Представится ли еще такая возможность? Ей-богу, стоит нарушить вашу диету...

Дагурова согласилась — голод не тетка.

За угощением все вели себя так же непринужденно Не было никаких речей, тостов. Еда — дары моря Такого изобилия закусок из рыбы и моллюсков Ольга Арчиловна не видела никогда. И, конечно же, овощи и фрукты. Они здесь самый расхожий продукт, стоящий копейки. Но было и кое-что экзотическое. Например, блюдо из плодов кактуса. Оно очень понравилось Ольге Арчиловне. Вино легкое, ароматное, напоминало грузинское. Дагурова не удержалась, выпила пару бокалов. На десерт подали мороженое в виде слоеного торта и кофе.

Разошлись поздно. Нина включила телевизор. По римскому каналу выступал Иоанн Павел Второй, который призывал людей не предаваться разврату. Под его призывы Ольга Арчиловна и заснула.

Разбудили их ни свет ни заря, повезли в аэропорт Мелковский все пытался забросить удочку, что привело следователя на далекий средиземноморский остров Дагурова ушла от разговора.

Писатели улетели раньше, а она дожидалась своего рейса еще пять часов. Потом был Рим, родной Аэрофлот и русская речь. Ее самолетом возвращался домой ансамбль народного танца «Калинка» из Горького После зарубежных гастролей артисты были нагружены сувенирами, многие везли радио- и видеотехнику.

«До каких пор мы будем мешочниками?» — с грустью думала Ольга Арчиловна.

Внизу проплывала Европа, а перед глазами Дагуровой стояли незабываемые яркие улицы Палермо и в ушах звучало: «синьора», «грация», «аривидерчи»...

Прибыв в Москву, Латынис отправился в МВД СССР. Доложился начальству. Потом зашел в свою комнату, которую делил с коллегой, Антоном Колосовым.

— Как на юге? — поинтересовался Антон.

— На юге — порядок,— ответил Ян Арнольдович. — Теплынь, зелень.

— И постреливают,— усмехнулся Колосов.

— Все-то вы знаете,— улыбнулся Латынис.

— Все, да не все,— вздохнул Антон.— Всучили

одно дело — голова звенит. Ни единой зацепки. Главное, теребят каждый день, потому что оно касается члена-корреспондента Академии наук.

— И что с ним? — полюбопытствовал Ян Арнольдович, садясь за телефон, чтобы раздобыть координаты певца Белова.

— Да понимаешь, пропал. В августе прошлого года.

— Ничего себе! — присвистнул Латынис.

— Собственно говоря, жена подала заявление в ноябре.

— Что ж так поздно хватились? — удивился Ян Арнольдович.

— Видишь ли, — продолжал Колосов, — здесь, наверное, любовная история была примешана. Член-корреспондент поцеловал супругу и отправился с приятелем в отпуск. Оба — любители путешествовать на авто. Обещал присылать жене открытки. И действительно, они приходили регулярно. Из Ашхабада, Нукуса, Ташкента. Срок путешествия кончился, а супруга нет. Его приятель вернулся один.

— Как так?

— А так! Ни в какое автомобильное путешествие член-корреспондент не ездил.

— Открытки откуда?

— Оказалось, членкор, чтобы притупить бдительность жены, вручил другу заранее написанные послания, а тот и отправлял их жене из вышеозначенных городов.

— Ловко придумано, — усмехнулся Латынис. — Сам-то куда подался?

— Как сказал один мой знакомый: если бы знал прикуп, то не работал бы, — в свою очередь усмехнулся Антон.

— Что, твой ученый большой любитель женского пола?

— Вроде нет. Ни сотрудники, ни знакомые, ни жена ничего такого не замечали. Посмотри. — Колосов показал фотографию пропавшего. — Солидный мужик, на ловеласа не похож.

— Э-э, брат! — мельком взглянул на снимок Латынис. — Физиономия еще ни о чем не говорит. Вспомни того ангелочка, который изнасиловал с дружками свою мамашу.

— Что верно, то верно, — вздохнул Антон.

— Ладно, побежал, — на ходу бросил Ян Арноль-

дович.— Еду на встречу с самим Александром Беловым...

Колосов позавидовал коллеге.

Как только Латынис вышел из министерства, его обуяло странное чувство: что-то всколыхнулось в нем при рассказе Антона. Что, Ян Арнольдович понять не мог. Избавиться от чувства — тоже...

Белов жил на Ленинском проспекте. Капитальный дом, не чета теперешним панельным. Вход, как это принято в солидных зданиях, со двора. Ян Арнольдович завернул за дом и удивился: полон двор молоденьких девчат и парней. Они сидели на скамейках, на ступенях подъездов, курили, жевали жвачку.

Пройти в подъезд Латынис не смог: дверь открывалась по коду, а его подполковник не знал. Он подошел к дворничихе с метлой, спросил, как попасть в дом.

— Небось тоже к Белову?— подозрительно оглядела его куртку и вязаную лыжную шапочку дворничиха.

— Почему тоже?— заинтересовался он.

— Да вон, дежурят день и ночь!— кивнула она недовольно на молодежь.— Только бы увидеть своего любимчика. Житья от них нет! Балаганят, бросают окурки, бумажки от мороженого. Жильцы жалуются, а толку?

«Так это фанаты?»— подумал оперуполномоченный, а вслух сказал:

— Из милиции я.— И показал служебное удостоверение.

Дворничиха сообщила код и попросила помочь справиться с ордой поклонников Белова. Латынис не успел ответить. Поднялся крик, гвалт, фанаты повскакивали с мест — во двор въехало два «мерседеса», в одном из которых восседал знаменитый рок-певец.

Прорвался Белов в дом, как говорится, с боем. Несколько дюжих молодцов, приехавших с ним, окружили его кольцом и провели до подъезда. Затем свита села в машины и укатила. Латынис подождал, пока утихнут страсти, и только тогда поднялся на пятый этаж. Впустили его в квартиру не сразу, долго рассматривали в глазок. Открыла пожилая женщина и, тщательно исследовав удостоверение, разрешила войти. Это была мать Белова.

Певец был удивлен появлением старшего оперуполномоченного МВД СССР, но принял подполковника вполне любезно.

— К вам не прорвешься,— сказал Латынис с улыбкой.— Как на концерты. Дочь мечтает попасть, но — увы...

— Придется пойти навстречу.— Белов протянул Яну Арнольдовичу визитную карточку.— Предъявите в кассу и тут же получите билет.

— Весьма благодарен.— Подполковник разглядывал визитку. Помимо текста в правом углу было цветное фото Белова.— Поверьте, никогда не пользовался служебным положением, но на что не пойдешь ради дочери...

— Вот видите,— рассмеялся Александр.— Мне пустячок, а ей приятно.

— За границей делали?— вертел в руках глянцевитый квадратик Латынис.

— У нас тоже умеют.

— Если хотят. Да за хорошие деньги.

— Право, даже не знаю, сколько это стоит. Приятель расстарался. Кстати, ваш коллега, из Южноморска, Киреев, может, знаете?

— А как же!

— Понимаете, я был там на гастролях в прошлом году. Донат подослал ко мне милейшего парня. Как его?..— наморщил лоб Белов.— Вспомнил. Снежков... Щелкнул меня фотоаппаратом, а перед отъездом вручил визитки. А вот денег не взял. Когда я заикнулся Донату, он смертельно обиделся. Ох уж эти южане!

— Их гостеприимство известно,— кивнул Латынис.

— О, широкие, щедрые натуры. Представляете, Киреев приобрел на мой концерт сто пятьдесят билетов. Целых три ряда! И все для друзей. А они у Доната тоже — душа нараспашку.

— Вы имеете в виду Хинчука?— уточнил Ян Арнольдович.

— Вы и его знаете?— приятно удивился певец.

— Имел честь видеть ваш автограф в салоне его «Элегии».

— Яхта — чудо!— с благоговением произнес Александр.— С заокеанскими миллионерами не проводил время, но, думаю, Хинчук им утрет нос. Что обстанов-

ка, что еда, что обслуга. Я им даже спел на яхте. И знаете, оказалось — очень даже не зря.

— В каком смысле?

— Понимаете, тот же самый Снежков отснял все на видео. А мы тут недавно монтировали клип, и я вспомнил о его съемках. Он тут же выслал мне пленку. Прекрасно легло! Американский продюсер посмотрел — он организует мне гастроли в Штатах — и был просто в восторге. А уж америкашки умеют стряпать видеоклипы!

— Любопытно было бы посмотреть,— сказал Латынис.— Если можно, конечно.

— Проще простого.

Белов поднялся, подошел к стеллажу, заставленному видеокассетами, взял одну из них и вставил в видеоприставку.

Клип действительно был сделан лихо, с фантазией. Под исполняемую Александром «Джульетту». Но больше всего оперуполномоченного заинтересовали кадры, где Белов был снят на «Элегии». Особенно эффектно выглядело, как он мчался на водных лыжах с бывшей манекенщицей, а ныне главным администратором южноморского Дома моделей Эвникой.

— Ваша жена?

— Как говорится, одноразового пользования,— тихо хихикнул Белов, оглянувшись на дверь.— Вы, конечно, понимаете...

Ян Арнольдович многозначительно улыбнулся.

Когда клип кончился, певец спросил:

— Отличная реклама, не правда ли?

— Еще как клюнут!— подтвердил Латынис.

— Все это было, как я понял, присказка,— сказал Белов, кладя кассету на место.— Выкладывайте, подполковник, что вас интересует. Вы же пришли не ради трепа.

В принципе, как раз треп оказался очень полезным Александр даже не догадывался, что сообщил и показал немало интересного.

Ян Арнольдович попросил подробнее рассказать об отдыхе на так пленившей певца яхте. Белов снова ударился в воспоминания, которые были весьма кстати для дела.

Прощаясь, Латынис сказал:

— Прошу вас, о моем визите и нашем разговоре — никому.

— Разумеется,— пообещал Белов.

На улице все так же мерзли несчастные фанаты, не решаясь покинуть свой пост: а вдруг снова повезет взглянуть на кумира?

«Представляю, что было бы, покажи я им визитку,— усмехнулся про себя Латынис.— Разорвали бы! Да и Колосов умрет от зависти...»

Подумав об Антоне, Ян Арнольдович снова ощутил тревогу: надо что-то вспомнить.

И вдруг в голове словно молния сверкнула: Южноморск, беседа со следователем городской прокуратуры, который знакомил Латыниса с материалами нераскрытого убийства в телефонной будке у ресторана «Воздушный замок».

...К себе в кабинет подполковник буквально ворвался.

— Ну-ка, дай фото твоего члена-корреспондента!— ошарашил он Колосова.

Тот, удивленный поведением коллеги, протянул снимок.

— С тебя причитается! Я его видел!— проговорил Латынис, убедившись в своей догадке.

— Где? Когда?— аж привскочил Колосов.

— В Южноморске. Этого человека убили в августе.

— Не может быть!— все еще не верил Антон.

— Черт побери!— взъерошил волосы Латынис.— Хоть скажи, как его фамилия! Тамошний следователь уже который месяц ломает голову.

— Ляпунов,— ответил Антон.

Услышав кое-какие подробности от Латыниса, он стал названивать в южноморскую прокуратуру.

По возвращении в Южноморск Дагурова первым делом позвонила в Бузанчи, где лежал в больнице Евгений Мухортов. Но врачи сказали, что у арестованного тяжелое психическое состояние. Такое обычно бывает, когда наркоманов отучают от наркотиков, применяя соответствующие лекарственные препараты. С ногой же было лучше.

Позвонил Латынис и сообщил, что задержится в Москве, хочет съездить в Звенигород и лично проверить алиби Ларионова.

Через пару дней следователь снова позвонила в больницу На этот раз врачи были благосклоннее, разрешили допрос

При появлении Ольги Арчиловны в больничной палате на лице Мухортова появилось нечто вроде вымученной улыбки. Дни, проведенные в полном одиночестве, сделали свое — тут любой собаке обрадуешься, было б только с кем поговорить.

Начала Дагурова с того, что расспросила Евгения, откуда он родом, кто родители. Выяснилось, что Мухортов родился в небольшом поселке на Кубани. Без отца. Мать была готова поскорее сбагрить его куда-нибудь и с радостью отпустила в южноморское ПТУ, готовящее работников общепита. Евгений получил специальность официанта. По окончании ПТУ сразу забрали в армию.

— А когда пристрастился к наркотикам? — поинтересовалась Ольга Арчиловна, пока обходясь без всяких записей.

— После армии. До этого я даже грамма вина в рот не брал.

— Как тебе это удавалось?

— Не имел права,— серьезно ответил Мухортов.— Тут же бы турнули из спорта.

— Чем занимался?

— Подводным плаванием. Был кандидатом в мастера спорта. Когда вернулся на гражданку, устроился в ресторан. Первое время держался. Вернее, старался держаться,— поправился Евгений.— Ну а потом пошло-поехало. По сто, по двести грамм. А скоро уж без горючего и работать не мог. К концу дня так накачивался — счет не мог выписать.

— И долго это продолжалось?

— Сгорел за полтора года,— горько усмехнулся Евгений.— Из ресторана выперли. Никуда устроиться не мог: кадровики по физиономии определяли, что алкаш. Перебивался в порту, грузил по ночам бочки, мешки. Только бы на пузырь хватило. А потом — на опохмелку. Выпивка дорогая, потреблял всякую дрянь.

— Одеколон?

— Одеколон?..— снова усмехнулся Мухортов.— Это, считайте, как коньяк. Политура, клей, клопомор...— Он передернул плечами.— Жуть! Ну и как-то попробовал сесть на иглу Знакомые ребята поделились мулькой. Тоже кайф. Не нужно глотать всякую гадость, и закуски не требуется. Так и втянулся Вам не нужно объяснять, что это такое

— Где брал наркотики?

— Мир не без добрых людей,— уклончиво ответил Евгений.

— На наркотики нужны деньги. Много денег...

Мухортов не ответил.

— Ладно, Женя,— выдержав паузу, сказала Дагурова.— Теперь расскажи, с какой целью ты стрелял в человека в сквере возле яхт-клуба.

Подследственный глубоко вздохнул, посмотрел в потолок.

— Отпираться, надеюсь, не будешь? — продолжала следователь.

— А чего отпираться. Можно сказать, тепленького взяли... А стрелял я, чтобы попугать.

— Давай договоримся не играть в детские игры. Отвечай серьезно. Согласен?

— Согласен...

— И правду,— добавила Ольга Арчиловна.— Когда хотят попугать, стреляют в воздух. А ты ранил человека из боевого оружия, которое у тебя изъяли. Знаешь хоть, в кого стрелял?

— Знаю,— тихо проговорил Мухортов.— В сыскаря.

— Подполковника милиции,— уточнила Дагурова.— Фамилия его Латынис... В армии хорошо стрелял?

— Был отличником боевой и политической подготовки,— не без гордости ответил Мухортов.

— Выходит, промахнулся?

— Выходит,— уставился в пол подследственный.

— Чем же тебе насолил Латынис?

— Ничем,— поспешно ответил Евгений.— Меня попросили стрельнуть.

— Кто?

— Один парень.

— Фамилия?

— Не знаю,— стараясь не глядеть на следователя, сказал Мухортов.— Кличка у него Борода, зовут Жора.

Это он был с тобой в сквере?

Да.

— Где живет этот Жора по кличке Борода? Чем занимается?

Не знаю.

— Выходит, любой человек попросит тебя: убей, мол, такого-то, и ты выполнишь? — усмехнулась следователь

— Конечно, нет! — вскинул он на нее глаза и тут же отвел.— Борода снабжал меня марафетом.

— И за Шмелева тоже?

— К-какого Шмелева? — от испуга стал заикаться Мухортов.

Ольга Арчиловна показала ему снимок повешенного. У Евгения на лбу выступили капли пота.

— Это не я,— дрожащим голосом проговорил он.

Дагурова зачитала ему документ:

— «... На клавишах и табуляторе пишущей машинки «Рейнметалл», принадлежащей Шмелеву, имеются отпечатки указательного и среднего пальцев правой руки Е. С. Мухортова...»— Следователь взяла другую бумагу:— «... На листе бумаги с текстом «Никто не виноват устал» имеются потожировые выделения, идентичные потожировым выделениям Е. С. Мухортова. Его же потожировые выделения обнаружены на рычаге передвижения каретки пишущей машинки «Рейнметалл», на клавишах и табуляторе...» — Она протянула бумаги Евгению.— Можешь сам ознакомиться с заключением экспертов.

Обвиняемый прочитал документы, молча вернул Ольге Арчиловне.

— С наукой не поспоришь,— сказала она.— Отпираться бессмысленно. Ты был в квартире Шмелева, когда его избили и повесили.

— Не бил я! — с отчаянием произнес Мухортов.— И не вешал!..

— А кто?

— Жорка это все! Жорка Борода!

— Один?

— Да...— ответил Мухортов, но в его словах послышалась неуверенность.

— Евгений, мы же договорились,— покачала головой Дагурова.— Никогда не поверю, что с таким делом — повесить человека — можно справиться в одиночку. Кто-то держал, кто-то накидывал петлю... Выходит, ты тоже участвовал.

— Ну нет! Честное слово! — в испуге замотал головой Мухортов. Не подводите меня под вышку!

— Значит, помимо тебя и Бороды был еще кто-то. Ведь так?

В комнате установилось долгое молчание. В глазах Мухортова метался страх. Он, видимо, пуще всего

боялся выдать этого третьего. Но брать на себя убийство...

— Шмелева повесили Борода и Сэр,— наконец выдавил из себя Мухортов.

— Сэр, как я понимаю, кличка?

— Кличка. А звать Генрих. Но фамилию я не знаю.

«Знаешь, миленький, знаешь,— подумала Дагурова.— Просто трусишь».

За что был убит бывший следователь облпрокуратуры, что убийцы искали в его квартире — на эти вопросы Мухортов не ответил, ссылаясь на то, что якобы Борода и Сэр его не посвятили. А согласился помочь только ради наркотиков.

— Без марафета просто сдох бы,— заключил Евгений.

— Хорошо, последний вопрос. Собаку Шмелева устранил ты?

— Я,— легко признался Мухортов.— Мы подкараулили Шмелева в парке, когда он гулял со своим псом. Я словил момент, кинул овчарке кусок мяса с отравой. Она схапала и лапки кверху. Мы ее засунули в машину к Жорке. Куда он ее отвез, не знаю.

— Померла, значит?

— Сдохла,— вздохнул Мухортов.

— Ан нет, Евгений, воскресла. И прибежала в дом хозяина.

— Да? — растерянно заморгал подследственный.

— Так что полежи еще, подумай,— начала заполнять протокол Ольга Арчиловна.— В следующий раз, надеюсь, с памятью у тебя будет получше...

Сумерки в Южноморске наступали рано. Шамиль Асадуллин, прикрепленный к следственно-оперативной группе Дагуровой, подкатил к аэропорту, когда уже были зажжены фонари. Ольга Арчиловна попросила его встретить московский самолет, которым прибывал подполковник Латынис. Шамиль видел его всего раз и боялся проворонить. Он поставил свою «Волгу» в сторонке и направился к зданию аэровокзала.

Самолет задержался. Когда объявили, что он произвел посадку, Асадуллин занял пост у выхода с летного поля. Шофер облпрокуратуры волновался зря: Ян Арнольдович узнал его сам. Поздоровались. Шамиль потянулся за чемоданчиком подполковника, но тот сказал:

— Зачем такие почести?

И не дал свою поклажу.

Сели в «Волгу». Асадуллин влился в поток машин, направляющихся в город. А их было немало. Из-за задержки нескольких рейсов в аэропорт нахлынула масса прилетевших, спешащих поскорее добраться до Южноморска. Приходилось ограничивать скорость.

— Не знаешь, где Ольга Арчиловна? — спросил Латынис.

— В гостинице, наверное. Сегодня ездили в Бузанчи, вернулись в конце рабочего дня.

«Значит, допрос Мухортова наконец состоялся»,— отметил про себя Ян Арнольдович.

Асадуллину надоело плестись, он прибавил газу и пошел на обгон.

И вдруг машина клюнула вперед и влево, раздался скрежет, треск где-то под двигателем, и «Волгу» резко развернуло. Шамиль нажал на тормоза, крутанул баранку, невероятным усилием удержав машину от переворота. Сзади, сбоку, послышался визг тормозов других автомобилей, отчаянно взревели клаксоны.

«Волга» ткнулась опущенным передком в шоссе и замерла поперек дороги. Латынис уперся руками в приборный щиток. Сильная боль пронзила плечо. Там, где еще не совсем затянулась рана...

— Черт, колесо!..— выругался Асадуллин, вышибая дверцу со своей стороны.

Он выскочил на дорогу, Латынис — следом.

В том и другом направлении по шоссе мчались, как ошалевшие, машины. Столкновения не произошло только благодаря чуду. И мастерству Шамиля. Водители других автомобилей, едва не ставших жертвой аварии, отъезжали от места происшествия, не жалея в адрес Асадуллина крепких слов. Шамиль нагнулся к искореженному крылу. Левого переднего ската как не бывало. Латынис глянул вперед. Отлетевшее колесо крутилось метрах в десяти на дороге.

— Сегодня утром все скаты проверял! — сокрушался Шамиль.— Честное слово, Ян Арнольдович! — Голос у него дрожал, руки тряслись.

— Ладно,— успокаивающе похлопал водителя по плечу Латынис.— Слава богу, живы.

Ян Арнольдович понял: история с колесом не случайна, кто-то «подготовился» к его приезду.

Асадуллин побежал за скатом, к счастью, не причинившим вреда встречным машинам. И только прикатил колесо, как возле них остановился «жигуленок» ГАИ. Из него вылез старший лейтенант милиции Он успел лишь откозырять.

— Мне нужно срочно связаться с генералом Руновым,— опередил его Латынис, предъявив служебное удостоверение.

В распоряжение подполковника была предоставлена рация. Минут через пятнадцать к месту несостоявшейся аварии подъехала «Волга» с крепкими ребятами в штатском. Латынис вместе с ними поехал в аэропорт, оставив Асадуллина приводить в порядок свой автомобиль. На прощание Ян Арнольдович посоветовал ему осмотреть машину получше: мало ли еще какой сюрприз могли приготовить?

— Ей-богу, уйду из прокуратуры! — в сердцах проговорил Шамиль.

Ему еще была памятна авария, в которую он попал вместе с Чикуровым.

...В аэропорту удалось выяснить: какое-то время возле «Волги» облпрокуратуры стоял зеленый «Москвич» последней модели. Из него выходили двое мужчин. Повертелись возле машины Асадуллина, затем укатили...

Добрался до гостиницы Ян Арнольдович около полуночи. Дагурова еще не ложилась, волновалась, почему его так долго нет. И, услышав рассказ о происшествии, сказала:

— Война, выходит, продолжается.

— А по-моему, у них сдают нервы. Сегодняшняя история — не самый умный шаг.

— Умный не умный, однако он мог стоить жизни вам и Асадуллину. Загнанный зверь становится особенно опасным.

— Волков бояться — в лес не ходить,— усмехнулся подполковник.— Этих хищников пора обкладывать красными флажками.

— Силенок не ахти,— покачала головой следователь.

— Рунов действует с местными чекистами. Ребята — асы! Обещали тот зеленый «Москвич» хоть из-под земли раскопать. У Анатолия Филипповича должна состояться наша совместная встреча. Для согласования действий.

— Отлично! — обрадовалась следователь.— Очень кстати помощь госбезопасности.— Она сняла трубку зазвонившего телефона.— Слушаю...— Лицо Ольги Арчиловны вдруг стало жестким и, прикрыв ладонью микрофон, она проговорила:— Быстро узнайте, откуда звонят.

Ян Арнольдович пулей выскочил из номера и побежал в свой.

— Да, я слушаю,— продолжила разговор следователь.

— Смотри, сука,— проговорил в трубке хриплый голос,— если в ближайшее время не смотаешься из Южноморска, пришьем!..

Послышались короткие гудки. Ольга Арчиловна положила трубку рядом с аппаратом. Минут через пять вернулся Латынис.

— Звонили из автомата возле кинотеатра «Космос»,— сказал он.— Ищи ветра в поле...

— Конечно,— вздохнула Ольга Арчиловна, кладя трубку на рычаг.— И так — каждый вечер. А то и среди ночи. Матерятся, грозят...

Она передала Яну Арнольдовичу последний «ультиматум».

— Голос один и тот же? — поинтересовался подполковник.

— Разные. Мужские и женские.

— Интересную я узнал новость, Ольга Арчиловна. Арест Мухортова здорово выбил наших противников из колеи. Им интересуются во всех больницах Южноморска. Сбились с ног, несчастные.

— Вынуждена признать: ваша идея запрятать его в Бузанчи просто гениальна,— с улыбкой развела руками следователь.

— Не перехвалите, зазнаюсь,— тоже улыбнулся оперуполномоченный и уже серьезно попросил:— Ну, выкладывайте, что там в Палермо?

— Там, к сожалению, не все однозначно. Свой перстень Гринберг признала...

— Очень хорошо.

— Но она опознала и грабителя — Станислава Ларионова. А у него, как выяснил Рунов, алиби. Я даже не знаю, как теперь расценивать опознание Фаины Моисеевны,— расстроенно проговорила следователь.— Хотя секрет перстня мог знать лишь настоящий владелец. Даже внучка Шмелева не предполагала об

этом. Честно говоря, Ян Арнольдович, я в замешательстве.

— И напрасно,— улыбнулся он.

Латынис торжественно раскрыл папку, достал фотографию и протянул Ольге Арчиловне. На ней был заснят полковник милиции.

— Ларионов? — удивилась Дагурова. Латынис кивнул.— Но почему полковник? Когда он успел стать им?

— Не был и никогда не будет,— усмехнулся Ян Арнольдович.

— Ой, Ян Арнольдович, что-то вы крутите! — подозрительно посмотрела на оперуполномоченного следователь.

— Так вот, это действительно Ларионов,— сказал Латынис,— только не Станислав, а Лев. Лев Архипович.

— Брат, что ли? — вырвалось у Дагуровой.

— Вот именно. Старший. Разница у них два года.

— Фу ты! — с облегчением выдохнула следователь.— Кто бы мог знать! Похожи как две капли воды.

— Теперь понимаете Гринберг?

— Конечно! Выходит?..

— Да,— подтвердил Латынис.— У Фаины Моисеевны был тогда Лев Архипович. В сентябре восемьдесят четвертого года, когда Станислав находился в Звенигороде, его брат отдыхал в Южноморске. О том, что именно Лев ограбил Гринберг, свидетельствуют кое-какие вещи, изъятые при обыске.

Ян Арнольдович достал еще два снимка.

— Та самая ваза,— радостно проговорила Ольга Арчиловна, рассматривая цветную фотографию хрустальной вазы, обвитой золотой виноградной лозой.

— И старинные часы,— добавил Латынис, ткнув пальцем в другую фотографию, запечатлевшую часы в виде расписанного пасхального яйца изумительной работы неизвестного мастера.— Малахит, серебро, перламутр...

— А где этот самый Лев?

— В клетке,— улыбнулся Латынис.— Задержали.

— Признался?

— Пока молчит. Мне кажется, на что-то или на кого-то надеется.

— Он действительно работает в вашем ведомстве?

— Ни боже мой! — ответил Латынис и добавил:—

Хотя мерзавцы с полковничьими погонами у нас, к сожалению, не перевелись.

— Кто же он?

— Страховой агент. Но, сдается, это крыша. Если не хуже — способ разнюхивать, где можно поживиться. Мои коллеги из Звенигорода подозревают, что он связан с рэкетом. Возможно — верховодил.

— Ну и рыбку вы поймали! — восхитилась Дагурова.— Акулу.

— Это точно. У него не квартира, а музей.

— Интересно, его брат Станислав работал на пару с ним? И вообще, зачем Лев Архипович снялся в милицейской форме?

— Ольга Арчиловна, дорогая, я сам могу назвать еще десяток «почему». Подождем сведений из Звенигорода... Лучше расскажите о Мухортове. Раскололся?

— Не до конца.

И Дагурова рассказала о результатах допроса. Когда она дошла до соучастников — некоем Жоре по кличке Борода и Генрихе-Сэре, Латынис перебил следователя:

— Постойте, постойте! Жора, Генрих, Женя — это ведь команда яхты «Элегия»!

— Вы так думаете?

— Факт. Белов подробно о них рассказывал. Да и по агентурным данным, именно эти молодцы обслуживают Хинчука на яхте. Их фамилии — Георгий Бородин, Генрих Довжук, а капитаном Семен Кочетков по кличке Боцман.

— Ваш знакомый? — улыбнулась Дагурова.

— Он самый. Но зачем Бородин и Довжук убили Шмелева? Как свидетеля?

— Боюсь, Ян Арнольдович, что Николай Павлович больше чем свидетель. Соучастник...

— Шмелев?! — поразился Латынис.— Чей же?

— Киреева и компании.

— Но ведь он первый начал раскручивать дело. И весьма энергично. Горел, можно сказать.

— И очень быстро потух. Сразу, как только приехал Чикуров. И еще: откуда у Шмелева перстень Гринберг?

— Да-да-да,— закивал Ян Арнольдович.— Смотрите, какая выстраивается цепочка. Фаину Моисеевну ограбил Лев Ларионов. Его брат — правая рука Киреева. Именно в тот момент, когда Шмелев уходит на

пенсию, он почему-то дарит своей внучке перстень Гринберг...

— Вы знаете, я думаю, не перстень ли искали убийцы в его квартире? Очень серьезная улика. Ведь Шмелева убили именно тогда, когда по инициативе Измайлова Рунов занялся поисками грабителя Фаины Моисеевны.

— Вроде сходится. Ладно, пора, как говорится, на боковую. Завтра много дел.

— И первое — допрос Мухортова. Поедем прямо с утра.

— Я считаю, нужно немного повременить. Есть идея. Но ее нужно проверить.

Латынис рассказал о том, что наконец установлена личность убитого возле ресторана «Воздушный замок», которым оказался член-корреспондент Академии наук Ляпунов.

В Бузанчи поехали через день. Допрашивала Евгения Мухортова одна Ольга Арчиловна, а Латынис поджидал ее в коридоре больницы.

— Расскажи, за что ты убил Ляпунова? — был первый вопрос Дагуровой.

— А кто это?

— Его пристрелили в телефонной будке. Неподалеку от «Воздушного замка». Девятнадцатого сентября прошлого года.

— Хоть голову режьте — это не я.

— Ах, Евгений, Евгений,— покачала головой Дагурова и достала из портфеля бумагу.— Вот заключение экспертизы. Пуля, которой был убит Ляпунов, выпущена из того же пистолета, из которого ты стрелял в Латыниса. Ознакомься...

— Знаю, что из того же. Но стрелял в Ляпунова не я. Сэр.

— Генрих Довжук?

— Он,— кивнул Мухортов, даже не заметив, что следователь произнесла фамилию Генриха.

— Как это было? — спросила Дагурова.

— Мы приехали шмонать Карапетяна,— начал сбивчиво Евгений.

— Кто это «мы»? Назови фамилии, клички.

— Ну, Генрих Довжук по кличке Сэр, Жора Бородин — Борода, Сеня Кочетков, кликуха Боцман, и я

— Твоя кличка?

— Муха.

— Хорошо, продолжай.

— Еще раньше, дня за три, Генрих предупредил Карапетяна: мол, будешь платить каждый месяц пять тысяч. А Карапетян стал жаться... Мы договорились, что в случае нового отказа обработаем ресторан как надо и еще его дочку, того...— Он смущенно опустил глаза.— Прямо при папаше.

— Выходит, Карапетян не дал денег?

— Не дал. Ну, мы и устроили кипиш. А этот мужик, Ляпунов, побежал в кабинет директора и стал права качать. Сэр врезал ему в поддых, но он не успокоился. Тогда Генрих пшикнул ему газом. Ляпунов отключился. Вроде свихнулся, по полу катался, хохотал. Мы и забыли про него. Сделали дело, рванули когти. Отъехали от ресторана. Вдруг Генрих тормознул и подал задом к телефонной будке. Там Ляпунов названивал кому-то. Сэр в него и выстрелил. Мужик упал, а мы рванули дальше.

— Так за что все-таки убили? — спросила следователь.

— Генрих сказал, что он наверняка стучал в милицию. Ну и убрал его, чтоб не сдал нас.

— А Пронина за что? — продолжала допрос Дагурова.— Сторожа автостоянки у ресторана?

— За то же самое. Свидетель...

— Кто принимал участие в убийстве Пронина?

— Генрих, Жорка и Семен.

— А ты, выходит, и тут был ни при чем,— усмехнулась Ольга Арчиловна.

— Я тогда здорово закайфовал.

— А для чего труп Пронина подложили в машину Карапетяну?

— Припугнуть. Из Москвы следователь приехал, так Генрих боялся, что Карапетян заложит нас.

— Да, Евгений,— как бы вскользь поинтересовалась Дагурова,— за работу на яхте с вами рассчитывался Кочетков?

— Нет, лично Хинчук.

— Владелец «Элегии»?

— Какой он владелец,— махнул рукой Мухортов.— Хинчук сам шестерка.

— У кого?

— Генрих как-то сказал, что всем заправляет какой-то пахан по кликухе Сова. Кто он, что — не знаю..

На обратном пути в Южноморск Ольга Арчиловна рассказала Яну Арнольдовичу о допросе и заключила:

— Я считаю, что всю эту бравую команду с «Элегии» нужно брать.

— Легко сказать,— усмехнулся Латынис, сам сидевший за рулем служебной «Волги».— Попрятались по норам, как крысы.

— А дело Ляпунова, как вы понимаете, придется забрать из прокуратуры города и пристегнуть к нашему.

— Само собой,— кивнул Ян Арнольдович.— Вдова Ляпунова здесь. Хлопочет, чтобы ей разрешили перевезти останки мужа в Москву.

— Как же Ляпунов оказался в Южноморске? И почему, когда его убили, никто даже не обеспокоился?

— Или не хотел обеспокоиться,— задумчиво проговорил подполковник.— Видите ли, Ольга Арчиловна, у вдовы Ляпунова есть дочь, Евдокия. От другого брака.

— Ляпунов, выходит, отчим,— уточнила Дагурова.

— Совершенно верно. Колосов, что занимался его розыском, разговаривал со многими знакомыми Ляпунова. Все как один твердили, что он был очень привязан к падчерице. Покупал сплошную фирму. К сыну же, оставшемуся у первой жены, относился, наоборот, как к пасынку. Друзья удивлялись: своему пацану на день рождения даже грошового подарка не покупал, а ради чужой дочери готов был снять последнюю рубашку.

— Алименты хоть платил?

— Из зарплаты отчисляли по исполнительному листу... Такую чрезмерную заботу о падчерице объяснял тем, что, мол, жалеет девочку. В детстве ей пришлось буквально нищенствовать. Какой там импорт! Платьица занашивала до дыр. Ляпунов ведь взял ее мать, когда та работала лаборанткой. А это — восемьдесят рэ в месяц.

— К чему вы все это? — нетерпеливо спросила Ольга Арчиловна.

— А к тому. Закончив школу, Евдокия сбежала из дому. Потом выяснилось, что она живет в Южноморске. Пыталась поступить в институт, сорвалась на приемных экзаменах. Но все же ей удалось зацепиться здесь.

— Что, родители не знают, как живет их дочь?

— В том-то и дело, что Евдокия порвала с ними все отношения. Причина мне пока неизвестна. Мы с Колосовым и подумали: может, Ляпунов приехал к падчерице?

— Нужно найти эту Евдокию,— сказала Дагурова.

— Думаю, вопрос одного-двух дней...

— Я не могу понять, как возникла версия, что Ляпунов журналист? — спросила следователь.

— Понимаете, секретарша Измайлова перепутала. Ведь Ляпунов действительно позвонил в органы. Только не в милицию, а в облпрокуратуру. Назвался членом-корреспондентом. Секретарша первое слово, видимо, не расслышала или просто не поняла...

— Вот в чем дело...— протянула Дагурова. И, увидев, что они уже въехали в Южноморск, спросила:— Вы сейчас куда?

— В облуправление внутренних дел. Хочу попросить, чтобы установили наблюдение за домом некоего Ступака.

— А это еще кто?

— Здешняя знаменитость. Индивидуал. Катают с женой иностранцев на своих шикарных лимузинах. «Роллс-ройс» и «ягуар». Миллионер.

— Нас-то он чем может интересовать?— несколько удивилась следователь.

— Есть информация, что жена Ступака каким-то образом связана с Бородиным.

— Значит, до вечера?

— Вечером собираюсь в валютный ресторан.

— Прожигать жизнь?— улыбнулась Дагурова.

— Посмотреть на прожигателей. А вас куда?

— К Гуркову. Попрошу санкцию на арест Довжука, Бородина, Кочеткова и Хинчука.

— Хинчука?— встрепенулся Ян Арнольдович.— А что, хорошенький будет удар по тем, у кого он в подручных.

Латынис высадил Ольгу Арчиловну у здания областной прокуратуры и уехал.

Гурков принял Дагурову не сразу: проводил очередное совещание, на котором, как всегда, призывал, давал указания. И когда Ольга Арчиловна прорвалась наконец в его кабинет, сделал вид, что страшно устал от бремени службы.

Постановление на арест Бородина, Довжука и Ко-

четкова облпрокурор подписал без слов. Когда же дело дошло до Хинчука, он, откинувшись в кресле, сказал:

— В принципе, я не отвергаю возможности применить к нему такую меру пресечения, но считаю, что пока рановато. Надо еще поработать, собрать убедительные доказательства.

— Да поймите, Алексей Алексеевич,— убеждала его следователь,— Хинчук, может, куда опаснее того же Довжука — убийцы и рэкетира! Он судебный медик, один из важнейших экспертов при расследовании. Облечен доверием. А что творит? Ведь его заключение о смерти Скворцова — подлог. Я уверена, это сделано по указанию преступников. Хинчук их пособник. А возможно, и прямой соучастник.

— Простите, Ольга Арчиловна, ваши слова мало чем подтверждены.

— А его диагноз?!

— А если это обыкновенная врачебная ошибка?

— Спутать инфаркт с отравлением?! Повторная судебно-медицинская экспертиза однозначно доказала, что Скворцова убили цианистым калием.

— Позвольте, Чикуров, ваш предшественник, не ставил перед Хинчуком задачу исследовать труп на предмет отравления. А то, что у Скворцова был сердечный приступ, это факт.

— Ну а Шмелев?— продолжала наступать Ольга Арчиловна.— Почему Хинчук в протоколе о вскрытии не отметил, что у покойного имелись прижизненные травмы внутренних органов? Отбили почки. Причем так, что на теле нет следов. Профессионалы работали, уголовники.

— Я не очень силен в судебной медицине, но, думаю, и такая ошибка допустима со стороны патологоанатома. Подумал, что человек неловко упал. Был ли у Хинчука умысел — вот в чем вопрос.

— Конечно, был — скрыть истину. А значит, обезопасить преступников. Ведь московский судмедэксперт сразу определил, что перед смертью Шмелева избили Так что я настаиваю на аресте Хинчука.

— Хорошо, хорошо,— устало провел ладонью по лицу Гурков.— Оставьте постановление, я подумаю, посоветуюсь...

Вышла от него Дагурова, еле сдерживая негодование.

По вечерам отель для иностранных туристов манил к себе всякого рода сомнительные личности. Фарцовщики, сутенеры, валютные проститутки слетались сюда, как мотыльки на огонь. Изредка возле гостиницы появлялся милицейский патруль, и тогда вся эта публика спешно ретировалась. Но как только стражи порядка уезжали, те появлялись снова — видимо, не очень-то опасались они милиции.

Эвника подкатила к отелю около полуночи: самое время охоты дорогих путан. Подвез ее на «Волге» Вадим Снежков. Сверкнуло в лучах неона люрексом платье главного администратора Дома моделей, она на прощание помахала Вадиму ручкой и беспрепятственно проникла через парадный вход, сунув знакомому швейцару соответствующую мзду.

Снежков отъехал. Тут же из замершего на стоянке «фольксвагена» вышел Латынис и исчез в гостинице. Яна Арнольдовича было не узнать: смокинг, белая рубашка с галстуком-бабочкой и безукоризненный пробор в набриллиантиненных волосах. Облик старомодного иностранца дополняли щегольские дымчатые очки в тонкой золоченой оправе и усики.

В это время Эвника преодолела вторую преграду — метрдотеля ресторана, которому тоже была уплачена некая сумма. Устроилась она за столиком, где уже сидели две так же вызывающе одетые молодые женщины. Тут же перед Эвникой официант поставил бутылку шампанского и вазу с фруктами.

Подполковник занял позицию неподалеку, разделив общество пожилого туриста, не отрывающего глаз от молоденьких девиц, танцующих в центре зала с кавалерами

Обстановка в ресторане была разгоряченная: винные пары и джаз сделали свое дело. Под потолком витали клубы табачного дыма, официанты сновали между столиками, певица дурманила головы посетителей модными шлягерами.

— Кофе,— сказал Латынис подошедшему официанту и показал на пальцах: один.

Заказ был тут же выполнен, и Ян Арнольдович сразу рассчитался

Когда певицу сменил дуэт молодых парней, Латынис решил, что пора действовать. Он встал и смело направился к Эвнике. И очень даже вовремя: его едва не опередил толстый господин в бархатной паре.

— Плиз,— протянул Латынис руку администратору Дома моделей.

Та, скользнув взглядом по элегантному костюму кавалера, согласилась на тур.

Современные танцы особого искусства не требуют. Побольше беспорядочных движений. Латынис с этим справился. Но Эвника была по-настоящему пластична и музыкальна.

— О, бьютифл!— восхитился Ян Арнольдович, прибавив еще несколько комплиментов на языке, который был наверняка незнаком никому из посетителей ресторана.

Когда танец закончился, Латынис проговорил на ломаном русском языке:

— Извините... Давайте лучше знакомиться... мой номер... гостиница... Согласны?

Дважды приглашать не пришлось — за этим Эвника и пришла.

В лифте он снова перешел на язык, неведомый ни Эвнике, ни окружающим. Когда они вошли в номер, Латынис сказал:

— Момент...

И удалился в буфет, где купил две бутылки боржоми. Вернувшись, Ян Арнольдович услышал звук льющейся воды в ванной.

«Быстро освоилась»,— подумал он, устраиваясь в кресле и открывая боржоми.

Когда его гостья появилась, он был ошарашен: ее наготу прикрывало лишь банное полотенце.

— Извините, но вам придется одеться,— поспешно сказал Латынис на чистом русском языке.

Эвника чуть не выпустила из рук полотенце. Она нырнула в ванную и вышла оттуда уже одетая.

— Садитесь,— предложил подполковник.— И давайте познакомимся. Ян Арнольдович Латынис, старший оперуполномоченный Главного управления уголовного розыска МВД СССР.

Эвника метнула взгляд на дверь, но поняла: бежать нет смысла.

— Ну и порядочки у вас,— сказала она, присаживаясь на диван. Обманом заманили в номер...

— Представьте себе, я сказал вам, зачем приглашаю. В лифте,— усмехнулся Ян Арнольдович.

— На каком языке?

— На латышском. А вы за кого меня приняли?

— За шведа...

Он влил минералки в свой стакан, другой протянул Эвнике. Она жадно выпила воду и спросила:

— Сигареты не найдется?

— Найдется.

Подполковник вынул пачку «Мальборо», щелчком выбил сигарету, которую Эвника взяла своими длинными наманикюренными пальцами, поднес «ронсон».

— Благодарю,— проговорила администратор Дома моделей, жадно затягиваясь.— Только, ради бога, не надо читать мне мораль, и не учите меня жить.

— И в мыслях не держал. Вы сами уже учите своих девочек. К сожалению, не тому, чему надо...

— Сводничеством не занимаюсь.

— Не считая девочек, которых поставляете для знакомых Киреева.

Эвника промолчала, отведя глаза в сторону.

— Так что давайте не будем,— продолжал Латынис.— Сами-то давно этим занимаетесь?

— Сразу после десятого класса,— спокойно ответила администратор.

— Рановато...

— Теперь уже начинают с седьмого, а то и с пятого,— криво усмехнулась Эвника.

— Вы имеете дело только с иностранцами?

— Только.

— Из-за валюты?

— А что наши деньги? Бумажки...

— Небось вечер — сто долларов?

— Не меньше,— даже с некоторой гордостью произнесла Эвника.— А откуда вам известна ставка?

— О стоимости наших проституток пишут на Западе в газетах, как о прогнозе погоды... Ну что ж, сотня зелененьких — сумма приличная. Особенно если принять во внимание, сколько дают за доллар на черном рынке.

— Сто долларов не так уж много,— фыркнула Эвника.— Вон в Англии Памелла Бордес зарабатывает за ночь пятьсот фунтов стерлингов. Слышали о такой?

— Не пришлось.

— Она принимала членов английского парламента. В квартиру Памеллы был даже проведен звонок, извещавший клиентов-депутатов, что пора отправляться на голосование в парламент.

— А сколько вы имели от членов нашего правительства?— как бы невзначай поинтересовался Латынис.

— Каких членов?— смутилась Эвника.

— Например, министра Рудых?

— А-а, Рудых,— чуть улыбнулась администратор Дома моделей.— Поверьте, ничего.

— По любви?— разыграл искреннее удивление Ян Арнольдович.— Но он не то что в отцы, в деды вам годится.

— Ничего, могу поклясться,— серьезно произнесла Эвника.

— По просьбе Киреева?

— Нет. Одного из тех, кто не мешает мне работать с иностранцами.

— У него, надеюсь, есть фамилия?

— Есть и фамилия, есть и глаза, и уши, и, между прочим, длинные руки. Меня достанут, где бы я ни спряталась.

— Нам, как вы понимаете, можно доверять: нет резону вас закладывать. Какие у вас отношения с Вадимом Снежковым?

— Деловые.

— Сутенер?

— Ну зачем так грубо?— поморщилась администратор Дома моделей.

— Во всяком случае — не клиент. Так?

— Господи, конечно, нет!

— А не жених, случаем?

Эвника скептически улыбнулась, но не ответила

— Странно получается,— сказал Ян Арнольдович.— Снежков дико приревновал вас к Чикурову, а вот иностранцам преподносит вас на блюдечке с голубой каемочкой. Откуда у Вадима такая лютая ненависть к Игорю Андреевичу? Можете объяснить?

— Поверьте, мне Чикурова жаль,— опустила голову Эвника.— Но поймите... Что я могла поделать?— с отчаянием произнесла она.

— Поговорить с Вадимом, объяснить...

— Вадиму?!— округлила глаза Эвника — Он пешка, не больше.

— А за ним кто?

— Спросите что-нибудь полегче.

— Ладно, спрошу Вы бывали с клиентами в квартире Снежкова?

— Раз вам это известно, что спрашиваете?

— А почему именно у него?

— А где — у меня дома? Соседи за каждым моим шагом следят. У Вадима роскошная трехкомнатная хата. Стерео, видео, бар... Принца датского и того принять не стыдно.

Латынис заговорил о приятелях Снежкова: Хинчуке и адвокате Чураеве. Но Эвника сказала, что о них ничего не знает. Больше Ян Арнольдович ничего от нее добиться не мог.

Совещание у Рунова было назначено на девять утра. Когда Дагурова и Латынис зашли в его кабинет, там, помимо генерала, находился мужчина средних лет в штатском.

— Прошу любить и жаловать — Роальд Матвеевич Котляр, замначальника областного управления КГБ,— представил его москвичам Анатолий Филиппович.

Ольга Арчиловна и Ян Арнольдович назвались сами.

— Ну что же,— продолжал Рунов,— ваше взаимодействие, я думаю, очень даже пойдет на пользу делу.

— А оно уже началось,— сказал Латынис.

— Во всяком случае, мы установили, кому принадлежит зеленый «Москвич»,— откликнулся Котляр.— Тот, что стоял в аэропорту возле «Волги» Асадуллина.

— И кому же?— в один голос спросили Дагурова и Латынис.

— Брату Хинчука. А по существу — самому Хинчуку. В основном ездит на «Москвиче» он. По доверенности. По приметам один из мужчин, что вылез из машины, похож на Хинчука.

— Вот, значит, кто подстроил аварию,— покачала головой Ольга Арчиловна.— Я же говорила Гуркову, что Хинчука надо арестовать!

И рассказала о своем визите к облпрокурору.

Рунов возмутился и сказал:

— Жаль, что я не знал об этом факте. Между прочим, вчера на заседании областного временного Комитета по борьбе с преступностью было сказано немало критических слов в его адрес.

— Всякая нечисть подняла голову, а он что красна

девица, жеманится да церемонится,— буркнул Латынис.

— Перестраховщик,— кивнул Котляр.

— Если не хуже,— отозвалась Дагурова.— Когда я заикнулась о том, что в Южноморске орудует мафия, Алексей Алексеевич посмотрел на меня, как на помешанную. Стала доказывать, что замешаны сами верхи, а он мне: думайте, прежде чем говорить...

— Кого-нибудь конкретно назвали?— поинтересовался Рунов.

— К примеру, Печерского, тестя Киреева. Ваш мэр — махровый взяточник. Говорят, в городе почти не осталось государственных учреждений общепита. Отдали на откуп нечистым на руку людям, которые отмывают грязные деньги. Зато тем кооперативам, что хотят производить товары, налаживать сервис, перекрывают кислород.

— Ничего, отпредседательствовал Геннадий Трофимович,— сказал генерал.— Избиратели отзывают его.

— Наконец-то!— обрадовался Котляр.— Под его чутким руководством Южноморск запустили донельзя. Что жилье, что дороги, что экология.

— И, конечно, на заслуженный почетный отдых?— усмехнулась Дагурова.— Как Медунова и ему подобных?

— Скорей всего,— вздохнул Рунов.

— А надо бы привлечь к уголовной ответственности!— горячо проговорила Ольга Арчиловна.— И вообще, товарищи, я считаю, что нам пора заняться выявлением преступников не только по горизонтали, но и по вертикали. Сейчас уже ясно: Мухортов, Бородин, Кочетков и Довжук — самое низшее звено. Исполнители, так сказать. В итальянской мафии их именуют пиччотти. Они подчиняются главе, так называемому дону, или дяде. Он распоряжается их судьбами и жизнью. Но между доном и пиччотти имеется один или несколько промежуточных элементов По-ихнему — капорежиме...

— Вы, я вижу, специалист по мафии,— улыбнулся Рунов.— Откуда знаете?

— Можно сказать, из первых рук — от итальянского полицейского,— ответила Дагурова, коротко рассказав о знакомстве с комиссаром Фальконе.

— Кто же, по вашему мнению, в Южноморске капорежиме?— поинтересовался Котляр.

— Скорее всего, такие люди, как Киреев, Хинчук.

— А глава мафии?

— Заправляет всеми, по нашим сведениям, босс по кличке Сова. Кто он, пока установить не удалось,— ответил вместо следователя Латынис.

— Но опять же, если идти по мафиозной структуре,— добавила Дагурова,— без надежного прикрытия преступники не обходятся. У мафиози есть выражение «друг друзей». По-итальянски «амику ди лηамичи». Это может быть и политический деятель, и крупный чиновник, и работник правоохранительных органов. В нашей организованной преступности то же самое. Думаю, пора уже выходить на тех, кто покровительствует банде.

— И отнюдь далеко не бескорыстно,— подчеркнул Латынис.— Львиная доля идет наверх, вплоть до Москвы. Причем поступления, например, от сбыта наркотиков весьма значительны. В этой связи нас заинтересовала фигура Ступака.

— Давно мы к нему подбираемся,— сказал генерал.

— Давайте подбираться вместе,— улыбнулась Ольга Арчиловна.— Тем более что разыскиваемый нами преступник Георгий Бородин по кличке Борода связан с женой Ступака. Кто у вас занимается наркоманами?

Вместо ответа Анатолий Филиппович нажал кнопку селектора и сказал:

— Валерий Иванович, зайдите ко мне.

— Слушаюсь, товарищ генерал,— откликнулись из динамика.

— Это какой Валерий Иванович?— поинтересовалась Дагурова.

— Ветлугин,— ответил Рунов.

— Тот самый, кто первым вышел на Киреева?— уточнила следователь.

— Он,— кивнул генерал.

— Выходит, променял следственную работу на оперативную?— удивилась Ольга Арчиловна.

— Я соблазнитель,— сказал генерал.— Сагитировал взяться за этот тяжелый воз. Перевели в областной аппарат, повысили в звании.

В комнату заглянул Ветлугин:

— Разрешите, товарищ генерал?

— Проходите.

Валерий Иванович поздоровался с присутствующими, присел на стул.

— Вот,— показал на москвичей Рунов,— интересуются Ступаком.

Дагурова рассказала, почему и как их группа вышла на южноморского подпольного миллионера.

— Его так просто не возьмешь,— со вздохом произнес Ветлугин.— Оснащен, как нам и не снилось. Автомобили, катера, рации. А у меня в отделе всего три человека, одна машина, и та на ладан дышит. Каждый литр бензина вырываю с боем.

— Ладно, ладно,— перебил его генерал,— выделим штаты, машины, бензин будет. Есть уже договоренность.

— А пока техническую сторону мы возьмем на себя,— пообещал Котляр.— И людей подкинем.

— Тогда — другое дело,— оживился Ветлугин.

— Не опозоримся перед москвичами?— подмигнул ему Рунов.

— Не имеем права, Анатолий Филиппович,— усмехнувшись, сказал Валерий Иванович.

Хотя было уже одиннадцать часов утра, Дагурова и Латынис подняли Снежкова с постели. Он открыл дверь заспанный, лицо опухшее, волосы на голове и борода торчали во все стороны. «Трижды корреспондент Советского Союза» явно провел бурную ночь. Он сразу и не уразумел, зачем к нему явились следователь, оперуполномоченный и понятые. Когда Ольга Арчиловна предъявила постановление на обыск, Снежков начал хорохориться, рвался к телефону позвонить «кому надо».

— Остыньте, Вадим Леонидович,— осадил его Латынис.

— Могу я в собственном доме выпить хоть стакан воды?— с вызовом спросил журналист.

Ян Арнольдович проводил хозяина на кухню, где тот выхватил из холодильника початую бутылку коньяка.

— Если головка бо-бо, выпейте минералки,— отобрал у него спиртное Латынис.

Какой уж допрос пьяного...

Снежков выдул целиком бутылку боржоми.

Дагурова попросила его добровольно выдать видеокассеты с порнофильмами и другую продукцию подобного рода. Дабы не затягивать время.

— И облегчить свою участь,— добавил Латынис

— Нет у меня никакой порнухи,— продолжал вести себя нагло журналист, развалясь в финском кресле натуральной кожи.

Эвника сказала правду — квартира у Снежкова и впрямь была роскошная.

Начали обыск. Порнофильмы обнаружить было делом пустяковым. Из четырех десятков видеокассет половина оказались с «клубничкой». Что и выявил подполковник, прокрутив отрывки на видеосистеме.

— Разве это порнография?— усмехнулся Снежков.— Теперь такое запросто показывают по телику чуть ли не в «Будильнике».

— Ну, положим, совсем не такое,— заметила спокойно Дагурова.

— Порнуху я смотрю сам,— закинул ногу на ногу журналист.— Никакого криминала в этом нет

— Если бы только сам,— сказал Латынис — Малолеток просвещаешь.

— А это еще нужно доказать.

— Докажем, не беспокойтесь,— пообещал Ян Арнольдович.

Порнофильмы были не основное, ради чего они посетили Снежкова. Главного найти долго не удавалось, хотя, казалось, обшарили каждый уголок, каждый закоулок квартиры.

Когда Ян Арнольдович принялся за книги, которыми был заставлен стеллаж, занявший всю стену, то краешком глаза заметил, что хозяин напрягся.

Первая удача ждала в томике орфографического словаря русского языка. Листы его были склеены намертво. Подполковник отодрал обложку. В середине был вырезан аккуратный квадрат, заполненный визитными карточками, наподобие тех, что Ян Арнольдович видел у Белова,— с цветными фотографиями в углу.

— Давайте сюда, поближе,— пригласила понятых к столу Ольга Арчиловна, устроившись писать протокол.— Будем фиксировать каждую визитку.

Дело это было долгое и хлопотное.

— Ишь ты, министр!— прокомментировала понятая, рассматривая очередную карточку.— А вот академик!

— Смотри, заместитель генерального директора ГУМа,— сказал понятой.— Большие люди!..

Но больше всего их интересовали звезды эстрады.

Пока сделали полную опись, Латынис наткнулся еще на одну находку. Такой же тайник под обложкой монографии о Шишкине.

— Да-а, это вам не «Мишки в лесу»,— произнесла понятая, когда подполковник высыпал содержимое тайника на стол.

— Типичная порнография,— прокомментировала Дагурова.— Ваша работа?— обратилась она к Снежкову.

Тот молчал, сидя в кресле, нахохленный, словно ворона под дождем. Только Ольга Арчиловна успела оформить протоколом и эту находку, раздался звонок в дверь.

Снежков вскочил.

— Не утруждайте себя,— сказала следователь.— Товарищ Латынис откроет.

Ян Арнольдович пошел открывать. За дверью стояла Эвника. Скромная прическа, платье, сумочка...

— Здравствуйте,— сказал подполковник,— проходите.

— Здравствуйте... Пришла, как просила товарищ Дагурова.— Администратор Дома моделей показала на свои часики.

— Тютелька в тютельку,— улыбнулся Латынис.

Он проводил Эвнику в комнату, соседнюю с той, где шел обыск, и попросил подождать. Потом взял у Ольги Арчиловны «художества» Снежкова и вернулся.

Эвника чувствовала себя здесь как своя — уютно устроилась на тахте, листая «Плейбой». При появлении подполковника она поспешно отложила журнал.

— Пока Ольга Арчиловна занята, хочу вам показать кое-что из найденного у Вадима при обыске.

— Обыске?— испуганно проговорила Эвника.

— Увы. Добровольно предъявлять Снежков не пожелал. Уж больно стеснительный,— с иронией произнес Латынис и разложил перед администратором Дома моделей фотографии.

Та глянула на них, прикусила губу. Лицо ее покрылось красными пятнами.

Снимки запечатлели Эвнику в чем мать родила во время любовных утех. И не только ее, но и других девиц.

— Понимаю вас,— сказал подполковник.— Но поверьте, мне не доставляет радости копаться во всем этом. Вынужден...

— Ладно уж.— Эвника достала сигарету, закурила.— Что вас интересует?

На фотографии она старалась не глядеть.

— Вы знаете этих женщин?— отобрал Латынис снимки, где были другие проститутки.

— А как же... Это Рая Зелинская, Люся Воропаева, Валя Шумахер, художница...— Эвника вдруг криво улыбнулась.— Смотри-ка, Марина Юрьевна. Моя учительница, можно сказать.

— Откуда вы их знаете?

— Да они все из Дома моделей.

— Для чего их фотографировали?

— Клиенты-иностранцы просили. На память...

— Но тут есть и наши соотечественники.— Ян Арнольдович ткнул в несколько фотографий.

— Как вы разобрались, что наши? Ведь голенькие...

— Вадим снимал их и в благопристойном виде, на визитные карточки.

— Когда он фотографировал для визиток, они знали. А тут — нет.

— Для чего это нужно было?

— Спросите у Вадима.

— Как он ухитрялся делать это незаметно?

— Спросите у Вадима,— повторила Эвника.

— Что ж, придется спросить,— поднялся Латынис.— А вы пока посидите здесь.

Он собрал снимки и пошел в другую комнату. Дагурова как раз прощалась с понятыми.

— Минуточку, товарищи,— сказал Ян Арнольдович.— Понимаете, нужно еще кое-что выяснить.— И обратился к Снежкову:— Вы, оказывается, некоторых граждан снимали неведомо для них. Я имею в виду советских.— Латынис хлопнул рукой по фотографиям.— Расскажите, каким образом вы это делали?

Следователь удивленно посмотрела на подполковника, но тот жестом успокоил: мол, это важно.

— Запросто,— поднялся с кресла Снежков.

С него уже слетел весь гонор.

— Смотрите,— сказал Вадим, подойдя к стене, и снял красочный японский календарь с полуобнаженными девицами. Под ним была дыра. Латынис глянул

в нее и увидел Эвнику, в задумчивости курившую на тахте

— Прошу, товарищи,— пригласил подполковник остальных.

Дагурова и понятые тоже посмотрели в отверстие в стене. Затем все прошли в соседнюю комнату. Снежков и Эвника молча кивнули друг другу.

— Но здесь же зеркало,— удивилась понятая, указывая на то место, где должно было находиться выходное отверстие.

— Зеркало,— подтвердил хозяин квартиры.— Только не простое. Если смотреть с оборотной стороны, оно совершенно прозрачное.

— А-а, ясно, как защитные зеркальные очки,— сказал понятой.

— Совершенно верно,— кивнул журналист.

— Три ноль в вашу пользу! — шепнула Латынису Ольга Арчиловна. И громко сказала, обращаясь к понятым:— Придется вас задержать немного.

Они пошли в другую комнату составлять еще один протокол.

— И вы, Эвника, пройдите,— попросил Ян Арнольдович.— У нас с Вадимом Леонидовичем будет разговор.— Он улыбнулся и добавил:— Мужской...

Эвника удалилась.

— Потолкуем? — присел на тахту Латынис и показал на место рядом.— Чуешь, старина, что дело пахнет керосином?

— Чую,— обреченно проговорил журналист.— Готов отвечать на все ваши вопросы.

— Умница,— похвалил подполковник и так же, как перед Эвникой, разложил фотографии.— Ведь не для своего удовольствия ты щелкал наших любвеобильных граждан, верно?

— Честно говоря, порнуху я в гробу видел,— поморщился Вадим.— Это для импотентов. Люблю все натуральное.

— Кто заказывал?

— Киреев.

— Он тоже вроде не слаб как мужик,— усмехнулся Латынис.

— Тут другой интерес.

— Шантаж?

— Конечно. И ребенку понятно. Люди-то какие! Имея такой портретик, из них можно вить веревки.

— Я еще понимаю, что-то можно получить от министра, академика, но от Чураева?..— показал на один из снимков подполковник. Адвокат и так весь ваш, с потрохами.

— Это теперь. А раньше знаете сколько причинял неприятностей Кирееву? Охо-хо! На процессах по делам, которые расследовал ОБХСС, так копал, что частенько отправляли на доследование, а то и вовсе оправдывали суды. Тогда мы заманили Чураева на эту тахту, сотворили пейзажик, ознакомили. Стал ручной, как собачонка.

— Хинчука так же обратали?

— Само собой.

— Идея Киреева?

— Куда ему... Слабо!

— А чья же?

— Совы...

— Голова у этого Совы работает,— заметил Латынис.

— Да, не голова, а совет министров,— с почтением произнес Снежков.— Но для него человек — ноль! Может раздавить, как букашку.— Он вздохнул.— Вот и перекорежил мою жизнь и жизнь Эвники. А я ведь был в нее влюблен по уши...

— Когда вы познакомились?

— Вместе поступали в театральное училище. Эвника на актерский факультет, а я на оформительский. Понимаете, с детства увлекался рисованием, фотографировал... Мы с Эвникой срезались. Обоим буквально по баллу не хватило. Эвника была просто убита. Переживала страшно, но домой возвращаться не хотела ни в какую. Я предложил ей поселиться у меня...

— Воспользовались ее безвыходным положением? — усмехнулся Ян Арнольдович.

— Зачем же,— обидчиво произнес Снежков.— Говорю же, просто обожал ее. Между прочим, она была уже не девушка. Однако это меня нисколько не смущало. Сказал Эвнике, что хочу с ней зарегистрироваться...— Он тяжел вздохнул.

— Ну и как?

— Да никак,— грустно проговорил Вадим.— Поехал в Киев, на похороны брата. Справили мы девять дней, я возвратился в Южноморск. И узнаю: Эвнику видели с Хинчуком. Возил ее на машине, водил в ресторан, к себе на дачу.— Он помолчал.— Не в куклы

же они там играли. Не поверите, от горя я чуть не покончил с собой. Готов был простить, лишь бы Эвника вышла за меня замуж... Но кто попадет в их сети, уже не вырвется никогда... Короче, Сова решил использовать Эвнику для приманки нужных людей. Она и покатилась по наклонной...

— А вы?

— Тоже стал членом сборной Киреева,— осклабился Вадим.

— У вас сейчас какие взаимоотношения?

— Деловые, и только. А иных и не может быть: оба знаем друг о друге, что в дерьме по...— Он провел дрожащей с похмелья рукой по макушке.

— Скажи, парень, всю эту муть на Чикурова ты состряпал? Ну, фотографии, якобы изобличающие его в связях с Эвникой? — спросил полковник, понимая: то был момент истины, который так трудно бывает уловить.

— А кто же еще!.. Я вам все расскажу, все дам. Негативы, снимки, видеозаписи. Мне терять нечего, вы и так, как я понял, все раскопали.

— Не все.

— Ну, значит, раскопаете, и очень скоро.

— А для чего хранишь у себя это? — показал на снимки Латынис.— Киреев просил?

— Избави бог! Если бы он узнал, ноги из задницы выдернул! Отобрал все негативы. Но я исхитрился оставить по экземпляру. Чтоб со мной нельзя было поступить так, как с Морозовым.

— Это кто? Который написал статью «Покой нам только снится»? — уточнил подполковник.

— Он самый. Турнули его из газеты с волчьим билетом. А у него жена, двое детей и мать больная на руках. До сих пор перебивается подачками на радио и телевидении... Беднее церковной крысы.

В комнату заглянула Дагурова.

— Заходите, Ольга Арчиловна,— пригласил ее Латынис.— У Вадима есть что вам рассказать.

— А хочет? — спросила следователь.

— Наконец-то душу отведу,— с отчаянной решимостью сказал Снежков.— Только разрешите стопарек...

— Потерпи уж,— сказал Латынис.— Сначала облегчи душу, а потом можно и тело...

Сообщение с поста наблюдения поступило, когда Латынис ехал по тихой зеленой улочке.

— Второй,— послышалось сквозь треск рации, вмонтированной в приборный щиток,— говорит Седьмой. Во двор Жирного въехала «скорая помощь» Рафик, номер двадцать один — семьдесят пять ЮЖР. Как меня слышите?

— Седьмой, Второй слышит,— ответил Ян Арнольдович, разворачивая «Волгу» в обратном направлении.— Продолжайте наблюдение, будем выяснять, с кем там плохо. Как поняли?

— Понял вас, Второй,— отозвались в эфире.

Сообщение взвинтило подполковника. Понять это состояние мог бы только свой брат оперативник.

Шли третьи сутки наблюдения за роскошным особняком Жирного — так зашифровали Ступака по предложению Ветлугина. С Валерием Ивановичем Ян Арнольдович расстался буквально десять минут назад. Ветлугин, что говорится, дневал и ночевал в управлении. По оперативным данным, Ступак что-то затевал. Теперь майор тоже небось насторожился...

— Второй,— словно прочел он на расстоянии мысли Латыниса,— говорит Третий. Не нравится мне этот визит «скорой». Связываюсь с городской станцией...

— Добро,— откликнулся Ян Арнольдович, даже не называя свой шифр: начальник отдела, конечно же, узнал его.— А я постараюсь быть поближе к Жирному.

На Южноморск опускался ласковый теплый вечер. Улицы были полны народу. В парке, мимо которого проезжал Латынис, огромная толпа любовалась фонтаном со светомузыкой.

— Второй,— минуты через три снова заговорил Ветлугин,— по ноль три из дома Жирного вызова не поступало.

Голос у Валерия Ивановича был напряженный.

— Третий,— сказал Латынис,— Второй вас понял. А вы, Седьмой?

— Седьмой тоже понял,— раздалось спокойно в эфире, но тут же интонация резко изменилась:— Выскочила! «Скорая» выскочила из ворот с сиреной и направилась в сторону рынка.

— Седьмой, начинайте преследование,— скомандовал Ян Арнольдович, инстинктивно прибавляя скорость.— Но — осторожно

— Говорит Седьмой, следую за объектом.

— Третий,— продолжал Латынис,— я присоединяюсь к Седьмому, а вы выезжайте к Жирному. Действуйте по плану номер один.

— Третий понял,— быстро проговорил Валерий Иванович.

Ян Арнольдович так и представил себе, как группа захвата стремительно занимает места в автомашинах и те вылетают со двора управления.

«Кто в «скорой», куда она направляется? — размышлял подполковник, постепенно сближаясь с преследуемыми и преследователем (последний все время сообщал маршрут).— Интересно, как будут складываться дела у Ветлугина?»

Пока ехали по центру Южноморска, обнаруживать себя было опасно — начнется гонка и, не исключено, стрельба. А кругом люди... Но вот «скорая» выскочила на шоссе, ведущее за город. Латынис понял: нужно перехватывать. Беглецы могли уйти.

Ближайший пост ГАИ, получивший приказ остановить рафик, преступники миновали не снижая скорости. Теперь «Седьмой» на своем «жигуленке» и Ян Арнольдович преследовали их открыто. Когда «Волга» Латыниса приблизилась к ним на расстояние нескольких метров, Ян Арнольдович включил громкоговоритель.

— Водитель «скорой помощи» номер двадцать один — семьдесят пять, остановитесь! Не подвергайте риску следующие по шоссе машины!

Подполковник повторил приказ несколько раз. Но те, к кому он был обращен, на него не реагировали.

Рафик неожиданно свернул с шоссе.

«Так это же дорога к яхт-клубу!» — мелькнуло в голове Латыниса, и он круто повернул руль, вписываясь в немыслимый вираж. Однако рафик все-таки успел оторваться.

И вдруг откуда-то сбоку, из рощицы, словно трель дятла, коротко прозвучало: «та-та-та-та!» Стреляли в Латыниса, машину вдруг встряхнуло, подбросило, она завихляла задком.

«Камеры пробили, сволочи!» — сцепил зубы подполковник, бешено ворочая баранкой то вправо, то влево, боясь одного — перевернуться.

«Волга» соскочила с асфальта, пошла стричь

придорожные кусты, сшибла несколько молоденьких кипарисов и наконец стала.

— Второй, говорит Первый,— послышался знакомый одышливый голос генерала Рунова,— доложите обстановку.

Начальник областного управления внутренних дел лично включился в руководство операцией.

— Второй докладывает,— стараясь сохранить спокойный тон, сказал Ян Арнольдович.— Нас обстреляли из автомата на повороте в яхт-клуб. Застрял в зарослях...

— Не ранены? — почти крикнул Анатолий Филиппович, которого, по всей видимости, испугало слово «автомат».

— Нет.

— Седьмой, Седьмой! — звал на связь оперативника Рунов.

Но тот не откликался.

«Неужели?!» — екнуло в груди у подполковника.

Он вышиб зажатую ветвями дверцу, выскочил из «Волги» и, разгребая руками кусты, выбрался на дорогу.

«Жигуленок» лежал на шоссе вверх колесами метрах в двадцати. Когда Латынис подбежал к машине, они еще продолжали крутиться. Лобовое стекло, выдавленное из своих пазов, валялось рядом. На нем змеилась паучья сеть трещин, расходившихся от крошечного отверстия — следа пули.

Ян Арнольдович присел на корточки, заглянул в салон. Водитель лежал в неестественной позе. Голова, придавленная тяжестью тела, была залита кровью. Латынис взял пострадавшего за запястье. Пульс не прощупывался...

«Господи! — подумал подполковник.— Я даже ни разу не видел его. Он был для меня лишь «Седьмым»...»

Сзади завизжали тормоза. «Москвич» и мотоцикл с коляской гаишников. Они обступили «жигуленок».

— Первый, докладывает Второй,— связался по рации из «Москвича» Латынис.— Седьмой убит Прибыли работники ГАИ.

— Можете продолжать преследование?

— Буду преследовать! — срывающимся голосом ответил Ян Арнольдович.

Уже в «Москвиче», мчавшемся к яхт-клубу, он слышал властные команды генерала, незамедлительные

ответы начальников подразделений и их подчиненных. На ноги поднималась грозная сила...

Вот, наконец, и яхт-клуб. Карету «скорой помощи» Латынис заметил на самом краю причала и бросился к ней с пистолетом в руке. Дверцы были распахнуты настежь, в рафике не было ни души. Лишь валялся в салоне докторский халат и белая шапочка.

Мирно, убаюкивающе плескался прибой. Акватория бухты была пустынна, только вдалеке скользил по сине-свинцовой воде катер, оставляя за собой пенящийся бурун. Судно быстро удалялось от берега.

Подполковник побежал назад к «Москвичу», чтобы связаться по рации с Руновым и попросить помощи у береговой охраны.

Первая «Волга» с группой захвата, в которой находился Ветлугин, остановилась метрах в тридцати от ворот виллы южноморского миллионера. Тут же к машине приблизилась малоприметная женщина.

— Все спокойно, товарищ майор,— тихо доложила она Валерию Ивановичу.— К Ступаку больше никто не въезжал и не выезжал.

— А на своих двоих?

— Тоже...

Подъехала вторая машина. Несколько крепких молодых людей в штатском быстро рассредоточились вдоль высокой ограды, надежно прятавшей от посторонних глаз жизнь короля подпольного карточного мира.

Сам Ветлугин с тремя дюжими ребятами подошел к воротам. Тяжелые, с коваными металлическими полосами, они не имели ни одной щели. Ручки или другого приспособления для открывания тоже не было видно.

Майор нажал кнопку звонка. Из невидимого динамика раздался мужской голос:

— Вас слушают...

— Мне бы к Владимиру Ксаверьевичу,— ответил Ветлугин.

— Кто вы?

— Вы меня не знаете,— продолжал майор.— Прибыл издалека, от Лохматого.

«Отмычка» эта стоила долгих и кропотливых трудов не одного оперативника. И не только в Южноморске...

Соображал и прикидывал хозяин крепости минут пять.

«Неужели не сработает?» — волновался Ветлугин.

— А что, сам он пожаловать побрезговал? — наконец ожил замаскированный динамик.

— Куда ему,— протянул майор.— Вот-вот копыта откинет. Поэтому и торопил гонца, то бишь меня.

На сей раз в особняке думали недолго. Ворота дрогнули и стали медленно расходиться. Как только они раскрылись настолько, чтобы смог проскользнуть человек, в них один за другим ворвались все четверо работников милиции. Долговязый, гориллообразного вида мужчина, сидевший на табурете во дворе, и пикнуть не успел, как был вмиг скручен. Тут же вслед за первой четверкой на виллу, напоминающую поместье восточного владыки, стремительно влетели остальные члены группы захвата.

Чтобы добежать до мраморной лестницы особняка, надо было пересечь бархатный малахит газона с фонтаном посередине. Они не сделали и десяти метров, как раздался выстрел со стороны дома.

— Ложись! — крикнул майор и сам плюхнулся на землю, пахнущую свежескошенным лугом. Газон, видно, стригли совсем недавно.

Из особняка раздался еще один выстрел, потом второй, третий.

— Ступак, не делайте глупостей! — проговорил через усилитель Ветлугин.— Дом окружен, сопротивление бесполезно.

Воцарилась тишина. В нее врывались лишь звуки трамвая да крики детей, играющих на улице.

Майор с товарищами сделали еще рывок и очутились под защитой фонтана. Словно разъярившись от своей оплошности, из помпезного трехэтажного здания на это ответили автоматной очередью. Несколько пуль цокнуло о мраморное изваяние пастушка и пастушки, отбив от них разлетевшиеся осколки.

— Как в окопе сидим, товарищ майор,— усмехнулся рядом с Валерием Ивановичем румяный парень, прячась за ограду фонтана. Он сжимал в руке «макаров» с досланным в патронник патроном.

— Войну нам навязывали,— нахмурился Ветлугин.— Что ж, они ее получат

Откуда именно стреляли, определить было невозможно — мешали архитектурные излишества. Но они же и помогли: Ветлугин вдруг увидел, как двое оперативников, прокравшихся из-за дома и невидимых для стрелявших, карабкаются к входной двери по каменным атлантам с ярусом веранды на плечах.

— Сдавайтесь, Ступак! — предложил хозяину поместья Ветлугин.— Не усугубляйте свое положение. Оно у вас и так незавидное.

В ответ — снова свинцовый град. Стреляли отчаянно, остервенело, пока не израсходовали весь рожок автомата.

Ветлугин напряженно следил за двумя смельчаками, которые уже подобрались к самому входу и стояли по обе стороны дверей с пистолетами наготове.

— Ступак, выходите! Бросайте оружие! — в третий раз крикнул в мегафон майор.

Со второго этажа раздался одиночный выстрел. В мгновенно мелькнувший силуэт выстрелил притаившийся рядом с Ветлугиным оперативник. С треском разлетелось оконное стекло. Те двое, у двери, вышибли ее и исчезли в темном провале. Из дома послышалась беспорядочная стрельба. Майор со своей троицей в считанные секунды добежал до лестницы, буквально взлетел на нее и ворвался внутрь особняка. Валерий Иванович не замечал ни роскошных ковров, ни хрусталя люстр, ни картин в позолоченных багетах, ни старинной мебели, обтянутой шелковым штофом, ни серебра и бронзы посуды и статуэток, расставленных в сверкающих лаком шкафах В голове билась только одна мысль: поскорее обезоружить и захватить преступников.

Но сам он не успел сделать и выстрела. Телохранители Ступака были захвачены, двое из них ранены, а один лежал у окна второго этажа в луже крови. А вот самого Ступака и его жены нигде не было, хотя осмотрели все комнаты.

— Товарищ майор, может, в подвале? — высказал кто то предположение

— Да, остается только подвал,— сказал Валерий Иванович

Ход в цокольный этаж вел из кухни, которая вполне могла бы служить целому санаторию Из нее вела лестница вниз и упиралась в дубовую дверь. Ее вышибли Ветлугин и несколько сотрудников уголовного розыска ворвались в помещение

И тут раздался выстрел. Последний в отчаянной схватке.

Перед взором работников милиции предстал ярко освещенный подвал, заставленный ящиками с отечественными и импортными напитками, консервами, увешанный копчеными окороками и колбасами. Посреди этого невиданного изобилия лежал на полу Ступак, сжимая в руке револьвер. На его ослепительно белой рубашке расплывалось красное пятно, охватывая левую часть груди. Рядом стояла молодая красивая женщина, обезумевшими глазами глядя на умирающего.

— Жил, как крыса, и умер в подполе,— проговорил кто-то из оперативников.

Гроза всего побережья свел счеты с жизнью сам.

Судно береговой охраны буквально летело над морем. Его корпус едва касался гребней волн. Погруженными оставались лишь подводные крылья.

Уже сильно смеркалось. Мощные прожекторы обшаривали пространство вокруг, изредка выхватывая стайки дельфинов, грациозно выныривающих на поверхность. Латынис с капитаном находились в носовой рубке. Ян Арнольдович напряженно вглядывался в темень впереди.

— Не волнуйтесь, товарищ подполковник,— успокаивал его командир корабля.— У нас не то что катер — килька не прошмыгнет незамеченной.

Не успел он закончить, как из динамика послышалось:

— Товарищ капитан, на локаторе виден небольшой объект. Движется со скоростью двадцать пять узлов в час.— Оператор сообщил направление движения.

— Они,— проговорил командир корабля и приказал идти наперехват.

— Почему вы так уверены, что это они? — спросил Латынис.

— Местные рыбачки по домам уже сидят, телевизор смотрят,— с усмешкой ответил тот.— Ну а трассы всех прогулочных и рейсовых судов я знаю как свои пять пальцев.

— А может, просто гуляки?

— Так поздно? И слишком далеко забрались...

Минут через двадцать пять беглецов уже можно

было видеть отчетливо. Попав в луч прожектора, катер резко сменил курс. Сторожевое судно сделало соответствующий маневр, и над морем громовым раскатом полетел грозный приказ остановиться. Катер заметался, но скоро те, кто был на нем, поняли, что им не уйти. Задранный до этого нос суденышка опустился на воду — выключили двигатель.

Со сторожевика бросили за борт трап. Первым на него ступил Латынис. За ним устремились двое матросов с автоматами.

— Ба! — воскликнул подполковник, заглядывая в кабину катера.— Знакомые лица!

За штурвалом сидел Семен Кочетков, прикрываясь рукой от слепящего света прожектора. Сзади него на сиденье, протянувшемся вдоль борта, лежал человек, обмотанный бинтами. Он походил на мумию. И больше никого.

— Куда путь держим? — продолжал Латынис, быстро охлопывая капитана «Элегии», не припрятал ли оружие.

Тот словно потерял дар речи. И только когда пограничники подсаживали его на трап, хрипло произнес:

— Пушка под сиденьем. Прошу учесть — выдал добровольно и сопротивления не оказывал.

— Учтем, Кочетков,— кивнул Ян Арнольдович и наклонился к забинтованному:— Может, представитесь, гражданин?

Тот лишь простонал в ответ, сверкнув белками глаз.

«Никак и впрямь раненый»,— подумал подполковник.

Он попросил матросов поднять его на судно со всеми предосторожностями.

— Ну и тяжел! — крикнул один из пограничников, когда они подхватили белый кокон.

Пришлось воспользоваться лебедкой. После этого катер был взят на буксир, и сторожевик взял курс на Южноморск.

Латынис находился неотлучно при Кочеткове в маленьком кубрике. Подполковник пытался выяснить, кого вез на катере Семен и куда, что они делали в доме Ступака. Кочетков отвечать на вопросы отказался.

— На что ты надеешься, кэп? — покачал головой Латынис.

Тот продолжал молчать.

В южноморском порту их уже ждали «скорая» и милицейская машина. Кочеткова отвезли в следственный изолятор, а Латынис с неизвестным, скрытым под бинтами, поехал в больницу.

— Что с ним?— спросил у Яна Арнольдовича дежурный врач, когда они остались в палате втроем.

— Самому бы хотелось знать,— почесал затылок подполковник.

Врач ощупал ноги и руки больного и констатировал:

— Гипс. После аварии, что ли?

— Да, жизненной,— чуть усмехнулся Латынис.— Разбинтуйте голову.

Осторожно, словно от каждого его движения зависела жизнь пациента, врач начал разматывать бинт на голове неизвестного. И по мере того как его лицо освобождалось, рот подполковника все шире растягивался в улыбке. «Раненый» же еще крепче смежывал веки.

— Жора, а Жора!— потрепал его за чуб Латынис.— Кончай спектакль.

Это был Георгий Бородин по кличке Борода. Он метнул в оперуполномоченного злобный взгляд и снова закрыл глаза. Один только врач ничего не понимал, недоуменно посматривая то на Латыниса, то на пациента.

— Можете спокойно снять гипс,— сказал Ян Арнольдович.

Врач бросился к двери и крикнул в коридор:

— Юля, неси, что нужно для снятия гипса.

Медсестра явилась с инструментом для этой операции. Врач взял огромные ножницы и хотел разрезать гипсовую повязку. Но как он ни старался, это ему не удавалось.

— Железо там, что ли?— посмотрел он растерянно на подполковника.

— Снимайте бинты слой за слоем,— посоветовал Ян Арнольдович,— и будем считать, что вы и вы, Юля, понятые...

Когда были размочены и размотаны несколько витков бинта, сверкнули первые золотые монеты, уложенные плотно одна к другой.

— «Бриллиантовая рука»!— не удержавшись, хихикнула Юля.

— Нога, уверен, тоже бриллиантовая,— кивнул Латынис.

И впрямь, Бородин, как панцирем, был весь забро-

нирован золотыми монетами и драгоценностями. На его могучем теле поместилось этого добра пуда два, не меньше. Помимо золота и камней он был облеплен толстым слоем долларов, фунтов стерлингов, западногерманских марок, итальянских лир и другой валютой. На вопрос Латыниса, кому принадлежит это несметное богатство, Бородин не ответил. Он вообще не проронил ни единого слова.

Оформив соответствующие протоколы, подполковник вызвал конвой, и задержанного увезли. Для того чтобы перевезти ценности, пришлось вызывать инкассаторскую машину и представителя Госбанка.

Разделался со всем этим Латынис около часу ночи. И тут же помчался в особняк Ступака, где еще находились Рунов, Ветлугин и Дагурова. Во дворе поместья подпольного миллионера стояли спецмашины, ходили милиционеры. Знакомый капитан, провожая Латыниса в дом, рассказал подробности о схватке, происшедшей здесь.

В доме заканчивали обыск. Анатолий Филиппович, Валерий Иванович и Ольга Арчиловна уединились в одной из многочисленных комнат с Яном Арнольдовичем, чтобы услышать из первых рук о событиях на море и в больнице.

— Уверена, это ценности Ступака, о которых ходило столько легенд,— сказала Дагурова.— Вот почему мы их не нашли в доме.

— Чем объясняет отсутствие денег и драгоценностей вдова?— поинтересовался Латынис.

— Пока на эти вопросы она отвечать отказывается,— сказала Ольга Арчиловна.— Мы сначала попросили выдать все это добровольно. Говорит — ищите...

— А наркотики нашли?— спросил подполковник.

— Увы,— вздохнул Ветлугин.— Даже натасканных на это дело собак использовали — ни полграмма...

— Ну что ж, проведем допрос,— решил Рунов.— Теперь у нас есть козыри.

Коротко обсудили план предстоящего разговора и вызвали вдову Ступака. Вид у нее был усталый, но держалась она довольно уверенно и спокойно. Трудно было предположить, что несколько часов назад на ее глазах застрелился муж.

— Наталья Егоровна,— начал Рунов,— по нашим сведениям, вы были сообщницей своего мужа, занимались хранением и распространением наркотиков.

— Разве я похожа на сообщницу?— хмыкнула вдова.— Простите, не из таких.

— А из каких?

— Которых лелеют и холят...

— А как же извоз?— усмехнулся генерал.— Ступак садился за руль «роллс-ройса», а вы —«ягуара», может быть, наоборот, не знаю. А по существу, это все равно что кучер Ванька.

— Это для меня было развлечением. Люблю водить машину.— Она улыбнулась своей неотразимой улыбкой.— Тем более — шикарную и в приятном обществе...

— Иностранцев?— уточнила Дагурова.

— Вот именно. Это вам не наши вахлаки...

— А Бородин?— спросила Ольга Арчиловна.— Его обществом вы почему-то не брезговали.

— Да, Наталья Егоровна,— как бы невзначай поинтересовался Латынис,— сегодня гипс ему накладывали вы?

— Какой гипс?— побледнело лицо вдовы.

— Третья серия фильма «Бриллиантовая рука»,— с невинной улыбкой посмотрел на допрашиваемую Ян Арнольдович.

— При чем тут «Бриллиантовая рука»?— растерянно оглядела присутствующих Ступак.

— Наталья Егоровна, не надо прикидываться,— сказал Рунов.— Бородин и Кочетков задержаны. Ценности изъяты. Знаете, у меня такое впечатление, что вы не отдаете себе отчета, в каком положении находитесь. Оказали вооруженное сопротивление работникам милиции, ранили двоих. В доме найден буквально арсенал оружия...

— Не у меня в доме, а у Ступака,— возразила вдова.

— Имущество у вас общее,— уточнил генерал.

— Замечу еще,— добавил Латынис,— сегодня ваши люди убили сотрудника милиции.

— Где?— испуганно посмотрела на него Наталья Егоровна.— Когда?

— Когда?— сурово произнес Рунов.— Во время преследования Бородина и Кочеткова. Из автомата...

— Но ведь им сказали стрелять по скатам!— вырвалось у вдовы.

Она осеклась и опустила голову.

— Кто приказал стрелять?— выдержав паузу, спросила Дагурова.

— Ступак!— почти выкрикнула вдова. Она ни разу не назвала мужа по имени.— Он словно ополоумел! Говорила ему, умоляла! Никаких пистолетов, автоматов, никакой крови!..

— Расскажите по порядку,— попросил Рунов.— И, пожалуйста, спокойно.

— Хорошо, хорошо,— закивала Наталья Егоровна.— Короче, Ступак понял, что на крючке. И решил смотаться. Ну и лечь на дно...

— А как же дом?— не выдержав, прервала ее Дагурова.— Вернее, дома?.. Этот, в Крыму, и в Подмосковье?

— О чем вы говорите!— отмахнулась вдова.— Того добра, что было на Бородине, хватило бы на сто таких домов.

— Понятно,— кивнула Ольга Арчиловна.— Дальше?

— Было задумано так: Бородина доставят в аэропорт, где уже ждал санитарный самолет. Потом переправят в одно место...

— Куда именно?— спросил Рунов.

— А вот этого Ступак мне не сказал.— Она приложила руки к груди.— Поверьте, не вру. Знаю только, что встреча с Бородиным должна была состояться через два дня.

— А если бы он скрылся с вашим добром?— спросил Латынис.

— Не скрылся бы,— протянула Наталья Егоровна — Не посмел бы. Вы не знаете законов их мира: нашли бы из-под земли.

— Ну а вы со Ступаком?— продолжал допрос Рунов.

— Мы должны были сегодня,— она посмотрела на старинные каминные часы и поправилась:— теперь уже вчера, незаметно скрыться из города. Все шло нормально, но вдруг Ступак услышал, что на хвост «скорой» села милиция. Это подтвердил по рации Хинчук.

— Он тоже был в машине?— уточнил Латынис.

— Ну конечно. Ему-то и дал муж команду использовать запасной вариант.

— Катер?— спросил Рунов.

— Да,— подтвердила вдова — Затем кому-то ска-

зал по рации: «Отшейте легавых. Бить по шинам...» Как сейчас помню, именно —«бить по шинам». Неужели все-таки убили?

— Убили,— сурово сказал Рунов.— Старшего лейтенанта Шировского. Остались двое сирот.

Она покачала головой и продолжила:

— Когда Ступак услышал, что за дело взялись пограничники, совсем озверел...

При этих словах Латынис и генерал незаметно переглянулись.

— Во двор ворвались милиционеры,— рассказывала дальше Ступак.— Муж схватился за автомат. Буду бить гадов, говорит.— Она извиняющимся взглядом обвела присутствующих.— Простите, это его слова... Буду, говорит, бить до последнего патрона. Отняли у меня все, на что я положил жизнь...— Наталья Егоровна вздохнула.— В сущности, для Ступака ничего в мире не существовало, кроме денег. Он понял, что все потерял.

— И потому застрелился?— спросила Ольга Арчиловна.

— Да, поэтому,— снова вздохнула вдова.— И еще потому, что панически боялся ареста. Никому никогда не позволял говорить в его присутствии о тюрьме, колонии...

— Наталья Егоровна,— снова вступил в разговор Анатолий Филиппович,— вот вы сказали, Ступак узнал, что за дело взялись пограничники. Он что, телепат?

Вместо ответа вдова встала, подошла к японской стереосистеме и нажала какую-то клавишу. В комнату ворвался мужской голос:

— ...предположительно тридцать—тридцать пять лет, волосы темные, с большими залысинами, картавит. Одет в костюм из джинсовой ткани варенки. Может находиться у любовницы по адресу: улица Мориса Тореза, десять, квартира сорок девять...

Наталья Егоровна выключила приемник. Присутствующие недоуменно переглядывались.

Голос принадлежал заместителю Рунова, а передача велась на волне, известной очень узкому кругу лиц. Речь шла о поисках тех, кто обстрелял Латыниса и Шировского.

Когда всеобщее замешательство прошло, генерал поинтересовался, откуда Ступаку стали известны частоты, на которых работает милиция.

— Понятия не имею,— ответила вдова.

— Не Киреев ли сообщил?

— Вполне возможно.

— А какая кличка была у Ступака?— спросила Дагурова.

— Несколько. Дуплет, Кляча,— вдова усмехнулась,— Жирный — это вы ему присвоили.

— А кто присвоил кличку Сова?— спросил Латынис

— Сова — это не Ступак.

— Киреев?

— Что-о?— презрительно протянула Наталья Егоровна.— Донат — вошь. Ступак его терпеть не мог, вам сдал его, но Сова вызволил.

— Так кто же Сова?— нетерпеливо спросила Ольга Арчиловна.

— До сих пор не знаю

— Наталья Егоровна,— сказал до сих пор молчавший Ветлугин,— где партия героина, что вы получили от Лохматого?

— Где?— усмехнулась она.— Плывет по морю-океану вместе с Капочкой Савельевой и Киреевым Так что вы зря старались, искали здесь.

— Кому и когда они должны передать наркотики?

— Считайте, птички улетели, не поймаете,— с иронией произнесла Наталья Егоровна, но под суровым взглядом генерала Рунова посерьезнела.— Кому — не знаю. А вот где... Перед отъездом муж говорил с Савельевой. Она называла какой-то остров.— Ступак наморщила лоб.— Итальянский... На этом острове теплоход, на котором Капочка милуется с Донатом, должен сделать очередную остановку. Экскурсия в город и прочее. В городе и состоится встреча с каким-то иностранцем.

— Название города? — расспрашивал Ветлугин.

— Не расслышала.

— Но Италия — точно? — настойчиво интересовался майор.

— Точно.

Латынис поднялся и быстро покинул комнату Допрос заканчивали без него.

Наталья Ступак сообщила сведения, касающиеся разветвленной сети подпольного наркобизнеса, ее структуру. А знала она много — ее муж был ключевой фигурой в Южноморске и прилегающих к нему го-

родах. Играл он важную роль и среди воротил наркомафии в стране.

— Выходит,— подытожил Рунов,— карты для него были прикрытием?

— Почему прикрытием?— пожала плечами вдова.— Страсть. Хобби, можно сказать. Надо же было чем-то развлекаться. «Элегия»— это мелочь.

— Значит, настоящий владелец яхты — Ступак?— уточнила Дагурова.

— Он купил ее для меня. Но я, честно говоря, боюсь воды. Вот и держали «Элегию» для встреч с нужными людьми. И еще Ступак устраивал на ней катраны.

— А Хинчук?

— Мальчик на побегушках...

Допрос закончили около четырех часов утра.

А уже в десять Дагурова звонила начальнику следственной части Прокуратуры республики Вербикову. Латынис установил, что в программе круиза, в котором участвовали Савельева и Киреев, есть посещение острова Сицилия. С заходом в порт Палермо.

— Олег Львович, нужно срочно предпринять меры к задержанию Савельевой и Киреева,— заключила свое сообщение следователь.

— Да,— задумчиво проговорил Вербиков,— упустить их было бы непростительно.

— Понимаете, в Палермо есть возможность захватить их с поличным.

— Это было бы идеально,— согласился патрон.— Ох, Ольга Арчиловна,— добавил он со смешком,— мало вам Черного моря, так вы еще закидываете сети в Средиземное. Что, очень понравился Палермо?

— При чем тут я?— обидчиво проговорила Дагурова.— Задержание могут прекрасно провести сами итальянцы. Комиссар полиции Франческо Фальконе. Речь-то, как я поняла, идет о международной мафии. Будем бороться с ней сообща.

— Агитировать меня не надо — дело действительно требует интернациональных усилий. Можете сообщить координаты вашего итальянского знакомого?

— Конечно,— обрадовалась Ольга Арчиловна.— Его визитная карточка передо мной.— Она продиктовала телефон и должность синьора Фальконе.— Ду-

маю, мы окажем им немалую услугу в разоблачении тамошних торговцев наркотиками.

— Это факт,— подтвердил Олег Львович и уточнил:— Когда, говорите, теплоход посетит Сицилию?

— По расписанию — послезавтра,— ответила следователь.— Времени для подготовки, как видите, в обрез.

Ольга Арчиловна почувствовала себя так, словно свалила с плеч тяжелый груз. После этого она отправилась на допрос Бородина и Кочеткова.

Если первый оказался крепким орешком и не захотел давать никаких показаний, то у беглого алиментщика язык развязался сразу. По словам Кочеткова, в «скорой» помимо них с Бородиным находился еще и Хинчук. Он должен был сопровождать в санитарном самолете «больного», играя роль опекающего врача. Когда они освободились от хвоста и добрались до яхт-клуба, то пересели на катер, заранее подготовленный для длительного путешествия. Кочетков высадил Хинчука километрах в десяти от Южноморска в рабочем поселке, а сам взял курс в открытое море.

— Где вас должны были поджидать?— спросила Ольга Арчиловна.

— В Одессе.

— Путь не близкий. Да и навигацию нужно знать.

— Так я ведь старый морской волк,— гордо произнес Кочетков.

Он охотно сообщил приметы человека, который ждал их в Одессе, пароль при встрече. И вообще дал массу сведений, позволяющих выйти на след мелких и крупных преступников, орудующих на побережье.

Единственное, чего не знал Кочетков, это где в данное время находится Генрих Довжук.

Наряду с драматическими и трагическими событиями последние сутки принесли следственно-оперативной группе немало удач. В результате операции, проведенной органами милиции совместно с сотрудниками госбезопасности, были арестованы десятка полтора человек, обезврежена банда вымогателей, раскрыты притоны наркоманов. Когда поздним вечером Дагурова и Латынис встретились в номере Ольги Арчиловны, Ян Арнольдович ликовал.

— Наступаем по всему фронту!

— И по-прежнему все по низам...— несколько охладила его пыл Ольга Арчиловна.

— Оля, нужно радоваться любым победам,— заметил подполковник.

Они уже были на «ты».

— О победах говорить еще рано. Вспомни Чикурова и Измайлова...

— Неужели ты думаешь, что и нас?..

— Все может быть,— грустно усмехнулась следователь.— Кто кого.

— Мне твое настроение сегодня не нравится,— нахмурился Латынис.

— Мне самой оно не нравится,— призналась следователь.— Что-то не по себе.

— Бывает,— кивнул подполковник.

— Может, с папой что?.. Понимаешь, нехороший сон снился...

— Ты этому веришь?

— Недаром говорят — вещий сон. Папе семьдесят пятый год пошел. Он ведь пережил блокаду. Стенокардия, артрит...— Она махнула рукой.— Болезней вагон и маленькая тележка.

— Так позвони ему, успокой свою душу.

— А что, это идея!— встрепенулась Ольга Арчиловна.

Пробиться в Ленинград по автоматической телефонной связи было серьезным испытанием. Она его выдержала. Наградой послужил родной голос. Арчил Автандилович страшно обрадовался. Очень соскучился по дочери.

— Почаще приезжай в Москву,— попросила Ольга Арчиловна.— Ведь езды всего несколько часов...

— Я-то приеду,— отозвался отец,— но тебя опять не будет. Мотаешься по всей стране...

— Лаурочку повидаешь...

При упоминании о внучке дед прямо-таки запел соловьем.

Поговорила Ольга Арчиловна и с матерью. Та, как всегда, спешила — по телевизору шел фильм. .

— Успокоилась?— спросил Латынис, когда Ольга Арчиловна положила трубку.

— Отлегло,— кивнула она.

— Как насчет кофе? У меня остался растворимый на пару чашек.

— Давай кофе.

Не успел Ян Арнольдович дойти до двери, как зазвонил телефон.

— Слушаю,— взяла трубку Дагурова.

— Слушай-слушай, и очень внимательно,— раздался один из тех голосов, к которым она уже привыкла.

Следователь сделала знак Латынису, чтобы он засек номер телефона, с которого звонили. Ян Арнольдович побежал к себе.

— Даем тебе пять дней сроку,— продолжил незнакомец.— Закрывай дело, освободи Бородина, Кочеткова, Мухортова и мотай к чертовой матери из Южноморска. Поняла?

— А то что будет?— спокойно спросила следователь, чтобы потянуть время.

— А то — никогда больше не увидишь свою Лауру. Если думаешь, что берем на понт, позвони в Москву.

Разговор прервали. Это было странно: обычно шантажист смаковал свои угрозы.

Опять в душу ворвались безотчетные страхи. Особенно неприятно было услышать имя дочери из уст какого-то мерзавца.

— Из Москвы,— стремительно вошел Латынис.— Междугородный переговорный пункт в аэропорту Внуково.

— В аэропорту легче затеряться,— задумчиво проговорила следователь, кладя трубку на рычаг.

Она передала Яну Арнольдовичу содержание разговора.

— Дай-ка свяжусь с ребятами из Внукова,— потянулся к аппарату Латынис.— У меня там приятель — замначальника отделения милиции.

— Погоди, сначала я позвоню домой,— стала набирать по коду свой московский номер Дагурова. Соединилось сразу, трубку взял муж, Виталий.

— Здравствуй, Оленька,— обрадовался он.

— Лаура дома?— стараясь скрыть волнение, спросила Дагурова.

— Нет. Жду с минуты на минуту.

— А где она?

— Папа твой взял из садика...

— Какой папа?!— вскочила с места Ольга Арчиловна.— Он в Ленинграде! Понимаешь? Я только что разговаривала с ним!..

— Как в Ленинграде?..— растерялся Виталий.

— Кто тебе сказал, что Лауру взял мой отец?

— Уборщица... Понимаешь, я пришел, как всегда, после работы за ней, а мне говорят: ее взял дед...

— Господи!— простонала Ольга Арчиловна.— Неужели правда?

— Он же и раньше брал ее,— оправдывался Виталий.— И тут же тащил в кино, в зоопарк... Да в чем дело-то?

— Не знаю. Возможно, случилось страшное...— У Дагуровой задрожал голос.

— Дай я сам с ним поговорю,— властно взял трубку из рук Ольги Арчиловны Латынис.— Добрый вечер, Виталий Сергеевич. Слушайте меня внимательно. Есть сведения, что вашу дочь похитили.

— Кто?!

— Сами понимаете, с кем имеет дело ваша жена. Вы мужчина и постарайтесь взять себя в руки. Запишите: Антон Ефимович Колосов... Поняли?

— Да-да,— отозвался Виталий.— Записал.

— Ждите его звонка,— продолжал Латынис.— И делайте то, что он скажет.

— Может, мне ему позвонить?

— Нет, с Антоном Ефимовичем свяжусь я сам. Разговор кончаю.

Ян Арнольдович нажал на рычаг. Видя, что Дагурова находится в какой-то прострации, он легонько потеребил ее по плечу.

— Оля, держись...

— Да-да,— чуть слышно шевельнулась она.— Постараюсь...

— Все сделаем.— Латынис уверенно крутил диск телефона — Антон — один из лучших сыщиков в Союзе

К счастью, разыскать коллегу Латынису удалось в считанные минуты. Он обрисовал Колосову ситуацию и попросил тут же взяться за дело

— Не в службу, а в дружбу,— заключил подполковник

— Ян, какой может быть разговор! Через пятнадцать минут я буду у Виталия Сергеевича.

— А я сейчас же переговорю с генералом,— сказал Латынис

Он связался со своим непосредственным начальником Тот отнесся к сообщению очень серьезно и

пообещал, что всячески будет содействовать розыску ребенка.

— Собирайся, Оля,— сказал Латынис, окончив разговор с генералом.— И побыстрей. Нужно успеть на последний московский рейс.

— Как же так?— растерялась она.— Без согласования с Вербиковым...

— Ну неужели Олег Львович скажет хоть слово против?

— Ты прав. Он поймет.

По дороге в аэропорт Ольга Арчиловна дала волю слезам. Ян Арнольдович успокаивал ее как мог. Они едва успели. Подскочили к трапу самолета, когда летчики уже хотели задраивать двери.

А в это время в Москве Колосов и Дагуров звонили в квартиру воспитательницы детского сада. Открыла она сама. Видимо, только что легла спать.

— Виталий Сергеевич?— удивилась воспитательница, запахиваясь в домашний халатик.— Добрый вечер.

— Ужасный, Нина Владимировна!— выпалил Дагуров.— Понимаете, нужно срочно с вами поговорить.

— Проходите, проходите,— передалось ей тревожное состояние Дагурова.— Что случилось? На вас лица нет.

— Антон Ефимович,— представил Колосова хозяйке дома убитый горем отец.— Работник милиции. Лауру похитили...

— Кто? Когда?— охнула воспитательница.

— Кто ее забирал сегодня?— взял разговор в свои руки старший оперуполномоченный МВД СССР.

— Дедушка...

— Не мог он! Слышите, не мог!— потрясая в воздухе кулаками, прокричал Виталий Сергеевич.— Дедушка в Ленинграде!

— Ничего не понимаю!— побледнела Нина Владимировна.— Ведь он сидел в машине.

— Погодите,— остановил ее жестом Колосов.— Расскажите, пожалуйста, подробно.

— Ну, около шести, без пяти или десяти, точно не помню, зашел приятный молодой мужчина и говорит, что за Лаурочкой дед приехал. Я спросила, где же он сам? «Вон,— говорит,— сидит в машине». И показал в окно. Я глянула. Действительно, стоит автомобиль, а в нем старичок... А этот молодой человек

объяснил, что дедушка перед самым садиком за сердце схватился Вот и попросил... Я одела Лаурочку. Как сейчас помню, одной ручкой она взялась за мужчину, а в другой понесла свою любимую обезьянку.

При последних словах Дагуров застонал.

— Как вы могли?— обхватил он голову руками.— Это чудовищно!..

— Виталий Сергеевич, дорогой, я была уверена! Честное слово...— взволнованно проговорила воспитательница.— Дедушка ведь и раньше заходил за Лаурочкой. Много раз..

— Но ведь сам брал! Лично!— сорвался на крик несчастный отец.— А вы отдали ее какому-то бандиту!

— Спокойно, спокойно, Виталий Сергеевич,— остановил его Колосов и обратился к разрыдавшейся воспитательнице:— Нина Владимировна, можете сейчас поехать с нами?

— В тюрьму?— отшатнулась она.

— Тоже еще скажете!— покачал головой оперуполномоченный — Просто вы нужны нам, потому что знаете в лицо человека, забравшего Лауру.

— Да-да,— засуетилась воспитательница.— Минуточку, только переоденусь...

Через пять минут они уже мчались в сторону Петровки

Сразу после обеденного перерыва Чикурова вызвал к себе райпрокурор и попросил отвезти в Москву коекакие бумаги.

«Вот уже и курьером заделался,— невесело подумал Игорь Андреевич, возвратившись в свой кабинет — Ладно, это лучше, чем сидеть в моей мрачной келье ..»

Он надел пальто, предупредил Леонеллу, что едет в облпрокуратуру, сегодня уже не будет, и вышел на улицу Пахло талой водой, прелыми листьями. Снег почти весь сошел, лишь отдельные сугробы, грязные и ноздреватые, прятались в укромных местах.

Не успел Чикуров пройти квартал, как с другой стороны улицы к нему перебежал пожилой мужчина в телогрейке и облезлой ушанке За ним семенила собачонка

— Здрасьте, Игорь Андреевич,— запыхавшись, проговорил старик.— А я к вам

— Здравствуйте,— всматривался в него Чикуров.
— Не признали небось?
— Как же, как же,— вспомнил он вдруг пенсионера, приходившего к нему с жалобой на соседку,— Если не ошибаюсь, товарищ Валдаев?
— Валдаев,— закивал старик.— Иван Степанович.
— Ну что, поладили с соседкой?
— Какой там, на ножах,— отмахнулся Валдаев
— У нее все еще пять кошек?
— Пять? Уже не меньше дюжины. Совсем одолели хвостатые твари... Не сплю третью ночь.
— Отчего же так? Бессонница мучает?— решил уточнить Чикуров.
— При чем тут бессонница? Я же говорю: Довжучиха в гроб заживо загоняет... То кошки. А теперь еще девчонка день и ночь плачет. А ей хоть бы хны... Глухая... Не слышит ни черта... А девчонка разрывается. Ведь уморить так ребенка можно...
— Внучка?
— Откуда? Никогда не говорила ни про какую внучку. Да и сын у нее не женат.
Чикуров остановился и посмотрел вопрошающе на старика: мол, не фантазирует? Тот понял и стал просить Чикурова:
— Не верите? Пойдемте, здесь не далеко. Убедитесь сами, что творится... А если что с девчонкой случится, грех будет на вашей совести...
— Вы обращались к участковому?— сделал последнюю попытку Игорь Андреевич. Пропусти он эту электричку, не выполнить ему сегодня поручение прокурора...
— Обращался! Не хочет он связываться с Довжучихой.— Иван Степанович покачал головой.— Эх, люди, люди... А говорят, перестройка
Чикурову стало стыдно. Да и не о ком-нибудь шла речь, о малышке Он вспомнил своего Андрюшку...
— Хорошо, идем,— решительно сказал Чикуров.
До валдаевского дома было ходьбы минут пять. Почерневший от времени деревянный барак. Три входа с покосившимися навесами. Вошли в крайний. Уже в темном коридорчике в нос шибанул резкий запах кошачьей мочи. Иван Степанович провел Чикурова в помещение, которое, видимо, служило кухней. Здесь этот дух ощущался еще сильнее. Два отъев-

шихся кота сладко дремали на подоконнике, развалившись под лучами солнца.

Игорь Андреевич повертел головой: детского плача вроде не слышно.

— Небось уже нет сил плакать,— негромко пояснил Иван Степанович.— Извелась вся, бедняжка...

— Соседка дома?

— Была,— кивнул старик и крикнул в филенчатую дверь:— Серафима Игнатьевна, тут до тебя пришли!

Никто не откликнулся.

— Серафима Игнатьевна!— громко позвал помпрокурора.— Откройте, пожалуйста!

И тут из глубины комнаты раздался детский плач. Действительно, ребенок, по-видимому, совсем обессилел. Слышались только лишь всхлипы. Дверь отворилась, и на пороге появилась коренастая пожилая, но еще крепкая женщина в шлепанцах, байковом халате, поверх которого была накинута вязаная кофта.

Выражение лица Серафимы Игнатьевны никак нельзя было назвать приветливым.

— Здравствуйте,— начал Игорь Андреевич.— Я — помощник прокурора...

— Да хоть сам прокурор!— рявкнула старуха и хотела было закрыть дверь.

— Погодите!— взялся за ручку двери Чикуров.— Выслушайте, пожалуйста.

— Нечего мне тебя слушать!— потянула на себя дверь Серафима Игнатьевна.

Но Игорь Андреевич успел просунуть в сужающуюся щель ботинок. Почему он так сделал, объяснить не мог. Может быть, потому, что в тонком всхлипывающем рыдании девочки почудилось что-то знакомое?..

— Там ребенок?— строго спросил Чикуров.

На какое-то мгновение хозяйка опешила и отошла в сторону. Воспользовавшись моментом, Чикуров шагнул в комнату.

На стуле, кушетке, столе сидело и лежало с десяток кошек.

Плач доносился из-за низенькой дверцы в стене.

— Чей ребенок?— спросил Игорь Андреевич.

— Не твоего ума дело!— попятилась старуха и стала спиной к чулану, давая понять, что не пропустит туда никого

— Я спрашиваю!..— начал терять самообладание Чикуров.

— Сердца у тебя нет!— стыдил соседку из-за его спины Валдаев.

— Внучатая племянница,— хмуро произнесла она.— Нашкодила, вот я ее и проучила...

— Ма-а-мочка, миленькая,— послышалось из-за дверцы.— Домой хочу-у!..

Игоря Андреевича сорвало с места как пружиной: голос был явно знакомый.

— Прочь с дороги!— крикнул он вне себя от ярости.

Старуха в испуге метнулась в сторону. Чикуров рванул на себя ручку. Замок буквально с мясом выдрался из рамы, и дверь распахнулась.

В темном закутке, среди каких-то коробок, узлов, корзин, сжавшись в комочек, сидела... Лаура Дагурова. Лицо у нее опухло от слез. Плакать она уже не могла — только икала.

— Лаурочка! — кинулся к ней Игорь Андреевич.— Как ты здесь очутилась?! Почему?

Девочка, на миг замерев, вероятно не веря в свое избавление, протянула к нему руки. Игорь Андреевич подхватил ее, прижал к себе, стал гладить по голове.

— Дядя Горя... Они... Они сказали, что едем к дедушке... А сами заперли...— старалась как можно быстрее поведать о своей обиде Лаура.

Он, ничего до этого не знавший о случившемся, сразу понял: бедняжку использовали в какой-то жестокой игре.

— Успокойся, успокойся, Лаурочка. Все будет хорошо.

Девочка постепенно стала успокаиваться, дрожь в ее теле проходила.

— Почему девочка у вас?— спросил Чикуров хозяйку.

Но та, ничего не ответив, протянула руку к чемоданчику, лежавшему на диване.

— Прошу ничего не трогать!— прикрикнул Игорь Андреевич.

Довжук замерла, вжав голову в плечи. Валдаев не скрывал радости: наконец-то нашлась и на нее управа.

— Иван Степанович,— обратился к нему Чикуров,— сделайте одолжение, позовите быстренько двух

соседей. Они нужны в качестве понятых. Осмотрим содержимое чемодана.

— Мигом буду здесь!— отозвался старик и поспешил из комнаты.

И действительно, понятые, две женщины, появились буквально минуты через две.

— И еще,— сказал Валдаеву Чикуров.— Телефон-автомат в Москву далеко?

— За углом.

— Пожалуйста, позвоните по номеру...— Игорь Андреевич назвал телефоны Дагуровых.— Скажите, где находится Лаурочка. Пусть срочно едут сюда, мы будем в милиции. Поняли?

— Как не понять!— бодро отозвался Валдаев, повторив номера телефонов и что нужно передать.

— Пятнадцатикопеечные монеты есть?— спросил у него Чикуров.

— Найдем,— похлопал старик по карману и, не забыв победно взглянуть на свою притеснительницу, поспешно вышел.

Его пес с лаем гонял по квартире котов. Те выгибали спины, дыбили шерсть и шипели.

Игорь Андреевич представился женщинам, которых привел Валдаев, объяснил им, что от них требуется, и сказал хозяйке, чтобы она открыла чемодан.

Та, бросив злобные взгляды на Чикурова и понятых, открыла чемодан. В нем сверху лежали детская шубка и меховая шапочка с помпонами на завязках. Игорь Андреевич взял одежду и увидел под ней финский нож и парик.

— Смотрите, смотрите!— впервые с радостной интонацией проговорила Лаура.— А волосы как у настоящего Олега Попова!

Да, дети остаются детьми даже в самой драматической ситуации.

Глядя на длинные, льняного цвета пряди, Чикуров вдруг вспомнил шоссе в Южноморске. Он словно услышал визг тормозов, увидел махину самосвала, прижавшего «Волгу» Асадуллина к обрыву, лицо водителя, мелькнувшее напоследок...

На нем был точно такой же парик.

В чемодане находились еще мужские куртка, костюм и пара сорочек. Составив протокол осмотра, Чикуров попросил понятых подписать его и отпустил женщин.

— Одевайтесь,— сказал Игорь Андреевич хозяйке.— Забирайте чемодан и пойдемте в милицию.

— А чего я там не видела?— огрызнулась старуха.

— Быстрее! А то доставим вас с милиционерами.

Аргумент подействовал. Хозяйка, проклиная всех и вся, надела пальто с норковым воротником, накинула пуховый платок. Игорь Андреевич одел девочку. Прежде чем выйти, Довжук тщательно закрыла на замок квартиру. Кухня и коридор не запирались.

Когда вышли на крыльцо, Лаура вдруг спохватилась:

— А где моя Марта?

— Какая Марта?— не понял Чикуров.

— Какая? Обезьянка,— пояснила девочка.— Дедуля подарил.

— Где обезьянка?— спросил Игорь Андреевич старуху.

— На кухне, в шкафчике,— сквозь зубы процедила та.

— Подождите здесь!— приказал Чикуров и поспешил на кухню.

Плюшевую игрушку он увидел в рассохшемся фанерном шкафчике, но не успел протянуть руку, как с улицы послышался шум подъехавшей машины, а затем раздался срывающийся на крик мужской голос:

— Я же приказал носа не высовывать из дома!

Серафима Игнатьевна что-то ответила, но что, Чикуров не разобрал. Он кинулся к выходу.

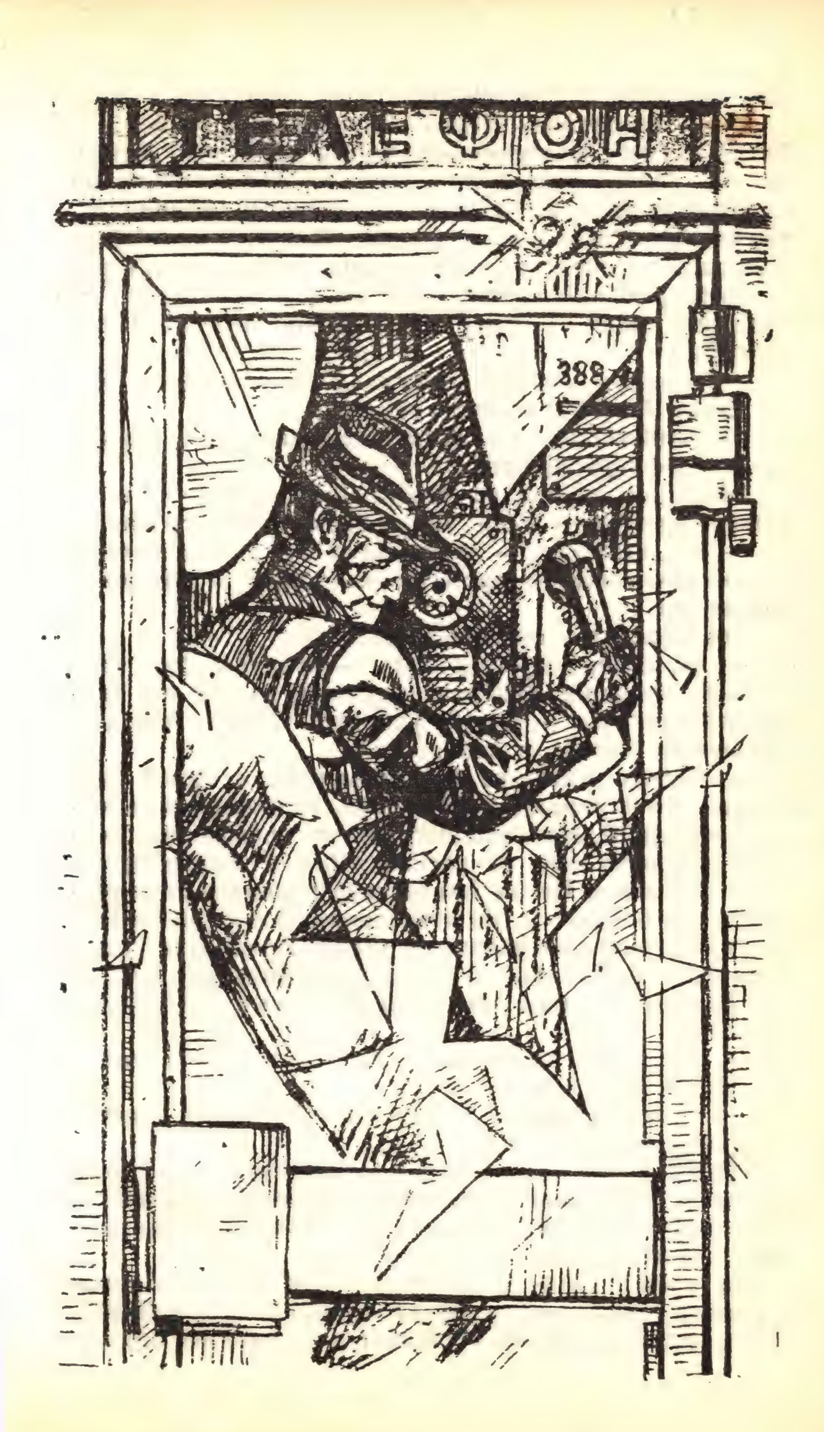
— Гена, сыночек! Не бросай меня, умоляю!..— услышал Игорь Андреевич на бегу голос старухи.

Его оборвал выстрел. Затем хлопнула дверца машины и взревел мотор. Чикуров выскочил на крыльцо. Довжук лежала ничком на грязном весеннем снегу, а от подъезда, быстро набирая скорость, удалялась «Волга» с шашечками.

Лауры нигде не было.

— Стой!— закричал Игорь Андреевич, бросаясь вслед за такси.

Но оно стремительно отдалялось. Чикуров, не останавливаясь, выхватил пистолет, с которым в последнее время не расставался по настоянию Латыниса. Выстрелы разорвали тишину захолустного городка. Попал он в машину с третьего раза. Скат лопнул, машина завиляла, выехала на тротуар и уткнулась в стену длинного одноэтажного здания. Из такси выс-

388

кочили шофер и Генрих Довжук с пистолетом в руке.

— Ставь запаску! Живо!— приказал Довжук водителю, на миг нырнул в «Волгу» и вытащил Лауру, которая была ни жива ни мертва от страха. Поставив ее впереди себя, он присел, спрятавшись за девочку, держа одной рукой ее за волосы. В другой руке Довжук сжимал пистолет, уперев дуло в затылок Лауры.

Перепуганный шофер спешно вытащил домкрат, торцовый ключ и стал лихорадочно приподнимать машину.

— Чикуров, стой!— крикнул Довжук.— А не то...

Игорь Андреевич остановился.

— Приблизишься хоть на метр, размозжу девчонке череп!— орал бандит.

«А ведь и впрямь выстрелит,— промелькнуло в голове Чикурова.— Если уж родную мать угрохал...»

— Ну, шевелись!— прикрикнул Довжук на таксиста, отвинчивающего пробитое колесо, и выругался в три этажа.

Тот заработал еще быстрее.

— Не дури, отпусти девочку,— стараясь быть спокойным, произнес Чикуров, чувствуя, как по его спине струится пот.— Детей убивают только нелюди... Уж лучше стреляй в меня.

— Успею. Даже не представляешь, с каким удовольствием я разрядил бы в тебя, сволочь, всю обойму,— со злорадным сладострастием проговорил Довжук.— Жалею, что не сделал этого в Южноморске.

Вдруг сзади Игоря Андреевича раздался звук тормозов. Он оглянулся. Из остановившейся черной «Волги» выскочили три человека: Ольга Арчиловна Дагурова, ее муж Виталий и незнакомый Чикурову мужчина. Это был старший оперуполномоченный МВД СССР Колосов.

— Лаурочка, доченька!— бросилась к испуганному ребенку мать.

— Предупреждаю, Дагурова: еще один шаг — и пристрелю твою дочь!

Ольга Арчиловна, словно споткнувшись обо что-то, замерла, поняв весь ужас происходящего. Колосов остановился тоже. И только Виталий Сергеевич продолжал бежать к дочери.

— Убью! Убью!— прохрипел Довжук.— Патронов на всех хватит!— Его глаза лихорадочно метались. Видя, что Дагуров не обращает внимания на предуп-

реждение, он что есть силы заорал:— Что, гад, жизнь надоела?! Первым пришью!..

И, отведя пистолет от затылка девочки, Довжук направил его на отца...

В этот момент таксист, поднявший скат, чтобы положить в багажник, вдруг, резко повернувшись, с силой опустил его на голову Довжука. Падая, тот все же успел выстрелить. В мгновение ока возле него оказался Колосов, выбил ногой оружие и навалился всем телом.

Игорь Андреевич подхватил обмякшую Ольгу Арчиловну.

Виталий Сергеевич опустился на колени — пуля пробила ему бок. Но он ничего не замечал, прижимая к себе подбежавшую дочь, покрывая поцелуями ее глаза, щеки, волосы.

«Михаил Пришвин» ошвартовался в Новом порту Палермо около полудня. Столица Сицилии встретила советских туристов ярким солнцем и безоблачным небом. Легкий бриз шевелил кроны пальм на берегу. Пассажиры стали спускаться по трапу. Среди них — Савельева и Киреев. На Капитолине Алексеевне было легкое платье, танкетки на толстенной подошве и летняя шляпа. В руке она держала изящную дамскую сумочку. Донат Максимович был одет тоже сообразно климату: хлопчатобумажные брюки, рубашка с короткими рукавами и сандалеты. На плече у него висела видеокамера «Хитати», которой он изредка снимал свою спутницу, а на шее болтался большой морской бинокль. Пассажиров поджидали экскурсионные автобусы.

— Вы знаете,— обратилась к Савельевой полная дама с огромной сумкой в руках,— я решила брать только колготки...

— Ваше дело,— отозвалась Капочка.

— Рекомендую черные,— продолжала настойчивая туристка.— Крик моды! Я слышала, здесь на дешевых распродажах можно купить пару всего за тысячу лир.

— Извините,— начала раздражаться Савельева,— но это меня не интересует.

— А может, лучше отовариться часами?— маялась сомнениями докучливая туристка.— Моя подруга привезла несколько сотен. Тут стоят гроши, а у нас.

— Господи!— не выдержала Капочка.— Неужели вам не стыдно позорить нашу страну? Здесь столько прекрасных музеев, соборов, памятников, а у вас на уме только шмотки!..

Меркантильная дама фыркнула и полезла в автобус.

Савельева и Киреев демонстративно сели в другой. Колесили по городу минут сорок. Осмотрели массу достопримечательностей, посетили несколько сувенирных магазинов, в том числе и лавочку, где монахини продавали свечи, крестики, иконы и другую церковную утварь. Когда подъехали к старинному храму и советские граждане ступили под его величественные своды, Савельева шепнула Кирееву:

— Самый раз.

Они незаметно вышли из церкви и углубились в лабиринт палермских улочек.

— Ну вот, Донат,— сказала Капитолина Алексеевна, останавливаясь и переводя дух,— мосты, как говорится, сожжены...

— О чем ты?— дрогнувшим голосом произнес Киреев.

— О том — назад пути нет.

— Капочка, дорогая...— умоляюще посмотрел на нее Донат Максимович.— А может, отдадим товар и...

— Домой захотелось?— усмехнулась Савельева.

— Понимаешь, дочь, Настенька...— Киреев осекся под суровым взглядом сердечной подруги и робко закончил:— Они ведь нам не помеха. Да и с долларами, которые привезем, там можно жить не хуже, чем...— Он обвел рукой вокруг.

— Дон, опомнись! О чем ты говоришь!— вознесла очи к небу Савельева.— Не успеешь ступить на родную землю, как на твои белые ручки наденут браслетики. Совсем, совсем другие,— кивнула она на серебряную цепочку, болтающуюся на его запястье.

— Не пори чушь!— зло прошипел Донат Максимович.— Сама могла убедиться: Киреев — крепкий орешек... Откуда у тебя такие мрачные мысли? Вот увидишь, вернемся и..

— Пойми, то, что ты избежал сумки[1],— перебила его Савельева,— был последний твой фарт. Дагурова и Латынис обложили нас со всех сторон.

---

[1] Сумка — место заключения (воровской жаргон).

— У страха глаза велики,— хорохорился Киреев.

— А у некоторых эти глаза закрыты вовсе. Ты не видишь, что творится в стране.

— Ерунда! Помитингуют, покричат, и все вернется на круги своя.

— Эх, Дон, Дон,— покачала головой Савельева.— Я считала, что ты умней.— Она вздохнула и потянулась за видеокамерой и биноклем.— Давай сюда.— Киреев повиновался.— А дальше поступай как знаешь.

Перекинув «Хитати» через плечо и взяв в руки бинокль, Савельева быстро зашагала прочь. Донат Максимович растерянно топтался на месте. В глазах — отчаяние. Видимо, выбор давался мучительно.

— Капочка!— закричал Киреев, когда ее фигура скрылась за поворотом.— Погоди!

Он кинулся вслед, оступился, чуть не упал, побежал дальше. И, нагнав, дрожащим от волнения голосом произнес:

— Капа, милая, я с тобой! Я согласен...

Она расчувствовалась, но ничего не сказала. Только сунула ему видеокамеру и, взяв под руку, решительно потащила вперед.

— А не подведет твой?..— затухали последние отзвуки сомнений у Киреева.

— С чего ты взял?— удивилась Капочка и посмотрела на часы.— Ой, надо поспешать.

Встал вопрос, как добраться до места встречи с итальянским партнером. Но беда была в том, что ни Киреев, ни Савельева не знали языка. Однако им повезло. У одного из развалов с одеждой, обувью, женским бельем не самого высокого класса стояла парочка покупателей. Продавец, лет пятидесяти, с темной курчавой шевелюрой, расхваливал свой товар на русском языке. Подождав, когда соотечественники уйдут. Киреев и Савельева бросились к местному коробейнику.

— Синьор, скажите, это Новые ворота?— обратилась к нему Капитолина Алексеевна.

— Да, новые, синьора,— любезно откликнулся продавец, показывая на старинное каменное сооружение неподалеку, обнесенное несколькими рядами ограждения.— Выстроили специально для суда над мафиози. В этой тюрьме проходил самый грандиозный процесс за всю историю Сицилии. Вот и пришлось достроить...

— Тюрьма?— растерялась Савельева.— А мне говорили, что это памятник архитектуры...

— Простите меня, синьора, простите, я, видимо, неправильно понял ваш вопрос. Я думал, что вас интересует именно это сооружение, туристы часто спрашивают...

— Мы хотели знать, где Новые ворота?— повторила свой вопрос Савельева.

— Да, да, теперь понимаю... Вас интересует действительно наша историческая достопримечательность. Вообще-то, в Палермо было когда-то шесть ворот,— сказал продавец, видя замешательство Савельевой.— Потом построили седьмые и назвали Новыми.

— Вот-вот... Они-то нам и нужны,— с облегчением проговорила Савельева.— Как туда можно добраться?

Продавец вызвался подвезти их на своей машине. Оставив торговлю на молодого парня, видимо, сына, он усадил Киреева и Капитолину Алексеевну в старенький «фольксваген-комби». Откуда проистекали такая любезность по отношению к советским гражданам и знание русского языка, выяснилось по дороге. Синьор Паруйр, так звали уличного торговца, был армянин, вырос на Сицилии. Десять лет назад его потянуло на родину предков, в Армению. Но в советскую жизнь он так и не вписался, вернулся полтора года назад в Палермо. Теперь уже навсегда...

Доставив гостей на место, синьор Паруйр наотрез отказался от платы и, бросив на прощание: «Аривидерчи!», уехал.

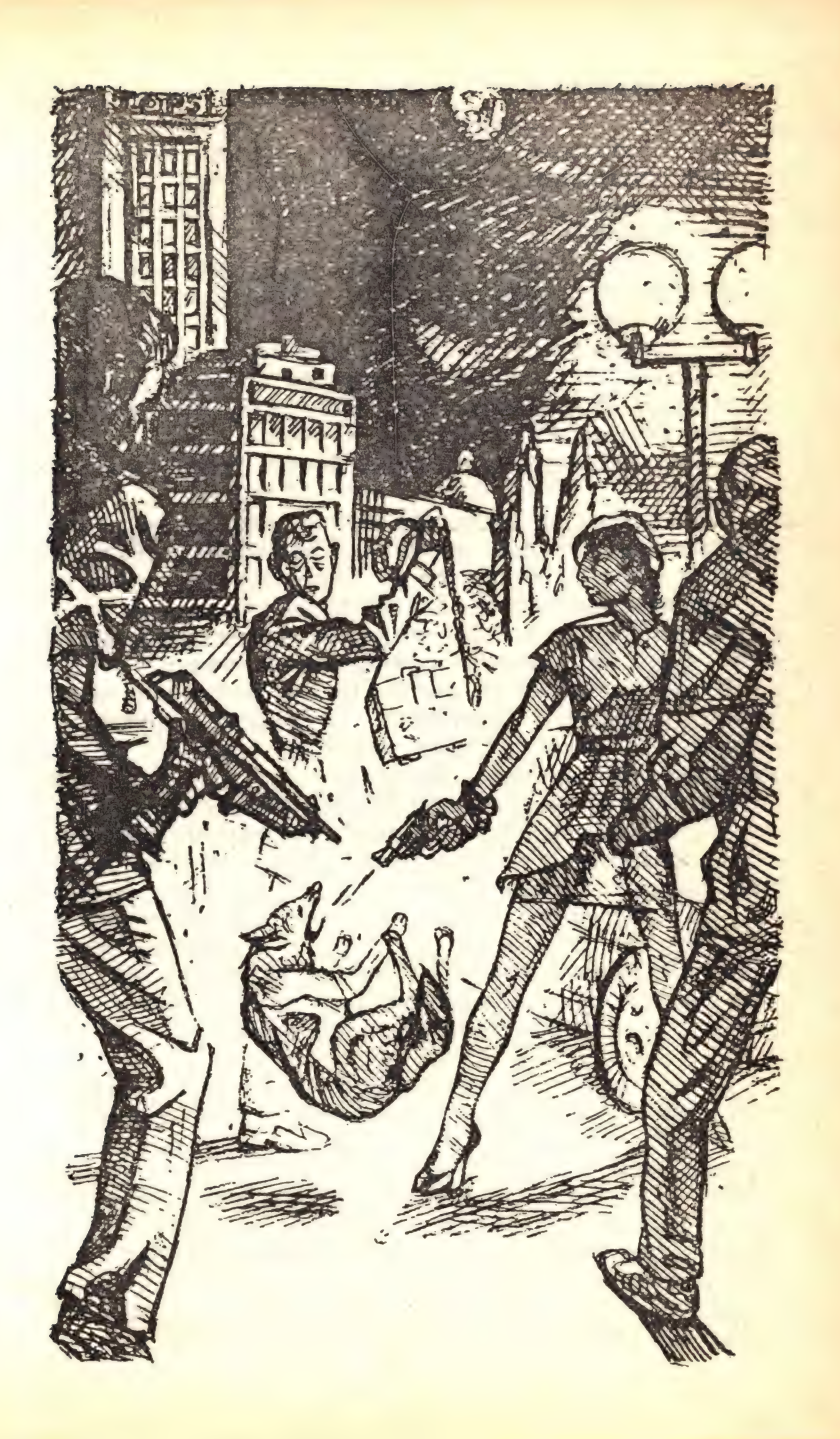
Новые ворота оказались далеко не новыми. Напротив них был не то сквер, не то рощица. Машин и прохожих — совсем немного. Не успели Савельева и Киреев толком осмотреться, как возле них остановился поблескивающий золотистым лаком, словно только что с конвейера, «рено».

— Бон джорно,— вышел из машины улыбающийся мужчина в шикарном белом костюме, голубой рубашке и темных очках.

Это был тот самый господин, который навестил Савельеву в ее мужском салоне красоты в августе прошлого года.

— О, Пьетро! Здравствуй!— вспыхнула радостью Капочка, бросаясь ему на шею.

С трудом освободившись от нежных объятий, итальянец протянул руку Кирееву:

— Синьор Донат?— вопросительно посмотрел он на него и, получив утвердительный ответ, сказал:— Рад видеть в солнечная Италия! Много слышал.— Пьетро вопрошающе оглядел Киреева и Савельеву.— А где?..

— С нами, с нами,— успокоила его Савельева с обворожительной улыбкой.

— О'кей,— довольно произнес итальянец.— Едем в «Гранд отель». Люкс! А скоро, очень скоро будете проживать своя вилла. Прошу...

Он взялся за ручку задней дверцы, но тут к нему обратились двое прохожих, один из которых держал на поводке немецкую овчарку. Пьетро ответил им и со смехом перевел Савельевой:

— У этой бедный пес есть блохи. Ищут собачий магазин.

Но не успел он закончить фразу, как «бедный пес» с рычанием ткнулся носом в Капочкины танкетки, а затем с лаем набросился на Киреева и стал хватать зубами видеокамеру. В одно мгновение Савельева выхватила из сумочки небольшой револьвер, раздался выстрел и овчарка с визгом повалилась на землю.

В это время из-за кустов сквера выскочили несколько человек в штатском с оружием в руках и кинулись к «рено». Среди них был комиссар полиции капитан Франческо Фальконе.

Быстро оценив ситуацию, Пьетро распахнул дверцу, буквально зашвырнул внутрь Савельеву и Киреева, а сам плюхнулся на переднее сиденье. Взревев двигателем, машина рванула с места. Почти одновременно раздался треск автоматной очереди, прошившей бензобак «рено». Прогремел взрыв, и золотистое авточудо врезалось в огромное дерево. А с двух сторон уже подлетали к горящей машине полицейские автомобили, оглашая окрестность воем сирен.

Обо всем этом мне стало известно значительно позднее. А в то время я жил делами своего таксопарка. Он бурлил — готовились к собранию по выдвижению кандидата в народные депутаты СССР вместо внезапно и быстро отозванного избирателями Геннадия Трофимовича Печерского. Незадолго до этого тесть Киреева бесславно покинул кресло председателя горисполкома. В областной газете коротко сообщили: в связи с уходом за пенсию. Южноморцы возмущались — такого прохвоста надо бы судить, а не про-

вожать на «заслуженный» отдых. Однако все это так и осталось дворовыми и кухонными разговорами.

Еще несколько лет назад на предвыборные собрания загоняли силком. Естественно, кому была охота играть роль статистов в заранее подготовленном начальством бездарном и скучном спектакле. Теперь же в зале набилось народу — яблоку негде упасть. Возбуждали, пьянили свобода, демократия. И хотя вроде бы никто не назначал заранее кандидата, все знали, что партком и профком будут проталкивать директора таксопарка Крутикова. На подмогу приехали областные и городские чины.

С ходу взял слово механик Губкин, а затем главный инженер Шагалин, всегда смотревшие в рот своему руководителю и непыльно существующие под его крылышком. Они-то и предложили кандидатом Крутикова, всячески расхваливая его человеческие и организаторские достоинства.

— Пусть растолкует свою платформу!— крикнул кто-то из зала.— Экономическую и политическую!

— Да, Константин Фомич, поделись с народом,— поддержал другой.

Мол, знаем, что такое демократия и с чем ее едят...

Крутиков только этого и ждал. Поднялся на трибуну и стал шпарить по бумажке, суля, в случае избрания его народным депутатом, кисельные берега и молочные реки. И жилье всем, кто в нем нуждался, и изобилие товаров в магазинах, и места в яслях, и повышение зарплаты. Что же касается непосредственно нашего таксопарка, тут Константин Фомич не пожалел грядущих благ. Полное обеспечение запчастями, чуть ли не всем новые машины, а уж о быте и говорить нечего: будет столовая не хуже интуристовского ресторана, профилакторий, сауна...

— Для начала хоть бы умывальник отремонтировали в сортире!— выкрикнул кто-то.

Крутиков, проигнорировав реплику, продолжал кормить народ обещаниями, гарантируя водителям путевки в самые лучшие санатории и турпоездки в разные страны, «вплоть до капиталистических»...

— А почему до сих пор всего этого нет?— раздался голос из задних рядов.

Директор пропустил мимо ушей и эти слова. Когда он закончил, председатель собрания, партийный секретарь, предложил проголосовать за Крутикова.

— Даешь альтернативную кандидатуру!— потребовал кто-то.

— Сначала обсудим эту,— возразил другой.

Посоветовавшись с президиумом, председатель собрания согласился на обсуждение.

Рвались выступать многие, но опередил всех мой напарник Гриша Исаичев, первым добежавший до трибуны.

— Я понимаю так,— начал Гриша,— народный депутат должен двигать перестройку. Во всей стране. А как Константин Фомич будет ее двигать, коли на своем предприятии ничего не изменил?

— Давай конкретные факты,— крикнул кто-то из присутствующих.

— Пожалуйста. Два года пробиваем арендный подряд, а все предложения инициативной группы Крутиков прячет под сукно. А вон в одном таксопарке в Москве, перешедшем на аренду, план выполняется без понуканий, заработки выросли, никаких жалоб от клиентов. А почему? Да потому что ты хозяин машины и своего времени. Факт, товарищи, самолично видел по телевизору.

— Вот именно, только в одном таксопарке,— подал реплику из президиума замначальника нашего автотреста.— На других подряд не пошел...

— Задавили!— зло оглянулся на него Гриша.— Такие, как вы!— И снова повернулся к залу:— Конечно, при подряде многим из начальников делать будет нечего.

— Боятся, захребетники,— поддержали Исаичева.

— Кормушки не хотят лишиться...

Видя, что обстановка накаляется, партийный секретарь обратился к Грише:

— Ваши предложения по кандидатуре товарища Крутикова?

— Против!— рубанул рукой воздух мой напарник.— Категорически!— И сошел с трибуны.

После него слово взял ветеран нашего таксопарка Пономаренко. Он давно был на пенсии, но, состоя у нас на партучете, не пропускал ни одного собрания.

— Товарищи,— начал он,— тридцать лет крутил я баранку такси. Не скрою, были и у нас рвачи, были и хамы. Но то, что творится нынче, просто ни в какие ворота не лезет.

Зал притих, а ветеран продолжал

— Давеча ко мне сестра прилетела, погостить. Старушка, совсем ноги не ходят. Три часа,— он потряс пятерней,— простояла в очереди на такси в аэропорту. Цельных три часа! Брали только со стороны. Уж когда расплакалась, диспетчер сжалился, посадил. Стыдно, братцы!

— А не фантазирует ваша сестрица?— выкрикнули из зала.

— Кабы так,— вздохнул Пономаренко.— Сам позавчера так и не дождался у Центрального рынка вашего брата. Одних деловых сажаете. А что ночью делается?! Самогон, водка из-под полы — пожалуйста. Проститутку — ради бога!

Зал зашумел, засвистел. Но кое-кто поддержал ветерана. Председательствующий еле успокоил страсти и заметил:

— Товарищ Крутиков не может отвечать за каждого нечестного работника.

— Какой же он тогда руководитель!— развел руками Пономаренко.— А еще навострился в парламент! Я бы такого депутата...

Его сменила Катя Балясная. И, не успев взойти на трибуну, громко проговорила:

— Вот что. Я выдвигаю альтернативную кандидатуру.

— Кого?— спросил удивленно председательствующий.

— Захара Петровича Измайлова!— выпалила Катя.

Ее предложение прозвучало как гром среди ясного неба. Меня оно, наверное, поразило больше всех.

— Во дает!— громко сказал кто-то.— Его же разжаловали из прокуроров...

— Из партии исключили,— добавил другой.

— Во-первых, не исключили, а ушел сам,— поправила Балясная.— В знак протеста против несправедливости.

«Господи, откуда ей известно?— мелькнуло у меня в голове.— Ведь ни с кем в таксопарке не делился».

— А потом,— продолжала Катя,— среди народных депутатов СССР уже есть и разжалованные, и исключенные. Я читала, бывший судья, из Куйбышева. Стал грузчиком... Ну а академик Сахаров и вовсе считался недавно врагом общества.

Прежде чем включить мою фамилию в список для голосования, потребовали, чтобы я выступил со своей программой.

Не скрою, здорово колебался: взять самоотвод или...

«Была не была!» — взыграл вдруг во мне боевой дух. Я направился к трибуне и начал так:

— Да, я — бывший прокурор, а теперь водитель такси...

— Как ваша дочь, муж? — были первые слова Вербикова, который вошел в кабинет Дагуровой.

— Спасибо, Олег Львович,— растрогалась вниманием шефа Ольга Арчиловна.— Самое страшное позади. Муж в больнице. Но врачи говорят, что опасности для жизни нет. А Лаурочку дед увез в Грузию Там она быстро отойдет.

— Сильно травмирована?

— Ужас! Боюсь, как бы не повлияло на психику в дальнейшем.— Заметив, что Вербиков то и дело поглядывает на ее прическу, следователь спросила: — Что это вас так заинтересовало? Прическа?

— Да, что-то раньше не замечал, чтобы вы следили за модой...

Дагурова машинально вынула из стола зеркальце и стала разглядывать себя — утром собиралась впопыхах. И только сейчас она заметила в волосах седые пряди. То выбелило их случившееся за два последних дня.

— Это не краска,— вздохнула Ольга Арчиловна.— Это...

— Простите,— пробормотал патрон, поняв, в чем дело. И, чтобы скрыть неловкость, перешел к другому:— Я слышал, Савельеву доставили из Италии?

— Да, вчера, самолетом.

— А Киреева?

— Увы,— вздохнула Дагурова,— он получил сильные ожоги. Итальянские врачи сделали все, что смогли, но спасти его не удалось...

— Когда будете допрашивать Савельеву?

— Завтра. Пусть акклиматизируется.— Следователь протянула Вербикову несколько схваченных скрепкой листов.— Телефакс из Палермо.

Олег Львович ознакомился с документом и улыбнулся

— Вы, можно сказать, пионер в налаживании сотрудничества с итальянской полицией. Хотел бы присутствовать на допросе. Не возражаете?

— Наоборот.

— Значит, устроим перекрестный допрос. Давайте дело, ознакомлюсь с ним обстоятельней...

Савельеву доставили в Прокуратуру республики к одиннадцати часам утра. Левая рука у нее была перебинтована.

На отдельном столике лежали вещественные доказательства. На допросе были применена видеосъемка.

Свою вину в контрабанде наркотиков Капитолина Алексеевна признала. Да и как не признать — взяли с поличным.

— И сколько вы везли в Италию героина? — спросил Вербиков.

— Два с половиной килограмма,— ответила обвиняемая.

— Как его прятали? — задала вопрос Дагурова.

— Вон в тех тайниках,— показала на вещдоки Савельева.

— Пройдите покажите,— попросил начальник следственной части.

Обвиняемая подошла к столику, взяла в руки танкетки с оторванными подошвами и вложила в пустые полости несколько мешочков с белым порошком. Затем подняла закопченную камеру «Хитати», что-то покрутила, и корпус раскрылся. Он тоже оказался пуст. Туда поместилось много мешочков с наркотическим веществом. Остальное вошло в корпус морского бинокля.

Приступили к выяснению, где обвиняемая достала героин, как познакомилась с Пьетро. По словам Савельевой, с итальянцем ее познакомил Ступак — привез к ней в «Аполлон» подстричься. А передал для Пьетро наркотики якобы неизвестный мужчина перед самой посадкой на «Михаил Пришвин». За приличное вознаграждение в долларах. Солидная пачка американских банкнот крупными купюрами — двенадцать тысяч долларов — лежала среди вещдоков.

— Ладно, мы еще вернемся к этому,— сказала Дагурова.— Перейдем теперь к вашему житью-бытью в Южноморске... Вы были там очень известны...

— Известна?— горько усмехнулась Савельева.— Хлеб мне давался тяжко. Ни мужа, ни отца, ни кор-

мильца, ни заступника... Посмотрела бы я на вас, согласились бы вы мыть ноги чужим мужчинам.

— Медсестрам и нянечкам в больницах приходится выполнять и не такое, похуже,— заметила Ольга Арчиловна.— И получают они, по сравнению с вами, гроши. А насчет защитников и кормильцев — вон какие вас окружали мужчины: Киреев, Ступак, Бородин, Довжук, Чураев... Всех не сосчитать. Или вы отказываетесь от друзей?

— В таком случае, все мои клиенты — друзья. В том числе и ваш коллега Чикуров.

— Чикуров скорее жертва. Я же говорю о помощниках, за плечами которых столько страшных дел, что черти в аду и те ужаснулись бы, попади им в руки их души.

— Я вас не понимаю,— нахмурилась Капитолина Алексеевна.

— Сейчас поймете.

...Следователь ознакомила обвиняемую с показаниями Кочеткова, Мухортова, Снежкова, а также Чураева, арестованного несколько дней назад. Дальнейшие показания Савельевой я привожу по протоколу допроса.

«Вопрос начальника следственной части Прокуратуры РСФСР Вербикова О. Л.: Вы принимали участие в разработке и подготовке преступлений, совершенных Киреевым, Хинчуком, Чураевым, Довжуком, Кочетковым, Мухортовым, Бородиным и Снежковым?

Ответ обвиняемой Савельевой К. А.: Не принимала.

Вопрос следователя Дагуровой О. А.: В чем же заключалась ваша роль?

Ответ Савельевой: Я была чем-то вроде почтового ящика, ну, связного. Между людьми, которых вы назвали, и их руководителем.

Вопрос Вербикова: Выходит, это была организованная преступная группа?

Ответ Савельевой: Действительно, организация и дисциплина у них были железные.

Вопрос Дагуровой: Фамилия руководителя?

Ответ Савельевой: С ним лично я не знакома, фамилию не знаю. Мне известна его кличка — Сова.

Вопрос Вербикова: Как вы общались с Совой?

Ответ Савельевой· По телефону. Причем переговоры велись исключительно через третье лицо.

Вопрос Дагуровой: Можете назвать посредников?

Ответ Савельевой: Нет. У шефа длинные руки, а мне еще жизнь дорога.

Вопрос Дагуровой: Следствием установлено, что вы были в курсе дел преступной группы. Расскажите, за что убили директора магазина «Детский мир» Скворцова?

Ответ Савельевой: Через меня Сове передали, что Скворцов написал письмо Генеральному прокурору СССР и попросил встретиться лично. Чтобы рассказать, как у него вымогали взятки работники южноморского ОБХСС. Сова дал задание убрать Скворцова, который в то время сидел в тюрьме.

Вопрос Вербикова: Как осуществили убийство?

Ответ Савельевой: Подробности мне не известны. Помню только, что речь шла о болезни Скворцова — ишемии сердца. Была команда: устроить инфаркт.

Вопрос Вербикова: Но ведь истинную причину смерти нужно было скрыть. Кто этим занимался?

Ответ Савельевой: Судмедэксперт Хинчук.

Вопрос Дагуровой: А за что убрали, как вы выражаетесь, директора магазина «Дары юга» Агеева и его шофера Суслова?

Ответ Савельевой: Как я поняла, Агеев и Суслов раскололись и начали сотрудничать со следствием. Вот, видимо, Сова и приказал: устроить им свидание на том свете со Скворцовым.

Вопрос Дагуровой: Как их убили?

Ответ Савельевой: Автомобиль, в котором ехали Агеев и Суслов, сбил грузовиком Генрих Довжук.

Вопрос Дагуровой: А аварию машины, в которой ехал следователь Чикуров, тоже подстроил Довжук?

Ответ Савельевой: Не знаю.

Вопрос Дагуровой: Вам докладывали о том, что Довжук увел самосвал в день покушения на Чикурова... Помните?

Ответ Савельевой: Да, припоминаю. Значит, авария с Чикуровым — дело рук Довжука.

Вопрос Вербикова: По заданию Совы?

Ответ Савельевой: Выходит, так.

Вопрос Дагуровой: Капитолина Алексеевна, установлено, что преступная группа знала все шаги следователей, которые вели дело, что составляет следственную тайну. Как это становилось известно Кирееву и другим?

Ответ Савельевой: Сведения сообщал следователь Шмелев.

Вопрос Вербикова: Вы хотите сказать, что Шмелев был участником этой преступной организации?

Ответ Савельевой: Вначале Николай Павлович участником не был, а потом стал помогать.

Вопрос Дагуровой: И давно?

Ответ Савельевой: Насколько я знаю, когда Шмелев начал расследовать дело Киреева, с преступниками он связан не был. Сову беспокоило, что он начал глубоко копать. Его решили поймать на крючок. И бог послал такой случай. В это время как раз арестовали Киреева. Тут в областной газете появилась статья «Покой нам только снится». В ней журналист Морозов очень расхваливал Шмелева. Тесть Киреева разозлился, и автора статьи уволили. Но на самом деле корреспондент раскопал истинный клад.

Вопрос Дагуровой: Что вы имеете в виду?

Ответ Савельевой: Шмелев, оказывается, бывший уголовник. Он был связан с неким Павленко еще со времен войны. Тот в сорок втором году дезертировал из армии, а потом сколотил липовую организацию под названием «Управление военных работ». Члены его организации мародерствовали, грабили, наворовали сотни тысяч. При этом Павленко раздавал своим подчиненным звания и награды. Посадили Павленко только в пятьдесят втором году.

Вопрос Вербикова: А при чем тут публикация в газете?

Ответ Савельевой: Вместе со статьей было опубликовано несколько фотографий. На одной из них Шмелев заснят со своим фронтовым другом. Если не ошибаюсь, по фамилии Козлов. В редакцию пришла его вдова, узнавшая на снимке покойного мужа, и случайно напала на Снежкова. Выяснилось, что Козлов и Шмелев входили в липовую организацию Павленко. Они оба также были осуждены. Козлов скончался в лагере, а Шмелева выпустили по амнистии. Николай Павлович скрыл от всех свое прошлое. Узнав о нем, Сова приказал: Чураеву встретиться с Николаем Павловичем и поставить условие — или дружба, или позор на весь мир. Шмелев, как я поняла, испугался и стал помогать.

Вопрос Дагуровой: Чем именно?

Ответ Савельевой: Передавал информацию и учил,

как вести себя с Чикуровым, чтобы уйти от ответственности.

Вопрос Вербикова: Можете привести факты?

Ответ Савельевой: Мне известен только один. Скворцов передал через Ларионова Киреему дубленку для дочери. Бесплатно, конечно...

Вопрос Дагуровой: В виде взятки?

Ответ Савельевой: Считайте, что так. И вот, чтобы вывести Киреева из-под следствия, Шмелев посоветовал Ларионову взять этот случай на себя. Ну, якобы дубленку он взял для своей дочки.

Вопрос Дагуровой: Следствием установлено, что Шмелева убили Довжук и Бородин. Для чего понадобилось устранять Николая Павловича? Тем более после его ухода на пенсию.

Ответ Савельевой: Насколько я поняла, его убили из-за какого-то кольца. Кольцо отобрали у еврейки, эмигрировавшей из страны. А взял кольцо старший брат Ларионова Лев и в знак благодарности за помощь в деле младшего брата подарил перстень Шмелеву. Вам откуда-то стало известно, что он находится у Николая Павловича. Вот тогда Сова испугался, что Шмелев расскажет о своих связях с преступниками, как помогал выкрутиться, и дал Довжуку задание убрать его, а перстень найти во что бы то ни стало.

Вопрос Дагуровой: Вы не знаете, в ограблении уезжающей в эмиграцию принимал участие младший Ларионов, Станислав?

Ответ Савельевой: Такие сведения через меня не проходили.

Вопрос Вербикова: Были случаи, чтобы члены преступной группы ослушались Сову или поступили по своему усмотрению?

Ответ Савельевой: Таких случаев не припомню. Слово Совы было для всех законом.

Вопрос Вербикова: А для вас?

Ответ Савельевой: И для меня.

Вопрос Дагуровой: Итак, вы утверждаете, что главарем преступной организации был Сова?

Ответ Савельевой: Не сомневаюсь.

Вопрос Вербикова: И долго вы морочили голову своим подручным мифическим Совой?

Ответ Савельевой: Почему мифическим?

Вопрос Дагуровой: А потому, Капитолина Алексеевна, что вы и есть Сова. Не так ли?

Ответ Савельевой: Я категорически отрицаю это.

Вопрос Дагуровой: Вам нужны доказательства? Так вот, ваш итальянский напарник Пьетро подтверждает, что вы являетесь боссом, то есть Совой. Прошу ознакомиться с его показаниями».

Прокурор республики Владимир Емельянович Орлов вызвал Вербикова и Дагурову с докладом о южноморском деле. Ольга Арчиловна рассказала о нем, заключив:

— Вчера были взяты под стражу замначальника южноморской таможни, директор гостиницы «Жемчужина России», управляющий стройтрестом. При обыске у всех этих лиц изъяли крупные суммы денег, драгоценности, валюту. Я также настаиваю на возбуждении уголовного преследования в отношении Печерского, тестя Киреева. Но нужна ваша помощь, Владимир Емельянович. Горком стоит за него горой.

— Хорошо,— кивнул Прокурор республики, делая пометку в настольном календаре.— Да, удручающую картину вы нарисовали. Одна из лучших здравниц страны! А что творится! Проституция, наркобизнес, рэкет, грабеж, убийства... Преступники знали каждый шаг милиции, прокуратуры. Таможня для них была буквально проходным двором...

— Я уверен, что группа Дагуровой затронула пока лишь мелких исполнителей,— сказал Вербиков.— Не считая, Савельевой. А самая верхушка мафии...

— Ой, не люблю я это слово,— перебил его Орлов.— Употребляют его по поводу и без.

— В данном случае более подходящего не найдешь,— поддержала патрона Дагурова.— Южноморская свора орудовала по ее законам. Даже изобличенная, под стражей, Савельева придерживается главного принципа — обета молчания. На языке мафии это называется омерта.

— Но ведь она дала показания.

— Савельева — хитрая бестия. Подтверждает только то, что уже рассказали другие обвиняемые. Или признает очевидное... И не выдала ни одного покровителя.

— Вы уверены, что такие есть?— спросил Орлов.

— Абсолютно уверена. Иначе и быть не может. Понимаете, Владимир Емельянович, организованная преступность качественно отличается от неорганизо-

ванной. А чем? Это уже сложный организм... Возьмем, к примеру, дерево. Чем более разветвлены его корни и чем глубже они уходят в землю, тем больше поступает жизненных соков, и оно становится могучим. Так вот, организованная преступность напоминает дерево, но только растущее корнями вверх, захватывая все более высокие эшелоны власти. А в нашей стране условия для этого очень даже подходящие — культура, нравственность и мораль на ладан, можно сказать, дышат.

— Теоретически вы правы. Ну а где факты, доказательства? Конкретные лица, представляющие собой, на языке той же мафии, зонтики?

— Пожалуйста,— выложила следователь веером перед Прокурором республики визитные карточки, изъятые у Вадима Снежкова.— Как вы думаете, с чего бы Киреев и его дружки задаривали этих людей?

— Член коллегии, заведующий сектором,— читал вслух Владимир Емельянович, перебирая визитки.— Член Верховного суда, первый заместитель министра...— Он посмотрел на Дагурову, Вербикова и покачал головой.

— Дальше, дальше,— сказал начальник следственной части.— Есть и генералы, прокуратуры и МВД... Видите, даже они не устояли.

Орлов сложил визитные карточки, помрачнел.

— Их устраивали в лучшие гостиницы, санатории,— продолжала Ольга Арчиловна.— Катали на роскошной яхте. Рекой текло вино, столы ломились от деликатесов. Провожали с дорогими подарками и слали потом еще самолетами, машинами, поездами. Обхаживали не только знатных персон, но их родных и близких. К примеру, Киреев устроил прямо-таки царский медовый месяц в Южноморске сыну Мелковского.

— Это какого Мелковского?— насторожился Прокурор республики.— Который чаще всего пишет о следователях, работниках милиции?..

— Тот, тот,— подтвердил Вербиков и усмехнулся.— Большой специалист по морали и праву.

Он сделал знак Дагуровой, и та протянула Орлову снимок из «коллекции» Снежкова. Рэм Николаевич был снят тайно, на квартире Вадима, в объятиях белокурой проститутки.

— Это насчет морали,— пояснила следователь.— И права тоже. Девчонке, по-моему, не больше четырнадцати лет.

— Ну и фарисей,— брезгливо поморщился Орлов, возвращая фото Дагуровой.

— Он ли один?— сказала Ольга Арчиловна и продемонстрировала еще несколько разоблачительных снимков из той же серии.— Так попадали в сети мафии многие другие влиятельные люди. Становились зонтиками.

— А некоторых даже не нужно было заманивать таким способом,— добавил Вербиков.— Конверт с солидной пачкой купюр, японская видеосистема, строительные материалы на собственную дачу...

— Валюта для загранкомандировок,— присовокупила Дагурова.— Вручали ее там, за кордоном. Савельева имела счета в иностранных банках.

— За наркотики?— уточнил Орлов.

— Да. С этим итальянцем, Пьетро, они имели дело не первый год. Факты говорят о том, что Савельева намеревалась остаться за границей. Ее главный компаньон по наркобизнесу Ступак тоже настропалился за бугор. Если судить по оперативным сведениям, которыми мы располагаем, роли распределили так: Савельева увезла с собой весь героин, что они раздобыли в последнее время, а Ступак должен был прихватить золотишко, камни и валюту.

— Насчет Ступака,— прервал ее Орлов.— Почему он дал показания на Киреева? Свой своего?

— Борьба за сферу влияния. Ступак, как показала его жена, мечтал об одном — спихнуть Сову и самому стать «крестным отцом». Пробным камнем явился Киреев.

— А зачем он занимался извозом? От его-то миллионов?

— Извоз — прикрытие и удобная форма общения с иностранными партнерами. Ведь Ступак на своих шикарных лимузинах возил только иностранцев. А вернее, дельцов от наркобизнеса, желающих продать валюту и прочих...

— Понятно,— сказал Прокурор республики.— Еще один вопрос. О члене-корреспонденте Ляпунове, которого осенью убили в Южноморске. Мне до сих пор звонят из Академии наук и жена. Хотят знать всю правду.

— Лучше бы им совсем не знать,— мрачно вздохнул Вербиков.

— Что так?— вскинул брови Орлов.

— Об обстоятельствах убийства я вам уже докладывал,— сказал начальник следственной части.— А теперь открылись такие подробности... Впрочем, пусть лучше Ольга Арчиловна...

— Как вы знаете,— начала Дагурова,— следствие долго не могло установить личность убитого. А все потому, что человек, к которому Ляпунов втайне от жены приехал в Южноморск и который знал об убийстве, не желал пролить свет.

— По какой причине?— спросил Орлов.

— Не знаю, как и назвать это. Стыд, что ли... Короче говоря, Владимир Емельянович, Ляпунов приехал к некой Эвнике. Настоящее ее имя Евдокия. Эвника — изящнее. Так вот, она — падчерица Ляпунова. Он ее соблазнил в пятнадцатилетнем возрасте...

Следователь замолчала, давая время Прокурору республики осмыслить услышанное.

— Дальше,— попросил нетерпеливо тот.

— Неизвестно, продолжалась ли их связь в этот раз. Но жил Ляпунов у падчерицы. В тот день они вдвоем были в ресторане «Воздушный замок». Все свои документы отчим оставил дома у Эвники. Когда произошло убийство, она растерялась. Пойти в милицию — значит, откроется их некрасивая тайна. Это, конечно, узнает мать, родные... Эвника решила никуда не обращаться. Вот и все.

— Представляю, как будут шокированы коллеги и жена Ляпунова,— покачал головой Орлов.— Его считали чуть ли не святым.— Он помолчал.— Вижу, работы у следственной группы непочатый край...

— Начать и кончить,— ухватился за последние слова прокурора Вербиков.— Для успешного завершения дела, я считаю, нужно подкинуть в группу людей, подключить кого-нибудь из центрального аппарата КГБ. Это просто необходимо! Нити тянутся в Ростов, Москву и другие города.

— Вы правы,— после некоторого размышления сказал Орлов.— Как, Ольга Арчиловна, согласны занять пост главнокомандующего?

— Спасибо за доверие. Но, я считаю, возглавить группу должен другой человек. Тот, кто первым дал верное направление следствию.

Прокурор республики посмотрел на Вербикова.

— Мое мнение такое же,— сказал начальник следственной части.— Надо Чикурова вернуть в строй.—

Олег Львович смахнул со столешницы невидимые пылинки.— А то что же получается? Объявили войну с преступностью, а сами такими квалифицированными кадрами разбрасываемся! Да и пора восстановить справедливость...

— Простите, Олег Львович, о какой справедливости вы говорите?

— Игорь Андреевич вел следствие совершенно правильно.

— Насколько я знаю, освободили его потому, что он связался в Южноморске с какой-то девицей, возил за город, пьянствовал, устраивал с ней оргии, если мне память не изменяет, в голом виде.

— Да ежели бы это было так,— горячо проговорил Вербиков,— честное слово, я бы первым настаивал на том, чтобы Чикурова не только понизили, но и взашей выгнали из органов!

— Но мне показывали фотографии... И рисунок Чикурова той девицы. В чем мать родила. Игорь Андреевич не отказывался...

— Господи ты боже мой,— вздохнул Олег Львович.— Из мухи слона сделали. Та девица — Эвника! Понимаете? О которой только что говорили!— хлопнул по папкам с делом Вербиков.— Профессиональная проститутка. Она из компании Киреева. Это была провокация. Чистейшей воды! А впрочем, как говорится, лучше раз увидеть, чем сто раз услышать. Мы сейчас покажем одну видеозапись, и все встанет на свои места. Если вы, конечно, не возражаете.

— Разбираться так разбираться,— согласился Орлов. Дагурова включила видеосистему и вставила кассету.— А что за видеозапись?

— Добровольно выдал Вадим Снежков, тот самый, что участвовал в провокации против Чикурова,— ответила Ольга Арчиловна.

На экране телевизора возник уютный уголок побережья.

Песчаный пляж, обрамленный огромными причудливыми валунами. Чикуров сидит на земле в одних плавках и что-то рисует в альбоме, отгороженный от всего мира, весь отдавшись творчеству. Рядом с ним аккуратно сложена одежда, а на газете — разрезанный арбуз, кисть винограда, несколько помидоров, чурек, бутылка. Из маленького транзисторного приемника льется негромкая музыка. Чикуров откладывает

альбом, аппетитно ест скибку арбуза с хлебом. Затем встает, потягивается, почесывается — словом, ведет себя как человек, который не подозревает, что является объектом наблюдения. Затем входит в воду и с удовольствием бросается в набегающую волну.

В следующем кадре Чикуров уже на берегу, обтирается полотенцем. Оглянувшись и не обнаружив никого кругом, снимает плавки, выжимает, кладет на камень, а сам растягивается на песке. Он не замечает, что из моря выходит стройная девушка в маске, ластах и с ружьем для подводной охоты. На ней открытый купальник. Сначала даже кажется, что она нагишом. Девушка — а это Эвника — снимает ласты, маску и кладет вместе с ружьем на песок.

В следующее мгновенье Чикуров вскакивает и бросается за листом бумаги со своим рисунком, подхваченным порывом ветра. Увидев девушку, он хватает плавки, прячется за камень, лихорадочно натягивает их.

Когда он поднимается во весь рост, девушка смущенно говорит:

— Простите...

— И вы тоже,— не меньше нее смущен Чикуров.— Я был уверен, что на десять верст вокруг никого нет.

Вербиков повернулся к Орлову и заметил:

— Вот и вся оргия в голом виде, Владимир Емельянович. Конечно, при умелом монтаже...

Орлов остановил его жестом, мол, давайте смотреть дальше...

— Я тоже здесь всегда загораю одна,— продолжала Эвника.

— Извините, не знал, что это ваше место,— начинает собирать свои вещи Игорь Андреевич.

— Да что вы!— поспешно произносит девушка.— Я ведь этот пляж не купила. И раз уж мы оказались вместе, давайте знакомиться. Эвника.

Чикуров некоторое время колеблется и наконец говорит:

— Игорь Андреевич.— Он все еще не пришел в себя от смущения.— Может, арбуз? Боржоми?

— Минералки, если можно.

Чикуров наливает девушке воды в пластмассовый стаканчик и снова ставит бутылку на газету...

— Обратите внимание, Владимир Емельянович,— опять не выдержал Вербиков,— боржоми. А на сним-

ке, что вам показывали, якобы вино. Просто был сделан фотомонтаж...

Орлов молча кивнул, не отрываясь от экрана А на пляже уже шел обыкновенный обмен любезностями, который случается при встрече незнакомых людей. Эвника интересуется, откуда Игорь Андреевич, что делает в Южноморске. Тот уклончиво отвечает: отдыхает, рисует. Он берет в руки альбом и фломастер.

— Вы профессионал?— спрашивает Эвника, наблюдая за ним.

— Любитель.

— Маринист?

— Почему вы так решили? Меня привлекает все прекрасное.— Он оглядывает точеную фигурку девушки.— С удовольствием нарисовал бы вас. Давно мечтал о такой натуре. Жену просил позировать.— Чикуров улыбается.— Между прочим, она тоже когда-то была манекенщицей. Но формы, как вы сами понимаете, уже не те. Возраст, ребенок...

— Я не против,— соглашается Эвника.— Но при одном условии.

— Каком?

— Рисунок с автографом автора — мне. Хорошо?

— Хорошо.— Соглашается Чикуров.

Девушка с удовольствием устраивается на камне в соблазнительной позе.

— Нет-нет,— просит Чикуров,— повернитесь на бок, облокотитесь нл руку. Так будет романтичнее.

...Когда работа заканчивается, девушка спрыгивает с валуна.

— Ну и нескромные у вас мысли,— смеется она, разглядывая рисунок.— Совсем раздели меня.

— Вас?— растерянно смотрит на Эвнику Чикуров.— Даже и не помышлял об этом... Понимаете, вы для меня были чем-то вроде абстрактной модели.

— А нарисовали реальную. Да еще — безо всего...

— Это лишь образ женской красоты. Он не может быть неприличным... Впрочем, если вас шокирует...— Чикуров хочет порвать рисунок.

— Нет-нет, не надо!— останавливает его девушка.— Я так... А нарисовали вы здорово. Подарите? Как договорились. Только с автографом.

Чикуров что-то пишет фломастером на углу листа.

— Вот спасибо!— радуется Эвника и в порыве благодарности чмокает «живописца» в щеку.

— Вот еще один компрометирующий Игоря Андреевича кадр,— сказал Вербиков.— Который, кстати, вам и подсунули...

А экранный Чикуров в это время произносит:

— В качестве дополнительный платы за портрет разрешите воспользоваться вашим подводным снаряжением?

— Ради бога! Вода сегодня прозрачная, как стекло.

Чикуров надевает маску, ласты, берет в руки ружье и входит в море. Эвника с минуту наблюдает за ним, затем направляется к валунам...

— Вот в это время,— поясняет Дагурова,— на Игоря Андреевича под водой было совершено покушение...

— Кем?— спросил Прокурор республики.— С какой целью?

— Одним из членов банды, неким Мухортовым. Бывшим кандидатом в мастера спорта по подводному плаванию. Цель? Психологическая атака.

На экране появляется выходящий на берег Чикуров. Он тяжело дышит, проводит ладонью по щеке, на которой остается красная полоска.

— Что это у вас?— встревоженно спрашивает Эвника.

— Так, ничего,— натянуто улыбается Игорь Андреевич.— Оцарапался о камень.

Он снимает принадлежности для подводного плавания, обтирается полотенцем, надевает рубашку и брюки...

— Отзагорали?— разочарованно произносит девушка.

— Увы, надо быть в городе,— говорит Чикуров.— Желаю вам хорошо отдохнуть. До свидания...— И видя, что Эвника расстроилась, добавляет:— Если вы хотите еще мне попозировать, можем встретиться в следующее воскресенье... На этом же месте. Хорошо?

— Хорошо,— отвечает девушка.— До свидания...

Подхватив альбом, сумку и приемничек, Игорь Андреевич удаляется, даже не глянув на оставленное угощение...

Дагурова выключила магнитофон, вынула кассету.

— Но, как я понял,— сказал Орлов,— отдельные моменты пикника не засняты.

— Есть еще один эпизод,— достала другую кассету Дагурова и вставила в видеоприставку.— Это произошло тогда, когда Чикуров находился под водой...

На экране Эвника. Она подходит к огромному валуну, из-за которого выглядывает мужчина...

— Чураев,— пояснила следователь. — Адвокат. Штатный консультант Савельевой...

— Ну и что? — нетерпеливо интересуется Чураев, стараясь оставаться в тени камня.

— Дохлый номер,— машет рукой Эвника.— Не клюет...

— Придется по-другому...— говорит адвокат и протягивает девушке початую бутылку боржоми.

Эвника, все время поглядывая на море, быстро заменяет ею ту, что оставил среди закусок Игорь Андреевич. Чураев скрывается, прихватив с собой чикуровскую бутылку.

Дагурова снова выключила видеомагнитофон.

— Игоря Андреевича сам бог уберег. В подмененной бутылке находилось сильнейшее снотворное. Можете себе представить, какие бы сотворили преступники фотографии, воспользовавшись его бесчувственным состоянием...

— Для чего Снежков снял эту сцену? — спросил Прокурор республики.

— Для того же, для чего хранил фотографии, компрометирующие будущих покровителей Киреева,— ответил Вербиков.— Подстраховка...

— Все ясно,— сказал Орлов.— Провокация.

Он решительно снял трубку телефона и вызвал своего старшего помощника по кадрам.

На том предвыборном собрании в таксопарке кандидатом в народные депутаты выбрали меня.

Назвался груздем — полезай в кузов. А что такое быть в шкуре кандидата, знают только они сами. Тем более если твоя персона, мягко говоря, не мила местным властям. Власть предержащие умеют создать «благоприятные» условия, чтоб прокатили тебя на вороных. Мытарят с помещениями для встреч с избирателями, привозят на собрания полными автобусами организованное «большинство», освистывающее неугодных, извлекают на свет божий существующие и несуществующие грехи, напрочь перекрывают путь к

газетам, радио и телевидению. Один раз пришлось пробираться к собравшимся послушать меня рабочим через забор. Вахтерам было дано строжайшее указание не пускать меня на предприятие ни под каким видом. Выручали доверенные лица и помощники: Катя Балясная и Сережа Морозов. Тот самый журналист, навлекший на себя гнев тестя Киреева. Кстати, до сих пор парень не восстановлен на работе в редакции.

Меня пригласили к себе крестьяне колхоза «Рассвет», которым я, еще в бытность областным прокурором, помог избавиться от опасного соседства — строительства какого-то экспериментального завода, отравившего бы земли и воду вокруг. Колхозники прознали о моем выдвижении в кандидаты в депутаты и захотели встретиться, чтобы поддержать это выдвижение. Округ наш большой. «Рассвет», можно сказать, на самом краешке. А Крутиков, вопреки закону и здравому смыслу, отпуск мне для встречи с избирателями принципиально не давал. Вот и пришлось лететь самолетом, чтобы успеть обернуться за двое суток.

Когда в аэропорту объявили посадку на рейс, я двинулся к «кукурузнику», стоящему в стороне от многоместных лайнеров. От одного из них, прибывшего из Москвы, тек ручеек пассажиров.

— Захар Петрович! — вдруг раздался знакомый голос.

Я обернулся и увидел Игоря Андреевича Чикурова. Он отделился от толпы прилетевших. С ним — невысокая женщина, тоже в прокурорской форме. В ней я узнал Ольгу Арчиловну Дагурову. Следом двинулся еще один мужчина. В штатском. Его я не знал.

Встреча была столь же неожиданной, сколько и сердечной. Мне представили мужчину по имени и отчеству.

— Наш коллега,— добавил Чикуров.— Из Комитета госбезопасности... Будем вместе.

Я понял: следствие по делу Савельевой и компании вступило в новую стадию. На другом, более высоком витке...

— А вы куда летите? — спросил Игорь Андреевич.

Я коротко рассказал про свои предвыборные баталии.

— Мы обязательно будем голосовать за вас,— сказала Ольга Арчиловна и послала мне воздушный поцелуй.

— Я убежден, что победите на выборах,— сказал Чикуров.— И тогда снова в прокуратуру.

— На белом коне,— улыбнулся чекист.— Ведь следующий год — год белой лошади...

Что я мог ответить им, моим коллегам и доброжелателям? Ведь впереди было столько неясного. И не только для меня... Но оставить без ответа от души идущие пожелания и вопросы я не мог и сказал·

— Поживем — увидим.

Я еще раз помахал им рукой и поспешил к своему маленькому самолету

Февраль — декабрь 1989 г

Качество печати соответствует диапозитивам, представленным издательством.

Анатолий Алексеевич Безуглов

МАФИЯ

(исповедь прокурора)

Художественный редактор — *А. Жданов*

Издательство «Эрго-Пресс»,
113405, г. Москва, Варшавское ш. 152

**Издание осуществлено
при финансовом содействии
ТОО «ОЛМА БУК ТРЕЙД».**

*По вопросам реализации обращаться:
ТОО «ОЛМА БУК ТРЕЙД»
(095) тел. 369-14-46*

***Серия* «ОБОЙМА ДЕТЕКТИВОВ»**

Анатолий Алексеевич Безуглов

МАФИЯ

Художник А. Жданов

Художественный редактор А. Жданов

Н/К

Сдано в производство 07.10.93. Подписано в печать 20.10.93. Формат 84×108/32. Бум. тип. № 2. Печать высокая. Усл. печ. л. 16,4. Тираж 100 000 экз. Изд. № 3/ОП. Заказ 2225. С 004. Издательство «Петрушка». Москва, ул. Давыдковская, 5. Издательство «ЭРГО-ПРЕСС», 113405, Москва, Варшавское шоссе, 152.

Отпечатано с готовых диапозитивов на Тверском ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР Министерства печати и информации Российской Федерации. 170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

А. БЕЗУГЛОВ